

Эдетский Маг

Эдем — божье место со своими законами и запретами. Златовласые божьи дети никогда бы и не подумали о наказании со стороны своего Отца. Слова чёрного адского змея глубоко запали им в души и эдемские братья всё же осмелились на беспредел, воровство, мятеж и наконец вкусили те самые запретные фрукты...

С позором выгнанные собственным Отцом из Эдема, они столкнулись с неизвестными им ранее бедностью, ужасами и смертью. И лишь один Саркис обманул время, обманул Бога-Отца и остался бессмертным. Лишённый любых эмоций, наделённый сокрушительной магией, твёрдой волей и силой духа, этот человек оказывается за миллиарды лет вперёд, громко врывается в Нижний мир и готов поставить его на колени.

Саркис знает свою цель и он будет идти к ней до самого конца, ибо встреча с НИМ предрешена самой судьбой!

Пролог. Сквозь время

Он летел и летел, разрывая время, разрушая законы природы, смешивая прошлое, настоящее и будущее.

Он летел и летел, в окружении мириадом ярких цветов, что перемешивались, сливались, распадались. В ушах свистели тысячи птиц, голову будто бы сдавливало тисками.

Он летел и летел, никогда не думая, что существует такая скорость, способная отринуть всё земное и позволяющая шагнуть через бесчисленное количество лет, сквозь все события и эпохи.

Под его могучим телом, где-то там, внизу, под этим ярким разноцветным ковром раз в миллисекунду покидал мир очередной монарх, князь, простой человек, собака или пробегающая через дорогу кошка.

Всё же ему очень сильно повезло, ибо иного подходящего ситуации слова он и не представлял. Кто бы мог подумать, что съев два плода с Древа он получит проклятия именно двух стихий. Может, судьба наконец дала ему шанс? Сама жизнь прокляла его да так, что позволила подчинить себе саму природу — звучало круто, подстать его натуре.

Всё это не могло быть обычным везением, ибо в такое мужчина попросту не верил.

Голова болела всё больше и больше, разваливаясь на части. Длинные чёрные волосы развевались в разные стороны, да так развевались, что иной раз их было не видно в этой карусели из скорости, ярких цветов и ужасного спёртого воздуха.

Сделавшись единым не просто с воздухом, а со светом, он всё летел и летел, удивляясь, как его тело не успело загореться. Вероятно, это всё из-за этих проклятий.

"Черт, всё же мне очень повезло. Я был последним, кто откусил те плоды. Кто бы мог подумать, что в один вечер всё закончится? Что нашим обычным жизням настанет столь скорый и обидный финал? Будучи бессмертными, всегда юными и прекрасными мы и не думали, что любой вечности приходит конец. Но чтобы он пришёл так скоро, да ещё из-за НЕГО?... Брат, где бы ты ни прятался, чтобы ты ни делал, моя твёрдая рука опустится на твою жалкую голову. Я знаю, что твоя плоть и через миллион лет будет жить и процветать. Ты не дашь смерти забрать себя. Я знаю тебе такое множество лет, что просто не смею ошибаться!"

Мужчина со скрипом сжал кулаки и незаметно для самого себя прикусил губу, заставив тонкую струйку крови вытечь из своего разбитого сосуда.

Мысли не собирались вместе, будто чувствуя гигантский поток времени, что преодолевало тело. словно кучка муравьёв, они разбежались в разные стороны, лишь бы не пропасть окончательно.

Обычно суровое лицо этого человека сейчас выглядело удивлённым и даже потрясённым — настезь распахнутые звериные глаза, трепещущая кожа, будто попавшая под неимоверно сильный ветер, чёрная плотная куртка, штаны, цвета вороньего крыла, подпоясанные железным ремнём, на пряжке которого красовался свирепый скалившийся волк.

Абсолютно каждый человек такое путешествие пережить был не в состоянии, что косвенно указывало на сильный характер, могучее телосложение и стойкий непоколебимый дух летящего сквозь время.

У него была цель, а у цели был он. Скованные по рукам и ногам, жить они могли лишь

вместе, бок о бок, плечом к плечу, как самые близкие друзья. Никакой поток времени, никакие смерти внизу, никакой, невольной пробуждающийся страх перед неизведанной природой не могли остановить мужчину. Эти жалкие причины могли вызвать лишь улыбку, так редко появляющуюся на его северном суровом волчьем лице.

"По прибытии, лишь бы память не отшибло. Цель в одной руке, имя в другой. Нос вздёрнуть к небу..."

Саркис действительно никак не мог уразуметь в своей голове наличие такого полёта в природе. Даже представить было сложно, что можно совершить один шаг и оставить позади людей, города, страны и историю.

В глазах всё поплыло. Из уголков проступили серебряные слезинки. В обычный день Саркис бы непременно хлопнул себя по голове своей огромной ручищей или же позволил руке поднять огромный камень и шмякнуть им о свою выпяченную грудь. Он считал слезы уделом слабых, глупых и немощных. Однако сейчас, в окружении некоего светового безумия, чернящий богатырь мог лишь прикрыть глаза, чувствуя бешеный поток вокруг своего тела, что позволял Саркису оказаться в будущем, сохранив бессмертное, сильное и прекрасное тело.

Даже это невиданное цветное мельтешение потихоньку становилось в один ряд с привычными явлениями. Человек — удивительное существо. В отчаянной ситуации он адаптируется к любым вещам, что раньше могли казаться ему нереальными, странными и даже где-то безумными.

Саркис даже не понял, когда всё завершилось. В один момент, словно по щелчку пальцев неведомого бога, всё остановилось. В глазах — темень, в ушах — непрекращающийся звон, сердце стучит так сильно, что непонятно как оно ещё осталось в грудной клетке.

Так же внезапно, как завершилось безумное перемещение, Саркис отрубился, рухнув на холодный каменный пол. Его волосы ковром накрыли грязный гранит, а в нос пробился запах земли и грязи.

Вот он и здесь. В неизведанном мире за миллиарды лет вперёд. Даже сквозь тьму были видны его сжатые руки. Одна была его целью, другая — именем. Этого будет достаточно для встречи с НИМ! Саркис знал это настолько хорошо, насколько хорошо знал ЕГО...

Богатырь погрузился в вяло текущий сон, не думая, что очнуться ему придётся в месте настолько тёмном и неприятном, что он успеет послать куда угодно и этот разлом времени, и это дрянное перемещение, и этого беспощадного божка, что обрёл их всех на такую участь.

Глава 1

Сказать, что Саркису не повезло, ровным счётом не сказать ничего. Пройти невредимым сквозь само время — это конечно круто и действительно заслуживает уважения, однако попасть бы ему в другое место, более приветливое и дружелюбное, знакомство с миром может получиться бы намного более правильным и обыденным.

Мужчина очнулся не сразу. Его затуманенное сознание приходило в себя медленно, поэтапно, за что Саркис был лишь благодарен. Даже спустя долгий скучный час после пробуждения, его сердце, словно маятник, продолжало стучать и стучать, громко и размеренно.

Вокруг стояла тишь. Лишь иногда слышался смелый шорох лапок по обтесанному каменному полу. Такой гулкой и отчётливый, разрывающий эту мертвенную загробную тишину.

Саркис впервые мог пожаловаться на боль. То, как болело всё тело, как ныли ноги, как выли лёгкие, такого чернявый богатырь не испытывал уже добрые три тысячи лет.

Он улыбнулся, раскрывая свои жёлтые всепроникающие звериные очи, однако в такой тьме даже его зрение подводило. Самая тёмная тьма, которую он мог только представлять в воображении, сейчас обступила Саркиса со всех сторон, образовывая вокруг его многострадального тела прочную металлическую клетку, такую тесную и ужасную, что он даже усмехнулся. Саркис любил трудности. Это был его самый главный конёк. Что может быть интереснее, чем справляться с трудностями?

Полежав ещё с пол часика и убедившись в неизменности этого места, мужчина всё-таки решил понять где он, что он, как изменился мир, и найти ответы на все прочие вопросы, что сильно волновали его разум. О боли, терзающей его несчастную плоть, Саркис и думать забыл.

— Черт со всем этим... Я предчувствую небывалую забаву. Надеюсь, это место не разочарует меня? — Саркис громко рассмеялся, с удивлением подмечая изменения в своём голосе. Всё же некоторое количество времени прошло даже для его бессмертного тела и таких чудес прожитых лет ему придётся находить всё больше и больше.

— Да и хрен с телом. Я не дурак, чтобы надеяться на нормальный исход после таких приключений. Подобные сказки лишь старые бабы на ночь рассказывают. Плевал я на своё тело, плевал...

Совсем скоро Саркис осознал, что он был в этой тьме далеко не один. Где-то там, в густом мраке, кто-то находился. Мужчина ощутил это и на миг его дыхание замерло. Саркис прислушивался к каждому шороху и пристально вглядывался в темень, постепенно различая неясные очертания. И что хуже всего, эта тварь была рядом, буквально в пяти шагах.

— Значит я всё это время общался не с одними голыми стенами и темнотой. Отзовись, кто ты и где мы находимся.

На властный голос Саркиса отвечала лишь темнота и мужчина продолжил:

— Даже если ты мне ничего не расскажешь, будь уверен — я встану на ноги и к чертовой матери разнесу эту хибару. Я получу знания любой ценой, даже без твоего никому ненужного жалкого голоса.

Долгое время стояла тишина. Время от времени слышались шорохи и шепуршания, и к несчастью они раздавались сразу со всех сторон, будто от множества молчаливых людей,

обитающих в этой сырой, противной, глухой, тёмной темнице.

Внезапный голос из темноты был глух и стар. По телу Саркиса прошла лёгкая рябь. Он уже и не ждал речи обычного человека, а услышав её, пришёл в лёгкий мимолётный ужас:

— Буквально минуту назад на том месте никого не было. Как ты там оказался, брат? — голос совершенно точно принадлежал старику, древнему, как век. Говор был неспешный и чёткий. Саркис сразу для себя подчеркнул, что говорил с человеком довольно образованным, мудрым и наверняка занимающим какой-то высокий пост или же чин. Но что такой почтенный человек мог делать здесь, в такой темноте, в окружении молчаливых обоссанных ублюдков?

Сыро, мерзко, гадко, противно, аж нос воротит... Саркис тут же захотел поскорее убраться отсюда, лишь бы не чувствовать и не думать обо всём этом.

Богатырь опёрся на руки и потихоньку поднялся на нетвёрдые вялые ноги. Его шатало, как типичного деревенского пьяницу, и Саркис ударил себя кулаком, встряхивая своё шаткое вялое тело.

Вроде как взбодрившись, он стал пристально вглядываться вперёд, постепенно различая окружающий пейзаж. Казалось, он и забыл о старике, что терпеливо ждал ответа, сидя пятой точкой на сыром камне.

— Куда же меня занесло? Какие черти построили всё это? Неужели прав был бог, лишивший этих тварей бессмертия?

Саркис оглядывался по сторонам и с каждым разом ужасался всё больше.

— Жестоко, не правда ли? Кто бы мог подумать, что люди могут быть такими злыми, жалкими и жадными. — сказал старик монотонным голосом.

Саркис вновь окинул взглядом всё то, что скрывала тьма, и тяжело выдохнул. Грудная клетка медленно вздымалась и опадала, вбирая в себя сырой воздух, витавший среди огромных многочисленных клеток, в которых оказались все эти голые, дохлые людишки, сидящие и ждущие своей скорой смерти, а может уже её и дождавшиеся...

Рядом с Саркисом, в углу, прижимаясь к толстым металлическим прутьям, сидел древний старец, облачённый в невесомую голубую накидку, прикрывающую щуплое, дряхлое, костлявое тело. Впалые глаза, сдувшиеся щёки, но даже вся эта дряхлость не мешало улыбке старика.

— Скажи, какая мразь кинула вас в эту тюрьму? За какие такие грехи она решила уничтожить всех этих людей?

Старик затрясся от смеха, всё крепче и крепче сжимая в руке старый иссохшийся сук, что служил ему опорой.

— За какие грехи? Здесь нет ничего нового. Все мы, — старик распростер руки, указывая на толпы людей, смиренно лежащих на полу и на первый взгляд банально имитирующих трупы. — абсолютно все мы перешли дорогу влиятельным людям, тварям с правительства, ничтожным архимагушкам, что только и могут припевающе жить на награбленное у людей золотишко... Мы все тут за честность, справедливость, чистые сердца и непоколебимый дух. Они никогда не поймут таких, как мы.

Саркис был не удивлён. Люди были такими всегда, что в Эдеме, что в этом Нижнем мире.

— Все самые честные, умные и амбициозные люди заточены в таких местах и так было всегда, везде и во все времена. — продолжил старец, почесывая свою всколоченную грязную бороду. — Думаешь, что таким как нам место в лживом и жестоком мирке? Нам нет места

ни в нём, нет и в этом проклятом подвале, глубоко под землёй... наших мест и вовсе нет, ибо мы не хотим подстраиваться под страшную жестокую действительность.

Все эти люди, что лежали в лужах своей собственной мочи, дохлые, нагие... Им и вправду тяжело досталось за их веру в хорошее.

— В лучшие времена я бы посочувствовал всем вам, послушал бы ваши истории и попробовал бы ими проникнуться, однако меня сейчас интересует другое. Как отсюда выбраться? Кто-то уже пробовал?

Старец удивлённо возрился вперёд, уставившись на то место, где предположительно стоял Саркис. Проклятушая тьма делала зрение абсолютно бесполезным, отчего старик в душе не понимал, куда именно следует пялить свои выпученные глаза.

— Ох, выбраться? Мы и не пробовали. Это в принципе невозможно. По крайней мере с нашими возможностями и нашими то силами... — этот тяжёлый выдох... Старец точно прошёл через многое, и вряд ли это «многое» было радостным, безмятежным и счастливым. — И ты, и я, и мы все обречены быть заточенными здесь.

Саркис рассмеялся, весело потягиваясь в разные стороны. Перед штурмом всё же стоило хоть немного придти в форму, почувствовать тело и попытаться ощутить хоть медленный, но верный поток маны.

— Знаешь как говорил мой отец? — Саркис похрустел костяшками пальцев, готовясь к атаке. — Если выхода нет, его всегда можно проделать самому.

— Мудро, ничего не скажешь.

Богатырь ещё больше заулыбался, зная, что человеком, сказавшим это, был сам бог...

— Старик. Перед тем, как нам придётся порушить эти котаккомбы, скажи мне кто ты такой и почему находишься здесь.

Ответом Саркису послужило мертвенное молчание.

— Если не хочешь говорить, то это твоё дело...

— Я был на должности архимага. Заведовал делами крупной башенной гильдии, ты должно быть слышал про них.

Ни о чём таком Саркис не знал, но не этот факт встревожил его сердце.

— Ты из самой верхушки?

Архимаг повертел головой, прикрывая свои уставшие от темени глаза.

— Нет. Я был одним из пяти великих магов, что входили в состав одного крупного мирового Ордена. И как ты понимаешь, дорогу я умудрился перейти самому вышестоящему.

Наступила неловкая пауза. Каждый думал об одном и том же. Богатырь всё же решился открыть старику свои мысли, такие очевидные и простые, но до жути верные.

— Все эти люди, что голыми распластались на этом чертовом позеленевшем сыром полу, знают, что именно такие как ты ответственны за их заточение?

Саркис попал в точку и у архимага проступила небольшая слеза. Всё было так, как сказал чёрный незнакомец.

— Конечно я раскаиваюсь перед всеми этими людьми. Нам, людям, свойственно ошибаться и меняться. Попав сюда, наблюдая их иссыхающие тела, я стал понимать, как был не прав, смотря на них с высоты собственного успеха... Забыться так легко, а понимание — всегда тяжело.

Саркису даже стало жаль архимага, за что он в очередной раз ударил сам себя. Он ненавидел жалость к другим. Саркис был не из таких бесхребетных созданий.

— Старче, пододвинься немного. Не хочу, чтоб твою архимагскую старческую жопу

обуял огонь.

Старик и впрямь прижался к стене, противной и воняющей чем-то гнилым и сырым.

Саркис перевёл дух, концентрируясь на циркуляции маны в теле. Он точно чувствовал эту бурлящую силу. Она наполняла всё его тело, текла, что невесомый ручей меж гор.

— Архимагушка, сейчас будет огромный "бум". Прошу аплодировать заранее.

Старик не издал ни звука, схватившись своей морщинистой рукой за длинную бороду.

Саркис знал, что его сила свирепа и могуча. Всё знал, но и подумать не мог, насколько она была убойной.

Мана аккуратно потекла к зажатой руке. В миг сделалось щекотно, да так, что руку хотелось драть и драть, сдирая кожу и обнажая белёсые кости. Саркис как всегда сдержался, лишь немного улыбнувшись. Конечно, мана требует привычки и навыков. Ничего просто так не даётся никому и ни за что. Упорство, труд и практика, и начало этой жесточенной тренировке он положит прямо сейчас!

Эти прутья были так близко. Ровным рядком, словно стройные деревья, они шли и шли и казалось этому строю нет конца. Достаточно уничтожить парочку таких толстых исполинов и путь на свободу будет открыт.

Сжатая в кулак ладонь тихонько зашипела, превращаясь в настоящую индийскую кобру. Пламя, поначалу аккуратно лизавшее его пальцы, постепенно перекинулось на весь кулак. Распустившись, словно невиданный яркий цветок, оно взъярилось, что лев перед атакой, и прочертило широкую дугу, ложась прямо на ровный строй.

Ударная волна пронеслась по всему этажу, разбросав голые дохлые тела по всей округе. Пламенный цветок распустился и взорвался мириадами искр, разрывая прутья на мелкие металлические щепки.

На миг стало светлее, чем днём. Казалось, что само солнце спустилось на землю и противно ослепляло своим светом.

Жар ударил в лицо Саркису, а ветер растрепал его длинные чёрные волосы. Богатырь, с широкой ухмылкой на лице, наблюдал за этим ярким обжигающим пламенем, что неслось сквозь прутья вперёд, прокладывая дорогу сквозь все эти клетки, держащие людей взаперти.

Позади себя Саркис слышал аплодисменты от архимага. Звучные, бодрые и смелые. Эдемский маг был рад поддержке, особенно со стороны пожилого знатного архимага. Его помощь точно могла пригодиться, значит выбираться он будет с дедом за ручку.

Столб пламени на бешеной скорости врезался в стену, дробя её на маленькие заострённые зелёные камушки.

Свет прекратился, оставив лишь несколько отсветов бывшего пламени, что пожирала камень, прутья, что пожирала клетки, не позволяющие людям продолжать свои жизни.

Одна прядь рухнула на широкую грудь, и Саркис наконец заметил — она была полностью белой, старой и потрескавшейся. Переход сквозь время не мог пройти идеально и его редкая белая проседь была тому самым главным подтверждением.

Грохот потихоньку смолк, будто зверь, уставший бесконечно долго рычать. Тишина снова вернулась, делаясь полноправной хозяйкой этого места.

— Bravo! Bravo, ваша сила воистину не может не впечатлять. — архимаг захолопал, то и дело разрываясь задорным смехом. — Кто бы мог подумать, что такой яркий огонь можно высвободить даже не пользуясь книгой заклинаний.

Саркис по-царски величественно повернулся, окидывая старца пристальным взглядом.

— Книга заклинаний? А самим кастовать сил не хватает? — если честно, Саркис не

знал сути этой книги, но хотел показаться крутым, тем более перед одним из пяти величайших башенных чиновников.

— А я смотрю ты крутой маг... Скажи, как ты тут появился? Я знаю имена всех заточенных тут: Дэн, Флойд, Габриэль, Амадо, тёмная Джесс, знаменитая террористка, Анабель...

Глаза старца были умны и спорить с этим фактом было равносильно попытке покинуть это место, не пользуясь книгой заклинаний. Саркис не торопился делиться своими секретами. Да и рассказывать всё как есть было опасно для умов людей этого мира. Они ведь могли найти врата в Эдем... Старик точно не должен ничего прознать, тем более человек такого уровня силы...

Саркис сделал тяжёлый шаг вперёд, пристально следя за старыми тонкими руками, густо покрытыми сетью набухших вен. Архимаг уверенно ждал чего-то и его губы двигались, перечисляя всех людей, попавших в заточение.

Как же он был внимателен... Ни одно движение Саркиса не обходилось без его пристального наблюдения. Рука сжала высохший потрескавшийся сук с ещё большей силой, а шея ощутимо напряглась.

Шаг, другой, третий.

Архимаг выцеливал любой выпад, но продолжал непоколебимо сидеть на своём месте. На лице всё та же обреченная маска, кустистые брови не шевелились, превращаясь в подобие статуэток.

Ему и вправду не страшно? Но Саркис чувствовал волнение, обуявшее деда...

Настоящий профессионал, без тени сомнения гений. Использовал ману наиболее правильным способом. Наверняка какая-нибудь магия обмана. Он же точно не может быть таким спокойным и равнодушным. А может ему действительно не важна жизнь? Может он готов принять смерть гордо выпячив грудь?

Чёрные высокие ботинки размеренно отстукивали свой ритм, что эхом разносилось по всему этажу. Всё ближе и ближе смерть подступала к архимагу, но тот продолжал сидеть на месте. Непокколебимый, сильный, знающий...

Саркис отвёл руку в сторону, приготовившись к удару. Его кулак нёсся, словно астероид. Одно мгновение и от архимага не останется и костей. Пламя пожрет каждый миллиметр его старой плоти.

Свист оглушал... Так глубоко проникающий в уши смертельный последний свист.

Старец даже не прикрыл глаза. В упор смотря на летящую смерть, он ждал удара, что сможет прервать его жизнь.

Лицо старика по-прежнему было без эмоций, даже когда кулак остановился у самого крючковатого носа, прекратив свой стремительный полёт.

— Скажи, архимаг, ты боишься смерти? — Саркис играючи улыбнулся, смотря на невозмутимого старика.

— Конечно я боюсь, как и все обычные люди. Смерть — это конец жизни. Её неотвратимый горький финал. А кому может захотеться, чтоб всё в один момент завершилось, будто бы по щелчку пальцев?

Кулак потух и отхлынул от лица архимага. Саркис был доволен ответом. Ему сказали правду да и дед прошёл проверку на стойкость и силу.

Богатырь отвернулся и его волосы аккуратно легли на спину.

— Идём со мной, ты мне подходишь по духу. Честный, смелый, умный, рассудительный

— мы точно будем полезны друг для друга.

Старик рассмеялся своим скрипучим голосом и неуклюже поднялся на ноги. Его шатало и трясло, но маг держался настолько стойко, насколько только мог.

— Перед тем как мы пойдём, я бы хотел узнать твоё имя. Это меньше, что я мечтал бы услышать.

Богатырь не удостоил его и взглядом, но произнёс своим властным голосом:

— Моё имя Саркис.

Архимаг кивнул, явно удовлетворённый ответом. Маленькое круглое лицо, густо покрытое прыщами, еле держалось на тонкой шее, дряблые ноги скребли по полу, а руки держались за старый сук. Архимаг без единого сомнения последовал за Саркисом.

— Маг, ты готов? Нам предстоит подъем.

— Я готов, лишь бы покинуть это ужасное место. — ответил старец, складывая руки вместе.

— Тогда давай покажем им, чего стоят обычные люди.

Два мага шли в окружении разрухи, остатков ярко горящего пламени, раскиданных тел, некоторые из которых были на части разорваны ударной волной.

Где-то далеко, в недрах этой круглой башни, слышался топот множества ног. Маги стояли перед винтовой лестницей, что вела куда-то ввысь. Факелы ярко освещали путь, что терялся где-то в далёкой-далёкой полутьме.

Рука ярко вспыхнула, ярче любого факела.

— Интересно, смогут ли эту башню собрать после нашего подъема? Или ей будет суждено оставаться в руинах? — Саркис зло рассмеялся, смотря на свою горящую руку.

То было начало его тернистого пути. Пути, в конце которого его ждала встреча с НИМ.

— Любимый брат, жди меня.

Винтовая лестница была даже чересчур длинна. Уходящая ввысь, вся шаткая и неустойчивая, по ней предстояло ещё взойти.

— Черт — сквозь зубы прошипел Саркис. — Какой же это этаж?

Старик, что неспеша плёлся сзади, тихо ответил:

— Не могу сказать точно, но находимся мы очень глубоко. До первого этажа как до неба.

Саркис смог унять злобу, сосредотачиваясь лишь на подъёме. Какая бы трудность перед ним не стояла, он точно справится. Он всегда был таким и не собирается предавать свои идеалы.

Единственное, что смущало — отсутствие какой либо стражи. Особенно учитывая то, насколько ценными были все те пленники.

— Те люди — может возьмём их с собой? Негоже оставлять их здесь одних на растерзание кучки зазнавшихся магиков.

Архимаг кашлянул в кулачок и ответил, почти шёпотом:

— Если бы мы могли их взять, я бы воспользовался этой возможностью.

Их шаги гулким эхом разносились по всей башни. Она была высоченная, гораздо выше, чем Саркис её себе представлял.

— Подожди... Все эти голые, дохлые люди... Они мертвы?

Шаг за шагом два мага оставляли за спиной всё больше старых потёртых каменных ступеней, и с каждым таким шагом в Саркисе крепла уверенность.

Чёрные ботинки, ещё недавно до блеска чищенные, покрылись этой пылью, что вековым ковром осела на ступенях.

— Я единственный из всех, кто смог выбраться оттуда живым. Нас даже не кормили... Просто бросили на растерзание темноте и голоду.

Молчание сохранялось довольно приличное время. Грязный спертый воздух начинал сдавливать горло, и Саркис по-прежнему слышал топот и шебуршания.

Маг очень надеялся, что этот звук покинет их уши как только они выберутся из той клетки, однако всё оказалось в разы хуже. Это всё так взволновало Саркиса, что он присоединился к этой необычной игре. «Кошки-мышки» или же «Слови двух магов» — такое было ему по душе.

— Мог сказать сразу, что они мёртвые и издавать шорохов при всём желании не могут... Я бы сам тогда диктовал правила, но теперь всё позади и придётся играть как они того захотят.

— Э... О чём ты?

Выныривающий из тьмы факел дрожащим светом обрисовал испуганную голову архимага. Пот неспеша стекал с его лба, а руки и ноги дрожали, словно у больного эпилепсией.

Маг без книги заклинаний, судя по законам этого необычного мира, являл собой крайне убогое и постыдное зрелище, особенно учитывая статус и силу этого архимага.

— Ты чего трясёшься, что девка в брачную ночь? Не обмочись по пути, лесенка то длинная.

Старик не оценил шутку и вновь вздрогнул всем телом. Его уши, даже сквозь призму

старости, улавливали топот множества ног за своей сгорбленной спиной. Такие же шумы два эти мага наблюдали на своём этаже, рядом со своей собственной клеткой, а значит...

Старик неожиданно засеменял ножками и спустя время бухнулся в твёрдую, словно крепость, спину чёрного богатыря. Дохлая маленькая полысевшая голова была крепка, этого у архимага было не отнять. Саркис рассмеялся и стал взбираться ещё медленней, приведя старикашку в полное отчаяние.

— Прошу, пусти меня вперёд! Умоляю, я столько ещё не сделал.

Благо лестница была настолько узкая, что самому опередить Саркиса у старика не было ни единой возможности. Да и зияющая пасть по левую руку была не менее страшна, чем топот за спиной. Ещё бы эти башенные маги тратили время на какие-то предохраняющие перилла... для таких беглецов лестница и была узкой, опасной и тёмной.

С самого начала игра с двумя магами шла даже чересчур хорошо. Умная стража, которая в бою была, что дед без книги заклинаний, с умом сделанный выход из тюремных камер, хитрость самой стражи и её количество — преследователи были подготовленными и вот-вот намеревались совершить удар.

Но именно подобные игры со смертью приводили Саркиса в экстаз. Эти испытания, сложности, хитросплетения заставляли улыбку не сходить с его сурового лица. Лишь в одном все эти магии просчитались — они не подумали, что будет маг такой силы, как он, да ещё и пользующийся своей маной без различного рода артефактов.

Архимагу всё же пришлось плестись сзади, словно непослушная собачка. Как бы он не пытался обойти этого статного мага, на успех нельзя было и надеяться. Сглатывая, старик всё шёл и шёл, чувствуя понёсшееся вскачь дыхание.

— Саркис, они же... Они идут толпой за моей спиной. Умоляю, пусти старого вперёд, не бросай меня! — архимаг молитвенно сложил руки, чувствуя капающие слёзы. На каком высоком посту, а сам немощный и жалкий... Аж тошно думать об этом!

Саркис неожиданно остановился. Стискивая зубы, пытаясь избавиться от злобы, он повернулся и со всей силы ударил архимага, мощно впечатав его в стену. Старик закричал и схватился за протаранный бок, пытаясь на шатающихся ногах не сигануть в тёмную пропасть.

— Не смей быть таким слабаком. Продолжай идти, а не стонать, как жалкая тряпка.

Потерев бок, архимаг закрыл лицо своими потрескавшимися старческими руками, в попытке унять свои слёзы.

— Боже, я думал нам по пути. — где-то разочарованно произнёс Саркис, при этом совершенно безразлично глядевший на опешившего бывшего архимага. — Видимо, тебя стоило оставить за решёткой или, что было бы более правильным, прикончить тебя на месте. Благодарю тебя за подаренную жизнь и за этот удар. Ты прошёл урок.

Саркис поравнялся со стеной, давая шанс старику посмотреть на освободившийся проход. Словно младенец, архимаг заверещал и побежал навверх дальше по ступеням, подбирая полы своей голубой накидки.

Богатырь продолжил путь, смотря на силуэт несущегося вверх по лестнице старика.

Эти немощные стражики позади... вероятней всего использовали ману для скрытия своего присутствия. Для обычных штатных мажиков это наверняка солидный уровень. Но почему этих дурачков так хорошо слышно? Словно бы они и не скрываются, идут себе и идут, создавая столько шума вокруг.

— Так вот зачем нужны эти книги заклинаний. Чтобы такие чертовы бездари, навроде

вас, могли кастовать мощные чары.

Сзади никто не ответил, однако топот усилился. Значит разозлились.

— Парни, простите, но на правду не обижаются. Коли сами не умеете, так имейте совесть признаться, а то я вас случайно за силачей принял, испугался даже.

Шаги стали определённо быстрее. Краем глаза Саркис заметил небольшие облачка пыли, что вились у ног толпы невидимых магов.

По бокам дрожал свет факелов, шаги старика потихоньку исчезали. Время пришло, по крайней мере Саркис надеялся на это. Если он сделает это сейчас, то другая часть стражи, с верхних этажей, никак не сможет захлопнуть эту хитрую двухстороннюю ловушку. Придётся действовать прямо сейчас, и тогда, возможно, игра полностью переменится в его пользу.

Богатырь остановился так резко и неожиданно, что толпа какое-то время ещё продолжала идти.

Тишина, что окутывала расстояние между толпой и магом, была настолько плотная, что верилось в её убийственные способности.

Саркис на пятках развернулся к невидимкам.

— Вы так и будете идти за нами? Выходите из своих диковинных форм и нападайте. Хотя, на вашем месте, я бы отказался от шанса драться на такой узкой лестнице.

Стража потопталась на месте, кто-то начал активное обсуждение.

«Какие же глупые... В открытую стоят перед врагом, топчутся на месте, обсуждают решение... Дураки дураками. Ещё не понимают, что их раскрыли и выжить им никто не даст... Глупцы»

— Эй, послушайте меня. — шёпот стих даже быстрее, чем Саркис предполагал. Эти придурки собираются слушать его? — Как говорил мой отец, за любую дурость следует наказание. Я сам был наказан и не раз, потому знаю, как следует преподать урок.

Толпа наконец развеяла чары, обнажая тела, закованные в громоздкие блестящие доспехи. Каждый из них поднял простой деревянный посох над головой и воинственно закричал.

— Не кричите, детишки. Вы мне ещё спасибо за это скажите.

Первый уже успел подобраться даже чересчур близко. Со старого посоха потекла голубая вода, извивающаяся, словно змей. Огненный кулак рухнул на змея и, изуродовав его, смяв, как тетрадный лист, встретил голову стража. Башка взорвалась, как переспевший гранат.

— Упс, хотел только урок преподать, да как-то перестарался. Не серчайте, господа магики.

Следующий, бряцая неудобным доспехом, вскинул посох вверх, заставив молнию вытечь единым потоком и отправиться в путь. Шипя и брызгаясь искрами, молния соединилась с Саркисом, но тот лишь усмехнулся, видя лёгкий дымок, что шёл от его тела.

Кулак плавно прошёлся по скуле, а второй врезался в живот, заставив никчёмного солдата харкать кровью. Его обессилевшее тело рухнуло с лестницы глубоко в темень огромной пропасти.

Два убийства поубавили пыл бойцов. Некоторые даже дрожали, кто-то активно сглатывал.

— Простите за тех двоих. Я не говорил, что вы переживёте этот урок. Каждый из вас может покинуть этот мир также быстро, как и те два придурка. Так что я милостиво попрошу — нападайте по очереди. А то рук не хватит, так ещё, собаки, узкую же вы

лестницу построили. Как бы сами не попадали.

Воинственный огонь, что горел в их сердцах, потух окончательно. Посохи всё ещё были наготове, однако каждый из бойцов больше не хотел драться.

Нехотя, в воздух понеслись водяные струи, энергетические шары, пламенные камни, а Саркис с изяществом, о котором с виду не скажешь, вертелся как юла, перескакивая со ступеньки на ступеньку.

Стало светло, как днём. Свистопляска у чёрных ботинок и не собиралась заканчиваться. Шары взрывались мириадами ярких искр, словно салют в праздничную ночь.

— Цельтесь в ноги, пусть он теряет равновесие. Держитесь парни! — дрожащим голосом закричал стражник, что прятался за спинами остальных.

Воздух резали молнии, тонкие водяные струи, плотные песчаные шары — сливаясь в единую сферу, они летели к Саркису, норовя столкнуться с ним. Но главной ошибкой было недооценивать эти раскалённые руки...

Огромная сфера, свистя, тянула за собой шлейф из буйства стихий. Саркис усмехнулся и подставил свой кулак.

Сфера врезалась в огонь, шипя и плюясь молнией, песком и водой. Кулак погрузился глубоко вовнутрь сферы и раздробил её напополам. Остатки магии громко взорвались за спиной Саркиса, подстёгивая его к атаке.

В этом свете он был прекрасен — статный, мощный, с длинными красивыми чёрными волосами, с изредка попадающейся проседью, руки, горящие как угли и звериные желтые глаза. Его фигуру обрамлял неистовый яркий магический свет. Стража даже представить не могла, на что был способен эдемский маг. Особенно знающий свою цель, знающий цену себе и своей силе.

Его чёрные ботинки оторвались от земли, взметнув вверх облачко серой пыли. Он приблизился настолько быстро, что глаза магов не сумели определить и одного его движения.

Взмах рукой и столб огня облил сразу нескольких человек, вгрызаясь в тела сквозь кажущиеся толстыми доспехи.

Удар. Удар. Удар. Выпад. Ещё один нерасторопный пацанёнок выбыл из игры.

— Деритесь! Деритесь! Деритесь! Прикончите его! — кричал глава отряда, прячущийся за дрожащими спинами остальных воюющих.

Кулак описал крутую дугу и угодил молодому пареньку прямо в челюсть. Завизжав как резанный поросёнок, боец вылетел с лестницы.

Посохи крутились как заведённые. Во врага летели тысячи молний, магических фиолетовых сюрикенов и огненный копий, и большинство из них разбивались о мощную грудь Саркиса. Эдемский маг неумолимо шёл сквозь магический шторм и раскидывал стражников как лёгкие деревянные спички. Горящие, пахнувшие палённым, они падали ниц на ступени, продолжая гореть и дальше, охваченные диким магическим огнём.

Удар. Выпад. Удар. Удар. Кулаки выбивали всю дурь из идиотов, разбивая их тела в кровавое месиво.

Посох громко хрустнул под напором чёрного ботинка. Боец ошарашенно обреченно смотрел на мучителя. Саркис улыбнулся ему в лицо и схватил за шиворот, высоко подняв его над своей суровой головой. Однако можно ли его было считать суровым с этой белозубой хищной улыбкой?

Встряхнув изрядно пересрававшегося бойца,хватило лишь одного молниеносного удара

меж рёбер, чтоб навсегда выдавить из его лёгких саму жизнь.

Саркис потёр руки, будто умывая их в крови врагов. За спиной дорога из обмякших выжженных тел, перед ним ещё два, правда пока живых, но уже совершенно обречённых трупа.

— Не подходи к нам! Не смей! Ты... — их командир, с бритой головой, чёрными усами и мелкими злыми глазами, толкнул своего подчинённого вперёд.

Боец сглотнул слюну и опустил посох на ступень:

— Сжальтесь... У меня дома дети. И жена... Я им нужен! Она не работает, только дома сидит... Болеет. — боец измученно улыбнулся, смотря на идущую к нему фигуру Саркиса, что тяжёлой поступью шёл со ступеньки на ступеньку.

— Дети, говоришь? Прижмись к стенке.

Боец неверящим взором посмотрел на Саркиса и, плотно прижавшись к стене, низко поклонился.

Вожак всей этой стайки, что так доблестно прятался за спинами других, дрожащими руками вскинул посох над головой и завертел им, как какой-нибудь игрушкой. Песок, что вихрем закружился вокруг Саркиса, пытался схватить его, укусить своими песчаными зубами, однако огненная рука дробила каждый выпад врага. Песок всё ещё кружился, когда Саркис схватил вожака, сильно сжав его тонкое горло.

— Не делай этого... Тебя покарают! Уничтожат! Отсюда нет выхода!

Потуги песка ослабли и мало помалу песчаные диковинные фигуры осели на ступеньках, тонкими струйками стекая в огромную дыру под лестницей.

— Скажи, что это за башня?

Саркис усилил хватку, заставив вожака скорчиться и закричать ещё сильнее.

— Флотлер... Башня Флотлер. Стоит на западе континента, в окружении песков.

— Благодарю за информацию. — Саркис вновь заулыбался, краешком глаза увидев то, о чём и сам подумывал.

На одних пятках, богатырь невесомо повернулся, всё ещё крепко держась за горло лысого.

Меч самой простойковки, вынырнувший прямо из гложущей темноты, плавно прошёл сквозь обмякшее тело вожака, остановившись аккуратно у живота Саркиса.

— Семья, говоришь? Дети? Или просто кто-то решил обмануть меня и получить весёлый кусочек самому, не подумав поделиться с бывшими друзьями-стражниками и бывшим вождём.

Вот на этот раз прощённый ранее боец заверещал прям как резанная хрюшка.

Тело лысого командира поцеловало ступени, а Саркис подставил руки перед грудью. От них струился лёгкий сизый дымок. В глазах бойца стояла такая обречённость и грусть, что нормальный человек поддался бы эмоциям и пощадил несчастного вояку. Но Саркис, к несчастью, был не из таких.

— Простите, что я соврал... Не убивайте меня, прошу!

— Я сразу не поверил тебе, ибо у таких как вы, башенных магов, наверняка существует свой кодекс, и наверняка он запрещает любые сношения с девушками.

— Вы правы... Отпустите меня до...

Боец не успел и пикнуть, как огонь сполз с ладоней Саркиса и лениво потек вперёд.

Столб был настолько мощный, что не оставил от стражника и пепла. Бурная стихия сковала тело и обняла его так сильно, что эти объятия в прямом смысле можно было назвать огненными.

Потихоньку стихия утихла, оставив после себя лишь шипение и тьму.

— Мдэ, думал я про трудности, но с этими болванчиками даже тренировки не получилось.

Ладони пришли в себя, на них остался лишь лёгкий чёрный след.

— Посох... Может он мне пригодиться. Моя вторая стихия... Я обязательно активирую её.

Саркис нагнулся, хватаясь своей тяжёлой рукой за тонкий деревянный посох. На его вершинке взгромоздился чёрный гранённый камушек, изредка загорающийся фиолетовым глубоким светом.

— Посмотрим, как именно эта клюшка помогает преобразовывать ману.

Саркис принялся медленно всходить по ступеням, опираясь на приобретённую трость. Шаги старика раздавались где-то сверху, не так далеко от богатыря.

Чем выше Саркис поднимался, тем реже становился свет факелов. Маг чувствовал, что скоро он окажется на первом этаже этой магической башни и если ему удастся пробудить вторую стихию...

— Флотлер, говорите? Я потребую на бой архимага этой башни и тогда посмотрим, чего стоят сильнейшие.

Топот старика был уже совсем близко. Прерывистый, неровный, архимагушка наверняка убегал от сражения... Было необходимо догнать бывшего архимага и желательно как можно скорее.

Весь облитый потом, трясущийся от неровного дыхания, старику пришлось остановиться. Облокотившись о стену, архимаг переводил дыхание.

— Устал бегать, да? Притомился, старый?

Саркис наконец добрался до нужной ступени, весь из себя статный, величавый и крутой.

— Черт... Ты... Ты их вынес...

В ответ маг повертел посохом, весело смеясь:

— Конечно вынес. Вот трофей. Недурная штука, как видится.

Архимаг приходил в себя. Но как только его взор уходил в сторону, сердце вновь начинало свой бешеный бег.

Винтовая лестница закончилась. Пара ступеней и дело будет за малым.

— Не верил я, что выберусь отсюда. Спасибо тебе, Саркис.

Богатырь молчи кивнул, поправив свою пышную чёрную гриву.

Ещё немного простояв, архимаг отлип от стены, проверил как хорошо сидит голубая грязная накидка и пошёл вперёд, преодолевая последние оставшиеся ступени длинной винтовой лестницы.

— Прошу, не делай ничего с башней. Я был её архимагом... Будет жаль терять её.

Саркис довольно рассмеялся, поправляя плечи, да хрустя шей:

— Весёлый же ты дедок. Хорошо, постараюсь без фокусов. Чур, новый архимаг на мне.

Два мага очутились перед огромной дверью, кованной железом. С двух сторон освещённая факелами, высокая и тяжёлая, она высилась над двумя фигурками:

— Посмотрим, из какого теста слеплены сильнейшие. — Саркис громко хрустнул пальцами рук, готовясь к атаке.

Глава 3

Два мага казались маленькими спичками в сравнении с этими гигантскими возвышающимися воротами.

— Саркис, прошу, скрой меня за спиной. Без книги заклинаний я точно не выстою. — архимаг говорил так грустно и обреченно, что любой бы человек посочувствовал старику, поддержал бы его, не дав в обиду. Как же архимагу не повезло, что рядом находился этот величавый эдемский маг...

— Если не можешь защитить свою дохлую сраку, советую остаться в этой башне, в тёмной-претёмной темнице. — маг радостно заверещал, видя, как глаза старика расширились от звериного испуга.

Саркис медленно выдохнул и, не долго думая, бросил потрескавшийся посох прямо в руки дедка.

Тот с трудом ухватил его своими крючковатыми пальцами, печаль же отхлынула от его морщинистого лица. Пара ловких петель и взмах — архимаг был готов.

— Саркис... Спасибо за то, что ты выручаешь. С помощью этого посоха я смогу преобразовать свою ману в средние по силе заклинания. Благодарю тебя, твою маму и твой род! — старик бросился под чёрные запачкавшиеся высокие ботинки Саркиса, волоча голубую накидку по серой вековечной пыли. Архимаг умел быть благодарным своим спасителям, несмотря на свою силу и высокий статус. А учитывая, что поцелованный пол принадлежал его собственной башне, к старику нужно было проявить большое уважение.

Но эдемский маг, словно лишённый эмоций, смог лишь притворно улыбнуться и собрать огонь в кулак. Архимаг попятился назад, постепенно разгибая спину и стряхивая с себя серый слой пыли.

Тугой пучок огня, что дикий кабан, с воем понёсся вперёд, сталкиваясь с этими огромными дверьми.

Грохот прокатился по сводам башни. По воротам зазмеились трещины, не в силах противостоять туго собранному пламени.

Треск всё нарастал. Архимаг мог лишь молчаливо сглатывать, отряхиваться, да покручивать посох, ощущая силу, что стояла аккурат за огромными дверьми.

Саркис напрягся. Вены вздулись, будто жирные дождевые черви, щёки покраснели, рука зачесалась, задетая огненными кнутами.

— Ещёёёёё! Я доберусь до НЕГО любой ценой! Я сломя все башни, пока его лицо не будет трещать от напора моего огня, точно так же, как эти чертовы двери! — огонь неожиданно расцвёл, будто гигантский бутон розы. Двери прогнулись, в последний раз затрещали и сдались.

Ярко вспыхнув, кулак пробил их насквозь. Они сорвались с петель и понеслись вперёд, сквозь огромную залу, подхваченные мощной ударной волной и напором дикого пламени.

Кричащие магики разбегались в разные стороны, схватываясь за свои бесполезные головы. Посохи выпадали из их рук, ковром застилая блестящий мраморный пол.

Горящие, словно спички, двери достигли конца огромного зала и накинута на белую стену. Мощный взрыв сотряс башню и стена плавно рухнула вниз, проглоченная беспощадным огнём.

Тишина не наступала ещё долгие минуты. Кто-то прикрыл уши, не в силах

противостоять этому грохоту. Облако пыли зависло там, где положено быть белокаменной стене. Стена же аккуратно сложилась, будто пазл, образовав огромную белую горку в окружении серого парящего облака.

Архимаг вскинул посох, готовый к битве, несмотря на трясущиеся ручонки. Его старческие глаза наблюдали за эдемским магом, что невозмутимо смотрел вперёд, окидывая невозмутимым взглядом открывшуюся просторную залу. На стенах развешаны гобелены, окаймленные золотыми нитками, купол уходил ввысь, будто в большом храме, окна были сложены из разноцветного стекла, красиво играющего в лучах яркого солнца.

— Красивое место. Отец бы оценил. Он обожает такую роскошь, это у него в сердечке. — Саркис пошёл вперёд, по-прежнему озираясь по сторонам. — С белым всё же переборщили, как-то светло здесь. Такое ощущение, будто я не в магическую башню попал, а в обычный дешёвый городской храм.

— Маг, подожди меня. — архимаг на пошатывающихся ногах побежал за высокой спиной богатыря.

В центре зала, посреди недавно царившей здесь сумятицы, стоял маг, облачённый в длинную белую ткань. Его лицо было молодо и красиво. Правильные черты лица, очерченные скулы, глубокие умные глаза. Однако, каким бы невозмутимым этот маг не казался, Саркис улавливал страх, что сидел в его сердце. Страх и удивление.

— Ты единственный, кто не убежал как крыса, поджав хвост. Хвалю!

Маг, больше походивший на священника, продолжал стоять посреди зала и его лицо пыталось выражать лишь спокойствие и безразличие. Однако эдемского мага было сложно провести. Никакие маски этого чудного священника не могли бы скрыть его истинных эмоций.

Эмоции и чувства... Из-за них люди убивают, насилуют, дерутся, совершают неосознанные преступления. Только слабые людишки подвластны этой силе. Именно отсутствие эмоций делало Саркиса в разы умнее и сильнее...

Сейчас эмоции с головой выдавали местного нового архимага, что пришёл на замену старику, плетущемуся позади эдемского гостя.

— Я правильно понял, что ты тот самый новый архимаг башни Флотлер?

Священник продолжал носить свою маску, однако на этот раз его тонкие губы дрогнули в белозубой улыбке:

— Меня зовут Дон, и ты совершенно прав. Я — высокопоставленный архимаг башни Флотлер, что отныне будет служить здесь от имени Господа Бога нашего. — голос мага был суров и в нём явственно ощущались сила и сталь.

Саркис никак не реагировал, словно лишённый эмоций. Может именно это и пугало Дона:

— Насчёт Бога — на твоём месте, я бы молчал. Не думаю, что ты имел счастья лицезреть его лично.

Теперь Саркис заметил и неожиданно появившееся на лице Дона недоумение. Маг искренне не понял, в каком из смыслов говорил богатырь.

— Слушай, Дно, или как тебя там? — эдемский маг и вправду забыл имя врага.

— Какое Дно? Меня зовут Дон! Дон! Ты слышишь?

Высокопоставленный архимаг совершил ошибку, обнажив свои эмоции. Саркис облизал губы, будто зверь перед нападением. Всё шло как нельзя лучше. Манипулировать людьми... это так легко. Тем более такими простыми словесами.

Богатырь улыбнулся, обнажая белые сверкающие зубы:

— Дедок, готовься палкой махать. Сейчас начнётся заварушка. — сказал Саркис, чувствуя, как огонь лижет его пальцы.

— Лишь бы башня не рухнула. Я полагаюсь на тебя. — старик ещё трясся, но уже гораздо меньше. Вероятно напомнил себе про свои способности.

В зале стало слишком тихо. Штатные маги попрытались за длинными высокими дубовыми скамейками, кто-то скрылся в тёмных местах зала, надеясь остаться незамеченным, некоторые окунались в ещё покачивающееся в воздухе белое пыльное облачко, надеясь свалить через огромное отверстие в стене.

Никто не собирался вступать в эту схватку, прекрасно понимая, что таких беспомощных, как они, раскидают в считанные секунды. Уж слишком слаба была их мана и слишком мало её было в организме каждого из них. Никакой магический артефакт не поможет без хорошей, натренированной, выдержанной маны.

Тело Саркиса неожиданно вспыхнуло, будто фитиль, заставив попрытавшихся магов поёрзать на своих местах. Бывший старый архимаг в это же самое время замахнулся посохом и сделал выпад, заставив молнию зазмеяться к Дону.

Эта атака послужила началом сражения.

Дон, так похожий на типичного священнослужителя, обнажил длинный острый меч, отражающий в себе разноцветные лучи солнца, проходящие через окна. Меч вспорхнул и принял удар молнии, по ветру развеивая технику старика.

— Думал на меня хватит одной атаки? Я посильней тебя буду, дедок. — рассмеялся Дон. Смех был нервный и не смелый, что не скрылось от Саркиса. Конечно, сурового богатыря и должны бояться. Всё правильно.

— Слышишь ты, новоиспеченный архимагушка, — даже нескольких слов Саркиса хватило для первой испарины на лбу Дона. — Мы сейчас разукрасим тебя так, что дедком станешь уже ты.

Руки медленно горели. Саркис был готов.

Во второй дрожащей руке Дона показалась белая книга, изукрашенная разноцветным узором. Небольшая, в меру толстая, она раскрылась на нужной странице и повисла в воздухе, будто облачко.

Настало ли время? Может следовало подготовиться больше? Получше изучить врага? Эти вопросы Саркис считал глупыми и бесполезными, хоть они и старались появляться в его сознании.

Богатырь сорвался с места и разбежался, подготавливая огненный удар. Магики перестали видеть Саркиса. Слившись с воздухом, богатырь превратился в мелкую яркую точку, что неслась прямо на подставленное оружие.

Огненная ладонь врезалась во вражеский меч, сотрясая его до звона.

— Думаю, я добрался до тебя куда быстрее, чем ты рассчитывал?

Дон стиснул зубы и завертел мечом, рассекая воздух на тонкие лоскуты. Саркис лавировал, будто скользя стопами по мраморному полу. Изредка с ладоней вылетали мелкие огненные шарики, которые тут же разрезались на крохотные ровные половинки.

Меч петлял, будто лента в руках у акробатки. Огненные столбы вырывались из горячих ладоней. Шипя и брызгаясь искрами, они летели прямо на Дона, сталкиваясь с лихими взмахами его острого меча.

Вдруг всё пошло не так, как новый архимаг того хотел. Тугая молния, сорвавшаяся с

фиолетового каменного навершия притаившегося где-то сзади старика, оплела тело Дона и пронзила, словно индийская кобра.

Дон шатнулся, по глазам пробежала лёгкая рябь. Саркис же не потерял момент и ускорился, заставляя дымный шлейф петлять следом. Огненный кулак влетел в Дона, поднимая его в воздух.

Словно ракета, они пронзили купол и продолжили полёт. Книга заклинаний полетела вслед за несущимися ввысь фигурами. Засветившись ярким божественным светом, она помогла Дону покрыть меч лёгкой, плавно текучей водой.

Широкий взмах, несущий за собой бодрый водяной хвост, был достаточно смел и суров. Свистя, как выпущенная стрела, меч рухнул на огненный кулак. От этого диковинного стихийного взаимодействия в воздухе взвился ловкий клубящийся пар.

— Наши способности нейтрализуют друг друга. Не находишь это любопытным? Огонь и вода — это чересчур диковинно. — подметил Дон, стискивая зубы от напора этого головокружительного небесного полёта.

— Это не любопытно и ни разу не диковинно, глупец. Надеяться на ничью слишком тупо, я же всё равно выиграю тебя. — Саркис оскалился, будто волк и собрал огонь в своей мощной ноге.

Такой атаки Дон точно не ожидал. Огненная нога пырнула живот сразу несколько раз подряд, заставив Дона харкать кровью.

Две фигуры плавно опускались вниз, сцепившись, как разъярённые псы. Вода и огонь переплетались, распадались, стихийные шары летели в разные стороны, меч скрещивался с руками и ногами, облачёнными в огненную броню.

Свистя, фигуры пробили огромную дыру и рухнули на мраморный пол, покрывая его мириадами бетонных осколков.

На миг всё стихло. Архимаг-старик тоже не смел шелохнуться, замерев, как и все здесь присутствующие.

— Чудовища! — выкрикнул очередной запуганный маг, наблюдая за тем, как две фигуры, пережив полёт, разломав купол и жёстко приземлившись на мраморный пол, как ни в чём не бывало вставали на ноги.

Будто два чудовищных монстра, они выпрямили спины и посмотрели друг другу в глаза.

— Старик... Не вмешивайся! Это моя битва! Только моя и ничья больше! Этот архимаг стоит свеч!.. — завершал Саркис, облизывая пересохшие губы от дикого возбуждения. Эдемский маг сейчас выглядел легко и непринужденно, будто не он ещё недавно, словно птица, кружил в небе, ведя невероятный по красоте магический бой.

А вот Дон уже хрипел. Кое-где из ран обильно сочилась кровь, постепенно окрашивающая его белую мантию в цвет сливы. Видно — маг был на пределе.

— Я... Я спасу людей своей башни! Даю слово архимага, даю слово их нового главы! — окровавленный кулак громко бухнулся о грудь, будто в знак правдивости сказанных слов.

— Почему ты хочешь спасти их? Тебе не всё равно на жизни этих слабаков? — спокойно спросил Саркис, облачая руки и ноги в танцующее пламя.

Дон шатнулся, стиснул зубы и гневно проговорил:

— Эти люди нуждаются в чьей-то защите, ты так не считаешь, могучий выскочка?

Следом не последовало ни единого слова. Тишина обнимала стены этого зала, оставляя лишь треск огня и журчание мерно текущей воды по острому, ярко блестящему, мечу.

Старик, поправляя голубую накидку, всё же решил отойти подальше, целиком и

полностью оставив Дона в руках Саркиса. Ссориться с эдемский магом точно не входило в планы деда.

Тишина не могла продолжаться вечно. Будто прелюдия магической битвы, она закономерно завершилась.

Две фигуры оторвались от мраморного пола. Свистя, рассекая воздух, маги столкнулись друг с другом, сотрясая стены. Белый пар кружился вокруг фигур, будто танцовщица на балу.

Движения магов были изящны и быстры. Дон раскрутил меч и, словно торнадо, навалился на подставленные до красна разгоряченные ладони своего врага. Торнадо брал напором. Саркис стиснул зубы. Видимо, ему всё же придётся использовать козырь.

Эдемский маг прыгнул назад и торнадо поскакало в разные стороны, будто бешеная юла. Саркис улыбнулся и напрягся, будто пытался что-то использовать, что-то спрятанное в недрах его организма.

Всё тело вспыхнуло, объятые диким пламенем. Фигура точкой полетела вдоль зала, неожиданно направляясь аккуратно к разбушевавшемуся торнадо.

— Поиграем, да?

Огненный Саркис ворвался в вихрь Дона и на лету подхватил своего врага, полетев куда-то вверх.

— Что ты делаешь? — Дон успел испугаться и не сказать что зря. Маги проломили стену и понеслись под яркими пышущими жаром солнечными лучами.

Удар. Удар. Удар. Удар. Кровавый шлейф, петляющий за дергающимся от ударов телом Дона, смешивался с воздухом. Саркис продолжал бить и бить, не останавливаясь ни на секунду. Удар по скуле и архимаг ринулся в сторону. Саркис крутанулся, полетел по кривой, настиг врага и подставил ноги, в очередной раз врезаясь ими в живот и заставляя Дона харкать кровью. Тело Дона на бешеной скорости меняло направление и каждый раз встречало очередной огненный удар.

Маги, столпившиеся у дыры в стене, не могли различить тела, рассекающие воздух.

Крутой вираж. Ещё поворот. Удар. Гибкое пламя ударило Дона в живот и тело полетело дальше, исчезая, превращаясь в маленькую-маленькую точку. Саркис раскрутился и будто неостановимый вихрь полетел следом. Огонь рвал тело на части. Выпад и снова изменившаяся траектория, за ней кровавый шлейф, больше напоминающий разлитый кетчуп. Саркис всё время летел следом, продолжая швырять несчастный мешок, являющийся врагом.

Кулаки били и били. Удар ногой, плавно летящий по кривой, и огонь, ставшей её полноценным длинным и мощным продолжением, вцепился в Дона, беря его за шкуру и кидая из стороны в сторону, что тряпичную куклу. Огненная нога наконец отшвырнула несчастное тело, но Саркис продолжил полёт.

Переворот. Переворот. Последующий за полётом удар, обильно брызжащий миллионами огненных брызг, и Дон, уже стонущий и харкающий кровью, стрелой полетел вниз, углубляясь в мелкий колышущийся песок.

Саркис наконец завершил небесный танец и рухнул вниз, раскидывая несущиеся песчаные волны. Его улыбающееся лицо смотрело на Дона, что смиренно, почти не дыша, лежал в песку.

Всё стихло. Ветер продолжил свой ход, неся песчаные волны всё дальше и дальше. Чуть оглядевшись, Саркис немного удивился:

— Башня стоит в песчаных дюнах под палящим солнцем? Любопытно.

Всё его тело болело и ныло. Всё же не стоило использовать огненную броню по всему

телу, это была самая крайняя мера, в данной битве даже несколько неуместная.

— Черт, маны осталось чертовски мало. Мне б какой-нибудь артефакт... — сказал Саркис, жалея, что отдал посох тому деду. Лоб покрылся мелкой испариной, колени дрожали, будто у младенца, только вставшего на ножки.

— Ладно, без маны даже интереснее. Правда, Дон?

Архимаг башни Флотлер на трясущихся ногах стоял пред Саркисом. Весь избитый, покрытый кровью и грязью, сейчас его бы не признал ни один из штатных башенных магов.

— Сдавайся, пока на ногах держишься. — проговорил Саркис, переводя несущееся вскачь дыхание.

Искалеченное, обезображенное тело Дона качнулось на нетвёрдых ногах и изобразило подобие улыбки.

— Я никогда не приму, что какой-то выскочка может быть сильнее меня. — голос архимага хрипел, после каждого слово вылетала капля крови, будто ставя жирную точку. — Я сражусь с тобой до самого конца.

Саркис усмехнулся и вновь покрыл ладони пламенем:

— Не хочу задерживать тебя, господин высокопоставленный божий архимаг.

Дон раскрутил меч и опустил его вниз. На все действия ушло не больше двух секунд, но этого хватило эдемскому магу для крутого рывка в бок. С его пальцев тут же сорвались шипящие огненные шарики. Два из них были изящно изрублены в мелкую капусту, но самый последний рухнул прямо в нос, запекая его, как картошку. Даже не поморщившись, Дон принялся раскручиваться в великолепном танце, размахивая оружием, как невесомой спичкой.

Саркис возбужденно прыгал из стороны в сторону, изредка посылая вперёд полукруглые огненные волны. Почти все они доходили до цели и мешала им, исключительно, водяная способность Дона. Бурлящая кристально чистая вода срывалась с меча, несясь как бурный поток. Волна накрывала огонь, словно тёплое домашнее одеяло, гася и уничтожая все волны неистовой несущейся на всех порах пламенной стихии. После такого фортеля не выживала ни одна из ярко-рыжих огненных атак. Оставался лишь белый клубящийся пар.

С горячих рук Саркиса всё чаще и чаще срывались огненные шары, стрелы и волны, расходуя последние остатки его бесценной маны. Смысла в атаках было откровенно мало, отчего архимаг даже посмеялся. Смеясь, он продолжал лавировать, крутить свой меч и посылать на врага все самые изощрённые водяные атаки, уже принимающие форму разных фигур, явлений или продолжающие принимать банальные стихийные формы, навреде изогнутых фигур, причудливых оружий, либо же простых водяных шаров.

Белого пара становилось всё больше. Он буквально заволакивал поле битвы, заполнял всё собой, и с одной стороны это выглядело до дикости смешно, но на самом деле...

Фигура Дона быстро неслась по песку, рассекая его своими искалеченными стопами. Мантия неслась за его спиной, будто стая назойливых птиц, а с меча срывалась голубая кристальная вода.

Превращаясь в юрких маленьких змеек, ящерок и прочих пресмыкающихся, быстро несущихся вперёд на молниеносной скорости, водичка пыталась ухватиться за тело убегающего Саркиса, что по-прежнему раскидывал пламенные бурлящие шары то в одну, то в другую сторону, слушая шипение и последние вздохи посылаемого огня. Пару раз мелкие зубки ящерок прокусывали прочный материал ботинок, но особого успеха это не приносило.

Саркис, внезапно скрывшийся в гуще пара, оставил водяных змей без единого своего

следа. Ветер продолжал верещать, гоняя песок по огромному простору, а Дону пришлось остановиться. Как вкопанный, архимаг пытался предположить, куда мог деться враг, но всё что он успел предположить — его жестоко обманули и перехитрили.

Выбив из него всё дерьмо, вышибив остатки рассудка, Саркис смог переиграть архимага. Ни одна техника более не могла помочь, ни один артефакт, ни одна книга заклинаний, ни одна кроха маны.

— Маг, будь ты проклят. Как такой силач попался в темницу?

Тишина обволакивала, окружала со всех сторон, будто стая диких зверей, а пар, словно густой туман, навсегда окружала нового архимага и скрывала его от остального мира, будто сковывая своими прочными цепями.

— Архимагушка, я и не попадал в эту темницу. А если б и жил в вашем мире, никогда бы не оказался в том проклятом засранном месте. — Саркис появился так же неожиданно, как и на нижнем этаже. Рассекая пар, его мощная фигура подлетела вплотную к Дону, отвела руку в сторону и сделала молниеносный выпад.

Огненное копьё в считанные мгновения изничтожило расстояние и, ярко освещая всё пространство игривыми искрами, вонзилось в тело Дона. Кровь хлынула из всех щелей. Окропляя землю, она всё текла и текла, пока тело не сползло с огненного оружия и не рухнуло в огромную багровую лужу.

Дон даже не успел испугаться. Его глаза остались решительны и смелы, будто не его сейчас провели и пронзили длинным режущим копьём.

Оружие испарилось, заставив Саркиса поморщиться от боли. Слишком мало маны осталось и эта боль... Можно ли её считать за эмоцию? А если и так, должен ли он ненавидеть себя за это?

Смотря на тело под ногами, видя угасающую жизнь, чувствуя острую нехватку дыхания, Саркис всё же смог выдавить из себя улыбку, хоть и измученную:

— Я предлагал тебе сдаться. Каждый сам выбирает, как ему поступить. — эдемский маг распрямил спину, громко хрустнув ею и широко расправил плечи. — Это моя первая победа и я хочу посвятить её Тебе, брат! — прокричал Саркис. Ветер трепал его чёрные волосы, игрался с его чёрной обтягивающей курткой и ласкал его суровое звериное лицо. Желтые глаза ярко блеснули, будто два ярких фонаря. — Жди меня, Демиург! Жди, брат мой!

Нехотя, белый пар развеивался под сильным напором ветра, сдуваемый песком этой жаркой засушливой неприветливой пустыни. Уходящий пар обнажал сгорбленную фигуру Саркиса, что пытался восстановить хоть маленькую каплю маны. Его руки тряслись, как у испугавшегося зайца. Славу господи ноги держались, а то бы магу совсем уж стыдно стало.

Богатырь стал медленно идти в сторону башни Флотлер. С виду казалось, что она бесконечно далеко, а кто-то мог принять её за мираж. Но Саркис продолжал идти, зная, что эта башня существует и что она гораздо ближе, чем кажется с виду.

— Черт, так жарко, аж в ту самую подземную тюрьму вернуться захотелось. — маг подавил смешок, концентрируясь на своих тяжёлых шагах. Ботинки проваливались в сыпучий желтый песок, заполняясь им по самое не балуй.

— Эти маги... Нашли где магические башенки строить. — проворчал Саркис, прикрывая лицо от встречного песка.

Расстояние всё уменьшалось и уменьшалось. Маленькая точка перерождалась в высокую башню, возвышающуюся над эдемским магом и так желанно мелькающую пред взором богатыря.

— Вот я и тут... Пора разобраться с тем, что здесь происходит.

Дыра в стене была не просто крупная, не просто огромная, отныне это был полноценный вход в башню либо же выход из неё. Оставшаяся группа зевак, застывших в раскрытом зеве башни, поспешили убраться с дороги эдемского мага, ярко сверкая пятками, быстро несущимися по запачканному и раздробленному мраморному полу.

— Правильное решение, черти. Вас и без маны завалить не проблема! — прошипел сквозь зубы Саркис, обильно обливаясь потом. — Как же жарко в этой пустыне...

Одежда взмокла, пропитываясь едким потом. Волосы прилепились к башке, и единственное, чего бы хотелось Саркису — окунуться в освежающую холодную воду и отдохнуть от этих магических битв, бесконечного мельтешения и смертей. Даже богатыри устают от своей работы!

Архимаг с хитрой улыбкой на лице глядел на своего чёрного крепкого защитника. Посох словно бы вжился в его руку, став единым с маленьким старцем.

— Саркис, ты же победил его? — скрипучим древним голосом спросил архимаг.

Маги падали на землю, бежали, отпихивая друг друга, лишь бы сиюминутно убраться с дороги эдемского мага. Вновь те же затемнённые места, те же деревянные скамейки с величавыми высокими спинками — а куда было ещё деться всем этим бедолагам?

Саркис смешливо смотрел в спины никчёмным трусам:

— Какие же они смешные. Пятки так и сверкают. — рассмеялся маг во всю свою пасть, в миг забыв ту духоту, что царила в знойной огромной пустыне, и то яркое солнце, что норовило проделать огромные дымящиеся дырки в теле любого, кто хотел бы пересечь необъятные песчаные площади...

— Ты меня вообще слушаешь? — прикрикнул архимаг, сделавший очередную попытку привлечь внимание. Старик успел и потопать ногами, и пощёлкать пальцами, прежде чем довольный богатырь повернул к нему свои жёлтые звериные глаза.

— Конечно слушаю, старый. Дон мёртв. Его тело можешь поискать погребённым в мягкий сыпучий песочек. — Саркис выглядел довольным, полным сил, будто не от его руки

принял смерть человек. А ещё та стража... Разорванная на мелкие кусочки, она осталась покоится не только в пропасти под винтовой лестницей, но также и на её пыльных ступенях... Убийца воочию, весь счастливый, стоял перед стариком, и от этого мурашки целой гурьбой прошлись по его сгорбленной спине.

— Скажи мне... Почему тебе так всё равно на людские судьбы, на человеческую жизнь, на смерть? Быть настолько каменным, что статуя в парке, и в тоже самое время быть таким безумно-весёлым...

Богатырь молча подходил. Чёрные ботинки громко бряцали о пол, разбивая попадавшие камни на мелкие кусочки.

Стук. Стук. Как ранее живые тела тех стражей, падающих на холодный камень мёртвых тихих ступенек.

Стук. Стук. Как сердце старика, съёжившегося и наизготовку приготовившего свой деревянный посох — крепко сжатый в старческой руке магический артефакт.

Стук. Стук. Гордой походкой этот зверь шёл вперёд, сверля желтыми глазами маленького и совершенно не двигающегося бывшего архимага.

Пламя. Оно имеет свой запах. Специфичный. Особенный. Неповторимый. Никогда не выветривающийся из сознания и отныне никогда не забываемый.

Кулак пах, объятый переливающимся красным цветом. Не этот ли огонь горел в жёлтых глазах? Или они оттого и жёлтые, что горят всю свою долгую жизнь?

Архимаг сглотнул, не в силах воспротивиться и начать атаку. Нелюдимый зверь до сих пор держал кулак у старого морщинистого горла, готовый в любую секунду разорвать тело ещё недавнего союзника на куски. И Саркису точно было всё равно, чью плоть рвать...

— Скажи своё имя, старик. — спокойным голосом спросил Саркис, любуясь игривыми огненными кнутами.

Кап. Кап. Пот маленькими ягодками падал на пол.

Кап. Кап. Старые несчастные глаза лезли на лоб, стараясь не видеть зарево у собственного тощего горла.

— Меня... Меня зовут Авиад.

Взгляд этого зверя сверлил, а огненные кнуты были готовы схватиться за горло Авиада в любую секунду, обвивая его словно змеи и заковывая в свои нерушимые раскалённые цепи.

— Авиад, значит? Ты хочешь сказать, что я не человек, так? Каменный нелюдь, не способный понять чувства других и думающий лишь о себе?

Плечи старика совсем поникли, как и его уверенность в своих силах. Пламя собиралось в пути и было готово оплести Авиада в считанные секунды.

Саркис продолжал говорить своим обыденным голосом, который совершенно точно не передавал ни одну из известных эмоций. Скорее он был гладким и абсолютно пустым, будто бы безразличным и оттого несколько неуместным:

— Скажи мне, какая я мразь, насколько я плохой. Давай, скажи. — рука отпрянула от лица, заставив Авиада шумно выдохнуть.

Такая небывалая лёгкость. Архимаг никогда бы не подумал, что человек может душить не прикасаясь, лишь только держа кулак у горла...

Старик сделал два шага назад и с удивлением уставился на смеющегося богатыря, запрокинувшего голову назад. Будто это не он сейчас пытался угрожать, будто не о нём только что шёл серьёзный разговор. Создавалось такое ощущение, будто каждый из них поделился любимым вкусом мороженого и теперь их дружеские узы стали лишь сильнее и

крепче.

— Ты такой забавный. — Саркис в миг посерьёзней и обернул свой волчий взор к прячущимся магам. — Авиад, отныне ты — Глава Башни Флотлер, кем и был до заточения. И следующим нашим заданием станет установление власти над низшими адептами. Я помогу тебе, не трясись так!

Маги поняли, что их жизням приходит неотвратимый конец. Многие, осознав, что до поры до времени могут продлить свои жизни лишь только полностью подчиняясь сильнейшему, выскакивали на пути Саркиса и падали на блестящий мраморный пол, озарённый разноцветным светом. Маги тряслись, просили прощение, целовали пол, надеясь на благосклонность Саркиса. Богатырь, будто зверь, чувствуя своё превосходство, молча проходил мимо, лыбясь во все свои белёсые зубы.

Авиад плёлся за его могучей спиной, дрожаще оглядываясь по сторонам. Каждый раз он садился на корточки около очередного сгорбленного мага и клал свою костлявую руку ему на спину, тихо да тепло приговаривая:

— Не бойся, я не дам тебя в обиду. Всё будет хорошо. Под моим управлением будет только лучше. Даю слово!

После этого солдат, продолжая целовать гладкий пол, ревел пуще прежнего, чувствуя невероятные тепло с облегчением.

— Спасибо вам, Авиад. Я... я п-п-признателен в-вам!

Авиад затаенно улыбался, отлично понимая этот животный страх. Когда-то и он так унижался, целовал пол, и всё это ради чего? Предали и бросили в темницу. Грязную, тёмную и сырую. Эти мрази с правительства... Объединились, озлобились, заточили...

Авиад сжал кулаки и тонкий посох легонько треснул. Саркис... Как бы архимаг хотел его прихлопнуть, раздавить, как маленькое бесполезное насекомое. Железное, твёрдое, ничтожное... Без чувств и эмоций, появившееся из ниоткуда, но спасшее его, пытаюсь извлечь из этого выгоду. Этот Саркис... Он напомнил старику о том преклонении и подчинении, что он испытывал последний раз много-много лет назад. И теперь... Посох смотрел в гордую богатырскую спину, такую статную, но от этого не менее жуткую и бесячую.

— Авиад, не думай, что ты справишься со мной. — спокойно произнёс эдемский маг, останавливаясь в самом конце огромного бесконечно тянувшегося зала. — Не ври себе, не обманывай собственные руки и ноги. Они созданы не для убийств! Они не смогут противостоять моему влиянию и силе!

Архимаг сглотнул. Саркис был как обычно прав, отчего старая ссохшаяся рука сжалась так сильно и крепко, что заставила посох нелепо затрещать.

— Да, они не для убийств! Не могу не признать твою правоту. Но... — старик бросил треснутый посох и вскинул руки кверху, в попытке достучаться до бога. — Я тебя умоляю — не убивай этих смертных. Дай им больше возможностей подышать воздухом и посмотреть на звёзды. В конце концов, они не много просят да и тебе переступить дорогу не планировали, сам же понимаешь...

Богатырь, как обычно каменный и недвижимый, лишь утвердительно качнул головой.

— Я не буду их трогать, но при одном условии. — Саркис развернулся и гордо пошёл назад, вновь проходя мимо испуганных магов. — К вечеру сего дня вы обязаны предоставить мне подробную карту, средний артефакт для преобразования маны, а также важную информация о Нижнем мире, в которой я несомненно нуждаюсь. — эдемский маг

приближался к Авиаду, что готов был деться куда угодно, лишь бы не быть в одном зале с этим непредсказуемым зверьём. — Под информацией я имею ввиду политические и географические данные, расстановку сил, перечисление самых важных фигур и тому подобные сведения. Какие-то вопросы?

Авиад выслушал и одобрительно помахал головой. А чем же ещё он мог ответить на такую спокойную и рассудительную речь?

— Раз так, то до вечера я бы предпочёл хорошо провести время в тёплой комнате, в окружении умных книг и светильников. Устроите? — сказал Саркис и маги тут же разбежались кто куда, стараясь как можно быстрее и лучше обслужить необычного гостя.

— А ловко ты играешься с ними. Знаешь ведь, что никто из них не откажет. — прохрипел архимаг, стараясь и виду не подать. Он дрожал да ещё как, но руки казались твёрже стали и спокойнее ленивца с тропического леса.

— Конечно не откажут. Куда денутся. — ловко вывернул маг, осматривая обшарпанные стены, пол, заваленный кусками камня, и дырки в куполе, сияющие ярким голубым светом, словно нарисованные добротным фломастером. — Им ещё из оставшегося говна башню в чудо-крепость превращать надо. А то храм построили, дураки...

— Это и есть храм. — сказал Авиад, чувствуя на себе пристальный неотступный взгляд желтых глаз. — Пять башен — это ничто иное, как союз храмов, что каждый день служат во благо всего магического общества. В народе нас прозывают Церковью Господа. Каждое утро, день и вечер мы молимся Богу за наши дары земные, — старик, имитируя молитву, опустил на тощие колени. — за воду, еду, постель и магию.

Эдемский маг ещё долго с серьёзным видом изучал молящегося простодушного старца, пока не расхохотался во весь свой громкий голос:

— Молится за магию? За это чертово проклятье? — маг продолжал гоготать, а у старца к глазам проступили слёзы. Долго находиться рядом с таким человеком было не просто невероятно трудно, этот труд был равносителен смерти.

— Что ты такое говоришь? Какие проклятья? Ты умом тронулся или не веришь в силы небесные?... — дрожащим голосом удивился Авиад.

Саркис смог подавить смех и смешливо ответить:

— Папаню своего знаю... Правда бросил он своих детей именно за магию. Выгнал всех проклятых ею с Высшего мира, сделал нас смертными... А вы сидите да молитесь, бездари.

Авиад округлил глаза. В них стояло такое отчаяние, такой ужас.

— Высший мир? Не Эдем ли...

— Эдем-Эдем. — поставил точку Саркис, разгуливая по всему залу и изучая его своим гордым волчьим взором. — Вся магия, что есть в этом мире, пришла от тех людей, с которыми я вместе разделил эту участь. Как их потомки, вы смогли унаследовать это проклятие. Ну а как могло быть иначе? — рассмеялся маг, пиная гранённые камешки острым носком своего сапога.

— Что ты несёшь? Лучше уходи отсюда и не смей порочить мне голову своей сатанинской ересью! — и откуда в Авиаде проснулась такая сила и дух? Видимо это и есть чудеса религии и веры?

— Ух, как мы осмелели. Эти эмоции так легко меняют вас, жалких людишек. Выводят из себя, преобразовывают, дают эту бесбашенность и ложную силу... — горько улыбнулся Саркис, слыша топот десятков робеющих ног за спиной.

— Сэр, ваша комната — она готова! — гордо произнёс самый смелый из них, что

прикрывал свои обосанные штаны, которые умудрился обделать буквально на подступах к Саркису.

— Смелости тебе не занимать, пацан. Правда пахнет твоя смелость весьма и весьма мерзковато. В следующие разы советую не надевать передо мной маску, а быть максимально чистым и честным. Я ж ведь чувствую твою боязнь, никакой ты не смельчак... — эдемский маг молча прошёл сквозь многочисленную линию из стражников, каждый из которых то и дело отводил робеющий взгляд.

— Чёрт-чёрт-чёрт-чёрт! — заревел архимаг под мерный топот Саркиса. Старец рвал и рвал свои редкие седые волосы, не в силах признать, что потратил свою жизнь впустую. Всё разбилось, как хрупкая невесомая ваза. Буквально минута окончательно раздавила все годы жизни мудрого архимага. Молился за проклятия, надеялся на спасение, благодарил за жестокое наказание, что Бог дал человечеству. Что может быть тяжелее этого гложущего отчаяния? Когда понимаешь, что всю жизнь верил и молился, верил и молился...

Старец ещё долго сидел на коленях, то и дело потирая уставшее от слез лицо.

Эмоции и человек. Только что старик казался таким смелым и крутым, но вот он уже ревел как обычная дворовая плакса. Люди и вправду жалки? Если это не так, то почему какие-то незримые чувства могут поменять человека в считанные секунды?

В зале стало тихо и стража наконец смогла выдохнуть. Правда они быстро опомнились и разбежались кто куда, ведь до вечера предстояло собрать воедино всё то, что попросил эдемский маг.

Зал опустел, оставив старца один на один со слезами на глазах. И только стены были свидетелями горьких слёз деда, вновь ставшего архимагом.

Комната была малость тесна, но и её хватило бы на отдых. Скромно обставленная дорогой мебелью, в целом она была тепла и уютна. Где-то в углу мерно трещал костёр, лёгкий ветер проносился по комнатушке, дую из небольшого распахнутого оконца.

— Вечером даже в пустыне привольно. — потянулся Саркис, переворачивая страницу старого потрёпанного тома. Повесть о рыцарях в тяжёлой броне, о беззащитной хрупкой принцессе, поминутно молящейся за свою жизнь — типичная любовная средневековая драма.

— Как же расслабляет. Приключение в суровом мире, пропитанном магией, оружием и сталью — что может быть лучше? — страницы шуршали под пальцами эдемского мага, а мана постепенно наполняла пустующие жилы уставшего мага.

В комнате было тихо, только ветер свистел где-то за толстой каменной стеной. Треск, тишь, запах старых страниц, их привычный родной шелест. Такой же он обожал слушать, когда сидел в этой удобной крохотной беседке, в окружении текучих голубых ручьев и бурной яркой зелени.

— Эдем. Как много в этом слове... — книга невольно выпала из жёстких мужских рук и кирпичом рухнула на пол. Саркис, с благодостной улыбкой на лице, смотрел в потолок, предаваясь воспоминаниям. — Я отдал бы всё, лишь бы вернуться в тот прекрасный сад, в компанию этих людей. Земля им пухом!

Спустя время, маг опустил голову и взглядом всё же отыскал так заинтересовавшую его поначалу толстую книжку:

— Смертных всегда ждёт смерть и мои братья не стали исключением. Вряд ли кому-то из них удалось сохранить бессмертие...

Голос Саркиса казался грустным, но на самом деле его душа... каменная и глубоко сидящая, она не шевелилась, спрятанная в недрах его тела. И Саркис неожиданно осознал это

— Мне не грустно? Я помню их всех, и мне не жалко? Братья... Сёстры... Авиад прав. Я та ещё мразота. — буркнул маг, присев на кровать и потянувшись за книгой.

Но книга была отложена и по-видимому была отложена навсегда. В дверь постучали. Коротко. Пару раз.

Маг перевёл взгляд на крохотную дверь и ответил:

— Входите!

Дверь раскрылась, впуская внутрь сутулую фигуру очередного трясущегося мага. На его лице было написано огромное желание поскорее убежать отсюда, забыть и эту проклятую комнату, и эту дрянную башню, однако по случаю величайшего подвига в своей карьере он стоял в дверном проёме, будто и вовсе не боялся чёрного величественного мага.

— Я слушаю тебя. — сказал Саркис, поправляя смятую простынь.

Маг сглотнул и произнёс, к слову, достаточно уверенно, как по бумажке:

— Маги башни Флотлер собрали всё то, о чём вы просили и готовы отправить вас в дальнейший путь!

В комнате повисла тишина, которая окончилась подъёмом Саркиса. Потянувшись в разные стороны и немного похрустев косточками, эдемский маг горой навис над бедным адептом, что готов был провалиться куда угодно, лишь бы не чувствовать этого гложущего превосходства.

— Приберешься тут, хорошо? — парень сглотнул и коротко кивнул, вжимая голову в плечи. — И ещё — я попрошу Авиада выдать тебе знак героя. Не всякий захотел бы связываться со мной да ещё и так уверенно... За тобой большое будущее! — улыбнулся эдемский маг.

Этот широкоплечий высокий чернявый богатырь, что нависал над бедным мальчишкой — это и был тот самый настоящий маг, настоящий мужчина, настоящая магическая сила.

Саркис отодвинул застывшего мага, коротко подмигнул ему и покинул комнату. Его шаги ещё долго раздавались в ушах паренька. Тяжёлые. Громоздкие. Громкие. Даже через неделю этот животный страх преследовал героического штатного мага. И через месяц эти шаги неотступно снились и снились, доводя несчастного паренька до пота.

Кто он такой? И... и почему пареньку так страшно? Что это за дрожь в коленях, что это за бессилие?

В коридоре наконец стало тихо и в воздухе слышалось лишь бешено скачущее сердце в груди у юного мальчишки.

Мана бурлила в его теле, будто напористые волны о скалистый берег. Подобный отдых действительно давал возможность привести тело в норму и Саркис был рад этому факту.

Спускаясь по небольшой деревянной лесенке он внезапно осознал, что не дочитал книгу до конца. Бросил на пол пути и красавицу, и этого рыцаря, погребённого в килограммах железа.

— Буду надеяться, что конец там хорош. Обидно будет знать о поражении того юнца. — проговорил эдемский маг, краем глаза видя дверь, открыв которую он сможет попасть в ту самую давно им забытую громадную залу.

Это произошло гораздо быстрее, чем все в зале предполагали. Несколько секунд и дверь с грохотом распахнулась, обнажая широкий зев прохода с чёрным богатырём в центре него.

Низшие адепты сложили руки на животы и низко поклонились, приковав взор к мраморному полу. Лишь один Авиад тяжело выдохнул, внутренне подавляя все свои эмоции и чувства, а после этого короткого действия даже смог радостно скрестить взгляд с Саркисом, словно и вправду был рад видеть этого богатыря.

Эдемский маг похрустел огромными пальцами, расправил плечи и двинулся к архимагу.
— Я знаю, что ты боишься. Но твоя попытка подавить эмоции не так уж и плоха. Лучше двигаться и развиваться, чем стоять на одном месте. — пропел своим басом Саркис, нагоняя ещё больше страху на глупцов, что готовы были рухнуть в обморок в любой, даже в самый ответственный момент.

Архимаг протянул руку и ощутил, как её буквально раздавили. Хватка эдемского мага была крепче хватки любого из смертных. Отряхнув руку после рукопожатия и немного поморщившись, Авиад приступил к диалогу, надеясь, что голос не дрогнет перед этим человеком, который нависал, словно горный снежный пик. Острый, покрытый плащом из снега, нелюдимый и недостижимый.

— Насчёт карты, смею вас огорчить. В нашей башне она отсутствует. — старец сделал попытку говорить твёрдо и чётко, но руки выдавали архимага с головой. — По поводу информации — мы готовы рассказать вам всё, о чём вы попросите. Без утайки — открыто и честно, как вы того и желали.

Саркис выдохнул, медленно осматривая своими звериными глазами плотный строй адептов:

— Скажи своим, что я не собираюсь причинять им вред. Пусть поднимут свой опущенный взор, а то становится стыдно за их трусость.

Авиад повертел головой, будто в негодовании, и крикнул:

— Ровняйся! Смирно! Всем смотреть на достопочтенного гостя нашего и по совместительству спасителя башни!

Штатные маги подняли головы, робко и не смело, что девицы перед брачной ночью.

— Так лучше? — заулыбался старик. — Давайте к делу — что именно вам нужно знать?

Эдемский маг немного постоял на месте и сурово спросил:

— Хотел бы знать обстановку в мире. Кто за главного, какие организации существуют и кого предпочтительнее поддерживать?

— В основу магической составляющей Нижнего мира положены учения двух церквей — Церкви Господа и Церкви Сатаны. Думаю, вы и сами понимаете чьего учения

предпочтительнее всего придерживаться. — намекнул архимаг, хитро скорчив мелкую полысевшую голову.

— Раз Церковь Господа занимается откровенной хернёй, моля Бога за дарованное людям проклятье, то чем же занимается Церковь Сатаны? Что исповедует?

Авиад шумно сглотнул и его глазки забегали из стороны в сторону. Он вновь почувствовал себя таким ненужным, жалким и бесполезным. Что есть правда в его жизни? Какой он выбрал путь? Думал ли когда-нибудь о сложности бытия? Что не всё белое обязательно белое? Следуя наставлениям старших, слушаясь советов родителей, Авиад бездумно совершал одни и те же действия. Ему и в голову не приходило, что он делает что-то неправильно, неверно, ненужно.

— Господи... Саркис... Я так хочу всё вернуть! Хочу прожить свою жизнь заново и наконец подумать своей головой, обрести собственные взгляды и мнения, понять, что хорошо, а что плохо лично для меня... Как бы я хотел всё сделать по-другому! — старик обхватил лицо ладонями и из-под узловатых тощих пальцев послышались горькие всхлипывания.

Адепты пришли в уныние и вновь вперили свой взгляд под ноги, осматривая блестящий мрамор.

— Авиад, не думай, что ты такой один. Я бы тоже мечтал всё исправить, вернуть дни со своими братьями в Эдеме. — архимаг оторвался от своих слез и недоверчиво, где-то с интересом, поглядывал на Саркиса. — Но жалеть себя — удел слабых. Вспоминая прошлое, ты лишь терзаешь себя и свою душу. Прими то, что сделано как должное и продолжай жить как сам того пожелаешь. Да и не смей позориться перед этой кучкой магов. Ты же ведь не кто-то, а их архимаг!

Авиаду всё-таки стало легче или почему сердце перестало быть таким тяжёлым? Будто что-то отпустило его. словно спали железные оковы, прочно заковавшие руки и ноги.

— Спасибо, маг! Помимо силы ты обладаешь и умом. — сказал Авиад, проникаясь к эдемскому магу неожиданной и глубокой симпатией. — Зря я жалею себя и так опускаюсь перед всеми. Да... Именно этих слов мне и не хватало.

На громадный зал опустилось облако молчания. Каждый маг думал о чём-то своём. Кто-то мыслил о том, правильно ли поступает, кто-то думал о родителях, которых ни одному адепту больше не удастся увидеть, кто-то думал о суровых законах Нижнего мира.

Неловкое молчание могло продолжаться бесконечно долго, однако Саркис был не из терпеливых:

— Выкладывай, я хочу знать какой точки зрения придерживается Церковь Сатаны. — пропел глубоким басистым голосом эдемский маг.

Ответ не заставил себя долго ждать. Губы архимага нехотя зашевелились, признав страшную правду:

— Они считают магию проклятьем и молятся за её полное искоренение и уничтожение. Саркис запрокинул голову и засмеялся как младенец:

— Никогда бы не подумал, что тёмные силы будут мудрее светлых. — архимаг покраснел, будто спелый арбуз. Ноги задрожали, отбивая свой танец. — Не то светло, что светится. Да, Авиад?

Как бы архимагу обидно не было, как бы не хотел он повернуть свою жизнь назад и прожить её совершенно по-другому, кивок в этом случае будет самым верным решением. Архимаг и вправду проиграл в этом вопросе. Сокрушительно и позорно проиграл какому-то

чужеземцу, толком не пожившему в их мире, а уже понимающему много больше, чем все люди вместе взятые.

— Это всё, что вы хотели знать? — зло спросил архимаг, вжимая посох в пол.

— Остался последний вопрос и я готов покинуть вашу обитель. Знаешь мага Демиурга?

Тишина накрыла зал, словно простыня. Люди были готовы разбежаться в разные стороны, лишь бы не слышать это проклятое и страшное имя.

Даже Авиад затрясся, будто осиновый лист под порывом холодного ветра, хоть Саркису и показалось это несколько наигранным...

— Демиург... Не говорите о нём. То был страшный человек, величайший маг...

— Был? — перебил Саркис своим убийственно-спокойным голосом.

— Он умер. Совсем недавно. Отдал душу Господу, воссоединившись с ним, хоть никто правды и не знает. Одно ясно — человек пропал без вести и никто его больше не видел. — сказал Авиад, надеясь тут же прекратить этот разговор, прекратить этот бешенный стук сердец каждого в шеренге магов.

Ветер за толстыми стенами никак не унимался. Он всё гнал и гнал песчаные вихри. Знойное солнце, сухой удушливый воздух, жёлтый песок вокруг высокой магической башни — природа жила своей особенной жизнью. Она жила, а брат Саркиса...

— Умер. Совсем недавно, да? Воссоединился с отцом... — процедил эдемский маг, совершенно спокойно уставившись куда-то в обшарпанную стену. — Брат! Он точно не мог умереть! — эдемский маг завертел головой. — Демиург не может быть мёртв. В противном случае все мои труды зря. И разлом времени, и перемещение...

Авиад непонимающе смотрел на растерянного чёрного богатыря да и остальные пытались понять хоть что-то, но...

— Кто убил его? Скажи имя, кто он и как его найти. — Саркис как обычно хрустнул костяшками пальцев.

«Это его родной брат?... Тоже с Эдема, да?» — Авиад посмаковал эту мысль и отчего-то улыбнулся своими сгнившими пеньками зубов. С умным видом потрогав бороду, он ответил:

— Эммм... Эрик Мартен. Да-да... Это именно он ответственен за смерть Демиурга Верхушка Церкви Сатаны. — архимаг призадумался и, будто не зная ответ, громко спросил Саркиса. — Простите, а кем вам приходится Демиург?

Эдемский маг вытянул спину и громко похрустел шеей, заставив магов вжать голову в плечи от постыдного страха.

— Кем приходится? Он мой младший брат. — Саркис благостно улыбнулся и неспеша поплёлся к выходу, вышагивая на своих тяжёлых ногах.

— Постой, подожди! С утра ты просил ещё кое о чём. — прокричал старец, ожидая, когда наконец-таки спина эдемского мага завершит своё движение к огромным кованым воротам, изукрашенным золотыми узорами.

Саркис остановился нехотя и совершенно без какого-либо желания:

— Неужели маги сей доблестной башни вручат мне артефакт? Или мне только так кажется?

Вместо любых слов Авиад подбросил обещанный посох вверх. Завершив полёт, артефакт приземлился прямо в мазолистые ладони Саркиса. Эдемский маг засмеялся, раскручивая тонкую фиолетовую игрушку, изукрашенную изумрудами и вычурными драгоценными камнями. Навершие было увенчано жирным гордым голубым гранённым камешком.

— Красиво. Мощно. Величаво. — восхитился Саркис, слушая стремительный свист посоха, вертящегося в руке, словно юла. — Дорогую игрушку вручили. Спасибо. Теперь осталось понять, каким образом пробудить мою вторую стихию.

Так и осталось непонятно с какой секунды в зале всё изменилось. Просто всё стало по-другому. Солдаты, что так доблестно держались на ногах, поспешили к лестнице, надеясь убежать куда подальше. Среди этого мельтешения на месте остался лишь Авиад, недоуменно глядящий на бег своих трусливых поданных.

— Не выдержали, господы? — Саркис засмеялся во все горло, начиная вливать ману в произведение искусства, аккуратно уместяющееся в твёрдых мужских руках.

Посох начинал подрагивать, продолжая впитывать энергию. Он всё напитывался маной и напитывался, пока в голове у Саркиса не застучало. Она стала разрываться от боли, виски стучали не хуже молота в руках рабочего, а глаза наполнились густой клубящейся тьмой.

Эдемский маг сморщился, сконцентрировался на плотной энергии, уже изрядно скопившейся в великолепном посохе, и, обернув в первую попавшуюся форму, высвободил её на волю.

Форма неожиданно обожгла холодом, а мана высвободилась в виде снежинок, голубой корки льда и порывистой снежной бури.

Лёд нёсся по всей башни, облекая её в прозрачно-голубоватую броню. Ледяная корка распространялась не хуже бубонной чумы и каждый маг успевал замечать ту гигантскую скорость, с которой стихия сковывала целую башню.

Снежная буря, порывистая, сносящая и до жути холодная, не вылетела дальше зала, сделав его единственным свидетелем своей неоспоримой мощи. Голубая накидка Авиада трещала не хуже трещетки. Сам маг подставил пред лицом свой дешёвый деревянный посох, который естественно никак не мог защитить старика от снега. Колкие снежинки вгрызались во всё подряд, будто голодные псы в кусок налитого кровью мяса. Буря ещё долго не унималась, заполняя зал высокими сугробами и ослепительно блестящим льдом.

Магия понемногу стихала. Лёд облёк магическую башню в свою прочную рубашку и прекратил издеваться над ней, бросая её, будто истерзанный никому ненужный труп. Посреди знойной пустыни, в окружении горящего воздуха, будто ледяное копьё, высилась башня Флотлер. Даже под лучами солнца лёд блестел, не в силах растаять. Ни одна капелька не сорвалась с мощной брони, ни одна снежинка не посмела дрогнуть.

Авиад шатнулся и, очнувшись от страшного кошмара, оглядел ранее такой громадный и величественный зал. В глазах стоял праведный ужас, в ушах звенело, по коже ползла, словно стая муравьёв, мелкая сеть мурашек.

— Постой, ты! Я просто так это не оставлю! — заверещал Авиад, принимаясь махать посохом и отряхиваться от осевшей на нём снежной насыпи.

В эту самую секунду тело Саркиса уже исчезало вдаль, превращаясь в уносящуюся от башни одинокую снежинку. В окружении песчаного урагана точка шла по вымощенной камнем дорожке, ведущей куда-то в неизвестную даль.

Эдемский маг улыбался, с гордостью опираясь на свой артефакт:

— Это сработало. Я смог высвободить магию второго плода. Такая обжигающая и холодная, ласкающая кожу... До мурашек! — хитро улыбнулся Саркис, неожиданно разворачиваясь в сторону блестящего копьё, что раньше являло собой одну из пяти величайших магических башен.

Где-то там, посреди сугробов и льда, кричал Авиад. Он кричал так громко, что лёгкие

отголоски его голоса доносились до ушей мага. Однако голос был так слаб и незначителен...

— Прости меня, старик! — зубы ярко блеснули в лучах солнца. Вспыхнувший огнём кулак был готов выпустить энергию. Саркис на пятках повернулся, как следует прицелился, размахнулся и послал вперёд мелкий огненный шар, что прочертил в знойном воздухе ярко-рыжий хвост.

— Теперь точно прощай! Живи счастливо и не серчай, дружище! — тяжело ступая по дороге, богатырь поплёлся дальше и только песок неистово вихрился под чёрными ботинками.

Шар шипел и обильно плевался огнём. Долетев и разорвавшись на куски, стихийный шар сотряс бывшую башню. Хоть шарик и казался мелким и незначительным, но даже одной бурной шипящей капли хватило для трещин. Те, словно юркие змеи, поползли по стенам, разрезая лёд на мелкие частички. Броня, с виду мощная и нерушимая, распалась на куски.

Флотлер медленно опустился вниз, оставив под собой всех штатных магов. Лёд, всё ещё ярко блестящий, попадал на песок. Над обломками башни взметнулась пыль вперемежку со снегом и ледяными кристаллами. Грохот прокатился по всей пустыне, будто последняя песня великой магической башни, так нелепо обрушившейся на жаркий песок.

Авиад раздвинул холодные обломки, что резали не хуже кухонного ножа, и с виноватой улыбкой посмотрел на мелкую удаляющуюся точку:

— Как же могло быть иначе? Подобные тебе просто так не уходят! — старик нервно рассмеялся, отряхивая бороду от маленьких снежинок.

Мелкие глаза пробежались по обломкам и в них застыла печаль.

— Флотлер, покойся с миром! Я обещаю выстроить тебя вновь, обещаю дать тебе жизнь! — сказал Авиад, нежно поглаживая холодные обломки. Маги потихоньку выползали из-под снега и кусков льда. И воздух встречал их своим горячим обжигающим напором.

— В добрый путь, эдемский маг! Я знаю, что нам ещё суждено встретиться! Отомсти за брата, я верю в тебя! — поклонился Авиад, слушая, как части бывших стен разбивались вдребезги, оставляя за собой лишь лужу отныне бесполезных осколков.

Фигура шла гордо и уверенно, как ходила всегда. Вытянутая спина, широко расставленные плечи, длинные чёрные пряди с редкой проседью и пристальный взор — Саркис всегда внушал ужас.

Прохожие, в этакую жару надевшие лёгкие серые капюшоны, озирались на богатыря, недоверчиво косили взгляд, а кто-то и шарахался в сторону. Но на реакцию других Саркису было намного больше, чем всё равно.

Дорожка, петлявшая вдоль пустыни, тянулась бесконечно долго, теряясь где-то за горизонтом. С каждым громоздким шагом людей становилось всё больше и больше. Кто-то улыбался, слушая собеседника, кто-то ругался резкой бранью, некоторые и вовсе устраивали драки и потасовки, несмотря на палящее солнце и тёплый ветер.

Жара потихоньку стихала, а песка становилась всё меньше и меньше. Вот уже ранее толстый слой истончился до уровня обычного комнатного ковра.

— Наконец-то я покидаю эту чёртову жару и пустыню. Никогда не был так счастлив. — равнодушно пробасил маг, наблюдая мелкие деревянные лавочки, до отказа наполненные товаром. — Какой дрянью тут торгуют? И как этот бизнес окупается?

Вопросы исчерпались спустя время, когда Саркис стал замечать людей, хватающихся за любую бутылку воды на прилавке.

— Эти люди... Они отдадут всё, лишь бы угодить своему жалкому телу. Неужто бог был прав, лишив людей всего прекрасного и вечного? — эдемский маг продолжил ходить, равнодушно поглядывая по сторонам. Некоторые просто пихали друг друга, другие зарывали лица своих врагов в песок, кто-то падал на тёплый камень уходящей вдаль дорожки, не успевая дойти до деревянных лавок и попить такой вожаделенной, такой желанной воды.

— Что? Неужели там конец? — где-то вдали, по-прежнему в ярком солнечном свете, виднелась зелень. Такая близкая, но одновременно и далёкая. — Конец пустыни оказался гораздо ближе, чем я думал. Остался день пути.

Богатырь, бряцая тяжёлым ремнём и железными кнопками на куртке, игнорировал шум и драки обычных людишек, разодетых в серую тонкую ткань. С гордым невозмутимым видом маг приковывал внимание каждого встречного и каменное наверху посоха мерцало в такт его величественной ходьбе.

— Эдик, Гедик, или как тебя там — я отомщу за Демиурга, клянусь! — каждое слово мага было, словно нерушимый закон. — Я никогда не прощу убийцу моего брата. Всё, зачем я оказался в этом мире — это ОН. — медленный топот взмывал над каменной дорогой, повисая в воздухе, словно облако. — Я разломал время, уничтожил законы природы, обманул самого Бога, оставшись бессмертным — всё ради одного человека. Я не безумец, нет. — Топ. Топ. Топ. — Это не моя прихоть, это даже не цель. — Топ. Топ. — Это мечта. Последняя. И если брат мёртв... — Саркис хрустнул пальцами, смотря в зеленеющую даль. — Его убийцу ждёт ад, что для него будет хуже смерти!

Эдемский маг вышагивал и вышагивал, окидывая округу своими жёлтыми фонарями:

— Несмотря на слова Авиада, я более чем уверен в Демиурге. Этот хитрец и огонь переживет, и потоп, и торнадо. Он всегда был таким... — мечтательно проговорил маг, будто удаляясь в те времена.

Сад, солнце, голубые ручьи, счастливые лица столетних юнцов, что улыбались будто наивные глупые детишки.

— Быть молодыми, глуповатыми, как дети — вот почему всё произошло именно так. Каким бы рай не был прекрасным, нашей миссией было повзрослеть, перерасти внутренних юных детей. — рука крепче сжала вычурный посох. — Может потому нас всех жестоко обманули, может потому каждый съел этот фрукт. Проклятья, полученные после всего этого, словно шрамы на теле этого ничтожного Нижнего мирка. Демиург, неужто после такого ты отдал свою жизнь в руки смерти? Братец, я никогда не поверю в это! — зубы ярко блеснули в свете солнца, а уголки губ разошлись в стороны, рождая привычную для него безумную широченную улыбку.

Эдемский маг улыбался так, как не улыбался никогда. Безумный, непонятный и непознаваемый, он приближался к своей цели, к своей последней заветной мечте.

Солнце начинало закатываться за край неба. Стало ощутимо прохладней и ветер ласкал пока ещё раскалённые, но уже остывающие щёки. Стало даже как-то привольней. Вот уже и народа около лавок поубавилось. Да и сами мелкие магазины приняли решение начать по очереди закрываться.

Но улучшавшаяся погода никогда не была предвестником чего-то хорошего и радужного. Саркис уже предчувствовал, что что-то пойдёт не так. И тогда он и подумать не мог, как последующая встреча облегчит путь к его мечте...

Под вольно разгулявшимся ветром, в окружении последнего песка, эдемский маг, шумя побрякушками на своём теле, приближался к единственному магазину, около которого по-

прежнему стояли три фигуры. Один, надвинув капюшон на лицо, протягивал серебряки продавцу, а двое других, в отдалении от покупателя, чего-то терпеливо ждали. Люди всё проходили мимо и проходили, и хорошо, что они успели покинуть эту часть каменной дороги, ибо двое ждущих фрика уже были готовы сделать свой ход!

Люди маячили перед глазами, спеша домой к детям, в магазины за снедью, и надеясь хорошенько отдохнуть этим привольным вечером.

— Чёрт! Как же мешают эти муравьи. — сквозь зубы прорычал Саркис, уже вздёрнув посох на изготовку. Правда маг не учёл, что его действие может оказаться бесполезным, ведь уже было слишком поздно...

Пошарившись в карманах и, вероятно, нащупав нужные вещи, двое фриковатых парней всё же решились подойти к прилавку, где всё ещё копошился покупатель.

Никто и ни за что не мог успеть лицезреть улыбки двух террористов, но Саркис буквально затылком почувствовал их, эти сладостно расплывшиеся рожи... Скрывающие головы под серыми капюшонами, странно себя ведущие, они тут же привлекли чересчур много внимания. Но даже это внимание отныне не могло возыметь какого-либо результата...

Руки нырнули в глубокие карманы серых балахонов и вернулись оттуда уже с небольшими стеклянными бутылками. Внутри них шумно плескалась горячая бурая жидкость. Всё остальное произошло в одно мгновение. Вспышка, жуткий грохот, сотрясший близлежащие магазины, зарево пламени, охватившее легко воспламеняющееся дерево. Огненные языки взметнулись ввысь, будто бы моля бога о своём прощении. Дымный шлейф потянулся вверх поначалу тонкой струйкой, а затем громоздкими тяжёлыми клубами.

Горящие, будто спички, люди пытались стряхнуть с себя пламя. Они снимали одежду, топтали её, однако их кожа уже съедалась этим ненасытным зверьём. В воздухе повис аромат чего-то палённого, видимо идущий от множества горящих тел, бегающих в разные стороны. С раскрытыми руками, будто бы хотя объятий, люди падали наземь, обуглившиеся и ставшими чёрными, как копоть.

Огонь, будто передавая эстафету, перебежал с одного прилавка на другой, с обжорством акулы пожирая тонкое дешёвое дерево. Крик, свист в ушах, огонь, окруживший Саркиса со всех сторон, тянувшейся вверх чёрный плотный дым — в такой ситуации любой с лёгкостью потерял бы голову, растерялся и не смог бы проанализировать творящееся в округе безумие.

Однако даже в этом аду, в окружении криков, смертей и запахов палённого мяса, эдемский маг подбежал к тому самому покупателю, к той самой жертве огненного теракта, что сейчас каталась по чёрной обугленной земле, в попытках сорвать со своего тела оплехших его руки и ноги длинных огненных змей.

Посох в руках мага завибрировал и каменное навершие замерцало ослепительным синим светом. Лёд, сорвавшийся с трости, накинудся на голодные огненные зубы, превращая их в недвижимые пафосные статуи. Покупатель лишь поморщился, ощущая, насколько сильно его тело сковал неожиданно появившийся лёд.

Внезапно на все прилавки, на всех барахтающихся, кричащих и бегающих людей набросилась метель. Снег тут же накрыл собой и огонь, и чёрных, как сажа, несчастных свидетелей нападения. Сугробы в считанные секунды прикрыли магазинчики, закрыли их, будто белёсые одеяла. Ледяная корка поползла по людям, в одночасье останавливая залезших на них буйных огненных зверей.

Метель закончилась также неожиданно, как и началась. Всё сразу стихло и казалось, что такого ужасного грохота и быть не могло в такой снежной глуши.

Люди, кто смог выжить в пожаре и выкарабкаться из высокого давящего сугроба, приходили в себя, отряхивались и молили бога о долгих годах жизни. Эдемский маг явно перестарался. Из его тела выходил сизый дым, глаза покраснели, словно свежие ягоды, а тело неистово зудело, иногда отказываясь подчиняться. Слишком много маны ушло на такого рода чары. Это будет уроком для Саркиса. Чаще использовать такие полезные заклинания не выйдет, какими бы красивыми и нужными они не были.

Посох был горяч, будто арабский мужчина. Ему досталось ну точно не меньше его обладателя и Саркис прекрасно понимал его, своего полезного фиолетового друга.

— Брат, держись. Будем стараться работать реже, иначе ты совсем треснешь. — приговаривал Саркис, поглаживая уставший разгорячившийся посох. Маг даже не подумал о своей жизни, что, между прочим, также могла оборваться после использования такого количества бурлящей и сокрушительной маны.

В заснеженной холодной области становилось всё менеелюдно. Те, кто твёрдо стоял на ногах давным-давно неслись прочь и не важно было в какую сторону бежать, лишь бы подальше отсюда.

Эдемский маг скривил выразительное волчье лицо, не в силах совладать с тяжёлой давящей отдачей. Помимо колющей боли во всём теле, его руку неожиданно сильно сжали. Хватка была мощная, крепкая, настоящая, мужская. И ещё это были последние силы человека, той самой жертвы, того самого покупателя, что никогда бы и не догадался о возможности покушения на свою скромную персону.

Его карие глаза были полны боли, будто этот неизвестный человек прошёл через такие страдания, о которых и помыслить нельзя. Губы дрожали, из уголка рта стекала густая слюна. Почти всё тело парня схватилось льдом, облачив его горящее тело в настоящую холодную броню.

— Так холодно... Помогите!.. — прохрипел мужчина, смотря прямо в звериные щёлки Саркиса. Морозный воздух поглаживал его кожу и теребил короткие кудрявые пряди пепельного цвета. Не плох собой внешне, хоть и обычен на вид.

Кому он мог так насолить? С виду довольно обычный парень, и не скажешь, что сильный и почётный маг. Простой горожанин, каких везде было пруд пруди. И чем же тогда он привлёк внимание тех двух террористов, которые, к слову, умудрились как можно быстрее свалить с разгоревшегося пожарища. Облачённый в обычную куртку нежно песочного оттенка, носящий простые безвкусные чёрные штаны, изрядно потрёпанные и изношенные — одеваясь в такой дешёвый наряд, он как-то умудрился привлечь внимание и накликать на себя огромную беду.

Парень продолжал дёргать руку Саркиса, приковывая к себе его внимание и взор. Силы становилось всё меньше и с каждым движением рука лишь слабела.

— Уберите с меня этот лёд... Я не хочу умирать! — проямлил юнец, всё дёргая и дёргая руку внушающего ужас богатыря.

— Ты не боишься меня? С чего ты взял, что я могу тебе помочь? — Саркис горько улыбнулся, стараясь показаться бодрым и полным сил. — А если я создан, чтобы нести только смерть? Ты не думал, что рука, которую ты безостановочно дёргаешь так неистово и сильно, на самом деле создана лишь для зрелищных и кровавых убийств?

Парень сглотнул и безумно рассмеялся, как могли смеяться лишь лишённые ума, в конец поехавшие злодеи в каком-нибудь дешёвом фильме:

— Я вижу, что вы не холонокровный бездумный убийца. В противном случае, вы бы не

спасли ни единой души. Но посмотрите на них, — вокруг ходили люди, потрясённые, растерянные и испуганные, но живые. Они по-прежнему могли дышать воздухом, ходить и радоваться жизни, хоть оставшись с огромными ожогами, хоть оставшиеся с незабываемым ужасом. — Именно вы спасли всех этих людей. И каким бы холодным вы не выглядели, людей раскрывают их поступки.

Саркис на один миг призадумался, но вскоре оценивающе посмеялся:

— Поступки говоришь? Недавно я убил приблизительно двадцать стражников и ещё одного сильного и важного мага. Как тебе такая новость? — голос эдемского мага был спокоен, сух и твёрд.

— Раз их убили Вы, значит они того наверняка заслужили. — прохрипел юнец, потихоньку закатывая глаза. Смерть всегда приходит незаметно и быстро.

— А если и ты заслуживаешь такой участи? Назови мне хоть одну причину, по которой я должен оставить тебя в живых. — маг смотрел надменно и явственно ощущал своё превосходство.

— Назвать причину? В этой глупой истории я — жертва. Вы не позволите умереть тому, кто оказался запертым в железной клетке, в совершенно беспомощном и уничижительном состоянии.

Саркис похлопал парня по плечу, одобрительно смеясь:

— Каков хитрец... Конечно я спасу тебя. Не могу же я бросить такого никчёмного отброса как ты! — маг улыбнулся и провёл посохом вдоль толстой корки льда. Та моментально разбилась на множество осколков и испарилась в холодном студёном воздухе.

— Сколько тебе надо, чтобы придти в себя? — задал вопрос Саркис, шатаясь на непослушных ногах.

Покупатель тяжело выдохнул, ощущая, как в ноги и во всё тело возвращается жизнь. Живая и бурлящая сила топила этот жгучий холод, глубоко застрявший в теле паренька. Невольно юнец улыбнулся и смахнул слезу обожженным рукавом, чёрным, как сажа:

— Как же всё-таки прекрасно жить. Я воистину счастлив. — в стопу уже почти вернулась жизнь и пальцы двигались с обыденной скоростью. — Дайте мне пять минут. Я знаю один дом неподалёку. Там живёт моя тётя, мой друг и родственник... — где-то смущенно пролепетал паренёк, ложась на покрытую мягким снегом землю.

— Давай пацан. Живи и приходи в себя. Да побыстрее. — Саркис неуклюже проковылял к почерневшим доскам, ранее составляющим удобную уютную скамейку, что стояла около ближайшего полностью уничтоженного в яростном огне прилавка. Как же стало легко... Боль отступала, будто раненный в ногу зверь, в тело вливалось невиданное доселе тепло и облегчение. — Как же хорошо... Мне так тепло, а вокруг так холодно.

Снег искрился в лучах заходящего солнца. Где-то белый ковёр уже нехило так потёк, где-то его всё ещё сковывала прочная ледяная корка. На засыпанной белым ковром каменной дороге стало безлюдно и очень тихо. Все, кому удалось выжить, давно уплелись восвояси, оставив жертв пожара на растерзание льду, снегу и медленному разложению. Множество людей отдали жизни в этом пепелище и эдемский маг молитвенно надеялся, что все они сгорели не зря, хоть в глубине души ему было искренне всё равно на уничтоженные жизни.

Воздух пах морозом. Он сковывал щёки, охлаждал руки, но одновременно давал столько жизни и тепла, сколько не могло дать и самое жаркое солнце. Вдыхая его, ты ощущал, что живёшь, и это было самое бесценное в этом снежном празднике.

Саркис и не заметил, как рядом с его громоздким богатырским телом приземлился тот самый несчастный кудрявый покупатель. Его куртка являло собой чёрное дырчатое прожжённое месиво, да и что тут скрывать, даже сапоги обзавелись огромными чёрными дымящимися дырами.

Сам парень лыбился как самый последний счастливчик-оптимист, будто не его сейчас пытались поджечь совершенно неизвестные люди без всякой на то причины и смысла. Вероятно, он и не думал что выживет, когда на тёплой земле в последний раз истерически катался с огнём на теле. Что могло быть хуже смерти в объятьях огненных кнутов?

— Я смотрю, вы очень сильный маг. Аж гордость пробирает! — с уважением отметил парень, счастливо глядя на уходящее за горизонт ярко-рыжее солнце. — Вы спаситель получается и спасли не столь мою, сколь жизни всех остальных от голодных пастей яркого пламени!

— Ты не боишься меня, но почему? — с подозрением спросил Саркис, вопросительно поднимая густую чёрную бровь.

— Если я буду бояться своего спасителя, то как смогу отблагодарить его? — слова парня звучали более чем уверенно и смело. — Зачем мне бояться человека, способного спасти жизни совершенно незнакомых ему людей? Такие как вы буквально созданы для похвал и искреннего уважения.

Эдемский маг звучно расхохотался, отбрасывая непослушные чёрные пряди за спину:

— Тебе лучше знать. Я себя таковым не считаю. Мне ещё долго до истинного человека... — Саркис горестно вздохнул, а покупатель и не заметил. — А вот меня никто и никогда не сможет спасти, получается. Это так грустно. — перевёл тему эдемский маг. Брови тут же притворно сошлись вместе, всё лицо исчертили складки, губы задрожали...

— Разве вам сейчас грустно? Веселитесь, говорите равнодушной чиновников...

Ответом бывшему покупателю стала тишина. Мертвенная тишина, прерываемая лишь далёким гулом, хрустом снега под ногами так ещё и не пришедших в себя прохожих, да тресканьем понемногу тающего разрушающегося льда.

— Ты готов, друг? Ещё успею отдохнуть. Главное — покинуть это чёртово место. Террористы успели смыться и я даже не представляю в какую сторону они побежали. Они ж могут вернуться и проверить твой труп. — заключил богатырь, встал со скамьи и, немного шатаясь из стороны в сторону, поплёлся по заснеженной дороге, мимо засыпанных белым ковром лавочек и трупов сгоревших обезображенных тел, коим не посчастливилось спастись в этом аду.

— Пойдите! Я поведу вас вперёд к самому близкому родному домишке, что я знаю. — кудрявый паренёк, будто только сейчас вспомнив о родной тёте, вспорхнул и засеменял по сугробам.

— Раз так, то веди. А то и заблудится недолго в этой вашей противной жаркой пустыне.

Мальчишка опередил мага и только тогда сбавил темп. Две фигуры ещё долго топтали снег, что наконец-то начал таять. Они бы так и шли, в тишине, если бы Саркис не разрушил эту сказочную морозную атмосферу:

— Звать тебя как?

— Демьян. Обычный парень, окончивший магическую академию и ставший совершенно типичным для нашего мира адептом храма Господа.

Снег хрустел под ногами двух магов. То был приятный родной звук, так сильно ласкающий слух любого жителя заснеженных районов.

— Работаешь на магическую башню, я прав? — сурово спросил Саркис, в такт тяжёлой поступи чёрных, до блеска чищенных, ботинок.

К слову, двое магов пересекли невероятной красоты бело-коричневую черту. Приятный морозец, белизна снежного ковра, освежающий душу воздух, свежий и чистый — всё это оказалось за их спинами. Сами же маги бодро пошли вдоль обычной потрескавшейся каменной дороге, по обе стороны окружённой тонким слоем сыпучего песка и мелкими пересохшими стволами приземистых деревьев.

— Да, работаю на башню, всё так. Серебро нехило отваливают, да и работёнка доставляет. Что может быть лучше бурно текучей по жилам мане? — радостно запел Демьян, заставив Саркиса улыбнуться. От этого адепта так и веяло позитивом, который был готов сносить с ног лишь одним мимолётным дуновением. Демьян точно был не из робкого десятка, не из строя тех трусов, обитающих в башне Флотлер. А может Саркису так показалось лишь на первый взгляд? Вдруг этот Демьян умел, как и сам бесчувственный богатырь, вовремя притворяться?...

— И вправду. — тем временем Саркис продолжил диалог, стараясь отвлечься от своих рассуждений. — Мана, бороздящая просторы твоего тела — это лучшее чувство, ради которого стоит жить. — мечтательно произнёс эдемский маг. Каким бы проклятьем не была магия, каким наказанием не служила, сила легко вскруживала голову и позволяла почувствовать себя гораздо сильнее и круче, чем ты был на самом деле. Идеальная маска, за которой вполне себе мог прятаться ранимый трус, подверженным словам и лёгкий в подчинении... Магия действительно могла быть использована в качестве маски и эдемский маг непременно ещё вспомнит об этих выводах.

А если говорить на чистоту, то как магия и эти плоды могли стать наказанием? О чём думал Бог, отправляя наполненных силой собственных детей в Нижний мир? Провинившиеся, потерявшие бессмертие, отринутые отцом и оставленные на собственное независимое существование, эти люди были сильны. Юнцы выжили и продолжили род. Им всем помогла лишь магия. Так почему Бог позволил им уйти с магией внутри? Не было ли это глупостью или всё не так просто?

«Отец... Может и ты иногда можешь ошибаться? А может... А может ты и сам подвержен чувствам и все свои решения о нас, своих детях, принимал под управлением эмоций?... Тогда ты самый слабый и глупый из всех!»

Суровый жаркий ветер, изрядно похолодевший к вечеру, поднимал песок ввысь. Кружа, маленькие песчаные торнадо пересекали пустыню, словно маленькие невесомые детские игрушки. Люди пропадали в своих домах, с этой дороги кажущихся нелепыми миражами, сама пустыня была пуста и глуха.

Демьян даже не косился на необычного спутника. Чувствуя себя в уюте и безопасности, парень смело шёл с ним бок о бок, пристально вглядываясь куда-то вперёд.

— А как мне обращаться к вам?

— Меня зовут Саркис. Будем знакомы! — улыбнулся маг во всю ширь.

— Интересное имя... Саркис, мы почти дошли. Ещё немного...

После этих ободряющих слов, эдемский маг неожиданно резко почувствовал боль во всём теле и такое сильное опустошение, что хотелось зарыться в песок и отдохнуть от этого шумного мирка. Жилы были истощены, а мана до самой последней капли покинула могучее тело.

— Прекрасно. Я тоже вижу вон тот дом. Кровать — жди меня! — громовым голосом

расхохотался Саркис и его жёлтые глаза ярко блеснули, будто мощные фонари.

Дом уже был рядом, буквально рукой подать. Ветер и по сей час гнал песок, а солнце мелкой точкой застыло у горизонта, почти полностью исчезнув. Ночь сгущалась, погружая пустыню в свою бездонную черноту. Тени удлинялись, превращаясь в чёрных причудливых гротескных тварей.

Рядом с уставшим и еле идущим Саркисом бодро вышагивал Демьян, даже после пережитого ужаса продолжая весело, как ни в чём не бывало, свистеть. То была прекрасная мелодия, которую не грех было петь в качестве колыбельной маленьким детишкам. Успокаивающая, дающая силу и надежду, эта музыка подстёгивала Саркиса идти и идти, бряцая серебряными пуговицами на чёрной, туго сидящей, куртке. Высокие ботинки то и дело погружались в объятый песка и казалось, что добраться до заветного дома невозможно, пока этот песок вихриться у самых ног и всячески мешает идти.

— Демьян, кем были те люди? — неожиданно спросил Саркис, в который раз стискивая зубы после очередного тяжёлого шага.

— Судя по всему это были твари с Церкви Сатаны. — предположил Демьян, всё ещё звонко и беззаботно насвистывая.

— С Церкви Сатаны? И часто они устраивают такие кровавые мероприятия? — поинтересовался эдемский маг, почти падая на песок. До чего же мало маны... До чего же мало сил...

— Часто. Часто. Именно потому я и оказался тут. Мои родственники... Они недостаточно сильны, чтобы защитить себя. — проговорил Демьян, сжимая кулаки и пытаясь всяческими силами показаться отважным, бесстрашным и сильным.

— Защищать их явился? — ехидно спросил Саркис, глядя прямо на ярко горящие окна рядом стоящего, такого вожделенного дома.

— Архимаг нашей башни поведал о многочисленных нападениях адептов Церкви Сатаны на простых мирных жителей. И случаи эти участились конкретно в зоне подле Флотлера. — подавленно ответил Демьян, уныло глядя под ноги. — Я был обязан оказаться тут. Щит всегда нужен возле семьи, верно?

— Верно-верно. Хороший ты парнишка. Уважаю таких. — прошипел сквозь зубы Саркис. — В тебе меня не устраивает лишь одно...

Эдемский маг ожидал дрожи, паники или как минимум бегающих глаз, а на деле получил полное равнодушие. Демьян и не думал начинать бояться чего-либо, по-прежнему невозмутимо продвигаясь сквозь песчаное море.

— И в чём же проблема? Поведаете? — голос Демьяна снова стал озорным и помог Саркису выдавить тяжёлую улыбку.

— Смелый, добрый и верный. Ты ещё лучше, чем я о тебе думал. Единственное, что не так — наше общение. Необходимо перейти на «ты».

Просьба мага прозвучала как нелепая шутка, отчего Демьян не побрезгал хорошенько посмеяться, кладя руки на живот:

— Без проблем, Саркис. — произнёс Демьян, о чём-то серьезно задумавшись. — Слушай, в случае непредвиденной ситуации ты сможешь мне? Я имею ввиду твоя сила, стать и магия буквально созданы для защиты других.

— Предлагаешь... Фууу... — застонал Саркис, почти падая на песок. — Предлагаешь

объединить силы, малец?

Эдемский маг оперся о дощатую стену небольшого дома, закатывая уставшие жёлтые глазища.

— Именно это я и имел ввиду. Ты совершенно прав. — бодро подтвердил Демьян, поспешно добавив. — Заходи, Саркис. Сейчас будем знакомиться ближе.

Два мага распахнули деревянную дверь и ввалились в душный небольшой домик, сложенный из самых простых брёвен молодых деревьев, которых и не встретишь в этих жарких засушливых районах. И дорого наверное такое дерево то стоило... Ярко горящие свечи, дарящие необычайно сказочную атмосферу, на стенах развешаны засохшие прутья каких-то ярких деревьев, под самым потолком, окидывая всю тесную комнатку, покоилась икона Господа Бога с венком на голове, удивительно похожая на Отца Саркиса.

— Как же я мечтал попасть сюда... Можете предоставить постель? — вымученно улыбнулся Саркис, смотря прямо в красивые карие глаза молодой девушки. Волосы, цвета вороньего крыла, ниспадали вниз, лихо петляя вдоль спины. — Вы так прекрасны. Я не в себе, видя такую красоту. — голос Саркиса был как обычно сух, но в душе маг и вправду был тронут необычайной красотой.

Девушка опешила и сделала два осторожных шага назад:

— Демьян, это кто? О твоём прибытии я знала, но почему ты меня не предупредил о втором маге?

Мальчишка поправил свои пепельные кучерявые волосы и смущенно ответил:

— Тётя Аделия, этот человек спас мою жизнь. Да что там мою, множество людей могло погибнуть в жарких объятьях того пламени. — вычурно-пафосно сказал Демьян, указывая на Саркиса. — Он невероятно сильный, смелый маг. И это честь принимать его в нашей скромной деревушке. Если я щит, то он настоящий зверь, способный изорвать на части даже, не побоюсь таких слов, самого Эрика Мартена!

Красивая молодая девушка настолько была тронута словами племянника, что грохнулась на пол в ту же секунду. Или её неприспособленное к магии тело всё-таки не выдержало напор и ауру маны, исходящую откуда-то изнутри Саркиса...

«Ничего, привыкнет» — улыбнулся маг.

— Саркис, иди укладывайся, а я сам тут разберусь. — громким голосом приказал Демьян, богатырь же и не стал сопротивляться. На негнущихся уставших ногах он пересёк комнату, юркнул в открывшийся взору проход и завалился на тёплую кровать.

— Боже... Никогда бы не подумал, что буду повиноваться и удовлетворять своё тело. И насколько я стал слаб и жалок? С другой стороны... Как же прекрасно всё расслабилось. Ни единой грамма боли. Только умиротворение и покой. — эдемский маг блаженно улыбнулся, всё больше удивляясь себе.

Вот так, под неостановимый говор внука и пришедшей в себя тети, черноволосый богатырь плавно ушёл на покой, погружаясь в мир снов, совсем как настоящий человек. Даже не как. Этот жутко выглядящий, колкий, спокойный и без эмоциональный высокий богатырь и был маленьким человеком. Крупинкой в большом мире. И значительнее его не мог сделать ни факт родства с Богом, ни тем более факт рождения в Эдеме.

Невыносимый храп облаком повис над синей кроватью. Храп, исполненный благодарности и истинного человеческого наслаждения. Даже Саркис оказался слаб перед потребностями своего тела. Может это было и к лучшему? Ведь всё это и делало человека человеком. Слабая ноющая душа, требующая еды, отдыха и спокойствия — как Саркис мог

найти в этом нечто плохое?

Утро наступило довольно быстро, встретив похолодевший за ночь песок горячими солнечными лучами. В доме пока ещё было холодно. Такая тишь и спокойствие...

— Эрик... Я доберусь до тебя. Я знаю, что слова Авиада ложь. Ты не мог прервать жизнь столь сильного мага, как Демиург. Но если вдруг... — Саркис хрустнул костяшками пальцев. Желтые звериные глаза уставились на ярко-рыжий деревянный потолок, под сводами которого летела маленькая мушка. И отчего-то маг представил, словно это крохотное невесомое тельце принадлежит главе Церкви Сатаны. Хлоп. Насекомое навсегда осталось прилепленным к потолку, раздавленное в кашу.

Саркис прошёлся по спальне, разминая застывшие от холода мышцы. Тепло пробуждало тело и взор становился всё чётче, а картина происходящего — всё ярче.

За стенами был слышен свист стремительно несущегося ветра, звуки пробуждающейся деревни и ещё какие-то неясные стоны, всхлипы и причитания.

— Для кого-то утро недобрым обернулось. — заключил Саркис, довершая серию интенсивных упражнений.

Проснувшись и как следует разогревшись, богатырь пересёк небольшой арчатый проход, оказываясь в уже изрядно потеплевшей на солнце части дома. Длинный уютный полукруглый стол так и манил к себе лежащими на нём спелыми красными яблоками. Наливные и сочные, они ярко блестели в солнечном свете, так и маня к себе, просто зазывая.

И все было привольно, спокойно и обыденно. Атмосфера настоящего деревенского утра. Странно было лишь одно...

Всхлипы. Стоны. Неужто они раздавались не из-за стены? Неужто кто-то плакал в этом доме? Трясущееся, дрожащее от плача тело лежало подле резного стула. Сгорбленное, жалкое, но даже в таком положении очень милое.

— Аделия, да? Что вы забыли на полу? Вам не холодно? Может укрыть одеялом? — ехидно поинтересовался маг, хоть уже и понял, что должно было произойти нечто необычное. Случилось нечто такое, что сбilo красотку с толка, что заставило её лежать и рыдать, попутно потирая воспалённое от слёз лицо.

— Демьян, он как-то вас обидел? — спросил маг, слыша, как рыдания участились и стали в разы громче. Аделия принялась кулаками бить пол и казалось, бить его женщина может бесконечно.

— Девушка... — растерялся маг, не найдя решение лучше, чем перевернуть её лицом к потолку. С лёгкостью обезьяны богатырь взялся за места подле подмышек и, приложив немалую толику силы, перевернул женщину на спину.

Аделия и не сопротивлялась, продолжая тереть своё лицо. К слову, оно было ужасно... Красное не только от слёз, но и от застывшей крови, оно являло собой один большой синяк. Искалеченное, обезображенное личико предстало перед Саркисом. Ранее это личико так тронуло сердце мага своей красотой, а вот уже сейчас оно было покрыто россыпью синяков, открытых ранений и сгустков крови, пузырящихся на пару с соплями.

— Кто такое сделал с вами? — поинтересовался Саркис, смотря на густое кровавое пятно, раскрашивающее деревянный пол.

Шипя и плюясь кровяными сгустками, Аделия подала голос:

— Я защищала его как только могла... Я била их и била, по лицу, по спине, по ногам... Но... Они оказались чересчур сильными... — её раны помнили эту боль. Ноги, несущиеся к

её стройной талии, мощные кулаки, погружающиеся прямо в её аккуратное опрятное лицо. — Твари в капюшонах... Я никогда не забуду их безжалостные удары... — промямлила Аделия, вытирая кровь и слёзы.

— Твари в капюшонах. Снова они. Значит Демьян им и вправду зачем-то нужен...

— Не называй имя этого уroda! — оборвала Аделия. — Видимо, он заодно с этими тварями.

— Заодно?

— Демьян поговорил с ними, шёпотом, лишь бы я не услышала, и добровольно сдался. Отдался им, как дешёвая сельская шалава. Он... — всхлипы и глубокие вздохи становились всё чаще. — Мой любимый племянник подошёл ко мне, плюнул в лицо и... Демьян ударил меня прямо в лицо. Он... Он выбил мне два зуба, ударил два раза своей тяжелой ногой прямо в живот и просто ушёл.

— Что? — неверяще спросил Саркис.

— Я ненавижу его... Отныне он — не часть моей семьи! — отрезала Аделия, потирая разбитые в кашу руки.

Даже по этим нежным окровавленным рукам было видно, как же она старалась ради члена своей семьи. Но... неужто Демьян предал и мага, и свою тётю?

— Думаешь он лгун, да?

Аделия кивнула и, вероятно окончательно расстроившись, зарыдала пуше прежнего.

Саркис же прошёлся по комнате, что-то интенсивно обдумывая.

— Аделия, ваш племянник был щитом. Я чувствовал в нём эту твёрдость, стойкость и силу. Хорошие щиты никогда не крошатся. — заключил эдемский маг, а женщина всё продолжала рыдать, лёжа на холодном полу.

— Да не реви ты. Демьян наверняка спас тебя, дурашка. Без его удара ты бы давно лежала мёртвой в близлежащей канаве, умерев от рук тех двух убийц в капюшонах. Лучше лишиться пары зубов, чем всей жизни, верно? — подметил Саркис, аккуратно беря хрупкую красотку на руки.

Спустя некоторое время маг положил её на кровать. Заплывшие в синяках глаза выражали любовь и благодарность. Саркис умел дарить надежду, умел дарить тепло и силу.

Порывшись на кухне, маг нашёл идеально белое полотенце, смочил его холодной водой и, бодрым шагом подскочив к женщине, сделал ей мини компресс.

— Спасибо тебе, Саркис. Может Демьян не предавал никого. Он просто хотел увести тех тварей подальше от деревни... Я надеюсь на это... Да-да, это похоже на него. — занервничала Аделия. — И... Эм, я хотела отметить — ты очень заботливый. — еле двигая губами пропела Аделия.

Саркис решил игнорировать все слова леди и уже было вышел из дома:

— Маг. Поцелуй меня.

Богатырь расправил грудь и посмотрел на Аделию. Если б не полотенце, скрывающее половину раскисшего в крови лица, Аделия была бы самой красивой женщиной в его жизни.

— Если тебе станет от этого легче, то... — Саркис деловито подошёл к кровати и, нагнувшись, впился в губы красавицы.

Поцелуй был горьким от крови и не таким сладким, каким мог бы быть, но богатырь стерпел. Эта женщина была опытна в любви и наверняка могла ублажить его своими нижними привлекающими губами.

Но не таким должен быть эдемский маг. Он не должен предавать свои взгляды и

идеалы. Иначе какой он тогда воин?

Отстранившись, Аделия улыбнулась ослепительной улыбкой.

— Как же я мечтаю о таком племяннике, как ты. Демьян и пальца твоего не стоит. — горестно выдохнула женщина, снова погружаясь в уныние. — Спасибо, твой поцелуй дал мне сил. Не забывай обо мне и если вдруг что-то понадобится. — её рука нежно коснулась твёрдой ладони Саркиса. — всегда обращайся.

— Буду знать. Прости, но я обязан оставить тебя здесь один на один с тишиной.

— Не волнуйся, со мной всё будет нормально. Как-нибудь справлюсь, позову местного лекаря... — девушка игриво улыбнулась и, будто бы нечаянно, засветила те самые нижние губки. Прелестные, аккуратные и влажные. Саркис не смог удержаться от соблазна и вперил в них свой волчий суровый взор.

— Женщина, не думай, что я какой-то похотливый слабак. Потакать своей плоти — удел низших. Вообще дам тебе совет — надевай нижнее бельё, а то любой слабый недомужчина воспользуется тобой при первой же возможности. — маг обернулся к женщине спиной и пошёл к выходу.

— Я должна была понять, что ты не такой как все. И... И это прекрасно. Я благодарна, что на земле есть такие сильные и честные люди с твёрдыми идеалами и убеждениями. — нижние губки спрятались в складках платья. — Удачи тебе, Саркис. Спаси Демьяна. Я знаю, ты можешь. — добавила Аделия, любовно поглядывая на удаляющуюся спину.

Дверь шумно закрылась, оставив девушку один на один с тишиной, лёгким шумом песка за стеной и болью. Болью, что буквально сжигала её живот и лицо. Болью, что оставили ей не только двое тёмных адептов, но и Демьян. Тот самый любимый племянник, что думал о себе как о крепком и надёжном щите.

Саркис оставлял позади дом за домом. Медленно, но верно, богатырь приближался к центру деревни. Вокруг бродили люди, несчастные и сгорбленные от тяжёлого труда. Многие жаловались на ужасную жизнь, на нехватку в деревне продуктов и воды, на самые типичные проблемы любого населённого пункта, будь то город или село.

— Мой сын. Как могли сломить такого сильного мага? — кричал выбегающий из дома мужчина, на ходу вытирающий слёзы.

— Успокойся. Он вернётся, он точно вернётся. — кричала его старуха жена, вечно поправляющая подол своего домашнего халата. — Его отпустят и мы будем жить вместе... Я точно знаю!

Оставив позади ещё пару бедно построенных домишек, Саркис вышел на главную площадь. Как и подобалось главной артерии деревни, здесь было оживлённо илюдно. В центре гордо высился мощный ствол дуба, окружённый приземистыми деревянными скамейками.

Пройдя сквозь толпу кричащих людей, маг заметил приколотые к дереву объявления и все они, как один, кричали о пропавших магах самой разной масти. Единственным сходством между ними была магия, что была на порядок выше способностей остальных людей этого села.

— Здесь взаправду пропадают сильные люди. Адепты и Эрик Мартен — они совершенно точно затевают нечто темное. — сказал маг, всматриваясь в суровые волевые лица пропавших без вести.

И только сейчас до мага дошло — все эти люди собрались на площади не просто так.

Вряд ли кому-то захотелось пройтись под палящим раскалённым солнцем. Все эти люди, бородатые, молодые, с лицами, испещрёнными морщинами — все они...

— Тоже сын? — всплакнула пухлая милфа, дрожащими руками прикрепляя очередное объявление о пропаже, на котором красовался молодой парень с лучезарной ослепительной улыбкой.

— Ага... Гарри... Я надеюсь что он жив. И на твоего надеюсь. Они оба вернутся! — безумно пропела молодая леди, держась за свой листок.

Деды убирали улицы, сметая сорвавшиеся с дерева объявления, на которые уже не хватало места даже на этом толстом всеобъемлющем стволу.

— Эрик... Ты нарочно отбираешь жизни? И тебе всё равно на всех этих несчастных бедных людей? — спокойно спросил Саркис, видя отцов, падающих на землю в глубокой молитве, матерей, заливающихся горькими слезами и детей, что вновь мечтали увидеть улыбки своих братьев и сестёр.

Такое уныние и... запах смерти? Да, это точно был он. Мана забурлила в жилах Саркиса, готовая неостановимым штормом вырваться из тела.

— Кто-нибудь! — закричала женщина, и на её страшный вопль тут же обернулись абсолютно все присутствующие на площади. — Спасите моего сыночка! — женщина раскинула руки в стороны, плача и смеясь одновременно. И каждый человек отлично понимал её. И каждый вспоминал своих детей, покинувших дом навсегда. — Я не могу так больше! Если он не вернётся...

— Ты его больше не увидишь. — убито произнесла древняя, как век, старуха. — Все, кто пропал, уже не вернутся в наши тёплые объятия. Я жду своего внука уже без малого лет двадцать. Прости за откровение... — грустно пробурчала старуха, со слезами на глазах убираясь прочь сквозь толпу людей, опешивших от таких горестных откровений.

— Двадцать?... — не веря спросила женщина, падая на белые колени. — О нет... Нет... — её глаза вылетали из орбит, превращаясь в безумные сферы. — Он точно вернётся раньше. Мой сыночек. Он точно будет здесь уже очень-очень скоро. Я знаю, он не покинет меня! Я это знаю! — люди стали расходиться по домам, ведь кто ещё мог помочь этой несчастной отчаявшейся женщине? — Уходите. Вы все не верите мне. Я докажу всем, что мой сын сегодня же вернётся ко мне! Он вернётся! Вернётся! Вернётся! — каждое её слово сопровождалось стуком головы о аккуратную твёрдую дорогу и кровь пятнами ложилась на тёплый камень. И кто мог её спасти? Потерянные, грустные и убитые люди, что сами мечтали о возвращении своих близких? Или бесчувственный эдемский маг, лишённый почти всего человеческого?

— Вернётся! Вернётся! Вернётся! Я знаю! — скоро удары прекратились, ведь черепная коробка развалилась на части, заставив мозг вытечь на грязный камень.

Площадь опустела и лишь песок блуждал по центру деревни.

— Ты перепутала. Он не вернётся, это ты присоединишься к нему. — пробасил Саркис, хрустнул пальцами и взял нужное направление. — Адепты тьмы... Кровь Аделии была свежа и удары были нанесены явно не так давно. Далеко от деревни те твари уползти не могли. — с такими мыслями Саркис оставил позади и вымощенный камнем путь, и опрятные деревенские дома, и мощный дуб, на котором висели волевые лица всех пропавших в этом маленьком селе.

Песок дул в лицо. Было так тихо и спокойно. Зной постепенно спадал, уступая место прохладе и свежему ветру. Песок, почти полностью истончаясь, незаметно поменялся на

густую зелень, обильно растущую по обе стороны от мага.

— Как же прекрасно. Свежесть, бодрость духа, бурлящая сила — Демьян, я уже близко! — ветер трепал размашистые зелёные кусты, раскидистые кроны деревьев, а солнце ярко светило в ясном голубом небе.

Где-то вдалеке, между тут и там росшими деревцами, виднелась кривая башня, поросшая старым мхом и уродливо разломанная змеящимися трещинками.

— На месте несносных адептов, я принял бы эту башенку за повод к отдыху. Думаю, Демьян там. Голову мне на отсечение если я ошибаюсь! — маг и не заметил, как кулак сам собой ярко вспыхнул, разбрасывая множество ярких искр. Сила была готова воплотиться в физическую форму и разнести округу на мелкие части, что Саркису было лишь на руку!

Рядом с башней совершенно точно кто-то находился. Это было даже не предчувствие, Саркис знал наверняка. Сквозь густые зелёные шапки кустов было тяжело разглядеть что-либо, но смутно вырисовывались по крайней мере две фигуры со вздёрнутыми кверху капюшонами. Немного отогнув парочку тонких ветвей, стал заметен и третий силуэт, что в противовес адептам лежал крепко связанный по рукам и ногам. В придачу, его рот занимал крепко положенный в него кляп.

И казалось — ситуация хуже некуда. В путях ты будешь брыкаться, пытаться спасти свою любимую жопу и звать на помощь... Однако Демьян, похоже, был неким исключением. Спокойный, как бревно, он всё лежал на мягкой траве и лежал, будто бы наслаждаясь покоем и уютом.

— Вот крысёныш. Что он задумал? — Саркис сузил глаза, но время на подумать было безжалостно убито.

Адепты подскочили на ноги и встали в боевые стойки, повернувшись аккурат к кусту, где отсиживался эдемский маг.

— Сейчас мы проверим из какого теста они слеплены. — поняв, что более скрываться смысла не было, Саркис разогнулся, горой нависнув над несчастным кустом, таким маленьким и смешным рядом с огромным богатырём.

— Такой смешной... Пытался скрыться от нас? — спросил один из адептов, срывая драный сельский плащ и обнажая мускулистую фигуру, укрытую фиолетовым одеянием. По всей ткани шла россыпь голубых гранённых камушков, ярко блестящих на солнце, а по краям шла аккуратная вышивка белыми нитками, узорами петлявшая по всей ткани. Сам адепт был лыс, как яйцо, с крупной полной головой, оканчивавшейся рыжей бородой.

— Твою ауру не почувствует лишь низший маг. Такая сила, такая мощь... Мне не верится в существовании таких сильных людей. — с благоговением отметил уже второй адепт, также скинувший свой драный безыскусный плащ. Под ним показалось щуплое дряхлое тело, обделённое всяческой мускулатурой, обтянутое в такое же фиолетовое одеяние. Сам парень был лыс. Глаза сидели глубоко, взор был умён, черты лица были остры и привлекательны.

И только сейчас Саркис разглядел одну деталь. Их фиолетовые одеяния... На уровне груди было вышито то, что без сомнения можно было назвать кричащим символом Сатаны.

— Перевернутая пятиконечная звезда. Пентаграмма. Вы последователи тёмных сил? Иной раз я считал, что вы зовёте себя так для пафоса, но видимо я ошибался. — на уровне груди у каждого из адептов, белыми яркими нитками было вышито по пентаграмме. Они явно были в рядах приверженцев Церкви Сатаны, если не работали на самого Эрика Мартена...

— Ты прав. Мы прибыли сюда по приказу Эрика Мартена. — зловеще подтвердил догадку Саркиса бородатый адепт и в его голосе чувствовалась угроза.

— Эрик... Я доберусь до этого уroda. Не переживайте. — Саркис думал, что сказал уверенно, и как же он удивился, услышав смех двух лысых уродцев.

— Ты то... Доберёшься... — бородатый трясся как пивной бачок, а его друг, стоящий рядом в тени кривоватой старой башни, закрыл лицо ладонью, качая головой из стороны в сторону.

— По ауре ты кажешься сильным, но и этого недостаточно. Мартен в разы сильнее тебя и духовно, и тем более физически. Тебе никогда не одолеть столь могучего врага.

Свежий бодрый ветер прошёлся по траве, пригнул яркие кустики и поигрался с пышными кронами молодых деревьев. На миг стало тихо, как ночью. И лишь солнце доказывало, что на улице было утро.

— Раз уж он так силён, как вы говорите, то кто ж с ним справится кроме меня? — поинтересовался маг, складывая руки вместе. За миг до сокрушительного удара от мазолистых мужских ладоней повалил небольшой дым, что был предвестником последующего за ним страшного огненного столпа.

Бурная, переливающаяся, дикая сила, извиваясь и меняясь, распадаясь и собираясь в неостановимый тайфун, летела вперёд. Столб, посланный прямо на магов. Шипящий, пугающий, смертельный...

С ужасным грохотом он рухнул в огромное месиво из откуда-то неожиданно взявшихся костей, больше напоминающих огромный человекоподобный скелет. И откуда он только здесь взялся? Гигантская тварь, живая и улыбающаяся во все свои яркие белёсые зубы, приняла на себя мощный удар. Огонь впился в живот, в подставленные перед рёбрами кисти рук, разрушая их и превращая в чернющий сыпящийся пепел. Пламя всё летело и летело, поток менялся, становясь то больше, то меньше, а огромный скелет улыбался и с радостью позволял огню пожирать свои огромные тяжеленные кости, как будто твари было не впервой обороняться от буйной неистовой стихии.

Стебли таяли под напором жара, кусты растворялись в рычащем огне, а воздух плавился, будто в духовке. Скелетище продолжал стоять на своём посту, впитывая и впитывая огромный магический урон. Напор стал слабеть, руки жгло, к ним подкатила слабость, отчего Саркис стиснул зубы.

— Чёрт, ещё чуть-чуть, ещё немного... — проскрипел эдемский маг, и будто вторя его словам пламя усилило напор, крича, как дикий необузданный зверь.

Стихия пробила костлявые руки и те с хрустом повалились наземь. Огонь вцепился в живот, грудь, стал пожирать кости, обглаживать их, как голодный пёс.

— Давай, давай! — руки мага начали сдавать. Сколько маны было потрачено лишь на пробитие костяных рук — лишь Богу известно.

Грудь затрещала. Рёбра прогнулись, но ещё держались. Какая оборонительная сила, какой смелый загробный дух...

Внезапно лысый адепт, стоявший в чёрной тени, взялся за лук. Молниеносным движением взявшись за стрелу, гордо оканчивающуюся павлиньим хвостом, адепт натянул тетиву и отпустил, посылая снаряд в стремительный полёт.

Стрела летела, рассекая воздух, она пела и свистела. Саркис всё понял, особенно когда стал свидетелем этого события. Стрела ярко вспыхнула, облачаясь в огненную броню и вонзаясь в грудь Саркиса.

Столп пламени иссяк, оставив после себя лишь дымную дорожку да несчастного скелета с вогнутыми вовнутрь рёбрами. Всё стихло, а наполовину прожжённый и обугленный скелет упал на землю, распадаясь на мелкие бесполезные косточки.

— Bravo, Андрэ, bravo! — восторженно крикнул бородатый, хлопая в ладоши и улыбаясь. Правда улыбка у него была вымученная. Наверное им же созданный скелет отнимал слишком много сил.

— Покуда я стреляю, враг не тронет нас. Приступай, Арчи! — крикнул бритый,

пристально смотря вперёд на сгорбленную фигуру богатыря.

Бородатый Арчи рассмеялся, оборачиваясь к Саркису. С ладоней эдемского мага валил сизый дымок, а сам маг трясся, будто в горячке.

— Рыцарь, пришедший спасти «красавицу» с кляпом во рту, догадываешься ли ты почему мы устроили привал именно здесь? — спросил Арчи, высокомерно окидывая врага. Андрэ, бритый потный адепт, вновь натянул тетиву, выцеливая чёрного богатыря. Остр же взгляд сокола, ой как остр.

— Это место... Оно так и манит к себе, так и хочет, чтоб ты отдохнул под тенью этой старой башни. Есть ещё какие-то причины? Не привал вы здесь устраивать собирались? — грозно ответил Саркис, приготавливая руки для удара. Стрела, недавно застрявшая в его груди, привольно лежала под ногами, отныне бесполезная и ненужная.

— Отдых... Неужто он нам настолько понадобился, спустя пару часов ходьбы? — ехидно спросил Арчи, откровенно глумясь и издеваясь над собеседником.

— Но тут так привольно...

— Мимо. Мы остановились здесь совершенно по другой причине. Все эти боины в время последней войны велись аккуратно на этом месте. Рай для прогнивших старых костяков, раздолье для истинного некроманта! — бородатый противно рассмеялся, и будто бы в ответ его смеху земля вспучилась, превращаясь в муравейник. Вокруг некроманта образовывались пригорки, небольшие в высоту и ширину. И каждая такая земляная гора лопалась как спелая слива, обнажая очередного глупого скелета, пялившего на мир пустыми глазницами. Их было много, целая армия из осквернённых грязью трупов, многие из которых были обмотаны в старые порванные тряпки, ржавую кольчугу, в набекрень надетые позеленевшие шлемы, венчающие их гладкие головы. У многих в длинных костяных пальцах сидело оружие, старое как век, опасное и величавое — мечи, кинжалы, топоры и разные цепи.

Арчи почесал рыжую бороду, радостно смотря по сторонам. Скелеты выступали повсюду. Разворошив землю, они контрастировали с зелёной листвой и привольным ветром и от них так пахло, что на первых порах Саркис прикрыл нос.

— Арчи, атакуй! Эта тварь никуда не убежит! — будто пробуя фрукт на вкус, лучник Андрэ выстрелил и стрела попала прямо в колено, заставив эдемского мага припасть на землю, вытаскивая глубоко застрявший снаряд.

Костяки явно были не из тех, кто готовы ждать часок другой. Лишь только эдемский маг вцепился в древко стрелы, скелеты начали своё движение. Бряцая своими костями, кольчугами и шлемами, они всё шли и шли вперёд, качающиеся, будто зомби. Со всех сторон, как утренний туман, клацая зубами да размеренно идя, они топтали зелёную свежую траву, приближаясь к припавшему к земле магу.

Саркис краем глаза видел и натянутый Андрэ лук, видел и армию Арчи, обступающую его со всех сторон. И чем ближе были грязно-белые твари, тем сильнее было волнение. Стиснув зубы, маг выдернул стрелу, заставив кровь окропить землю и потечь по зелёным стеблям. Даже такому богатырю было чертовски больно, но что он мог поделать в такой ситуации?

— Сдерживающая атака некроманта и дистанционная способность в виде лука — хитрые гады, ничего не скажешь! Но ничего, и не таких брали. Прорвёмся! — воспрянув, маг старался не замечать боль. Он разогнулся, осмотрел приближающиеся скелеты, протягивающие к нему свои безобразные ручища, и усмехнулся:

— Пушечное мясо! Такое б в мясорубку да к столу.

В руке у эдемского мага соткался длинный острый меч, горящий, как яркий факел.

— Сейчас пойдёт потеха! — воскликнул Саркис, размахивая оружием и с шипением посылая его вперёд. Оставляя за собой танцующую огненную дорожку, меч совершил бросок и перерубил костяка напополам. Ни кольчуга, ни шлем, ни цепь не помогли мертвецу защитить себя. Огонь яростно зашипел, уродуя кости и превращая их в обугленное бесполезное месиво.

Меч легко прокрутился в огромной богатырской ручище и смело полетел дальше, снося ещё один череп и откидывая его далеко в подгоревший куст.

Вертясь быстрее юлы, эдемский маг танцевал, рубя мечом направо и налево, перерубая кости и стирая их в белый сыпящийся порошок. Ржавая кольчуга распадалась на части, руки и ноги разлетались в разные стороны, аккуратно отрезанные от тела.

— Это гораздо проще, чем я себе представлял. И чего я боялся? — подумал Саркис. Богатырь ещё не знал, чем обернётся эта битва. Он не просто не знал, он даже не догадывался...

Костяки ложились на землю и войско Арчи рушилось, словно карточный домик. Шлемы слетались с голов, бесполезное оружие валилось из костлявых пальцев, но ни единого крика или стога. Вот на что была способна некромантия! Бездушная спокойная армия, лишённая эмоций и всяческого разума. Куклы, что повиновались волнам маны владельца, марионетки в руках злодея!

Стрела, шипя и плюясь огнём, вонзилась под колено. Стало так больно, что Саркис позволил себе отвлечься. Именно это и стало фатальной ошибкой. Всё такие же безразличные куклы замахнулись ржавым заплесневевшим оружием и понеслись на мага. Со всех сторон, хрустя своими грязными костями.

Армада навалилась на несчастного богатыря. Превосходя его числом, раздавливая со всех сторон, попутно нанося ранения, костяки ликовали. Исполосывая его кожу, раздирая туго натянутую куртку и валя его с уставших ног, мертвецы всё пробивались сквозь своих братьев, лишь бы поскорее расправиться с этим магом.

Зловонное могильное дыхание, хрипы и стоны, присущие лишь неживым, бряцанье старой кольчуги — мертвецы пугали. Ещё несколько стрел незаметно сократили расстояние и вонзились в несчастную плоть Саркиса. Невольно он подумал о поражении. Это была некая промелькнувшая и ненавязчивая мысль...

Нет! Какое поражение! Нужна лишь победа и ничего более! Он же крут, силен, красив и статен. И какая-то группа скелетов сможет остановить мага с самого легендарного Эдема?

— Я не прогнусь, сколько стрел не посылай, сколько мечей меня не рань, я никогда не прогнусь под толпой! Тем более, если это жалкие скелеты! — закричал Саркис, отбрасывая повисших на нём мертвецов. Меч неистово завыл и снес головы всех окружающих скелетов и только огненные дорожки оставались радостными в этом крошечном аду.

Стрела за стрелой вонзались в тело, а Саркис, будто не обращая внимание, отбрасывал несущиеся к нему секиры и мечи. Высекая искры, звонко звеня, они сталкивались друг с другом, норовя вырваться из рук владельцев.

— Я или бездушные куклы? — спросил сам себя маг, чувствуя боль, что неотвратимо пришла вслед за очередной прилетевшей стрелой.

Костяки лавировали, иной раз попадаясь под ураганно несущийся меч, искры летели во все стороны, ярко озаряя и без того яркий прекрасный день. Валились наземь целые фрагменты ног, рёбер и рук. Топор иной раз изящно прорубался сквозь толщу эдемской

чёрной куртки и тогда кровавая струйка соколом проносилась над ярко блестящими черепами. Противная твёрдая костлявая пятка рухнула Саркису в живот.

— Думаешь, это всё шутки? Не домогайся до меня, мёртвое отродье! — нога твари тут же была отброшена и порублена в кашу буквально парочкой идеальных движений.

Костяки всё напирали, а стрелы аккуратно пролетали меж мертвецами. Маг уже мог насчитать десятков павлиньих оперений, которыми оканчивался любой из снарядов. Нелепые движения скелетов завершались их сокрушительным поражением. Меч работал не хуже смерча и его движения становились продолжением воздуха.

Иногда в этот вихрь попадали и стрелы, которые в ту же секунду ложились наземь пятнадцатую ровными частями.

Бошки разлетались на части, руки в вихре улетали прочь, бесполезные ноги просто падали наземь. Битва продолжалась и продолжалась. Смерч из огня, ветра, оружия, доспехов и грязных костей всё уменьшался, пока не стих окончательно. Оставшиеся скелеты застыли ближе к рыжебородому Арчи.

— Чёрт! Этот меч не так много отнимает, но первое заклинание... Мана начинает сдавать. Надо было над выносливостью поработать. Ладно! И так прорвёмся! — эдемский маг сплюнул и злобно, по-звериному страшно, поглядел на адептов. — Чего так уставились? Устали?

Арчи нервно передёрнулся и тяжело сглотнул, что не скрылось от волчьих глаз Саркиса.

— Стрелы... Тебе ни капельки не больно? Десяток в теле, но кровь не идёт. Кто ты? — судорожно спросил стрелок Андрэ, чувствуя капающую со лба испарину.

— Андрэ, не стреляй. Подождём, что скажет этот хмырь. — сквозь зубы прошипел Арчи, до искр стискивая зубы.

Маг рассмеялся и внезапно наконечники стрел вырвались из тела. Свистя, стрелы попадали вокруг богатыря, образуя идеальную окружность, будто начерченную громадным точным циркулем.

— Концентрация маны и преобразование её в неприступную баррикаду — не ожидали, да? Наконечники стрел не смогли проникнуть в мою плоть, хоть я и пожертвовал бесценной маной. — сурово сказал Саркис и именно в эту секунду Андрэ занервничал, да ещё как. Руки затряслись, приготовленная к полёту стрела норовила вырваться из запотевших ладоней, а пот начал скапливаться везде, где только мог.

— Хитро. Ещё и моего напарника испугал. Но фишка в том, что тебе попросту не хватит энергии на все наши атаки. Дурень, сдавайся, ведь ты уже можешь считать этот бой своим поражением! — зловеще произнёс Арчи и костяки, собравшиеся вокруг господина, удовлетворенно заклацали зубами, будто вторя словам бородатого.

На миг поле притихло. Разворошенное, ставшее унылым и ничтожным, оно всё ещё было на стороне Саркиса. Шансы были, этого не стоило отрицать. Хоть маны осталось чуть меньше половины, хоть кривовато построенная башня и мешала манёврам богатыря, у него всё ещё были шансы.

Да, враг силён. Сотрудничество и слаженность делали из них идеальный смертоносный дуэт, который наверняка был не в последних рядах Церкви Сатаны. Однако, какими бы сильными они себя не считали, эдемский маг точно знал — в этом мире возможно всё. А из возможности и труда как раз и получается результат.

— Прикройте рты, жалкие отродья! — прокричал Саркис и взметнулся ввысь, облачаясь в ледяную броню. Да, тот самый всеми забытый посох ярко мерцал, превращая лето в зиму.

Пурга накрыла башню, деревья и кусты, облачая их в пушистые белые пуховики. Неожиданно появившийся гигантский скелет, вероятно на скорую руку сложенный из частей разваленных костяков, спокойно смотрел на пронзающую небо яркую снежинку.

— Каким бы большим не был этот мертвец, его телу суждено оказаться в оковах льда. — заключил маг, набирая нереальную скорость. Снежинки, что петляли за его телом, ярко блестели в потухающем от мельтешения свете солнца.

Адептов с этакой высоты было не видать. Была лишь метель, крутящаяся, словно торнадо, и был этот гигантский уродливый скелет, с противными кривыми руками, с мелкими непропорциональными ногами и с большущей головой.

Зырякая пустыми глазницами, тварь неожиданно загорелась да ещё как. Помаленьку разгораясь, скелет откинул руку в сторону, готовя удар. Снег вокруг него таял, как девки по богатому купцу.

— Что? Почему его не берёт моя сила? — сугробы вокруг гигантского мертвеца всё росли, укрывая всю зелень и тепло под снежными шапками, однако горящий скелет и не собирался замерзнуть. — Огонь... Вот почему моя стихия его не берёт. Чёртов лучник.

Андрэ судорожно брался за стрелы, и снаряд за снарядом пускал в скелета. Те, загораясь магическим неистовым огнём, вонзались в тело мертвеца, занимая его кости диким необузданным пламенем и не давая льду и шанса побороть громадного костяка.

— О нет. Я же лечу прямо в него... Чёртов цирк! — неистово заревел Саркис.

Посох ярко сверкал, излучая волны серебряного света. Снег вихрился, оковывая деревья и траву в стойкий лёд. Снежинка неслась сквозь снег и несущийся ветер, прорубая себе путь к окутанному огнём костяку. Летя вдоль его горячей руки, Саркис приготовил своё оружие.

— Прорубить на кусочки, пока он не смог достать меня! — подсказал себе маг, летая вдоль тела монстра и рубя мечом направо и налево. Части костей летели в сугробы, руки монстра пытались достать мелкую искрящуюся точку.

— Рубить! Рубить! Рубить! — завершал ранее спокойный маг, твердя и твердя одно и то же слово. Летя вдоль тела, лавируя между гибкими руками твари, пролетая сквозь огромные широко расставленные ноги, Саркис рубил и рубил, снося кость за костью.

Прокрутившись вдоль тела, миновав широкую грудь с рядом огромных белых рёбер, маг добрался до шеи, размашисто рубанул, рассек бывшую щеку твари и повис над его головой.

Скелет напрягся от полученного урона. Весь в огне, в окружении снега и неистовой метели, скелет размахнулся и рука понеслась прямо на богатыря, рассекая бешенный поток морозного воздуха.

— Я успею отлететь. Рука слишком огромна, чтобы двигаться быстро. Я... — три стрелы вонзились в тело и Саркис гневно поморщился. Наконечники достали цель и кровь смешалась со снежинками, кружащимися вокруг.

— Мразь... Ненавижу... — костяная ладонь изничтожила расстояние до мага, рассекла вихрящийся снежный торнадо и молниеносно рухнула на мелкого человека, неся его вниз прямо на покрытую снегом землю.

Саркис с невозможной в природе скоростью рухнул в сугроб. Сознание затуманилось, а снег забился в рот, нос, уши и ботинки.

«Это конец, да?» — подумал эдемский маг перед тем, как окончательно лишиться сознания.

Снег начал таять, лишь только стихия успокоилась и позволила жарким лучам солнца коснуться сугробов. Маг не знал сколько провалялся в беспамятстве, было ясно лишь одно — лежал он уже настолько долго, что снег, как важная декорация, давно покинул театр.

Земля пропиталась холодной водой, где-то вдалеке слышались крики адептов, вероятно искавших брренное тело мага, откинутое твёрдой гигантской костяной ладонью.

Всё так болело, а оставшийся на теле снег так охлаждал... Не хотелось ни говорить, ни тем более вставать. И пусть его найдут, и пусть выпотрошат, маны всё равно с гулькин хрен.

Дуэт оказался во много раз сильнее и искуснее, чем Саркис мог себе представить. Они и вправду смогли подавить силу эдемского мага.

«Чёрт».

Вокруг было так тихо, что в этой тишине хотелось лишь купаться. Огромное бездонное море беззвучия — более чем заманчиво.

«Эти двое... У них силы осталось точно не больше, чем у меня. На пару средних заклинаний хватит, как и мне. Потому придётся играть ва-банк, выживая с такой энергией, какая мне доступна».

Ботинки мага шаркнули при попытке Саркиса подняться. Тело абсолютно не хотело отрываться от земли, поэтому в этом деле пришлось малость потрудиться.

«Я никогда не сдамся! Какие бы предо мной не стояли некроманты и лучники, я обязательно выйду из битвы победителем. Не зря же я такой крутой!»

Гордо выпрямив спину, сквозь боль глядя на одиноко стоящую башню, маг ждал. Ждал, когда адепты Церкви Сатаны обнаружат его статную богатырскую фигуру.

— Эй, Андрэ, я нашёл этого двухстихийного. — окликнул лучника Арчи, подзывая к себе свои дурацкие костяки.

— Некромант херов. Кто ты без своих игрушек?! Чего стоишь?! — спокойно, как ему и подобало, поинтересовался Саркис, хрустя пальцами. Схватившись одной рукой за грязный и чуть мокроватый посох, маг вздёрнул его, а после приготовил огненный меч, будто созданный для рассечения этих несносных скелетов. — Раз на раз слабо? Или мана не позволяет? Может его высочеству требуется поддержка в виде лысого придурковатого хера?

Зря он так... Видел же, как Арчи не хочет слышать о своей беспомощности. Видел. И всё равно сказал.

— Следи за язычком, волк-одиночка. Собратья твои, твоя стая, она далеко в тернистом лесу, она тебе не поможет. — прошипел Арчи, нервно облизнувшись.

Лучник уже стоял рядом, в окружении огромных бескрайних луж. Тетива была натянута, как в старые добрые, а стрела смотрела прямо в грудь Саркису.

— Крыса как обычно отсиживается в кустах. Ни на миг не забывает своего призвания. — съязвил Саркис, тут же получив стрелу в колено. Благо мана помогла, построив баррикаду и не позволив пробить внутренние ткани.

— Продолжаешь пользоваться этим ничтожным приёмом? Ты должен осознавать, что сейчас битва пойдёт на выносливость. — зловеще акцентировал внимание бородатый и вскинул руку в сторону. Костяки, как обычно бездумные, спокойные и тупые, забыв о смертях всех своих братьях и отринув смерть в целом как явление, понеслись на Саркиса, бряцая ржавыми доспехами да махая сыпящимся в руках древним оружием.

Внезапно маг услышал стон, что явно раздавался под той самой кривой башней, что поросла мхом, обзавелась мелкими дырами и трещинками. Связанный пленник с кляпом. Демьян. Его кляп мог промокнуть от тающего снега и разорваться. Это было похоже на правду... Либо магу с Эдема очень хотелось в это верить.

Демьян. Люди. Чувства. Его значимость. Сила — в голове Саркиса неожиданно выстроился чёткий план и осуществить его было пуще легкого. Учитывая одно обстоятельство, победа будет за Саркисом.

— Скелетики, идите сюда. Вы же столько времени искали меня и мечтали об этой битве. — огненный меч зашипел не хуже индийской кобры и ринулся в атаку, оставляя за собой петляющее пламя.

Меч плавно и без усилий входил в тело за телом, словно нож в масло. Ополовиненные кости падали на землю, кисти перерубались в капусту парочкой отточенных движений и даже оружие иной раз рассыпалось в прах от одного лишь прикосновения к магическому оружию Саркиса.

Андрэ выцеливал грудь богатыря, ожидая самого подходящего момента для атаки:

— Баррикада из маны, построенная прямо в теле... Умная сука! — поделился мнением лучник, выпуская стрелу именно в момент замаха на очередного гладко стриженного костяка.

Свистя не хуже соловья разбойника, снаряд попал прямо в грудь и тут же был отброшен сконцентрированной в виде щита маной.

— Даже во время замаха... И как нам теперь с ним сражаться? — заключил приунывший Андрэ, поправляя запыхавшееся фиолетовое одеяние.

«Придётся отходить к башне» — тем временем заключил потеющий эдемский маг.

Меч разрезал воздух и аккуратно подставлялся под удары топоров, секир и ржавых мечей. Искры ярко вылетали после каждого такого звонкого удара и этот звук сделался неотъемлемой частью этой диковинной затопленной местности. Вода отражала режущие своим светом лучи солнца, ветер ласкал оставшиеся мелкие сугробы и срывал промокшие листья с окружающих деревьев.

Красота. А прибавить искры, режущий слух звон и уродливых костяков — вообще сказка. И конечно не стоит забывать о той самой башне, к которой пяtilся Саркис.

«Демьян. Не подведи».

Мало-помалу скелеты научились приёмам кунг-фу. Иначе эти гибкие движения костлявыми ногами назвать было нельзя. Они и прыгали, и накидывались, и пытались окружить — словом, проявляли максимум своего интеллекта.

Всё ближе к башне, всё ближе к цели. Огонь разорвал на части подлетающую ногу, искрошив её на мелкие косточки. Секира, летящая прямо к лицу Саркиса, также не смогла коснуться мага. Огненный меч изящно прошёлся по лезвию, со всем сопутствующим скрежетом и скрипом, и перерубил деревянную рукоять. Сильный удар локтем и костяк, лишившись парочки зубов, обнялся с холодной водицей.

Шаг за шагом, пятясь и пятясь, маг приближался к своей цели. Шаг в сторону. Ещё шаг. Широкий полукруг мечом. Очередной перерубленный костяк повалился наземь. Его дружки, изрядно уставшие от всяческих тактик и кунг-фу приёмов, держались в отдалении. Иной раз они казались даже живыми, будто они и вправду могли думать и принимать собственные взвешенные решения.

Ещё шаг. Снова взмах. Выпад. Взмах. Удар с разворота оставил ещё одного бездаря без

бошки, а пламя дугой выгнулось вокруг мага.

«Пора».

Вроде как настало время. Демьян точно мог его слышать. В тени этой высокой башни, в окружении воды, тонкого льда и снега лежал его друг. И кляп действительно мокрой разорванной тряпкой валялся в ближайшей луже.

— Демьян, неужто ты предал свою семью? Бросил тётю, забыл о матери — разве так поступают настоящие щиты? — крикнул Саркис, в очередной раз перерубая позвоночник особо смелому костлявому экземпляру.

— Замолчи. Это не твоё дело. Не смей лезть!!! — маг совершенно точно услышал в голосе кучерявого истерику.

— Ты обязан помочь мне. Они собираются утащить тебя к...

— К Эрику Мартену. Куда я и собирался. — оборвал богатыря Демьян и вены на его шее вздулись не хуже дождевых червей. — Я тебя умоляю, отстань и забудь меня. Не встречай в это! Я прошу тебя!.. Прощу! — парень плакал, уткнувшись в собственную коленку.

— Нет. Ты обязан идти со мной. У тебя нет ни одной причины оставаться с этими тварями. — Саркис это знал наверняка. Скелеты столпились в отдалении и о чём-то «думали», по-умному взявшись за острые белые подбородки.

— Нет, нет, нет... Саркис, уходи прочь отсюда! — завопил Демьян, наконец подняв на чёрного богатыря свои заплаканные глазёнки. — Я и так потерял всё. Они убили мою мать... убьют и тётю. Выживи хоть ты! — истошные крики проносились над деревьями, эхом расходясь по сторонам. — Пожалуйста, я же молю тебя. Не смей умирать за меня! Семья уже поплатилась за наши узы! Я не хочу больше никого терять, понимаешь?

Саркис сжал кулаки да так сильно, что те громко хрустнули. Как бы он хотел тоже заплакать, как все смертные, почувствовать боль души, повыть, как истинный волк... И даже его всепроникающие жёлтые явно звериные глаза никогда не позволят стать магу истинным серым лесным зверем.

— Прости. Я ничего не чувствую. За слова благодарю. Видимо, я стал очень дорог для тебя.

Демьян завопил, словно его душу рвали длиннющими острыми когтями:

— Мне плевать, что ты там говоришь и думаешь! Я... Я оказался здесь в качестве щита матери и отцу. Я должен был... Я был обязан сохранить наш бесценный семейный очаг. Но... — Демьян шумно втянул соплю, горько качая головой из стороны в сторону. — Они все уже на небе... Все те люди, с которыми я прожил всю свою жизнь, которые воспитали меня и любили, как никто другой. Если б... Если б я не ударил тётушку то... Боже, ты же сам всё понимаешь! Вариант был только один! Я...

— Я понял! — громко воскликнул Саркис, вставая в боевую стойку. — Ты хочешь убить его, да? Один против Эрика Мартена — думаешь это звучит разумно?

По лицу Демьяна было понятно, что эдемский маг попал в точку, однако ж связанный пленник задёргался, катаясь по земле и истошно вопя:

— Уходи прочь отсюда! Это лишь моя проблема, никчёмный магишка. Проваливай отсюда! Уходи!..

Скелеты накинудись совершенно неожиданно, угодив под плавное движение меча. Изрубленные на половинки, твари сползли на землю.

— Эй, дружище. Мне всё равно на твои слова. Я до конца буду рядом, не волнуйся.

— Пошёл прочь! — изо рта Демьяна показался зелёный противный шар, что ядром

полетел в сторону Саркиса.

«Есть. Получилось. Если он нужен Эрику, значит он силён. И в отличии от уставшего меня, у этого кучерявого маны в разы больше».

Комок плюхнулся магу под ноги, зашипев, как настоящая змея. Ядро тут же расползлось, покрыв землю своей зелёной пузырящейся жижей. И... она так далеко растеклась. То что надо для победы!

— Я не отступлю. Это не в моих правилах.

— Заткнись! Заткнись! Они убьют тебя. Эта парочка... Ты обязан уйти! — зелёные ядра с шипением приземлялись на землю. Растекаясь, они создавали своего рода защиту. Один костяк наступил на вязкую жидкость и понял, что пятка оказалась схвачена беспощадным зелёным монстром. Каждый скелет переходил эту вязкую черту и расставался с любимыми костяными стопами.

«Отлично. Демьян оказался ещё сильнее, чем я предполагал».

— Уходи, молю тебя! Саркис! — каждое слово сопровождалось зелёным плевком. Эдемский маг изящно отпрыгивал, ощущая, как вслед за ним ширится эта необузданная зелёная дорожка. Ещё пару плевков и дорожка образовала идеальный полукруг. Ни один костяк более не позволял себе приступить эту чёткую границу.

Где-то спереди ныли адепты, боясь, что навсегда потеряли своё превосходство. Стрелы всё ещё сыпались на богатыря, но всегда встречали баррикадный внутренний отпор из свежей бодрой маны.

«Я больше не позволю этим чертям мучать моего друга. Я ничего не чувствую, но точно знаю, что выбрал верный путь. За своих нужно стоять до конца».

— Если ты сейчас же не отправишься восвояси, я... Блин, я сам убью тебя! Ты не должен рисковать жизнью из-за такого ничтожного куска дерьма! — Демьян совсем разнылся. Заплаканный и жалкий, он продолжал и продолжал восклицать свою просьбу, которую Саркис намного больше чем игнорировал.

— Всё хорошо, Демьян. Ты не виноват. Ты всё тот же щит, просто немного не успевший выручить семью. — Саркис даже... улыбнулся? И отчего-то Демьяну эта улыбка показалась какой-то живой и искренней. Будто... он стал человеком.

Зелёный снаряд летел, по пути меняя форму, хлюпая и пузырясь. Приземлившись, он встал на своё место, словно кирпич. Окружность была завершена! Зелёная, живая и бурлящая, она не позволяла глупым скелетам ворваться внутрь к богатырю.

— Отлично сработано, Демьян. Совершенно нечаянно ты помог мне. Я благодарен. — сказал маг, невидящим взором смотря на ничтожные попытки жертв некромантии пройти за шипящее ограждение.

«Эмоции. Вызвав их, людьми становится так легко манипулировать. Достаточно мимолетной искры и душа покрывается этим бушующим доверчивым огнём. Как же люди жалки, как глупы. Но... так больно где-то внутри. Я бы тоже хотел... эммм... поплакать на смерти всех своих эдемских братьев, почувствовать горечь от кончины других... Неужели это всё настолько первородные и обыденные для всех чувства? Плох ли я, если мне на всё плевать?»

Он впервые о чём-то пожалел, и эта ничтожное чувство отозвалось в нём таким приливом сил, что меч загорелся ещё ярче.

— Дружище, верь в меня. Смерть мне чужда. — радостно произнёс Саркис, однако та самая добрая искренняя улыбка сменилась на противную маньячную, от которой веяло

холодом и мертвечиной.

— Саркис, почему же ты не ушёл? Я бы отправился с этими адептами, поселился бы во владении врага и обязательно отомстил бы за улыбки родных. Мама... Папа... Неужели их и вправду больше нет? Даже прекрасные умирают, это несомненно тяжёлый урок для меня.

— Эй, Демьян. Отныне я, — маг громко хлопнул себя по размашистой мужицкой груди. — Отныне я буду твоим отцом. Не позволяй себе так унижаться перед этими низшими тварями. Давай покажем им, каких чудесных людей они прикончили. Несомненно, твоя семья этого не заслуживала. Она должна была продолжать своё существование, в отличие от этих грязных убийц. — Саркис вновь улыбнулся, высоко поднимая горящий меч. — Славу людям, воспитавших настолько надёжные и верные доспехи как ты! — такой бодрый и властный голос... Сеть мурашек пробежала по телу Демьяна, а в глазах стояла надежда. Эти слёзы, эти воспоминания, эти твари, посягнувшие на тётю и на всю его семью...

— Ты прав. Арчи. Андрэ. Две змеи. Я... Я ненавижу этих людей. Разве я терпила? Разве я способен забыть, каким радостным голосом они, эти двое некромантов, огласили весть о смерти моих родных? Две жалкие крысы. Люди, отбирающие жизни таких прекрасных и светлых людей. Преступники, что хуже лесного зверья. Я... Я их ненавижу! — голос Демьяна был самым громким звуком на этом поле.

Внезапно его тело взорвалось, да так громко, что эдемский маг прикрыл уши.

«Эмоции и чувства. Простая манипуляция. А такие как я пользуются... Хорошо это или нет — я не знаю. Да и не хочу знать. Пока всё это это работает именно так как работает, я могу этим спокойно пользоваться»

Тем временем, кандалы треснули и рассыпались на куски. Тело Демьяна со скоростью звука покрылось зелёной пузырящейся жижей. Превращаясь в мелкого, горбатого и опасного динозавра, Демьян оторвался от земли и на коротких лапах пробежал мимо Саркиса.

«Думаю, об этой парочке можно забыть».

Из-под ног динозавра вылетала земля, а твердь трещала и ходила ходуном. Громкий дикий крик взлетел над верхушками деревьев.

Адепты заметили зелёную тварь ещё издалека. Поначалу она показалась маленьким ящером, но чем ближе был этот землетрясающий топот, чем больше вырисовывалось жидкое тело этого монстра, тем всё чаще они молились своему Сатане и отступали. Правда всё было зря...

Оставшиеся напоенные храбростью костяки решились перейти дорогу ящеру. Смелые и безбашенные, они замахнулись оружием, надеясь на скорую победу...

Короткие лапы разбросали большую часть скелетов, оставшиеся впечатались в землю, раздавленные в кашу под твёрдыми зелёными ногами. Взревев, ящер молниеносно разбежался. Тело слилось с воздухом, ставшее буквально невидимым. Всё ещё тряся землю и ужасно ревя, ящер подпрыгнул над адептами. Эти лица, искорёженные ужасом, эти панические движения.

— Твари! Твари! — грубый голос ящера заставлял сердца адептов стучать всё чаще и чаще. Покрывшиеся потом, пытающиеся убежать куда глаза глядят, они широко раскрыли свои глаза.

Динозавр рухнул прямо на убегающих людишек. Жижеобразные ручки взяли за сверкающие бритые головы ранее такого сильного и гордого дуэта.

— У меня дети... Семья... Не убивай! — заныл бородатый, слыша горькие

всхлипывания своего друга-лучника.

Динозавр расширил свои неестественные глазки, окружённые зелёной жижей. Вся эта желеобразная смесь ещё и умудрялась двигаться, точно живая и полная сил.

— Твоя любимая семья? Ждущие тебя дети? Когда ты убивал моих родных, то такими вопросами совершенно точно не задавался! — угрожающе прорычал зверь, сильнее сдавливая лысые головы.

— О боже, нет... Я не хочу уходить из этого мира! Пожалуйста, отпусти! — заревел Андрэ и перед его глазами пронеслась вся жизнь. Лук, уроки, любимый преподаватель, знакомство с Арчи...

— Боже... Почему перед смертью так хочется жить! — предсмертно прохрипел Андрэ. Его заплаканные красные глаза метнулись к самому близкому другу в его жизни.

— Нееет! — лучник отказывался в это верить. Голова бородатого, голова самого близкого человека была раздавлена под жидкой пузырящейся лапой. Кровь окрасила землю, мозги вытекли, превращаясь в огромную мерзкую лужу.

— Это за моего отца! — прорычал динозавр.

Андрэ успел почувствовать слезу, сползающую по щеке, а в следующее мгновение покинул мир, вслед за самым верным и единственным в жизни другом.

— Это за мою прекрасную маму, за самую лучшую женщину на свете!

Бошка лучника взорвалась как переспевший гранат и зелёная лапа превратилась в коричнево-бордовую.

— Вы сполна прочувствовали тоже, что и моя семья перед кончиной. Интересно, вам понравилось? О чём вы думали, крысы?

Зелёная жижа зашипела и уменьшилась, превращая Демьяна в обычного человека, который никак не мог напоминать того ужасного ящера, бездушно разбивавшего головы адептов.

— Эрик — прости, но головы твоих придурков я не принесу. Они не пережили казни и стали удобрением для чернозёма! — Демьян даже улыбнулся, чувствуя ветер, ласкающий его уставшее лицо. — Всё же хорошо меня воспитали, спасибо вам, родители! Я надеюсь, вы сейчас счастливы там, на небе. Ваши убийцы больше не дышат. Я как самый настоящий рыцарь защитил вас и вашу честь! По крайней мере я верю, что сделал всё правильно...

— Честно, ты был больше похож на карающего палача, чем на рыцаря. — ехидно заметил Саркис, что гордой походкой подходил сзади. — Давай в путь! Церковь Сатаны не станет ждать! — маг снова громко хрустнул пальцами и пошёл вперёд, прочь из опушки и подальше от старой кривой башни.

Солнце яркой точкой высилось над их головами. По краям от дороги выселись исполины дубы, а между ними уместились неприметные, но ухоженные и опрятные кустики. Где-то вдали выселись заснеженные вершины гор, что грозно разрезали яркое голубое небо. И вот, у самого подножия небольшой, но приметной горы, был виден этот оплот зла. Окружённый с одной стороны высокими горами, с другой густым лесом, он горделиво занимал свою позицию и точно был уверен в своей несокрушимости.

— Чёрный город... уххх, выглядит как нечто донельзя весёлое. — заключил Саркис, присвистнув.

Демьян молчал, но даже с учётом этого был замечен страх и трепет перед этим местом. Единственное, что оставалось до конца непонятным — чего конкретно он боялся. Города, укрытого в невесомом серо-прозрачном тумане, или же дремучего леса, что расплылся внизу как зелёная глубокая лужа.

Демьян сглотнул и хитрый волчий взгляд насмешливо посмотрел в его зажатую от страха спину.

— Чё зажался? Смелость по скидке продал? — ехидно поинтересовался Саркис.

— Ты вообще ничего не знаешь, или прикидываешься? Тебя вообще не пугает то поганое море внизу?

— Бррр... Гигантские пауки и летающие привидения. — съязвил Саркис. — Страх то какой. Не лес, а настоящий фильм ужасов.

Кучерявый парень закатил глаза и нервно выдохнул:

— Так и знал, что тебя не надо было брать с собой.

Эдемский маг лишь расхохотался, запрокидывая голову назад и заставляя длинные чёрные волосы весело трястись, отчего они напоминали ожившие весёлые водоросли.

— Видишь туманную завесу вокруг Чёрного города? — неожиданно спросил Демьян и богатырь тут же наострил уши. — Это особая охранная система. Барьер, ограждающий Церковь Сатаны и прилегающий городок от остального мира. И от леса в том числе... — акцентировал внимание Демьян. — Придётся прорываться силой, так что необходимо быть готовым.

— Не вопрос. Я готов хоть со входа вдарить этому Эрику, каким бы сильным и могущественным он не был. За своего брата буду стоять горой! — сказав это, он успел подумать об адептах, которые на самом деле с лёгкостью обыграли его по силе. А каков был тогда этот невиданный глава...

Кучерявый же подметил слова о брате, но предпочёл молчать, ибо оба мага спускались в глухую, заросшую, туманную и дремучую долину, от которой так и пахло сыростью и страхом. Казалось, чего-то неизвестного бояться даже эти приземистые кривые деревья и листья на их тонких вьющихся ветках тряслись как немые зяблики.

Природа молчала, молчали и маги. Лишь изредка что-то трещало в лесной глуши да слышалось монотонное уханье, эхом облетающее лесные просторы.

Дикая дорога кончалась, ведя в заросшую рощу. Каменистая, косая и ужасно разбитая, дорога вела в царство необузданного веселья и добра.

«Скорее всего не зря этот лес выглядит так мерзко и нелюдимо. Следует быть чуточку больше, чем осторожным».

Впрочем Саркису было не привыкать. Всё-таки осторожность была его фамилией.

Первые деревья не заставили себя долго ждать. Накрыв разбитую дорогу своей раскидистой тенью, их верхушки грозно высились над головами. Демьян дрожал как осиновый лист и богатырю пришлось улыбнуться.

«Какой же он на самом деле трусишка. А пытался быть таким крутым, смелым и самостоятельным».

Впереди — тьма, позади — затухающий последний свет. В глазах Демьяна лишь страх и обречённость, и именно с этой секунды маг понял, что всё предприятие отныне на его богатырских плечах.

Сухие потрескавшиеся листья хрустели под ногами, заставляя бедного парня пугливо оглядываться. Воздух был ужасно спёртым, в нём размеренно витал сизый дымок, что вносил в лес чуточку магии. Кривые спиралеобразные деревья тянули свои сказочные ветки к небу, что скрывалось за завесой клубящегося призрачного дыма.

— Атмосфера здесь что надо. Темно, пахнет сказкой, деревья и вообразить нельзя, а...

— Тц. — цыкнул Демьян, останавливаясь и пригибаясь на корточки. — Я слышал те самые шаги.

Саркис не только не пригнулся, но и громко закричал:

— Шаги?! Какие...

— Тц. Пригнись! — почти приказал Демьян, поднося палец ко рту.

Невольно маг сдался и присел рядом, не издавая ни единого звука.

Поначалу лесом властвовала тишина. Но чем больше маги прислушивались, тем громче слышалось перешёптывание множества ног где-то в дремучих зарослях, аккуратно у вывороченных наружу ветвящихся корней.

— Топот. Ног восемь, не меньше. И эта тварь совсем рядом. — заключил Саркис, стараясь не шуметь и лучше прислушиваться к тихому разговору лапок.

Листья хрустели так же, как и под ногами магов, а это значит тварь по весу не меньше человека. Это уже как факт. Скрывается? Значит есть что скрывать, или гадина попросту на охоте. Ну и топот восьми ног полностью выдавал мразь с головой...

— И чего тут шептаться да выслушивать какие-то противные шаги! — неистово заверещал Саркис, отчего Демьян пришёл в шок. Казалось, его хватил инфаркт. Сердце скакало как лошадь, руки дрожали, а глаза вылетали из орбит, будто две ракеты.

— Что ты такое делаешь? Это же легендарный паук этого леса — Маучкокуродиногу...

Заросли пришли в движение, не выдерживая скорости, с которой эдемский маг оторвался от земли. Изничтожая расстояние, пригибая лианы и заросли диких мезозойских цветов, проскакивая через тёмные вьющиеся корни, Саркис поджёт кулак, готовый выпустить всю свободную энергию. Никакой сумрак впереди не мог заставить остановиться разбегающегося мага, ни кроха дыма не мешала нестись к членистоногому другу.

К слову, огромный паук, покрытый лёгким пушком, волочил своё жирное пузо по опавшей листве. Сливающийся с темнотой этого леса, он издавал только ему понятные звуки и лишь его глаза злобно светились во мраке. Саркиса он услышал сразу и сейчас его множественные глаза пытались найти нарушителя.

Кулак всё больше разгорался, оставляя петляющей шлейф за несущимся богатырём. Пара прыжков и волчьи глаза выцелили жирную тварь, притаившуюся в тени.

Паук отреагировал быстрее леопарда. Пухлое чёрное тело взлетело в воздух, повисая на кажущейся тонкой белой нити. Само собой кулак не достиг цели, однако Саркис не бросил

попыток одолеть монстра и высоко подпрыгнул, нагоняя чудное страшилище. Каждому бы видеть несчастные глаза этой лохматой твари...!

— Ку-ку. Отец вернулся домой. — кулак опустился вниз, рухнув непосредственно на небольшую паучью голову. Тварь сморщилась и отцепилась от нити, грохаясь вниз на темнеющую землю.

— Маны ещё много. Можешь убежать сколько твоим лапам влезет. — Саркис стоял перед валяющимся чудовищем, умиротворенно осматривая горящую руку. — С каждым использованием маны, плотность огня становится выше, да и выносливость растёт. — Саркису понравились необычайные выводы, а вот членистоногой твари видимо нет.

Паучок пытался скрыться в зарослях, перебирая лапками по листве и отгибая чудные растения, привыкшие жить под сенью низких, но обширных деревьев.

Огненный шар настиг тварь и прожёт чёрное брюхо, с диким шипением растворяя пушок и всё сопутствующее. Паук издал предсмертный хрип и его глаза погасли, как и жизнь.

— И таких вот паучков боялся Демьян? Смешно. Даже при условии заполненности ими всего леса, истребить их — плёвое дело. — потеряв руки, Саркис направился сквозь сумрак к отставшему в глубине другу.

Диковинную возню маг услышал ещё издалека. Звуки магической битвы не на жизнь, а на смерть. Дымок по-прежнему клубился в воздухе, окружающая растительность казалось чернее самого чёрного негра.

— Магические возмущения достаточно сильны. Нарвался Демьянчик, нарвался. — со смехом констатировал богатырь, отодвигая тянущееся к небу разноцветное растение.

И вправду, Демьян бегал по полю, швыряясь маленькими огненными шариками, что пулями вырывались из красного амулета, подвешанного на тонкой золотой верёвке.

— Не знал об этой его побрякушке. Интересная вещь... — призадумался маг, смотря на диковинную битву посреди тёмного, страшного, нелюдимого леса.

По следам Демьяна, неотступно и упрямо ползая по земле передвигались жирные белые слизи, играющие своими усиками-антеннами. Их толстые тела громко чавкали, оставляя за своим медленно ползущими брюхами белые мокрые следы. Огненные шары яростно накидывались на неприятелей, но белую слизь было не так просто взять.

— Эту субстанцию не берёт огонь. Интересно... — в который раз призадумался Саркис.

Пламя ярко озаряло лес своим игривым светом и отгоняло прочь мрак, тишину и сказочную атмосферу. Магический огонь сползал со слизи, поджигая сухую листву под толстыми телами склизких тварей.

Гарь ударила в нос, а густой дым понёсся к раскидистым кронам. Напор огня усиливался, а Демьяну было будто побоку. С настежь распахнутыми глазами, нелепо размахивая руками да покрикивая, парень предпочёл бегство, чем тяжёлую схватку с неизвестным противником.

— Вот дурень. А ведь собирался выходить против Эрика один на один... Как же юнцы самоуверенны. — эдемский маг отлично знал, что такое самоуверенность. Самоуверенность — это та причина, по которой дети Эдема оказались на Земле. Самоуверенность — это то, почему Саркис остался один на один с самим собой.

«Братишки... Отец... Эдем...» — всё чаще и чаще эти мысли посещали голову мага и во снах приходили образы, целые живописные картины из прошлого и Демиург...

— Вот чёрт. Пацан, это обычные скользкие червяки. Здесь нет ничего сложного. —

поделился мыслями Саркис. Посох ярко сверкнул и корка льда поползла к врагам, сковывая и сухие листья, и ветки, и старые корни, и попадающиеся ей на пути кусты.

Разбрасывая мириады снежинок, противно треща и порабощая всё на своём пути, холодный лёд упёрся в тела белых слизней — никакой реакции. Полное безразличие, даже усиками не пошевелили. Голубая твёрдая корка уперлась в двух тварей и даже не думала сковывать их тела. Белая слизь была невосприимчива как к огню, так и ко льду.

«Полная невосприимчивость к магическим атакам, да? И это мы ещё и пол леса не прошли!.. Дело дрянь...».

Ледяная корка раздробилась на маленькие кристаллики и испарилась в воздухе. В лицо Саркису подул холодный суровый ветер. Такой же, какой на него частенько дул в Эдеме, такой, какой позволял думать легко и свободно. Чистый воздух, освежающий и прекрасный, дующий в твоё уставшее от духоты этого сказочного леса лицо...

— Демьян, удержи-ка их. Амулет то неплохой, ты справишься. — бросил маг, наблюдая обречённое лицо кучерявого паренька. Собирая всю смелость в кулак, говоря про себя какой же он классный и сильный, Демьян продолжал атаки.

Огненные змеи, шипя, обвивали тела двух слизней. Тварям же откровенно было посрано. С тем же самым невозмутимым видом, лишь только передвигаясь медленнее обычного, слизи продолжали путь. Из их ротика, утыканного тысячами зубов, вылетали плотные струйки слизи, горячие и прыткие. От них исходил парок, сами они были жарче песка в пустыне. Одна капля, нечаянно попавшая на одежду Демьяна, смогла пробуравить дырку и попасть на кожу, прожигая в ней небольшое запечённое отверстие.

Адепт башни, само собой, сморщился, но старался не подавать виду. Изящно лавируя, да срывая с амулета необычайные огненные салюты, он продолжал отвлекать склизких существ.

Саркис смотрел на липко-огненное шоу настолько пристально, насколько мог. Их тела... белая субстанция, не пропускающая магию. Внешняя броня, имеющая в основе жидкость, или вернее слизь, состоящую из частиц, что не пропускали атаки из маны и не позволяли себе взаимодействовать с ней. Звучит более чем любопытно!

Салюты продолжались, разбрасывая в стороны тысячи искр и ярких огненных дождинок. Яркий огненный цветок вспыхнул и сорвался с амулета. Бутоны раскрылись, обрушиваясь прямо на усы-антенны. Яркая вспышка и громкий хлопок. Пламя взъерилась, бутон неистово зарычал, покрывая собой тело гадкого слизня. Уже спустя секунду огонь сполз вниз, облачая придавленные сухие листья в тёплую броню.

След. Белый след. Он, как ему и подобает, следовал за хозяевами. Огонь прошёл по нему, но субстанция не занялась, не вспыхнула, словно яркая роза.

«Слизь. Тело. Огонь. Магия. Мне кажется, я знаю как низвергнуть этих двух чудовищ».

Сделав выводы, Саркису осталось лишь пару раз размять руки и ноги, ведь с этой секунды начинался новый акт этого диковинного, лесного, сказочного представления.

— Демьян, отходи ко мне. — прокричал маг и парень тут же повиновался властному голосу. Неустанно руководя амулетом, что вновь и вновь низвергал на слизней огненные фейерверки, Демьян подошёл к Саркису.

Белые твари пошевелили усами и лениво последовали за противником, правда уже было поздно. Во всяком случае эдемский маг хотел сделать всё, чтобы существа больше не ползали. Никогда.

— Какие противные... Буэ. Просто мерзость. Я бы проблевался на них, только вот

завтрак жалко...

— Может хватит уже смеяться? Ты что-то придумал или позвал меня в качестве свидетеля твоих тупых шуток? — дрожа пробурчал Демьян. Похоже, он и вправду боялся этих склизких противных существ.

— Кидай в меня свою слизь. — неожиданно подал голос Саркис.

— Что? Ты в своём уме? Думаешь, я смогу атако...

— Не атако. Делай как я велю! — отрезал маг и бедному кучерявому пареньку осталось лишь осуществить странную просьбу.

Размазав пот по лицу, оторвав руки от амулета и приготовив их для атаки, адепт выпустил зелёный ком, больше походивший на вонючую непробиваемую соплю.

Демьян не ведал задумки эдемского друга. Будучи в смятении, совершенно не зная что делать и как вести себя, то и дело дрожа и сглатывая, юнец доверился этому широкоплечему богатырю.

Слизь булькала, летя к магу. Вот комок уже подлетел к суровому лицу Саркиса и снег легонько сорвался с посоха, оплетая меняющий форму шар. Покрывшись тонким слоем белого пушистого снега, слизь, будто живой дышащий организм, продолжила полёт, пока не плюхнулась в белое тело лениво движущейся улитки.

Зелёный комок... Он...

— Боже. Как ты додумался до такого. — тяжело задышал Демьян, чувствуя несущееся сердце, словно пробуждающееся после страха. Всё тело затрепетало и где-то в душе парень почувствовал гордость. Этот маг... Он не просто маг. Сразу было понятно, ещё с самой первой встречи, что он...

— Эдемский маг. Эдем... Легендарное место, где по легендам жили самые первые люди. Тогда они были Детьми. Детьми самого Бога! — с трепетом сказал юнец, и его глаза были готовы вылезти из орбит и затанцевать. Такая сила, такая мощь... Он тот, за кем можно пойти. Чистой воды лидер, умный и всесильный. Тот самый человек из известных и таинственных легенд Нижнего мира...

— Смотри внимательно, друг. — Саркис указал на слизня, ведь он теперь поменялся и поменялся сильно. Половина его тела смешалась с зелёным комом. Тем самым. Природа магии Демьяна была сравнима с природой слизи магической несокрушимой улитки. Наружный снег само собой растаял, обращаясь в воду, а вот другая белая пушистая часть, что оказалось за прочной белой бронёй слизня, где-то внутри его тела...

— Я могу взрастить снег в любом количестве и обратить его в лёд. И если вдруг белая слизь всего лишь защищает его брэнное настоящее тело...

Тут всё было ясно и без намёков. Слизень ещё ползал, но совершал последние движения в своей жизни. Снег взъярился, зарычал, не хуже дикого зверя, и обратился в лёд. Оковы сковали настоящее тело слизня, что пряталось за надёжной антимагической бронёй. Лёд превратил его в недвижимую статую, красивое изваяние, созданное для обожания и любования.

— Он... Он умер. Ты действительно остановил его тело. Твой лёд...

— Я так и думал. Слизень был похож на улитку своими усами-антеннами. А улитки имеют свойство прятаться внутри своих прочных надёжных раковин. — этим человеком можно было гордиться. Длинные прекрасные чёрные волосы, подчиняющий звериный взгляд, холодная душа, обтягивающая куртка, железная пряжка, высокие ботинки — всё в нём излучало силу и смелость.

— Ты не просто человек. Я хочу идти за тобой! — длинный внушающий посох со сверкающим голубым навершием. — Ты тот, кто создан, чтобы подчинять! — этот нелюдимый взгляд. — Я готов быть твоим учеником, сыном, кем угодно! — холодная ничего не чувствующая душа, равнодушная к любой смерти. — Я горжусь таким как ты! Саркис...

— Не надо никем мне быть — ни учеником, ни сыном. Это Я разделю твой путь! Твоя семья, моя семья, семьи остальных — Эрик ответит за всё и за всех! Просто будь мне другом и я отвечу тем же. Даю тебе слово!

— Т-ты... поделишь мой путь, да? — взволнованно спросил Демьян, почувствовав слезинку, сбегаящую из уголка глаза.

— Конечно разделю. Дружба — это равенство. Запомни! Я не подчиняю, я рушу. Рушу всё то, что мне не по нутру. А друзья, они...

— Друзья — это те, кто находится в равенстве друг с другом. Я прав?

— Именно. А тех кто не будет жить с нами в равенстве, мы будем...

— Убивать! — крикнули маги и Демьян измученно улыбнулся. — Друг, давай отомстим за наши семьи! — его кулак грозно сжался, готовый отбирать жизни. И первой их целью станет второй слизень, который уже испугался и был готов покинуть поле битвы в любую подходящую для побега секунду.

Пару миллиардов лет назад...

Солнце было намного ярче да и ветер привольнее. Беседка была удобна и уютна. Светлая, сложенная из берёзовых досок, вкусно пахнувшая и приятно выглядящая, она была его самым любимым местом, самым родным и самым спокойным.

Где-то рядом журчал ручеёк, петлявший по мокрым гранённым камням. Голубое небо светлело над уставшей головой, а ветерок поглаживал мелкие зелёные кустики, что отливали белым божественным светом. Такое было возможно только в Эдеме и нигде больше. Всё что было вокруг — было прекрасно, то был идеальный антоним людскому миру.

«Братья такие шумные... Только природа способна меня спасти. Она такая... молчаливая и естественная. Чем-то похожа на меня» — подумал Саркис, даже не задавшись вопросом о происхождении таких мыслей. На самом деле они и вправду были похожи. Только природа способна безжалостно убивать, лишь она способна насыпать на людей смерчи, уничтожать их в наводнениях и ураганах. Саркис ещё тогда чувствовал ту пустоту и безразличие внутри себя. Даже близость с Богом не смогла помочь его холодному студёному сердцу.

Книга рухнула на белый берёзовый пол, крепко с ним обнявшись. Мужчину клонило в сон и книга отлично уловила настроение хозяина.

«Как же хорошо... Не люблю угождать своему телу, но отдыхать действительно круто. Особенно слушая то, что окружает эту беседку. Эти звуки...».

Журчание и вправду было прекрасным. Редкие птички садились на тонкие ветки и щебетали свои приветливые звонкие песни, листья шептали что-то друг другу, как хитрые подружки, а ветер, как хищный зверь, с рычанием накидывался на всё что только мог и до чего мог дотянуться своими острыми опасными лапищами.

«Прекрасно. Восхитительно. Это голубое небо, это солнце, эта крыша, эти...».

Гнев потёк по венам, имитируя густую красную кровь. Грудь спёрло и хотелось неистово кричать. Братья шли к нему бодрой походкой, игриво общаясь с молоденькой нагой девчулей. Её груди дрожали и металась из стороны в сторону. Что уж тут говорить про, слава тебе господи повёрнутые в другую сторону танцующие ягодицы...

«Снова эти клоуны...».

Благо братья обладали умом прикрывать свой срам драными зелёными листьями лопуха. День становился хуже некуда и Саркису пришлось признать отдых оконченным. Садясь на скамью он стал ждать, когда Дети Бога соизволят дойти до самого тихого места во всём Эдеме и как обычно нарушить устоявшуюся здесь тишину.

Смех, улыбки, золотые волосы, размашистые богатырские груди, накаченные руки и ноги — юнцы всегда были в форме. Особенно если вспоминать их недавно пролетевший двухсотый день рождения...

— Саркис, мы так и знали, что найдём тебя здесь. — подал голос юнец по центру, поглаживающий свои длинные золотые пряди.

— Адам, зачем я вам понадобился? — злобно спросил Саркис, тут же услышав смешки каждого из золотых братьев. Но этот смех был совершенно не злобный, не насмехающийся, а напротив где-то добрый, больше заговорщеский и такой родной...

— Почему ты здесь один? Любишь тишину? — поинтересовалась грудастая златовласка.

Этот голос совершенно не подходил столь игривой и полностью нагой женщине.

Саркис даже удивился, поправив свою серебряную пряжку:

— Скажите прямо, что вам от меня нужно? Не стоит юлить и притворяться.

— Притворяться? Саркуша, ты в своём уме? Мы же по-дружески подошли, с добротой поговорить хотели. Ты совсем ничего не чувствуешь? — проворчал низкий юнец, наверное самый слабый и тощий из всех.

— Давай так. Я — не как вы. Вы — никак я. — отрезал чёрный богатырь.

— Ты один из нас, Саркис. — пробасил Адам и его острые глазки вперились в богатыря. — Ты же наш брат. Нам всё равно какого ты цвета, что предпочитаешь носить, о чём думаешь и что чувствуешь. Ты — один из нас. И ты нам дорог. — Дети Бога, некоторые даже смущённо, заулыбались, кивая головами. Они переглядывались и опускали свои взгляды, в попытке сдержать свои истинные эмоции.

«Наверное так выглядит доброта... Что же это такое? Нечто приятное? Связь, любовь? Может и я такой как все? Я же ведь что-то... чувствую...» — неуверенно подумал Саркис, толком не понимая значения этих неизвестных ему слов.

— Вы всё никак не отвяжитесь? Сами же прекрасно видите... Какой я вам брат? Волосы — не золото. Сердце — не живое. — голос богатыря был спокоен, будто тихое гладкое море.

Они все знали это. Знали, но это им не мешало говорить о нём, как о брате.

— Никогда не говори подобный бред. Не навешивай ярлыки, это глупо. Мы все люди, все рождены от одного отца. Так почему мы должны ненавидеть кого-то? Что нам мешает дружить, общаться, любить...

— Если б я мог любить, было бы круто... Простите, но нам не по пути. — Саркис снова отвернулся, однако сердце стало стучать немного чаще. Это... волнение? Так оно называется? Богатырь так хотел верить в себя, в свои силы и в светлое будущее. Он так хотел чувствовать, любить и быть любимым...

Задумавшись, он и не заметил, как оказался в кольце. Его плотно сжали со всех сторон, не давая дышать и тем более разговаривать. Их взгляды были благодарны, добры и светлы, а тела теплы и родны.

— Скажи, ты же хочешь быть нашим братом? — спросил Адам, сжав друга ещё крепче. Золото вокруг тьмы. Тьма внутри золота.

— Я... Я хочу быть с вами вместе. Всегда. Я точно что-то чувствую, иначе непонятно откуда эта тяга? Я так хочу обнимать вас и чувствовать это тепло. Может, я люблю вас?

— Дурак. — девушка расплакалась, прижимаясь большими грудями ещё сильнее и ещё крепче. — Конечно ты нас любишь, ты такой же как и мы. И ты чувствуешь, ты точно чувствуешь связь между нами, добро, счастье и юзы, скрепляющие нас.

— Мы все равны. — подтвердил Алерт. — Мы не идеальны, хоть так с виду и выглядим. Каждый из нас не лучше тебя, можешь поверить. — он очень радостно и честно улыбнулся и Саркису пришлось заулыбаться в ответ.

Всё же он любил этих людей. Наверное...

— Слушай, мы тут не просто так...

— Разговор есть! — закончил за брата Адам, и его коленки неожиданно затряслись. — Очень важный!

— Разговор? Ко мне? — Саркис должен был удивиться, но его голос как обычно был спокоен и сух. Суше пустыни, спокойнее моря.

— Змей. Ты же тоже видел его? — встревоженно спросила нагая женщина, не скрывая

своего волнения.

— Кого я должен был видеть и где? — природа ласково шумела и богатырь так захотел остаться один на один с этим божественным местом... Вот придурки, со своими расспросами о каких-то тварях.

— Чёрный змей. Длинный. С раздвоенным языком и нашей речью. — Адам будто и не верил в свои слова. Саркис тут же понял причину. Всё было плохо. Ужасно плохо. Хуже некуда.

— Ты о чём говоришь? Лучше за языком последи. — пригрозил Саркис.

Золотовласый немигающе смотрел под ноги. Взгляд стал холоден и страшен.

— Адам, с тобой всё в порядке? — Спросил чёрный богатырь, неожиданно подпрыгнув от резкой реакции будто бы неживых роботических глаза:

— Змей живёт под Древом. Он сказал... — Адам запнулся, дёрнул головой и продолжил. — Он сказал, что Бог самозванец. Настоящий наш отец — это сам змей. Он обещал рассказать нам всю правду, мы должны поверить ему и ждать.

— Поверить? Что с тобой, брат? Ты с ума сам сошёл или тебе кто помог?

Юнец дёрнулся всем телом, впери́л взгляд в лицо богатыря и накинудся, резче любого робота. Летящий на него удар Саркиса лишил Адама равновесия и заставил распластаться на земле, в окружении грязи и мелких камней.

— Что это за тварь, говорящая на нашем языке? Вы мне все врёте! Бог не создавал настолько омерзительных тварей. — растерянные взгляды братьев говорили сами за себя. Опустошенные, заблудившиеся и потерявшие связь с реальностью... Это чёрное существо испугало их, заставило поверить необычным речам, что произносило своим раздвоенным языком.

— Братья! Сестра! — с нежностью Саркис оглядел толпу родных людей, что он отныне поклялся защищать. — Вы испугались ящерку? Вы вправду поверили ей? Вы действительно такие отбросные трусы?

Все молчали и только ветер шептал нечто невнятное. Адам поднялся на шатающиеся ноги, коленки дрожали, а на лице было написано смятение и непонимание.

— Ты нам брат? — спросил он, тяжело сглотнув. — Если мы тебе дороги, ты обязан выслушать нас и желательно до самого конца.

Какие глупцы. Они повелись, такие сильные и здоровые, повелись на дешёвые байки некого чёрного змея. Что могло быть смешнее? Надоел лидер, надоел этот Отец, сердца затребовали перемен... Ничего хорошего из этого выйти не может. Никогда не выходило и сейчас не выйдет.

— Вы же умнее и должны осознавать кто же на самом деле ваш отец. Какое сходство с вами имеет длинное мерзкое чешуйчатое существо?

— Даже если мы и не похожи, не в этом суть. Просто кто мы такие? С чего решили доверять этому гигантскому потоку света, именуемому Богом, нашим Отцом? Для каких целей нам исполнилось больше двухсот лет? Этот змей — он может поменять всё! Он сможет доказать и показать правду, вернуть утерянный ранее смысл нашим бесполезным скучным жизням.

Богатырь и не знал, что ответить своим братьям. Он лишь чувствовал и осознавал, что все эти золотые люди нуждаются в его вразумлении и защите.

— Я прошу вас! Не лезьте туда, ничего не меняйте, не перечьте отцу. Нерушимое нельзя рушить! Законы — они для всех. Нам не надо искать других лидеров, ведь у нас есть папа,

наш родной создатель, что оберегает нас и неустанно думает о наших жизнях! Не морочьте себе головы!

Братья расходились, совершенно убитые и расстроенные.

— Думали, образумим тебя. Включим в свои ряды... Какой же ты скучный! И чёрный... — пробурчал один из них, низко опуская голову.

— Куда вы? Я ещё не закончил! Не верьте той твари, она не наш брат, она нам никто!

— Мы всё поняли. Живи свою жизнь, парень.

— Не брат, да? Вы так легко отступаете от своих...

— Единственный, кто привёл к такому исходу — это ты, Саркис! Отказ без оснований, разговор без аргументов! Ты просто жалкий трус, готовый волочить жалкое существование под гнётом этого демона! — пробурчал Адам, гордо встряхнув головой.

— Наш родной любимый Отец сделался для вас демоном?... И кто тут говорит о предательстве? Он дал всем нам жизнь, позволил гулять по этим прекрасным просторам. Он создал всё то, что ты видишь вокруг. Как такой как он может быть демоном?

Шаркая, они расходились, куда глаза глядят. Слова Саркиса потонули в холодном презирающем безразличии.

«Боже... А вдруг они правы? Отец — создатель, значит и змей его рук дело? Может, он хотел посеять смуту в их сердцах? Но... где же тогда его доброта? Угнетатель, подчинитель, искуситель...».

— Пойдите! Я же не договорил! Я... — рука богатыря схватилась за первое попавшееся тело и этим человеком оказался Алерт:

— Прости, друг! Мы никогда бы не подумали, что ты отступишься от своих слов и понятий. Раз звался братом, так должен был поддерживать нас до самого конца.

— Но я же... Я же поддержал. Я сказал то, что считал нужным.

— От тебя этого не требовалось, дурень. То был выбор. Гнёт и бессмысленное существование, или же путь к новому и прекрасному будущему, что сможет в корне поменять наши бранные жизни. Ты выбрал... — Алерт грустно улыбнулся и с его ресниц упала голубая слеза. — Какой же ты скучный! Любящий топтаться у закрытых ворот, зная, что они не откроются никогда. Продолжай поклоняться Создателю, продолжай. Но в своей утренней молитве не смей перечислять наши фамилии, отступник!

— Пойди! Пойди! — образ Алерта покрылся дымкой и стал испаряться. Клубясь и вихрясь, образ окончательно потух и яркий свет затопил глаза. Пронзительный и сверкающий, он являлся предвестником...

...божьей кары...

— Отцовской розгой давно не получал? — вокруг было темно, а пред расплывающимся нечётким взором Саркиса показался Демьян. Хлопая друга по щекам, он пытался привести Саркиса в чувство. — Что такое. Очнись, мы уже близко!

Со всех сторон богатыря окружали высокие деревья, в воздухе витала сизая дымка. Всё как было! Видение исчезло, это не Эдем, это всё тот же лес! И они прошли большую его часть. Саркис это помнил.

— Брат, я в порядке. — Саркис наконец двинулся с места, первым делом пододвинув кучерявого друга. — Я просто задумался, ничего такого.

Демьян тяжело дышал и это не скрылось от глаз эдемского мага.

Повернувшись, Саркис лицезрел дорогу из трупов. Разворошенные тела пауков,

выпотрошенные гигантские улитки и мыши. Кровь, органы, погнувшиеся кусты, заляпаные густой слизью от тел разваленных на части улиток. Красота, что сказать!

— Дорога жизни, не правда ли? Может весь лес разворошить? И этих существ ты боялся? Большинство из них на один взмах моего меча, не более!

— Погоди. — дрожащим голосом произнёс Демьян. — Ты не видел того паука?

— Которому я перерубил жирное брюхо? Пока помню этого господина, как раз где-то рядом тут лежит.

— Да прекрати ты! Где твои глаза? А память? — за спиной Демьяна хрустнула ветка и парень задрожал, как осиновый лист. — Ты забыл паука, который последний рухнул тебе на лицо?

— Паука? — растворяющееся лицо Алерта развеивается по Эдему. По Эдему ли?

— Вспомнил? — кучерявый до сих пор дрожал, не веря в то, что вокруг них шуршали сухие листья, мелкие засохшие кусты и кроны спиралеобразных деревьев. — Он же растворился, так?

Саркис растёр пот по всему лицу, закатывая глаза:

— Точно. Тот паук... Я махнул мечом, перерубил его тело, надеялся увидеть две ровные половинки и фонтаном сочащуюся кровь, а тот просто исчез. Испарился. Превратился в дым и развеял своё тело.

Услышав это, Демьян принялся с остервенением грызть ногти. Вокруг них собралась целая толпа нелюдей, что были готовы напасть в любую секунду и прямо сейчас они скрывались в чёрных приземистых кустах.

Сказка!

— Чёрт. Как он мог принять форму дыма? То была магия или же фантом? — воздух внезапно запах могилой. Гнилой призрачный ветер ворвался в лёгкие, задул в лицо и Демьян окончательно согнулся, зажимая рот руками, в надежде не вдыхать этот мертвенный, чуждый всему живому, смрад.

— Видимо, этот лес изобилует и господами-призраками. Чем-то другим всё это объяснить нельзя. — со всех сторон нарастал ужасный гул, пробуждающий мурашки... Гул мёртвого, давно не живущего голоса, гул, будто вырывающийся из тёмной глубокой холодной могилы... — Может это лес некроманта? Таких слухов никогда не водилось?

— Боже... Ты с ума сошёл?! Не хватает нам второго Арчи... — Демьян окончательно забился в себе, почти зарываясь в тугие завитые тёмные корни деревьев.

Гул всё увеличивался и у Саркиса запульсировали виски. Неприятно конечно, неприятно! А учитывая окружающий мрак, призрачных пауков, тошнотворный гул и явный треск со всех сторон — можно было сказать, что всё ужасно!

Желтые звериные глаза богатыря ярко сверкнули и темнота отступила прочь, поджав хвост, словно серый заяц.

«Вот так-то лучше! Пусть только попробуют явить себя».

Огонь зашипел, покрывая до предела сжатый кулак. Демьян задрожал пуще прежнего, вжимаясь в ствол ещё и ещё сильнее. Дым клубился, солнце еле пробивалось сквозь сумрак, а листья продолжали трещать.

— Мы умрём! Мы умрём! Мы умрём! — бормотал парень, отчего Саркис радостно заулыбался.

«Люблю защищать слабых! Люблю защищать своих родных! Обожаю чувствовать себя таким всемогущим и крутым! Да, это незабываемое чувство... Это единственное, что

заставляет моё сердце трепыхать! Радость от грядущей битвы — что может быть слаще?» — эдемский маг хищно улыбнулся, чувствуя огненные кнуты, хлещущие руку, будто мощные бичи.

Где-то за деревьями, продолжая замогильно гудеть, показалась высокая фигура. Призрачная, меняющая свою форму, парящая над тёмной сухой землёй — именно там притаилась главная опасность. Стройная, гудящая, ждущая своего заветного часа.

— Мы умрём! Мы умрём! Нам конец! — словно тряпка бормотал Демьян, что так мечтал сразиться с Эриком, выбить из него всё дерьмо и быть крепким нестигающимся щитом.

«Ему ещё учиться и учиться. Юнец пока слаб и не готов ко всем тёмным сторонам этого мира. Я был таким же, там, в Эдеме... Тот чёрный змей — он был так же страшен мне, как это высокое создание страшно Демьяну. Однако после сей схватки он закалится, как хороший клинок. Его судьба — стать не щитом, а разящим оружием. Только тогда Чёрный город рухнет нам под ноги, потонет в огне нашего пожара. Ну а после — я завоюю весь мир!».

Саркис усмехнулся и прислушался. Виски по-прежнему болели, скорее боль в разы усилилась. Богатырь был повёрнут в сторону давящего гула. Там, сквозь гордо высящиеся деревья, Саркис по-прежнему различал парящую неясную статную фигуру.

— Ну что, тварь, готова к самому сложному бою в твоей жизни? — сердце неистово неслось от самого прекрасного и единственного чувства в жизни мага — чувства сражения, боя, чувства текучей по телу маны. — Приведение — держись! Охранник леса или кто ты, абсолютно все падут мне под ноги, ведь только я — повелитель и сын Бога! В этом мире есть лишь один человек, способный меня одолеть, — всё тело взорвалось, ярко вспыхивая, будто факел. Танцующее пламя заковало тело, заставив Демьяна наконец поднять испуганные потерянные глаза. — Мой брат, друг, самый ценный человек в моей жизни — Демиург! Если вдруг Эрик виновен в его смерти, он подписал себе смертный приговор!

Тварь, притаившаяся вдалеке, решила не терять время и неистово закричала, и этот крик эхом пронёсся по всему лесу.

«Пора! Призрачная тварюга перестала прятаться!» — огненное тело оторвалось от земли и полетело сквозь густой кустарник и плотный строй деревьев.

Веселье начиналось!

Ужасный противный гул, звук из преисподни, что может издавать лишь покинувшее этот бранный мир существо. С каждым днём Саркису всё больше нравился этот Нижний мир, наполненный магией и чудовищными сюрпризами. Невероятное чувство удовлетворённости буквально подстёгивало богатыря становиться сильнее.

Яркая горящая точка сокращала расстояние, оставляя за собой юркий длинный огненный хвост, рождающий мириады сверкающих искр. Летя через мелкие, почти невидимые обычным зрением кусты, оставляя за спиной молчаливо вздымающиеся стволы деревьев, трача ману на всю эту неописуемую красоту, что разила глаза, Саркис приближался к виднеющейся вдали твари.

Стройная прозрачная фигура, на ней гордо сидящее длинное голязовато-серое платье, что было велико для такого статного существа, парившего над землёй, как некое приведение. Одежда спускалась ниже пят, корона, сложенная из золота, что не могла сверкать в этой глуши ясно говорила о...

«Блин блинский. Такого быть не может. Или всё же...?»

Демьян окончательно прекратил слёзы и, растерев их по всему уставшему воспалённому лицу, шатаясь на подгибающихся ногах, наконец встал, готовясь к атаке, что могла показаться с любой из тёмных сторон. Она могла вынырнуть из любого мрачного кустика.

— Я не должен подвезти друга. Я же мужчина, я смел и вынослив! — заверил себя парень, хотя тут же был готов вернуть брошенные в воздух слова обратно.

Из-под тёмных сухих листьев показалась мохнатая лапа, расплывчатая и совершенно не чёткая. Как бы Демьян не храбрился, увидев присутствие врага, парень задрожал. Но амулет в его руке пока сохранял в себе магию и Демьян был готов использовать весь свой запас.

— Я не хочу больше отступать, ведь если я сдамся сейчас — мой путь будет окончен! Это ведь только начало, я пока не должен паниковать и бояться, правда? — парень истерически рассмеялся и сжал красный камушек в своей вспотевшей руке. — Огненный смерч! — голос юнца пронёсся над верхушками деревьев и его слышали даже в Чёрном городе. Голос, полный надежды. Голос, что пытался превзойти врагов и не отступить на полпути.

Амулет дрогнул, неистово сверкнул, словно сверхновая звезда, и раздробился на мелкие частички. Вся мана взлетела кверху, рассеивая сказочную лесную дымку. Сама энергия взревела, что укушенный змей, и шумно взорвалась, облачаясь в вихрящееся пламя, танцующее не хуже акробатки.

Смерч взъярился и расширился, съедая окружающие деревья, кусты и землю, уничтожая тварей, которые будто крысы притаились под кустами и ждали возможности атаковать бедного паренька.

— Вы думали сможете меня сломить без боя? Ничтожные крысы, жалкие твари! — смерч умертвлял всё живое, разделявал на части, разжевывал весь лес в округе, переламывал деревья и ветки, оставляя после себя лишь глубокую дымящуюся воронку, словно гигантский глаз смотрящую в небо.

Огонь успокаивался, последний огонь амулета, на который Демьян поставил свою жизнь.

— Не ожидал, что в артефакте осталось столько энергии. Я спасён? — на глаза Демьяна проступили горькие слёзы. Напряжение спадало, на душе становилось всё легче и легче. — Боже, как страшно! Слава богу всё позади... Гордись мной — Саркис! — Демьян прерывисто дышал и его грудная клетка весело дёргалась. Парень не смог держаться на ногах и рухнул на чёрную от сажи землю.

Вокруг стало так тихо. Природа замолчала, ветер поутих, птицы разлетелись — окружающий лес молчал, будто проглотив язык.

Воронка дымилась, а по краям догорали остатки неистового магического шторма. Амулет, что Демьян держал на шее с рождения и вправду спас его никчёмную жизнь.

«Подарок моего настоящего отца, которого я так и не видел. Неужели он спас мне жизнь? Но этот гад же бросил нас, оставил маму жить в бедности, без шанса на счастливое будущее...»

Демьян всегда считал отца виновником такой жизни. Несчастливая, ныне покойная мать, которую парень обожал всем своим большим сердцем; отчим, такой же грустный человек без возможности жить хорошо и в достатке. Демьян искренне ненавидел того предателя, что обрюхатил его маму и оставил одну с младенцем. Это было... так низко и подло. Каково было одной женщине воспитывать Демьяна долгие годы без нормального достатка, хорошей еды и ухоженного дорогого дома?

— Как жаль, что жизнь так и не подарила тебе счастья, мама. Ты заслуживала большего, чем жалкий мирок наградил тебя. Я старался, но вряд ли сделал нас намного обеспеченнее, чем мы были до этого... Прости! — парень молитвенно сложил руки, устремляя взор к небу, что пряталось за вновь наползшей дымкой и кронами лихо закрученных деревьев.

Амулета больше не было, отец помог как мог. Хоть один раз он удостоился звания выше, чем «гадкий крысёныш, держащих женщин за разменную монету»

На душе стало как-то легче. Враги, что прятались кружком по мелким кустам, сгнули прочь, потонувшие в огненном потоке. Воронка была огромна и страшна, словно язва на почве этого леса. А зрачком страшного глаза, что разполся во все стороны, был Демьян. Бедный испугавшийся опасности юнец, что наконец стал ощущать силу и стержень в своей душе. Этого пока было маловато, но начало уже было положено.

«Боже. Но это же ведь не я сделал... Я всё ещё ничтожен, как всегда. Чёрт!» — парень стукнул себя по колену, абсолютно не обращая внимание на возникшую боль.

Но даже несмотря на то, что амулет справился с проблемой, Демьян вырос. Он подсознательно вспомнил свою семью, свой долг и настоящую силу. Ту мощь, что передалась ему от настоящего отца.

Боязнь потихоньку отступала, хоть Демьян и не понимал этого. Амулет прожил свою жизнь далеко не зря, отец всё же поспособствовал закалке клинка.

Стало так тихо. Ветер вернулся в свои владения, вновь запахло лесом, а не противной гарью, пламя почти сбилось несущимися сквозь воронку порывами.

Языки пламени порой шумно вздымались, уходя куполом кверху. Пока ещё парень не заметил этого, но рядом с догорающим огнём показалось паучье тело. То самое, что минуту назад высывалось из маленького кустика. Собираясь из клубов дыма, оно пошевелило лапками и словно живое поползло к Демьяну.

Замогильный гул послышался ещё раз и воздух как-будто стал ещё холоднее. Ночь призраков, ночь тех, кто не может ходить по этой земле: все те, кто недавно погиб в огненном смерче уже воплотились из серой сказочной дымки и приближались к кучерявому

магу. Противные пауки, вертящие своими красными глазками, склизкие улитки, огромные жирные мыши. Их было даже чересчур много.

Отец. Он поступил как всегда. Он бросил Демьяна одного, оставив наедине с призрачными тварями, от которых дыхание застывало в лёгких, мурашки ползли по коже, а сердце работало быстрее обычного.

Вероятно солнце закатилось за горизонт, иначе звёзды на небе и краешек серебряной луны можно было списывать на зарождающуюся паранойю Демьяна.

Мёртвая армия приближалась со всех сторон, как неумолимая лавина. Вокруг их тел витал дымок, а изо рта пахло смрадом. Замогильным запахом разлагающейся плоти...

... именно это чувствовал Саркис на подходе к величественной парящей фигуре.

— Нацепила корону не просто так. Призрачная королева? Похоже на то. Королева призраков, оберегающая их главный оплот и наверняка работающая на слабака Эрика. — Саркис выдавил напряжённый смешок, ощущая своё жаркое горящее тело.

Краешком глаза эдемский маг увидел зарево, будто от ядерной бомбы. Лес позади разлетелся в мелкие щепки и наверняка покинул этот мир вместе с врагами, что как крысы попрятались в своих излюбленных кустах.

— Будем надеяться, что они оказались из плоти и крови, как в самом начале леса. В противном случае, Демьяну придётся драться своей собственной магией.

Королева гудела и гудела громко. Руки лежали по швам, голова надменно смотрела вперёд, однако лицо было не видно в сумраке дикого леса. Само тело было серо, невесомо и прозрачно. Это и выдавало в противнике бесплотного призрака.

«Смогу ли я ранить это существо? Сколько нужно огня, чтобы рассечь это тело? Хватит ли маны и насколько искусна тварь в битве?» — вопросов было даже чересчур много, а ответа ни одного. Именно поэтому Саркис решил приступить к действию, к жёсткой практике, к проверке этого призрака на боевые способности!

Огонь нещадно залаял как побитая собачонка и пустился в пляс в виде огромного потока пламени, чью скорость не смог бы уловить даже средний магишка.

Королева приведений не подвела. За миг до столкновения с огненной трубой, тварь испарилась, оставив после себя лишь слабый невесомый дымок. Однако призрак появился уже в другом месте, невозмутимо воспарив над землёй, как и в прошлый раз. Огонь же бухнулся в землю, прожигая в ней дымящуюся пустую дырку, чёрную, как небо над головой.

— Я смотрю, любишь ты фокусы показывать. О честной драке и речи не идёт?

Существо погрузилось в угрюмое молчание. Ни гула, ни звуков дыхания. Лишь загробная тишина, объявлявшая окружающий лес.

— Что молчишь? Язык проглотила? Гудеть устала? — в ответ величественная фигура повела головой и высокая корона громко звякнула, свешиваясь набок.

Внезапно существо заверещало:

— Вы зашли чересчур далеко! Я вынуждена сама разбираться с вами. Дальше хода нет! — ни о каком диалоге и речи быть не может, это стало ясно в ту же самую секунду.

Из-под длинного рукава серого платья показалась позолоченная палка, которая тут же была обхвачена полу-бесплотными цепкими пальцами.

— Будешь сражаться палочкой? — поинтересовался богатырь с Эдема. — Ностальгия по детству в жопе заиграла? Советую не забывать, я не крапива, палка может и не подействовать.

— Замолчи! — она прокричала сухо, кратко и грубо, как Саркис и любил.

«Властная женщина»

И конечно же золотая палка в её руке появилась далеко не просто так. Наконечник громко щёлкнул, высвобождая огромное серебряное лезвие, ярко сверкающее в свете луны. Дуга плавно прокосила воздух и лениво заверещала, готовая к битве.

— Королева смерти, не иначе! Сюрпризов полные штаны! Есть чем похвастать.

— Завали пасть, щенок! Не смей приближаться к городу!

«А она настроена серьёзно, как я погляжу. Есть у меня на этот счёт пара любопытных догадок, но сейчас не время!»

Пламя потекло с ладоней, по пути приобретая форму двух яростных драконов, чьи хвосты шустро петляли за их тонкими огненными телами. Зарывав, ящеры закружились вокруг королевы, пытаясь подобрать самый подходящий момент для атаки.

Тварь была не из глупых! Спокойно паря над землёй, она ждала, пока огонь устремит к ней свои когти.

«Давайте!»

Оба дракона вострепнулись и ринулись на врага, еле сдерживая свою форму. Рыча и скаля свои зубки, ящеры было застали королеву привидений врасплох. Но если бы всё было так просто...

Оставив после себя лишь сгусток дыма, королева показалась в совершенно другой стороне, наблюдая за растерявшимися юркими драконами, чьи хвосты шипели, крутясь из стороны в сторону.

Саркис был уверен, что существо улыбалось! Иначе и быть не могло! Размахнувшись своей длинной косой, женщина опустила своё оружие прямо на двух опешивших ящеров. Свистя, коса прорвалась сквозь пламя и то ярко взорвалось, озарив округу ярким малиновым светом.

Коса так красиво мерцала, а деревья так смачно занялись огнём. Дракоши пали, не успев воспользоваться хоть одним шансом попробовать плоть врага своими горячими зубами.

Королева была гораздо сильнее, чем Саркис себе представлял. Пожар отражался в высоких острых золотых зубьях, а лицо... оно было поглощено этим заревом. Прозрачное, но от этого не менее живое и прекрасное.

— Такая красивая, а уже мёртвая! Кто ты такая? Кто ты для Эрика? — на удивлённого мага смотрело молодое лицо, ещё не испещрённое морщинами. Аккуратный нос идеально подходил чётко вычерченным скулам и вискам. Добрые глаза, властные, но от этого несколько не злые. Русая прядь падала на щёку, делая лицо ещё более красивым и милым.

— Кто я такая сейчас не важно! Болтать нужно было до этой схватки, сейчас же... Я никогда не дам тебе пройти к моему любимому зайчику! Ты хоть знаешь кто он такой? Что он пережил? Не трогайте Эрика, дайте ему спокойной жизни! — призрак заистерил, истошно вопя и сгибаясь в приступе невыносимой боли.

— Ты его мать, да? — поинтересовался Саркис, облакачиваясь на фиолетовый посох. — И что ты тут делаешь в таком никчёмном виде?

Женщина зарыдала, косаясь лица своими бесплотными руками:

— Дайте ему свободы! Оставьте его в покое... Он заслужил хорошей жизни, пройдя через такие страдания... Его и били, и презирали, он страдал из-за плохого здоровья, его мучали боли, я... Я поступила неправильно, но что сделано то сделано. Я ни о чём не

жалею! Всё, что произошло — это урок, что дала нам жизнь!

Саркис давно перестал понимать маму Эрика. Да и та лишь редела, видимо и не собираясь разговаривать с эдемским магом.

Королева бросила взгляд на Саркиса и с остервенением замахнулась косой. Без тени сомнения, обезумев, призрак летел к магу, подготавливая мощную атаку.

Слёзы более не капали с её прекрасного лица, а голос вновь стал властен и строг:

— Хоть один раз в жизни я должна помочь ему! Сын нуждается во мне, я это знаю! И он меня любит, точно-точно. Несмотря на то, как я поломала его жизнь, он всё равно ценит и любит меня, иначе мне бы не позволили охранять этот лес!

«Дура, он использует тебя» — заключил Саркис, держась за посох и готовя ледяной удар. Голубое навершие сверкнуло, заставив Демьяна, кучерявого адепта одной из башен, открыть уставшие глаза.

Его уши ловили каждое слово королевы. Её было слышно так, как если бы она стояла совсем рядом, буквально в пяти метрах.

— Мы влипли! Мы точно влипли! — протараторил парень, потихоньку чувствуя приближающуюся угрозу. — Такое ощущение, будто отец обманул меня. Но его амулет спас меня от смерти, разве нет? — сомнения вцепились острыми когтями в душу Демьяна. Он понимал, что угроза оставалась и всё ещё витала в студёном воздухе.

Звёзд было так много, целый небосклон. Луна, краёшек которой притаилась за тёмными облаками, ярко светила и весь лес окрасился в красивый серебряный цвет.

— Какие-то фигуры... Уверен, это трупы моих врагов. — парень заметил некие силуэты, вырисовавшиеся на окраине громадной чёрной воронки. Беда была лишь в одном...

— Что? Может, это кусты шевелятся? — Демьяна обдал холодок, а к горлу подступила противная горечь. — Там же... что-то точно двигается.

Ветер был на удивление тих, на корабле такую погоду называли бы штилем.

— Но где же сам ветер? — парень задрожал и на трясущихся ногах приподнялся над чёрной землёй. Под мягким светом луны, в совершенно спокойную погоду, в далеке двигалось какое-то нечто.

Поворот. Поворот. Голова отказывалась двигаться и понимать всё это. Твари невозмутимо подходили абсолютно со всех сторон.

— Они... они все как тот паук, что упал на лицо Саркиса. Эти твари бесплотны! — словно приговор сказал Демьян и его руки отбили весёлую чечётку.

Гигантские мыши пронзительно пищали, волоча свои жирные брюха по чёрной земле, улитки безмолвно ползли вперёд, а пауки грозно шипели, переставляя лапку за лапкой.

«Дело не просто херово. Я же такой трус. Сам себе противен» — занял парень, сам не замечая, как смело двинул рукой, заставив зелёную чавкающую слизь прильнуть к ладони.

Твари наступали, те самые твари, погрязшие в огненном смерче и погибшие в буйстве стихии. Вот они, мёртвые облака дыма, будто живые несутся к нему на всех порах.

Гигантские, противные, не живые, пытающиеся сломить этого жалкого человека! Демьян никогда не чувствовал такой злости. Эмоция подчинила голову, превратив парня в острый разящий клинок. Даже ноги успокоились, перестав свой сумасшедший танец.

— Я не хочу жить таким, какой я есть. Если я адепт одной из пяти магических башен, во мне должно быть нечто железное и нерушимое. Иначе какой из меня боец? Какой из меня маг и щит?

Парень помнил, что делал Саркис при виде опасности. Он помнил его натянутую

улыбку, обнажающую белые зубы, помнил гордую стойку и меч, чётко смотрящий в грудь врагу. Демьян хотел быть таким же смелым, крутым, он хотел, чтоб у других шли мурашки при виде его решимости.

— Каждая секунда нашей жизни — это учёба! Мы должны совершенствоваться абсолютно всегда, плюя на страх, занятость, грусть, сон. Мы должны жить, а не выживать. Жить, а не влачить рабское существование. Сила при мне и её должно хватить для боя. В противном случае — жизнь сама заберёт меня, если я покажусь ей слабаком!

Демьян расплылся в безумной улыбке и где-то он совершенно точно стал похож на эдемского мага. Такой же смелый, безумный, отринувший все чувства и принимающий сражение.

«Я обязан постараться, ведь жизнь так коротка... Я должен помочь другу и у меня точно всё получится!» — заверил себя Демьян, встряхнув слизь и пафосным движением превратив её в зелёную длинную плеть.

Эта стойка... казалось, что человека подменили, настолько это было не похоже на него самого. Обезумевший, не думающий о своей смерти и об опасности, он просто был готов драться. И тот, кто победит в этой битве, будет признан сильнейшим в этой схватке!

«Двух победивших не бывает. Либо вы, несчастные жалкие призраки, либо я — обычный средний маг, трусоватый и жалкий!»

Они приближались всё быстрее и быстрее. Готовясь к атакам, пугая лишь одним своим видом, армия бесплотных продолжала путь.

Пять.

Демьян глубоко вдохнул, чувствуя ночную свежесть воздуха.

Четыре.

Пауки шипели, мыши пытались перегнать друг дружку, а улитки старались ползти вровень с остальными.

Три.

Демьян повёл плетью из стороны в сторону, успевая проверить её на гибкость.

Два.

Ветер внезапно дунул, будто подстёгивая парня не отступать от намеченного пути.

Один.

— Давайте, мрази!

Со всех сторон на парня прыгнули призраки. Волоча за своими телами дымок, приготавливая свои когти, тела и зубы, они ринулись на него, надеясь тут же и прикончить.

Один метр. Именно столько оставалось между ними и магом. Плеть свистнула и закружилась как шустрая юла. Скорость была неопишуемой. Твари попадали под удар, растворяясь в ночном студёном воздухе. По очереди попадая в эту мясорубку, они растворялись, сливаясь с набевшим ветром.

Когда не осталось ни одного врага, плётка рухнула вниз, взъерошив землю и покрыв её мелкими змеистыми трещинками.

Демьян не верил в свой успех! Тут же практически позабыв свой небывалый подвиг, он поёжился и смущённо заулыбался:

— Никогда бы не подумал, что это окажется настолько просто. Есть повод гордиться собой и передавшей от отца наследственной магией. Один круговой удар решил всё!

Естественно, твари стали возрождаться, оставляя открытым вопрос «А собственно зачем повторять битву?».

Сердце наполнилось гордостью и застучало сильнее прежнего:

— Это сделал я... Никогда бы не поверил, но моё оружие меня спасло. Точнее не оружие — я спас самого себя и помог другу. Это звучит более оптимистично и правдоподобно!

Пауки не теряли надежду и пытались возобновить битву, но со злостью испарялись от очередного размашистого удара длинной зелёной плетью:

— Я хочу помочь Саркису не только здесь. Я помогу ему в настоящем бою, а не в этой постановке, и не дам и возможности быть побеждённым кем бы то ни было!

Улитки испарялись, мышцы оставляли за собой лёгкий дымок, перерезанные плетью посреди брюха. Парень был не просто решителен и смел. Всё стало хуже! Отринув своё прошлое, не заботясь о своей жизни, он махал оружием, вырубая всё больше и больше призрачных тварей. И помимо этой новой атмосферы сражения, парень безумно улыбался, как не улыбался никогда!

«Косить противников... Это так весело?» — неожиданно подумалось ему, отчего недавняя широкая улыбка перешла в оскал.

Она всегда была такой.

— Боже, какой он урод! Не могла же я переспать с дьяволом? Не дай бог кому-нибудь такого ребёнка. — качала головой Кассандра, вечно причитая и не стесняясь мерзко выражаться, смотря на своего маленького пятилетнего сына.

Мальчик же, неверящими, полными грусти глазами, наблюдал за матерью и в его голове крутилась лишь одна мысль:

«Зачем она это говорит? Я же никогда не делал ей плохо, я всегда её слушался, я старался не капризничать, старался быть умным и прилежным. Но почему она такое говорит? Мама... она совсем не любит меня? Я настолько плохой и противный?» — думая об этом сердце парня билось в разы быстрее, а руки всё чаще потрагивали два шершавых бугра, напоминающих понемногу вырастающие рожки.

— Рогатый чёрт, на кой ты мне? — прокричала Кассандра, ударяя родного сына носком сапога. — Тебя давно надо было выкинуть куда подальше. Никогда не видела таких ужасных людей! — в голосе женщины чувствовалась огромная искренняя ненависть по отношению к этому беззащитному несчастному ребёнку.

Парень потёр ушибленное место, закрыл голову руками и заплакал, как самый обычный малыш:

— Мамочка, прошу, не бей меня. Скажи, почему я такой плохой? Я... я исправлюсь. Обещаю! — сквозь слёзы выдавил маленький Эрик, чувствуя под пальцами интенсивно растущие рога.

«Я рогатое чудовище? Но... где тут моя вина? Почему меня не любит мамочка?»

— Мама! Мама! Я люблю тебя! Зачем ты так? Ты же видишь как я стараюсь... Мамочка! — заорал малыш, в руку которого вцепилась холодная ладонь Кассандры. Не слушая вопли бедного паренька, не обращая внимание на его слёзы, женщина увлекала его к выходу.

— Видеть тебя больше не желаю! Просто ненавижу тебя, уходи прочь! — нараспашку открыв дверь, Кассандра отправила сына в полёт по лестничной площадке. Железная дверь тут же огородила мальчика от собственной родной квартиры, оставив малыша один на один с тёмной нелюдимою лестницей.

Было ли ей грустно, обидно, жалко? Точно нет, в её сердце не было места для этого грызёныша. Жалела ли она о своём решении в дальнейшем? Или она так и не раскаялась за содеянное?

— Мамочка, я не хочу быть один... — Эрик добрался до железной двери, принимаясь колотить её сжатыми до предела кулаками. — Тут так холодно... Я хочу есть за столом вместе с тобой. Прошу, не бросай меня!

Костяшки истёрлись в кровь и Эрик распластался на холодном полу:

— Так одиноко. Так пусто. Я любил её и не хотел терять... Как же мне жить дальше? — дикий мир окружил парня, совершенно непонятный, лишённый родных людей и любви. Мир повернулся к Эрику тёмной стороной, превратив мальчика в того, кем он является сейчас.

А женщина так и жила одна, трача свою жизнь на бесконечные жалобы, горе от гнетущего одиночества и крепкий алкоголь. Буквально потонув в алкогольных напитках, Кассандра проживала год за годом, лишь изредка касаясь мысли о своём сыне, которого она

бросила давным давно.

Ни секунды стыда, ни горести, ни печали, ни чувства долга перед родным малышом. Её душа была чёрствая и напоенная таким безразличием... Истинно каменное сердце, присущее разве что голему.

Она не видела сына больше никогда в жизни, а оставшиеся годы провела склоняясь над бутылкой и прыгая в постели к первым попавшимся красавчикам. Такова была её жизнь — нищета и рабское существование за гроши, приправленное безразличием ко всем родным и полным отсутствием любви и смысла жизни. В её сердце было место лишь для неё прекрасной. О каком сыне шла речь?

Даже в тот день она была не жива и каменна. Кассандра как обычно сидела на стуле, потягивая сигарету да качаясь на старом скрипучем стуле. Женщина слышала ту возню, видела выбегающих из домов людей, что сломя голову спешили убраться куда подальше, явно от кого-то спасаясь. Однако Кассандру всё это нисколько не волновало. Где-то здания занимались огнём и чёрные, как овцы, клубы дыма вырывались из кирпичных труб. Крики заполняли улицы, будто густой туман, и по старым дорогам стали вышагивать странные твари, отбрасывающие кошмарные скрюченные силуэты.

Шум и гам не прекращались, лишь больше набирая обороты. Кого-то жестоко протыкали, кого-то насиловали, кого-то сжигали, потешаясь и танцуя над изуродованными трупами. Обычный город был погружён в полнейший хаос и некие твари наполняли его всё стремительнее и стремительнее, полностью захватывая дом за домом, улицу за улицей, квартал за кварталом.

О больше части событий Кассандра не знала, да и ей было лень что-либо разузнавать. Совершенно забив на происходящее, женщина продолжила покачиваться на кресле, попутно напевая старые добрые народные песни. Про себя она успела подумать, какой же на улице был хороший день. Женщина была уверена, что на улице происходит обыденная мелкая ссора, семейная драма или нечто похожее на это, и волноваться, разумеется, не о чем, лишь бы солнце светило.

Кассандра не просто любила отдыхать. Безвольное, ленивое существо, лишённое каких-либо целей, стремлений и мечт, не желающее создавать семью, развивать саму себя и двигаться в каком-нибудь направлении.

И что самое плохое, таких людей было много, даже чересчур! Кассандра выросла, наблюдая за такими ходячими безвольными скучными рабами в своём собственном окружении. В её жилах могла течь лишь такая жизнь, обделённая целями и желаниями. И таких людей следовало пожалеть, ведь свою единственную жизнь они тратили на отдых, ублажения своего тела и на отлёживания боков. Другой жизни они и не ведали, что было самым страшным и подлым в их судьбах.

Изуродованные самой магией твари крушили дом за домом, не обходя стороной и неприметный обыденный домишко Кассандры. Без стука и, тем более, приветов, уроды вырвали дверь и ворвались в парадную, круша квартиру за квартирой, сея повсюду ужас, хаос и смерть. Вскоре они дошли и до квартиры Кассандры, что находилась прямоком на третьем этаже. Слишком низко, учитывая двенадцатиэтажность здания.

В то время женщина приготовилась как следует поспать, заботливо подготовив для этого широкую удобную кровать. Никчёмную дурочку и не волновал тот факт, что в это время ей было положено быть на своём рабочем месте и работать, работать, работать, как и всегда.

К ленивой безвольной кукле завалились также быстро, как и к остальным жителям сего «роскошного» дома. То были очень необычные существа: тела, покрытые белым, местами ярко-красным хитином, длинные вьющиеся усы, любой таракан бы позавидовал, большие чёрные овальные глаза, напоминающие глазёнки кузнечика, а довершал сей портрет рот, усеянный рядами острых зубов, который также напоминал жвалы насекомых.

Вот такие твари, с двух сторон обступаящие кровать, схватили Кассандру под мышки, смотря в её опешившие, наполненные ужасом глаза. Последнее, что она была готова видеть в эту секунду — этих существ, в целом напоминающих насекомых, обычно прячущихся в зарослях осоки, а сейчас крепко её держащих... Всё это казалось некоей сказкой.

— К-кто вы такие? Вы... з-зачем вы здесь? — её голос дрожал, а язык заплетался. Кассандра чувствовала тонкие лапки, мощно вцепившиеся в её тело. Она смотрела в эти хищные лица, в эти чёрные громадные глаза и угадывала лишь что-то неживое, нереальное, безразличное и пугающее.

Твари молчали и девушка распахивала глаза ещё шире. Всё её тело тряслось и покрывалось противными мурашками, а голос ломился от стального звона:

— Отпустите, прошу! Не убивайте меня! Что я такого сделала?

Бело-красные шустрые кузнечики, будто и не слыша криков и мольб жертвы, как следует обхватили руки девушки, повернулись друг другу хитиновыми спинами и начали расходиться в разные стороны, словно уставшая парочка.

— Боже, не делайте этого! За что, за какие грехи? Я не прошу многого, просто ответьте мне... Так больно... прошу, не надо всего этого! — по какой-то неведомой причине насекомые отпустили жертву, а один из них даже выскочил из квартиры. Сердце неистово неслось вскачь, где-то в недрах груди неприятно колело, а всё тело пронзала тягучая боль.

«Как же хочется жить... Я бы всё отдала за шанс заново прожить свою жизнь... Как же я была глупа! Столько ошибок, столько грехов... Я сделала всё не так и теперь это отлично понимаю. Как же поздно... Я могла ещё всё исправить, однако что я уже успею!» — в душную комнату вновь ввалилось то самое создание, тяжело громыхая и что-то насвистывая своей огромной чёрной пастью. Хитиновая броня громко звякала, а глаза были серьёзны и сконцентрированы.

В тонкой красной лапе был зажат небольшой листок. Вероятно, насекомое шло именно за ним. Неужто это было столь важно, да ещё и в такой ситуации?

— Взгляните на фото. Узнаёте? — муравей протянул фото ближе к лицу растерявшейся Кассандры. Та сощурилась... и всё встало на свои места.

Квартира погрязла в давящей тишине. Насекомые переглянулись, легонько кивая друг дружке.

«Никогда бы не подумала, что такое произойдёт... Хотя всё верно, это моё наказание! Я натворила достаточно и должна ответить по всей строгости, верно?» — с фотографии на неё смотрела... Кассандра. Кассандра Мартен. Та самая, кто бросила своего сына, та, кто любила лишь себя и жила ради своей сытости, отдыха и достатка.

«Такая как я должна быть наказана, рано или поздно! Жизнь так мимолётна и хрупка... Я бы с радостью отдала всё, лишь бы измениться, завести семью и заняться любимыми с детства вещами. Так грустно...»

— По приказу нового главы этого городишки, Эрика Мартена, вас велено немедленно прикончить как врага народа! Приказ вступает в исполнение!

Муравьи взялись за руки и вновь стали тянуть каждый в свою сторону. Боль иглой

пронзила всё тело, послышался хруст костей и разрыв сухожилий. Кассандра не могла сдержаться и сквозь стиснутые зубы замычала, не хуже сельской коровы.

Она и не заметила, как руки отошли от тела, оставаясь в тонких муравьиных лапах. Вскоре та же участь постигла и ноги. Боль стала частью тела, глаза налились бешенством, а все чувства пропали. Насовсем. Словно бы их и не было.

Не успели ноги отделиться от тела, как Кассандра испустила дух. Её лицо обмякло, а глаза уставились на бившие из обрубков кровавые фонтаны.

По сути в мире ничего не поменялось. На одного бесполезного человека меньше. Но даже мысля такими масштабами, Кассандру было жаль. Такой её сделал сам мир, сами люди, общество, окружающее девушку всю жизнь. Её вина была только в одном — ей не хватило ума выстроить собственную неповторимую жизнь, не опираясь на деяния и слова других людей. Её глаза закрылись навсегда, перестав смотреть на эти небольшие обрубки её бывших рук.

Кассандра прошла через всё это, чтобы...

... наконец обрести новый шанс, облачившись в королевский наряд и принявшись неустанно работать на родных людей. Ей было что менять и было ради кого становится сильнее и лучше.

— Я не позволю себе потерять эту возможность... Я мать и моя жизнь должна пройти рядом с сыном. Это моя самая большая ошибка в прошлом и сейчас я здесь для того, чтобы её исправить!

— Вот чёрт. — пробурчал Саркис.

После смерти её воскресили тайной тёмной некромантией, с этим было сложно спорить. И сейчас женщина была так величественна, статна и велика... Золотые зубья упрямо тянулись кверху, призрачное лицо вновь затянулось лесной дымкой, а руки гордо держали золотой посох, что оканчивался острым блестящим изогнутым лезвием.

Атаки королевы были опасны и размахисты. Коса гналась за богатырём, вертясь из стороны в сторону, злобно свистя и поя свои загробные мелодии.

В противодействии таким атакам Саркис мог лишь лавировать, как рыбка в пруду, стараясь запоминать характер ударов.

Коса прочертила полукруг, взлетела кверху и орлом пикировала вниз, словно имея пару крыльев по бокам.

«Неожиданно, резко, достаточно натренированно и опасно» — подумал маг, в который раз теряя возможность высвободить пламя. И уже было неважно в какую форму облачить огонь, было важно сделать всё непредсказуемо, молниеносно и смертельно.

Оружие Кассандры продолжало жатву, кося всё больше и больше воздуха, намереваясь наконец подцепить тяжеловесное тело чёрного мага. Пару раз куртка разрывалась, подцепленная острым концом, что резал плоть как обыкновенное сливочное масло.

«Ловка, хитра и умеет обращаться с оружием. Не даёт ни передышки для контратаки. Но ничего, сейчас мы это исправим...»

Коса прочертила дугу, королева прокружилась в воздухе и испарилась, оставив после себя лишь зияющую пустоту да мелкое дымное облако.

Всё произошло настолько быстро, что Саркис не успел даже закрыть свой открывшийся от удивления рот. Буквально пара секунд окончательно уверили мага в неоспоримом могуществе врага!

Коса показалась за мощной богатырской спиной и лезвие ярко сверкнуло в свете краешка луны, что показывался из-за туч, словно любопытное хитрое зверьё. Оружие добралось до тела в считанные секунды и прошло по спине, оставляя в воздухе кровавую дорожку.

В полёте искалеченный эдемский маг повернулся к королеве и встретился с её призрачным лицом. Женщина загадочно улыбалась и корона на её голове громко пропела торжественный гимн. Гимн смерти. Серое платье идеально повторяло каждое движение тела, стать не терялась и фигура становилась лишь прекрасней.

Ниспадающая ухмылка косилась на Саркиса, а коса громко свистнула, пройдясь аккуратно по животу мага. Тело рухнуло на сырую землю, обнявшись с ворохом сухих потрескавшихся листьев.

Было больно и всё тело ощущалось, как нечто сломанное и вышедшее из строя. Удары Кассандры были математически точны, а перемещения — идеальны.

«И как с ней сражаться-то? Призрачный монстр, умный, не дающий и ману то почувствовать...» — даже время на мысли уже не было. Кассандра старалась переиграть быстротой своего тела и ума.

Коршуном, тварь пикировала, держа перед трясущимися от скорости грудями излюбленную острую косу.

Идеально! Огненный столп сорвался с ладоней и направился вперёд, похожий на опасного рыже-чёрного тигра. Животное пронзительно зарычало, всё толстая и толстая, превращаясь в большую жирную огненную кошку.

Кассандра разозлилась и растерялась в одну секунду. Непонимание, грусть и печаль в одном милом женском лице. Она вновь исчезла, привычно оставив после себя скучную лесную пустоту. Данный ход был вполне логичен и ожидаем, а вот следующий более чем удивил Саркиса. Дурочка появилась ещё ближе к пасти ревущего тигра, прямо у его загнутых, готовых к драке, зубов. Однако на сей раз на мага смотрело не величественное статное лицо, а прямая спина, лишённая искривлённостей и всяческих проблем.

Столп пламени шумно врезался в зависшее в воздухе тело и призрак занялся игривым ловким огнём. Длинные кнуты хлестали несчастную королеву, а искры так и наровили залететь в глаза и превратить их в две запечённые до чёрной корки картофелины.

«Она не смогла увернуться от столь банальной и глупой атаки, наотмашь созданной моими уставшими руками? Даже больше — она применила свою технику правильно, верно, однако лишь ускорила столкновение с бурлящей и кричащей стихией. Её способность впервые пошла во вред или же она не смогла толком использовать свою способность как надо, как планировалось. Но почему? Или... Может... в этом что-то есть?» — подумалось Саркису, неотрывно наблюдавшему завершение огненной свистопляски и падению прожжённого женского тела. Дымная дорожка ещё долга витала в воздухе, а куст был недвижим, как и Кассандра, рухнувшая в его пышный центр.

В лесу всё стихло и был слышен лишь мягкий порыв ветра, теребящий засохшие листочки. В глубине ухала сова и пела некая безымянная птица, да не простые песни пела, а какие-то странные, необычные для их вида.

«Чудной лес, однако ж. И королева хорошая и конкурсы интересные»

Облокотившись о твёрдый посох, изукрашенный яркими гранёнными камнями, маг встал, стискивая зубы от боли во всём этом богатырском теле.

— Лежи смиренно трупиком, королевна, и не шевелись! — насмешливо бросил Саркис.

Однако Кассандра само собой не собиралась слушаться врага и её тело уже вспорхнуло над засохшим мелким кустиком.

Серое платье больше напоминало решето, продырявленное жарким пламенем. От чёрных дыр исходил дымок, а грудь женщины вздымалась парусом. Корона же была цела и по истине царска.

— Ты же не можешь телепортироваться абсолютно куда захочешь, не так ли? — маг решил не тянуть кота за яйца и задать вопрос как можно раньше.

Королева невозмутимо порхала в воздухе и её лицо было затянуто непроглядной густой тьмой. Ни единой эмоции, ни грамма беспокойства. Но эдемский маг всё знал. Всё уже стало очевидно, как дождь в пасмурный осенний день.

Тварь испарилась и Саркис без промедления развернулся на одних пятках. С его рук сорвалась цепь мелких шипящих шариков и все они оказались пред невозмутимым лицом Кассандры. Ярко отражаясь в зубьях короны, они молниеносным движением огромной косы были изрублены на мелкие половинки, что разлетелись в разные стороны и взорвались вдалеке снопом разноцветных искр.

Королева была недвижима и даже в разорванном одеянии смотрелась величественно, она была даже лучше себя прежней. Её голова медленно повернулась вправо на некий звук в лесу, заставив Саркиса широченно улыбнуться:

— Какой же ты, Демьян, шумный. Хотя мне это только на руку!

Пламя жгутом сорвалось с пальцев и устремилось на отвлѣкшуюся королеву. Миг и плотные огненные плети захватили дымную пустоту.

— Даже отвлѣкшаяся она в разы проворнее и быстрее любого из людей. Но чёрт! Мне это нравится! Она определѣнно прекрасна!

Коса зашелестела у самого уха, опускаясь вниз и вспарывая землю. Её лицо было так близко... Мертвенный смрад мощно ударил в нос, а дым плотными кольцами окружил тело эдемского мага.

Огненный шар плевком пронёсся вперѣд, взорвавшись где-то вдали. Дерево громко рухнуло вниз, занявшиеся языками пламени.

Королева уже стояла за спиной. Молча и надменно смотря в спину Саркиса, она закружилась на месте, выводя кривые шестѣрки и восьмѣрки. Лезвие юлой вспорол тело мага и кровь воронкой полетела по воздуху. Искалеченный богатырь рухнул на колени, выхаркивая кровь и понемногу задыхаясь.

«Такая быстрота и сила. Мне всё больше хочется её прикончить!» — волчий оскал стал предвестником грядущей схватки, а жѣлтые глаза загорелись ещё ярче, чем светили до сих пор.

Саркис встал напротив королевы. Оба врага смотрели друг на друга — Кассандра порхала в затхлом, пропитанном смертью воздухе, а маг муравьѣм глядел на неё снизу. И было не ясно кто из них больший монстр!

Оскал богатыря и чернота, заменяющая лицо королевы! Эдемский маг и статная прозрачная королева! Настоящая магия и величественная мѣртвая сила!

И Демьян, бегущий сквозь раскидистые лапы низких деревьев и мешающие кусты под ногами. Плеть в его руке горела, горела настоящей неборимой магической силой. Он... он и вправду изменился. Всё ещё трус, но умеющий побороть свой низменный страх. Кудрявый паренѣк стал оружием и настоящим бойцом, каким он хотел стать всегда.

— Саркис, я хочу чтобы ты видел. Видел то, каким я становлюсь! Я сам забору ту тварь,

даю своё мужское слово!

Его кулак гордо грохнулся о грудь, а сердце никуда не бежало. Оно билось как и должно у храброго сына битвы.

Веселье продолжалось!

Кровь перестала течь из его настежь раскрытого рта и Саркису осталось лишь радоваться этому, пристально смотря на Кассандру. Величественное порхающее создание было безмолвно и сильно. Было достаточно мимолётного взгляда, чтобы убедиться в этом.

— Обожаю таких как ты! Я восхищён твоими способностями! — чувство битвы несколько по-особому заиграло во всём его теле, заставив затвердевшее сердце буквально скакать от необузданного животного чувства сражения.

«Аж дух захватило...» — успел подумать Саркис, попутно анализируя атаку врага. Лезвие летело прямо в лицо мага и мириады звёзд ярко сверкали на тонко выкованной поверхности.

Эдемский маг прокатился по листьям в тот миг, когда коса вскрыла землю, как надутую вену. Полукруг. Выверенный косой удар, строго направленный вверх, а позже наотмашь пущенная атака вниз.

Саркис еле успевал отскакивать, перепрыгивая с одной ноги на другую. Пряжка ремня громко бряцала, как колокольчик, а дыхание несло вскачь, словно лошадь.

Кассандра испарилась и магу пришлось прыгать уже обратно, выверяя каждый брошенный королевой удар.

Коса крутилась как заведённая, выворачивая невообразимые зигзаги. Сталь резала воздух, как свежий огурец, а сама королева то и дело телепортировалась. И каждый раз лезвие мимолётно касалось чёрной обтягивающей куртки мага, вырывая целые тканевые куски, а то и добираясь до кожи, оставляя в воздухе лихие тёмно-багровые дорожки.

«Опасно! Опасно!» — огненные прутья сплелись вместе в острый меч, по краям которого бегали пламенные танцующие язычки. «А вот сейчас мы потанцуем!»

Меч вспорхнул над лохматой чёрной гривой мага и со всей присущей ему скоростью опустился на несущуюся косу, высекая целый рой разноцветных искр.

В глазах у Саркиса зарябило, а рука заныла, однако один из мифов был благополучно развеян. Оружью Кассандры можно было противостоять, даже учитывая нечеловеческую быстроту каждой из атак. Это было как минимум неплохо. С надёжным мечом в руке всё было не так страшно, как могло показаться на первый взгляд.

Отскок. Отскок. Выпад. Меч разогнулся и, шипя, рухнул в подставленную косу. Звон ударил в уши, а тело Саркиса уже развернулось на добрые сто восемьдесят градусов, дабы отразить следующий удар...

«Телепортация чересчур быстра... Моей реакции начинает не хватать»

Перемещение было слишком внезапно, а коса молниеносна. Оружие вошло в бок мага и тут же вышло, выпустив наружу бьющий красный фонтан. Маг опустился на колени, подставив ладонь к разорванному месту. Кассандра не прекратила свои танцы и полоснула Саркиса по лицу — раз, полоснула по рукам — два, а завершила атаку мощным ударом ногой по лицу.

Маг отлетел на добрые шагов пятнадцать, по пути наглотавшись поднявшейся лесной пылью.

Королева молчала в отдалении. Не хотела добивать лежачего.

«Сука»

У Саркиса хватило силы ударить землю кулаком и зажмуриться от нестерпимой

горящей боли в боку.

«Эта скорость... Я не смогу с нею совладать. Нужно... нужно изучить её технику, понять и выявить суть... Я должен»

Стискивая зубы и громко хрипя, богатырь встал на подгибающиеся ноги, будто непобедимый робот-убийца. На лице заиграла озорная улыбка, хоть кожа и побледнела, внешне приблизив мага к призраку.

Враги смотрели друг на друга. Саркис — на густую непроницаемую тьму, Кассандра — на бледное дёрганное лицо, грязное от пыли и радостное от притворной улыбки.

— Что за дурацкая привычка — улыбаться, когда чувствуешь скорое поражение? — её голос был сладок и властен. Саркис желал его слушать. От этого улыбка становилась лишь шире и коварней.

— Да так... Ничего особенного. Этому меня научили братья и... отец. — последнее слова отчего-то далось с трудом.

— Отец? Братья? Улыбка — это красиво, но глупо. Ты бы мог им это передать, если б вернулся домой живым.

— Домой? Все они давно покоятся в подземном мире, в аду. Их жизни отняты, но я уверен, что даже перед смертью их лица пылали радостным жаром. Безрассудно ли, глупо ли, я считаю улыбку правильным противоядием от любой проблемы! — огненный меч описал дугу и застыл над головой, в боевой стойке.

— Подземный мир?... О-о-от... откуда ты знаешь?... Кто ты такой?

Саркис оторвался от сухих листьев и молниеносно пересёк несчастное расстояние в жалкие пятнадцать шагов.

— Я — твоя смерть!

Меч рухнул вниз, но пронзил лишь клубящийся дымок. Кассандра уже была над головой мага и её оружие спешило за новой жатвой, опускаясь всё ниже и ниже!

Один миг, одна секунда — и для эдемского мага этот лес стал бы горьким финалом!

«Последний удар...»

Внезапно оружие королевы застыло в воздухе, не в силах довершить начатое. Острый конец лезвия удерживала ловкая, появившаяся будто из ниоткуда, прочная зелёная нить! Сталь не могла совладать с ней и разорвать, значит всё это было неспроста...

— Зря ты связалась с нами! Мы сделаем всё, чтобы избавить лес от всяческих призраков, что считают его своим непобедимым оплотом! — Демьян очень изменился с последнего момента. Конечно он боялся, ведь страх был неотъемлемой частью каждого живущего в Нижнем мире человека. Однако то, как он вёл себя, то, насколько смело и бодро разговаривал со страшным призраком, что покинул мир в давние времена... Всё это заставило Саркиса улыбнуться и где-то внутри проникнуться теплотой и гордостью к другу. Или это чувство, как и многие другие, ему лишь привиделось?

— Ты спас мне жизнь, заметил? — весело спросил маг, лихо присвистнув и хохотнув.

— Я не просто хочу спасти тебя. Моя сила должна привести нас к победе. К грандиозной победе. А начнём мы с этого проклятого леса и богопротивной мрази! — плеть отпустила косу и, прокрутив пару кругов, рухнула на Кассандру. Тварь скорчилась и исчезла, появившись не так далеко от предыдущего места.

— Учитель... кхм... Саркис, мне кажется или мы близки к раскрытию её способностей? Ещё издали я видел некоторую часть вашей схватки и есть несколько деталей, которые могут до конца помочь нам раскрыть каковы её техники на самом деле.

— Ты прав. Я тоже кое-что уловил. Но до конца распутать этот плотно замотанный клубок я не смог. — с рук мага сорвался огненный столп, что встретил дымную пустоту. Опять. Не опять, а снова.

Кассандра появилась за широкой богатырской спиной мага и уже было совершила молниеносную атаку... Зелёная плеть встретилась с призрачным телом и оплела её тугим кольцом, да так оплела, что королева ни на шутку перепугалась. Тьма спала с лица, обнажив даже где-то невинное испуганное милое личико. За плечами этой красавицы наверняка был тяжёлый тернистый путь, полный страданий, адовых мук и слёз. Демьяну отчего-то стало жаль врага. В его владения незаконно проникли какие-то варвары, сиюминутно принявшиеся разорять лесные уголья и уничтожать всю живность на своём пути. Они, эти двое террористов, посягнули на жизнь королевы, вдвоём накинулись на беззащитную женщину... В её глазах было лишь сопротивление, она и не собиралась делать что-то плохое и подлое.

Тогда почему они вынуждены её ненавидеть и вступать в бой? Почему нельзя договориться и разойтись? Отчего происходят такие боины? Что она сделала такого плохого, за что её должны прикончить два невероятно мощных мага? И где в этом справедливость? Вот она, несчастная Кассандра, бьётся как бабочка в паутинке, и кто ей может помочь? Призрачные слуги? Никчёмные пауки? И что в такой победе доблестного и честного?

Саркис подставил руки перед грудью, ощущая мощный прилив маны. Демьян... Он и вправду смог вырасти, стать лучшей копией себя. Старания и пробудившийся дух, что способен до конца раскрыть весь потенциал его силы...

«Ну что ж, мой друг растёт и растёт сильно»

Мимолётная улыбка, лёгкое чувство щекотки в ладонях и три огненных шара мягко полетели к врагу. Они с громким криком вырвались из ладоней будто бьющиеся пламенные сердца.

Отражаясь в её прослезившихся грустных глазах, они с шипением приземлились прямо в её тело, бодро занимая его яркими танцующими язычками пламени. И без того дырявое почерневшее одеяние окончательно изничтожалось в ярко-рыжих потугах.

«Такая боль... Почему они так хотят добраться до моего сыночка? Сквозь трупы, сквозь сражения, боль и магию... Мой сынок заслуживает смерти от этих двух оборзевших тварей? Жизнь мало дала ему настрадаться? Судьба обделила его горем?»

Зелёная плеть наконец ослабла хватку и горящая Кассандра метнулась к дереву, корчась и мучаясь от адской боли. Всё её тело горело игривым пламенем и потухло оно лишь спустя время. Маги не атаковали, хорошо это было или плохо. Скорее плохо, ведь её технику за это время вскрыли, как надувшийся прыщ...

— Саркис, ты понял стратегию? Если всё сделать правильно, этот призрак замертво рухнет пред нашими ногами. Ты должен довериться моему предположению.

Эдемский маг серьёзно кивнул и приготовился к атаке, что была обязана стать финальной в этой лесной призрачной битве!

«Королева быстра, этого у неё не отнять. Но одной лишь быстротой она бы тут не вытащила. Несмотря на явно выдернутое из подземного мира тело, оно материально и живо. Помимо всех этих аспектов оно обладает животрепещущей душой, что ранее и принадлежало телу. Некий сильный некромант воссоздал мать Эрика и сделал из неё профессиональное орудие для убийств!» — пламя тонкими лоскутами спало с её прожжённого искалеченного, но всё ещё гордого тела. Корона ни на секунду не двигалась, дикий взгляд буравил Демьяна

да так буравил, что его колени начинали трястись.

«Я не смею бояться, ведь у нас есть козырь — знание!» — Демьян сглотнул помимо воли и смело направил взгляд на парящее существо, смело крутящее в своих мертвецких пальцах длинную косу. «При наших магических башнях всегда существовали школы, учащие самым базовым знаниям. И историю, и рисование, и магические науки, и алгебру — всё это мы постигали вместе, сидя за деревянными партами и внимая мудрой учительнице. Она рассказывала так интересно и захватывающе, что я не мог ни слушать... Почти не дыша, я запоминал всё-всё, чему она нас учила. Вопреки общеизвестному мнению, мне нравилась алгебра. Учительница всегда говорила, что вокруг этой науки и крутится наш мир. Одной из базовых и основополагающих тем, как мне помнится, была координатная плоскость»

Плеть совершила пару кругов, готовясь к сокрушительной последней атаке.

«Пространство вокруг королевы и есть та самая плоскость, поделённая на четыре основных сектора. По моим наблюдениям, эта тварь может перемещаться лишь в противоположную от себя часть, а значит — все её атаки можно легко просчитать, особенно если бить вместе, дружно и быстро»

— Ты готов? — голос кучерявого мага не дрожал, хоть пот и выступил бисеринками на его лбу.

— Ты ещё спрашиваешь? — рука ухмыляющегося Саркиса занялись бурным огнём. Оба мага были наготове!

— Тогда вперёд! Да придёт с нами сила! — Демьян умудрился улыбнуться и сделать это искренне, от души. Отчего-то он понимал, что его предположение соответствует действительности. Вера ли, предчувствие — уже было неважно.

Королева тряхнула головой, корона звякнула, а сама женщина полетела к магам. Другого варианта не было, Кассандра должна была драться и сделать хоть что-то для своего сына. Для того человека, что она потеряла навсегда...

Огонь сполз с пальцев и потёк к полукруглому стальному лезвию.

— Не останавливайся и готовься усилить напор! — кучерявый маг заранее замахнулся плетью, потому что уже знал, где в следующую секунду должна оказаться королева.

Огонь стал плавить косу, отчего Кассандра исчезла. Она воспользовалась своей техникой и этот момент стал сигналом! Демьян обрушил всю силу своего жёсткого оружия и плеть рухнула на голову только что появившейся за спиной Саркиса женщины.

Кассандра опешила и раскрыла рот. Всё оказалось так просто...

Она снова телепортировалась, но уже в обратную сторону... Саркис не прекращал огненный столп и тот моментально окатил только что появившегося здесь призрака своим неистовым жаром.

— Боже... Господи, спаси меня! Почему так больно? Разве я сделала вам что-то плохое?

Королева исчезла вновь и снова попала под атаку Демьяна. Пять тяжёлых зелёных плотных шара нехило ударили и встряхнули её тело.

Этот гад улыбался... Этот кучерявый маг! Они всё предугадывали. Они знали где королева окажется в следующую секунду. Эти маги просчитывали любой её телепорт, предугадывали и заранее готовили свои атаки!

«Мрази, против командной работы я просто бессильна! Объединяться против женщины — неужто это удел сильнейших магов?»

Однако ещё был шанс что-либо поменять. Никаких телепортов. Коса упрямо понеслась к гордой спине Саркиса, рассекая тяжёлую лесную дымку.

Что быстрее — плеть Демьяна или же смертоносная коса? Последнее оказалось слишком тяжеловесо для быстрых ударов. Зелёная нить пару раз разрядилась об уставшее призрачное тело. Корона мягко слетела с головы королевы и потонула в клубящейся дымке у скрюченных корней деревьев.

Кассандра в последний раз оставила вместо тела дым. Возможно, следующий вдох и был последним в её второй жизни!

Тело Кассандры появилось в жарком эпицентре. Пламенный столп сокрушил её прелестное женское лицо, разжевал его, как ребёнок хлеб, превратил в чёрное пепельное месиво. Живой огонь окружил всё тело королевы, впился в её тонкие руки, показавшиеся из дыр в сером платье, сожрал белые ноги и уничтожил золотую смертельную косу.

Саркис использовал весь запас маны без какого-либо остатка. Он потратил всё, что имел и радостными жёлтыми глазами наблюдал, как пламенный зверь превращает прелестное величественное тело в серый бесполезный прах, ведь большего от неё после этой атаки остаться и не могло.

Напор мало-помалу спадал и казалось, что он поглотил не только тело врага, но и оставшийся от него невесомый пепел. Всё потонуло в этом аду!

А потом в один миг всё стихло. Лес принял обычный сероватый вид, ветер вновь стал теревить кроны деревьев, а дым, как обычно, за клубился у высоких золотых зубьев короны.

— Всё кончено! — неверя, с огромным облегчением пробормотал Демьян, вытирая пот тыльной стороной трясущейся ладони.

— Ты был прав. Читать её перемещения оказалось не столь трудно. Да и мой огонь прекрасно справился. Он как неостановимый дьявол сокрушил врага, растоптал его и открыл нам путь вперёд! — притворно заулыбался Саркис.

На том самом месте не осталось и следа от недавно ещё живого призрачного тела. Лишь в конце жизни Кассандра стала настоящей матерью, она обрела семью, осознала и нашла свой жизненный путь. И эта битва — доказательство её новой силы, которую она приобрела от становления матерью своего малыша, своего маленького беззащитного Эрика! Может её жизнь и не прошла зря? Может она нашла то, зачем ей нужно было родиться на этот свет? Кто знает. Все вопросы потонули в жидком бушующем пламени. И даже оно, такое смертоносное и неистовое, не сломило стать и величественность Кассандры. А корона... Она всё ещё поблёскивала, притаившись в ветвящихся корнях спиралеобразных тянущихся кверху длинных деревьев. Блеск никак не хотел угасать, как и душа матери, обретшая своё истинное предназначение!

— Ты убил её, Демьян. Эта победа полностью твоя заслуга! — Саркис подошёл к зардевшемуся парню и приобнял, похлопывая своей тёплой рукой по спине.

«Этот маг — он же сейчас признал меня?» — Демьян хотел плакать, но ограничился тем, что залился краской, совсем как девица. Это тепло и благодарность — Саркис действительно признал заслугу Демьяна.

Клинок начал заостряться...

Постояв так ещё немного, чернявый богатырь наконец отпрянул:

— Ну всё, пойдём вперёд. Думаю, до Чёрного города осталось совсем немного.

Гордый маг пошёл вперёд, руками откидывая нависшие тяжёлые ветки. Лес по-прежнему был суровым, сырым и страшным. Однако, в душе Демьян не боялся. Он словно бы принял ужас леса и провёл его сквозь сердце.

— Саркис прав. Бояться — удел слабых! — шаги стали во много раз тяжелее и

увереннее, а дорога сделалась проще и лучше.

Два мага петляли по тонкой кривой тропинке, изрядно заросшей обильной зеленью и ветвящимися корнями. Дымка всё также летала по воздуху, даже после смерти Кассандры.

— Слушай, та призрачная дева... Правильно ли мы поступили, убив её? И кто смог вернуть её к жизни?

Эдемский маг шумно топтал землю и пуговицы на его куртке громко бряцали, вторя шагам:

— Она была защитой Чёрного города и матерью Эрика. Без её смерти мы бы никуда не продвинулись. Сила её материнского сердца была огромна и это было довольно сложно не заметить.

А ведь точно. Она как-будто... как-будто была знакома Демьяну. Мать Эрика? Откуда он мог её знать? Дыхание пресеклось, а глаза вылезли из орбит. Кто чёрт возьми она такая? Он... он не хотел её убивать. Совершенно нет. Напротив... на сердце стало так тяжело — почему так грустно и больно?

— Насчёт того, кто обладает такого уровня некромантией — я не могу знать всех высших лиц этого мира. А если не знаешь и ты, то нам самим предстоит проложить себе дорогу до этих людей. Эрик... — кулак Саркиса грозно сжался. — Если ты хоть пальцем тронул моего эдемского брата... Поверь, весёлым наше знакомство не получится!

Настроение общаться было безжалостно убито ещё в зародыше, отчего Демьян предался тяжёлым мыслям.

— Отец... Мать... Я отомщу за вас и клянусь — я разберусь со всем, что происходит в этом чёртовом мире. И с Эриком, и с его матерью, и с этим городом — я разберу всё и всех на куски и доберусь до истины. Ведь я чувствую — вас убили далеко не просто так, таких прекрасных людей никогда бы не предали смерти по одной лишь прихоти. За всем этим стоит нечто большее... Правда ведь, Мартен? — улыбка бутоном расцвела на его враз повзрослевшем лице. Лес почти иссяк, как и страх перед городом. Страх перед тем местом, о котором боится говорить даже Великий орден магов Нижнего мира!

С каждым шагом чувствовалось — Чёрный город неумолимо приближался и сейчас до него осталось каких-то жалких сто шагов.

Лес поредел и деревья стали ниже и реже. Солнце во всю освещало бурно поросшую зелень, обступившую парочку магов буквально со всех сторон.

— Так ярко... Даже не верится, что позади мы оставили такой тёмный и страшный лес. — подметил Саркис.

В воздухе весело щебетали птицы, на разноцветные бутоны садились бабочки и маленькие жужжащие осы, воздух пах свободой и чистотой. Чудеснее погоды после тяжкой битвы было сложно представить. Как жаль, что Саркис совершенно не разделял радости кучерявого мага...

— Помнится, ты говорил нечто важное о том тумане, стелющимся вокруг города? — пробасил эдемский маг.

«Ну естественно, он не даст отдохнуть и насладиться пейзажем. Это ж было очевидней некуда»

— Запоминай, чтоб не спрашивать. Эта туманная завеса — охранная мера, через которую кто попало проскочить не может. Только своих пускает, да и если мирный житель выйдет из города — не факт что пройдёт обратно. Понимаешь?

— Ага. То есть придётся покуролесить? — этот маг словно бы издевался над Демьяном.

— Понятное дело. Мы то пройдем, но о нашем вторжении тут же доложат и наверняка сразу Эрику. Так что держим ману остро!

Туман уже был близко и казалось его можно коснуться рукой. Полусферой огибая крупный, скрытый от людских глаз город, он будто жил своей собственной жизнью. Он дышал, двигался и не пропускал — настоящая охрана и двух мнений здесь быть не могло. Эта сфера так далеко простиралась... крупный же город она оберегала... Крупный и страшный.

— Ничего не чувствуешь? — неожиданно спросил Саркис громовым голосом.

— Да всё вроде как обычно, правда... Если честно, чем мы ближе к плотному туману, тем больше болит голова. И тело... Оно стало таким бесполезным и вялым.

— Тоже самое и у меня. Но от этого лишь веселее! — взбодрился богатырь. — Эта охрана построена на чарах и держится на мане. Оттого и магические головные боли. Нам придётся терпеть всё это, покуда не найдём держателя чар. И нам очень повезёт, если вдруг им окажется не сам Эрик Мартен.

Тишина опять нахлынула как неистовый ветер, внезапно прекращая всяческие разговоры. Позади стеной стоял дремучий сказочный лес, спереди, за серой завесой, просвечивал город и его самые высокие остроконечные шпили. Страшный город, окружённый заснеженными высокими горными вершинами! Страшный город, что не просто так звался Чёрным!

Солнце освещало им путь и жарило спины, когда два мага наконец дошли до завесы.

— Настоящий туман, но в разы плотнее и гуще. Занятная техника. — завеса тянулась далеко вверх, закругляясь и продолжая свой путь дальше.

— Ещё никто не прорывался сквозь неё. Неужто мы будем первыми? — однако ни гордости, ни радости Демьян не чувствовал. — Опять я боюсь... Вот чёрт. Нисколечки я не

изменился.

Саркис устремил взор ввысь, наблюдая за тем, как серый туман теряется под ярким голубым небом.

— Люди живут там под постоянным мраком, не ведая света солнца и голубизны неба. — зубы громко скрипнули. — Ничего — я здесь, чтобы всё это исправить!

Прежде, чем Демьян успел вставить своё слово, мощная богатырская рука, объятая ловкими прутьями огня, понеслась вперёд, гордо вонзаясь в туманную завесу. Рябь пробежала по всей серой стене, а в месте удара туман разошёлся в стороны, вскрывая огромную дырку. Окно в Чёрный город было пробито!

— Не смей трястись! Ты же мой друг. — богатырь улыбнулся и его тело прошло вперёд, оказавшись по ту сторону туманного мрака. Впервые туда ступила чужая нога, нога сильнейшего мага из Эдема! — Идём! Настало время и тебе взглянуть на это...

— Там... там что-то не так?

— Всё очень плохо. Давай, быстрее взгляни на это. Уверен, никто и представить не мог, что тут происходит такое!.. Мдэ, вот тебе и остроконечные шпили...

Ветер резко дунул в лицо и Демьян нервно сглотнул, подумав, что даже лес был лучшей участью для всех них.

— Я... я не хочу туда идти. Я... я до сих пор такая ничтожная тряпка!?

— Не говори ерунды! Проходи сквозь дырку, пока туман не затянулся. И давай быстрее — мы будем первыми людьми, что смогли прорваться в это место!

Оттуда тянуло чем-то ужасным и недобрым. Настоящие ворота в ад. Неужели Демьян добровольно пересечёт эту черту? Ноги сами понеслись вперёд и перепрыгнули через туман, наконец пройдя сквозь крупную дыру в серой завесе.

Воздух был ужасен, как и летающая тягучая атмосфера.

— Это... — парень сглотнул. — Это так похоже на конец света. И здесь... здесь никто не ж-живёт, правда?

Саркис неестественно улыбался. Он смотрел куда-то вдаль самым внимательным из своих взглядов:

— Ну если в таком месте могут жить люди, то я им не завидую. Даже больше — я желаю им скорейшей смерти!

Солнце почти не просачивалось сквозь туманно-охранные чары, отчего всё приобретало вековой пыльный серый оттенок. Вместо домов кверху тянулись чёрные муравейники, будто сложенные из праха и грязи. Вокруг кучковались груды мусора, от которых тянулись дымные дорожки. У горизонта пыхали трубы высоких чёрных заводов, а в воздухе витала угрюмая могильная тишина. Серо-чёрный город казался мёртвым трупом животного, в котором поселились мерзкие падальщики.

— Вот чёрт. Неужто здесь и вправду всё пусто? Тогда что тут вообще охраняют?

Два мага стали двигаться к муравьиным чернющим домам и из-под их ног вырывались пыльные плотные облачка. Забытый никому ненужный город. Серая пыль, осевшая на чёрной земле, покинутые деревянные башенки, змейкой расположившиеся вдоль серого барьера, проклятущая всеобъемлющая тишина.

— И ради этого мы пёрли сквозь засранный дремучий лес? Чтобы увидеть здесь покинутый городишко и пару, как хер стоячих, труб заводов? Просто сказка, молчу и хлопаю!

— Нет, подожди... — Демьян заметил это первым. — Смотри, пыль заканчивается.

Резко и неожиданно. Тут... тут ещё кто-то есть и ходил он недавно.

Саркис оценивающе осмотрел землю и нашёл слова Демьяна вполне себе полезными:

— Наблюдай дальше. Идти вглубь города без нужных знаний — это выставить себя дураками и проиграть тяжёлую партию одним неловким и глупым ходом.

Повернувшись, Саркис обратил своё внимание на деревянные башни — единственные постройки, кои с уверенностью могли построить обычные люди.

— Наверное тут должна была находится особая пропускная охрана. Но почему башни пустуют? Всем стало плевать, учитывая общую сложную охранную систему? Подозрительно, подозрительно... Неужто о нашем прибытии уже знают?

И точно. О смерти королевы они давно должны были проведать. Тот безымянный некромант почувствовал бы смерть своего возрождённого экземпляра. Это значит...

— Не двигайся, парниша. Стой. Остановись. Есть что обсудить. — эдемский маг поманил юнца своим суровым пальцем.

Демьян мысленно поблагодарил друга. Идти и дальше по чёрной, словно сажа, земле ему хотелось меньше всего. А учитывая гробовую тишину, горы мусора, подозрительные чёрные муравейники и пустующие улицы — желание попросту пропадало.

— Что-тостряслось?

— Думаю, что да. Посмотри на эту линию из башен, примыкающую к охранному барьеру. — своей мощной рукой он обвёл эту длинную цепь. — Видишь, как она далеко идёт, совершенно не прерываясь, идя всё дальше и дальше?

Демьян проследил и медленно нервно кивнул.

— Как думаешь — для чего здесь эта китайская стена? — продолжил Саркис, попутно видя понимание в глазах Демьяна.

Их голоса так странно звучали в этой тишине... В мёртвом неживом воздухе, ведь только такой мог обитать в убитом бездыханном городе!

— Ты всё верно понял — это пункты охраны. Пустующие башни, покинутые своими воинами! Однако с какой целью их покинули? На то были причины?

Демьян задумался, или же постарался сделать умный вид. На деле его внимание привлёк некий шум. Нечто приближалось к ним и то был целый отряд... Небось вооружённый...

— Саркис, думаю к нам кто-то идёт и навряд ли с переговорами.

— С лихой песней и с мечом наперевес? Тогда давай их встретим как подобает! — пробасил маг, чувствуя потёкшую к ладоням густую ману. Энергия была наготове, как и всё тело эдемского мага.

Топот начинал сотрясать близлежащие постройки, особо часто скрипели деревянные башни, ходившие ходуном и поющие свои старческие песни. Демьян сглотнул и почувствовал как мана, что юркий трусливый заяц, прячется в груди, не смея наконец побежать по телу. Его обуял такой страх... Сердце стучало в копчике, голова заныла, а ноги были готовы добежать до пробитого в тумане окна и скорее покинуть этот адский город. Если б он только успел... Но было уже поздно!

Из-за высоченной чернющей муравьиной горы выплыла целая делегация, явно настроенная больше на разговоры, чем на жаркую магическую битву. Процессия состояла из, по меньшей мере, двенадцати муравьёв, что походили на рабов, закованных в сверкающий жёсткий бело-красный хитин. На своих тонюсеньких дрожащих лапках они держали огромную пушистую подушку, напоминающую летающее бархатное облако. В свою очередь

на подушке восседал жирный, раздувшийся от своего влияния и жадности, огромный голем, больше походивший на оживлённый магией гигантский кусок необтёсанного камня.

Процессия неспеша вынырнула из близко расположенных тёмных гор и стала величаво приближаться к магам. Демьян молитвенно повернулся, но как назло дыра уже затянулась серым плотным туманом. Сбежать не получится, остаётся лишь встретиться с опасностью лицом к лицу и быть готовым обнажить оружие!

Делегация догрохотала до магов и муравьи беззвучно положили пушистую красную подушку на пыльную землю. Жирдяй с тройным подбородком, то ли голем, то ли ещё какой оживший камень, с кряхтением вывалился на свои мелкие ножки и неспеша подошёл к Демьяну, лыбясь во все свои грязные зубы.

— Приветствуем тебя в городе, господин Демьян! Ваша комната уже готова. То будут самые лучшие покои, приготовленные специально для столь важного гостя! Прошу Вас, помещайтесь на подушку. Наше такси мигом доставит Вас куда надо! — голем раскланялся и его зелёно-грязный живот рухнул на землю.

«Он знает его имя? Интересненько...» — тут же заметил Саркис.

— Какой ещё господин? Помню, как двое придурков мило встречали столь важного гостя ударами в зубы, кляпом во рту и сковывающими верёвками. Арчи и Андрэ — помните их? — спросил Саркис, сверля взглядом тупого жирдяя.

Голем продолжал улыбаться, однако его хитрый взгляд убийственно смотрел теперь уже и на Саркиса:

— Просим прощения! Некоторые из специалистов... кхм... бывают слишком вспыльчивы. Мы приносим глубочайшие...

— Засунь свои извинения в жирную сраку. Либо ты мне всё объясняешь, либо...

Голем схватил Демьяна и насильно положил дрожащего еле отбивающегося мага на бархатную подушку:

— Не сопротивляетесь. Вам там не может не понравиться! Аристократичный стиль, милые беседы... Там очень весело! Я гарантирую — Вам понравится!

Муравьи тут же взяли за края гигантской пушистой подушки и потащили её вглубь города. Демьян опешил и совершенно убитым взором наблюдал за растворяющимся вдалеке другом. Его руки, всё его тело — мышцы заледенели и не могли больше двигаться, застыв, будто испорченное желе.

— Не собираешься спешить за ним? Или он тебе не друг? — поинтересовалось противное жернучее создание, подло усмехаясь.

— Он сам может позаботится о себе. Да и разве такая жирная свинья пришла сюда, чтобы поболтать? Наверняка ты первоклассный натренированный воин, обманывающий всех своей якобы жирной конституцией тела и готовый остановить любого вторженца наподобие меня. И да — это моё пламя убило мать Эрика! — Саркис криво усмехнулся, ощущая огненный меч в своих руках. Как в старые добрые!..

— Верно мыслишь, маг. Я здесь, чтобы не дать тебе и дальше ступать своими мерзкими ногами убийцы по нашему прекрасному Чёрному городу. Демьяну не нужен столь умный, сильный и проницательный друг, не так ли?

«Вот чёрт. Жирный кусок помёта. Муравьи и вправду уводят кучерявого, а тот от шока и поделаться ничего не может... Ну и пусть. Заодно узнаем мысли врага, проанализируем их и поймём, с чем столкнулись!»

Саркис и заметить не успел, как голема перед его глазами уже не оказалось.

«Опять? Вернее, снова? Они совсем глупцы?...»

Но на сей раз противник не был никаким приведением с косою и короной, который мог бы телепортироваться. Голем просто прыгнул. Огромная круглая тень ложилась аккурат на голову эдемского мага и тот чудом смог вынырнуть из-под огромного эпицентра.

Голем довершил прыжок, приземляясь своим грязным каменным телом на землю своего же родного города. Тело заходило ходуном, словно холодец, земля завибрировала, трещины зазмеились, не в силах выдержать удар такой силы. Где-то почва трещала по швам, еле держась, где-то подскочила огромными пластами, да и Саркису пришлось закрыться руками от метнувшейся ввысь серой удушливой пыли.

«Нихрена быстрый... Да и прыжок опасный, вон как земля просела и потрескалась»

Огненный меч описал дугу и пламя, в виде небольшой юркой горячей волны, убило расстояние до врага и попало аккурат в его жирную морду.

Голем прикрыл лицо руками, принимаясь орать и смахивать угольки, что остались около глаз после удара, в виде праздничного подарка.

«Отлично. Я знал, что я круче! Никакая гнида из Чёрного города не может быть сильнее меня! Проблема лишь в том, что я не могу драться на полную. Я на территории противника и вряд ли здесь найдутся дураки, что позволят мне бесконечно восстанавливать ману. Исходя из этого... будем тратить энергию медленно и разумно!..»

Саркис внутренне улыбнулся, видя страдание своего каменного врага. Тот уже встал на свои мелкие ножки, но продолжал тереть лицо, обожжённое одной из самых слабых атак огненного мага.

— Как ты мог... Эрик узнает о твоей выходке, он лично втопчет тебя в землю. Я обещаю это!

«Злись больше, макака. Следующая моя атака будет последней. Никакого Мартена ты сюда не подзовёшь. Жалкий переоценённый слабак...»

Саркис стиснул зубы и меч в его руке потух, оставив после себя лишь длинный дымный шлейф. Покрепче обхватив посох, эдемский маг встал напротив хрипящего голема, готовя последнюю атаку. Атаку, что должна будет отправить противника обратно в преисподнюю!

Мимо проносились высоченные чёрные то ли муравейники, то ли ещё какие постройки. Множественные круглые оконца выглядели так нелюдимо и страшно, что Демьян сглатывал каждый раз, как они попадались ему на глаза.

Пыльный удушливый воздух застревал в лёгких, в нос ударяла ужасающая вонь с груд мусора, кои проносились то тут, то там. Серое небо молчаливо застыло над рабоподобными муравьями, что послушными болванчиками выполняли приказанное и странные слова того голема.

«В принципе всё сходиться. Я зачем-то понадобился Эрику. Я здесь гость и в этом случае данный факт верен. Но кто тогда пытался убить меня на том рынке, в окружении горячих песков? Неужто... неужто за этим стоит не Церковь Сатаны?»

Вопрос остался без ответа, а сердце Демьяна начинало биться всё быстрее и быстрее. Неужели Саркис не собирается вытаскивать его из этого дерьма? Это какой-то план или случилось нечто непредвиденное?

— Ты же друг не на словах, так почему не можешь спасти меня? Предатель... Гнусный предатель! Забоялся и уходишь обратно? Ну и ладно! Сам разберусь и без твоей помощи.

«Но что я сделаю... Такой слабый и жалкий... Эрик — я боюсь его. Не хочу оказаться в

заточении... Друг, эдемский маг, я буду ждать тебя. Ты бы никогда меня не бросил, я верю в это. И я верю в то, что мы растопчем этот жалкий город. Только... только приди!»

На глаза Демьяна навернулись слёзы или же попала серая пыль, кто знает? Вокруг по-прежнему проносились высокие муравейники, горы мусора, а трубы заводов становились всё шумнее и ближе.

Царство мрака! Настоящее место для церкви Сатаны! И кудрявому магу придётся быть здесь одному, наедине с этой ужасающей атмосферой, гулом и осознанием собственной слабости.

«Боже. Я ведь даже не пошевелился, не воспротивился приказу. Так вот что чувствуют такие жалкие рабы, как я?»

Муравьи, клацающие своими челюстями и бряца хитиновыми панцирями, молчаливо несли громадную подушку. Покорные, они смотрели вперёд потушенным взглядом, совершенно без каких-либо эмоций или мыслей.

«Так вот каково вам, рабам? Я понимаю своих врагов... Эти муравьи — они как я! Такие же убитые, пустые и никчёмные!»

Процессия продолжала ход, а Демьян незаметно для самого себя стал жертвой плана эдемского мага. Он считал себя жертвой и потому расплачивался отведённой ему ролью — ролью покорного раба! Той ролью, с которой он хотел расстаться сильнее всего на свете.

Они смотрели друг на друга и каждый ожидал ход второго. Ладонь вспотела, уставшая крепко сжимать фиолетовый посох, причудливо изукрашенный красиво подобранными камнями. Голубое навершие шипело и вверх, закрученной воронкой, тянулись небольшие снежинки. Голем же зарычал, поджимая жирное тело.

«К прыжку готовиться, падаль. Нужно играть с ним изящно, не теряя добрую толику маны» — рассудил Саркис, крепче взявшись за тонко и искусно выделанное дерево.

Грязно-зелёное существо оттолкнулось своими короткими ногами и взмыло ввысь, потерявшись в серой дымке.

«Справа или слева? Быстро или медленно?» — эдемский маг далеко отпрыгнул, оперевшись о надоевший муравейник. Ему очень повезло, что голем не попал по телу мага.

«Эти дома — та ещё заноза в заднице. Я мог и сокрушительно проиграть. Хвала богам, что эта тварь не попала по мне»

Земля вновь покрылась трещинами, а некоторые пласты подлетели в воздух, разбиваясь в мелкую пыль. В свою очередь посох не заставил себя долго ждать. С навершия потекла вихрящаяся ледяная воронка, в секунду окружившая врага и вцепившаяся в него своими острыми ледяными зубами. Враг закричал, раздираемый мощным снежным вихрем, что впивался в каждый сантиметр его жирного, волочившегося по земле, живота.

— Отпусти меня! Как больно!

Снег ранил не хуже доброй зачарованной стали. Кружась вокруг, он раздирал кожу, подхватывал струи крови. Ноги и руки голема совсем заледенели, а сам снег стал красным от обильного вражьего водопада.

Мало-помалу снежинки опали на землю, а жирный голем рухнул на искалеченные колени. Его развороченное тело выглядело ужасно: покрытая глубокими шрамами кожа, кровь, застилающая тело своей плотной бронёй, болящие глаза, в которые успели забежать юркие колкие снежинки.

Голем кряхтел, а снег вокруг уже таял. Он таял, превращаясь в обычную совершенно непримечательную холодную воду.

— Т-ты... Почему ты так силён? Хочешь завершить бой парой слабых заклинаний? Думаешь, личный капитан стражи Эрика способен только прыгать да землю крушить? — голем истерично засмеялся и смрадный запах облачком вырвался из ужасной грязной пасти. — Никогда, слышишь, никогда не смей так смеяться над своим врагом. Не смей! Никогда!

Голем встал, хоть сильно морщился и выплёвывал густые кровавые сгустки.

Посох в руках мага был напоен магией, однако нужно было использовать как можно меньше энергии. Нельзя было расслабляться и выплёскивать на голема всё, каким бы капитаном стражников он ни был.

Вот жирдяй уже упрямо смотрел вперёд, по неведомой причине разминая мелкие жирные грязно-зелёные ручища.

— Ну зарядка в битве — это классно. Так держать. Ты ещё лёгкой атлетикой займись и пробеги пару кругов. Похудеешь хоть. — съехидничал маг из Эдема.

Голем в ответ промолчал, продолжая разминать свои твёрдые, хрустящие от каждого движения, ручонки. Вокруг было так серо, а пыльный затхлый воздух буквально давил на

ноздри. В далеке гудели заводы, повсюду, словно рукой Сатаны, были раскиданы чёрные громоздкие бульжники на пару с чудными постройками и дурно пахнувшим мусором.

«Пейзаж что надо» — подумал Саркис, ловко прокрутив посох. Всё готово к непредвиденным событиям. Сердце стучит от пьянящего чувства сражения, тело готово даже больше, чем на всё.

— Ну давай, капитан стражи. Покажи мне всё, на что ты способен! — прорычал эдемский маг, внезапно осознавая зачем монстр подготавливал свои грязные жирные руки!

Его несли гораздо медленнее, чем раньше. Демьян прекрасно понимал этих уставших слуг. Он видел их подгибающиеся бело-красные диковинные тела, видел пот на лбу и боль в глазах.

— Как же вам плохо... А я ещё смею жаловаться? Да меня тут приняли как важного гостя, а единственные рабы здесь — это вы. Слуги, что тащат моё ноющее жалкое тело, слуги, что вынуждены служить до конца своей жизни.

Муравьи молчаливо гнули спины, ни на секунду не поворачивая головы. Пыль вылетала из-под их тонких уставших ног, отчего Демьян вечно звонко чихал, сотрясая красную бархатную подушку до основания.

Вокруг проносились здания, а гул становился всё более невыносимым. Тень огромной, издалека неприметной башни грозно накрыла молчаливую процессию, заставив мага задрать голову. Крепко сложенная из старого камня, кое-где поросшая зелёным пушистым мхом, высокая и слегка наклонённая вбок, она угрожающе нависла над молчаливыми муравьишками.

— А я её только сейчас заметил. Староватая башня, но красный покатый шпиль выглядит новеньким и свежим. Может, именно здесь мне хотят устроить тёплый приём? — при всей царской величественности башенки голос и коленки Демьяна снова пустились в пляс, а из глаз посыпались едва заметные слезинки.

Опять он боится. Опять поджал хвост. И какой из него щит? Спаситель? Клинок? Только и знает что бояться за свою жизнь, эгоистично забывая о страхах и смертях других... Дурак!

Демьян ударил себя по голове, а потом ещё, и ещё, и ещё.

«Вот проклятье. Какой же я, однако, смешной!» — подумал Демьян, почёсывая затылок дрожащей рукой.

Процессия остановилась также резко, как показалась ещё перед Демьяном и Саркисом, тогда ещё не разлучёнными и готовыми преодолеть все трудности вместе. Подушка перестала дрожать, а муравьи аккуратно положили её на серую землю.

Мурашки пробежали по коже мага, как стая мелких насекомых. Окинув округу широко раскрытыми глазами, Демьян встал. Однако не прошло и секунды как его руки испуганно прикрыли лицо.

«О боже, они же такие опасные и сильные. Неужто они действительно жалкие коленопреклонённые рабы? При их то стати и силе?»

Каждый раз, как один из этих бело-красных грозных страшных муравьёв показывался на глаза Демьяна, каждый раз, как маг видел эти мелкие сетчатые глаза, его дыхание на миг прекращалось. Они были, на удивление, высокими и поистине царскими созданиями. Не такими он их себе представлял... Далеко не такими.

«Если даже они здесь — слуги, то кто в этом городе сильнейший?» — сердце отчаянно

заныло, не хотя даже думать о монстрах, что могли быть сильнее вытянутых по струнке муравьёв.

Тонкие ручонки вытянулись, указывая на небольшую сухую дверь, выкрашенную красным цветом. Такая неопрятная и старая, она отталкивала одним лишь своим видом. Даже не верилось, что она может отворить проход к чему-то изящному и прекрасному, навряде дорогого богатого отеля.

— Вы пойдёте со мной? — Демьян ожидал услышать положительный ответ. Он даже привык ощущать себя рядом с этими мощными гигантами. Однако вместо каких-либо слов они повертели головой, ни то грустно, ни то вообще без эмоций.

Поняв, что дальше он предоставлен сам себе, Демьян нервно сглотнул. Где-то страх отступал и пробуждалось его типичный бодрый настрой, а где-то... Маг совершенно точно не хотел открывать эту мелкую дверь. И он точно её не откроет... Добровольно и без всякого принуждения — никогда!

Холодок дунул в лицо и забрался под курточку. Стало холодно, как в пасмурный осенний день. Муравьи группкой отступили назад, смиренно опустив аккуратные яркочерные головы. Дверь еле заметно скрипнула. Сквозняк был силён. Ветер хорошенько дунул во второй раз, полностью распахивая красную дверцу. Юркой змейкой он ворвался в обитель зла, чувствуя себя полноправным хозяином в этой средневековой башне.

Этот голос был звучен, но звучал только лишь в его голове, гудящим ужасным гулом. Или ему только так казалось? Может это слышали и насекомые? Но судя по их невозмутимому виду, ничего необычного они не замечали.

— Заходи, Гость! Третий этаж выделен тебе в качестве покой. Располагайся и отдыхай, пока мы позволяем тебе настолько комфортные условия! — голос был низок и вкрадчив, но точно не мог принадлежать Эрику Мартену. И его обладатель, ну конечно, как могло быть ещё, находился где-то в этом старинном здании.

Только-только Демьян подумал об отдыхе...

— Саркис, прошу тебя, приди быстрее! — маг молитвенно сложил руки и сам не заметил, как его ноги оказались во власти затемнённой парадной залы, освещаемой мириадами тусклых факелов. Дверь с пронзительным скрипом захлопнулась, и лишь один из муравьёв поднял свои огорчённые глаза на дверь:

— Не зря же ты боялся! Всё идёт по их плану, они контролируют каждый твой шаг, каждое твоё движение. Воистину, ты самый настоящий король предчувствий! Твои опасения далеко не случайны! — пробормотало насекомое на всеобщем языке, смиренно складывая руки на животе. Теперь предстояло исполнить отведённую им всем, муравьям, часть громадного плана. — Мы не смеем подвести вас, Эрик. Мы солдаты, воюющие до последней капли пота и сегодня тот день настал. День, когда вы обретёте наследника! День, когда весь мир почувствует наследие и силу Церкви Сатаны!

Мощный грохот сотрясал землю, заставляя её покрываться длинными сетями трещинок. Голем разыгрался ни на шутку!

Поначалу огромная тварь присенговала мага, как бы проверяя его скорость, внимание и реакцию. Жирнющие ноги топтали землю, явно желая растоптать мага под собой.

— Этот город — он вечен. Он жил всегда в сердце господина и будет жить до самого его конца. — пробасило существо.

— Слушай, а вдруг конец ему настанет именно сегодня, в сей же час? — игриво спросил

Саркис, удивлённо поглядывая на запястье, хоть там никаких часов и в помине не было. — Ну да, время как раз умирать! — белые зубы ярко сверкнули, а жёлтые очи зажглись ярче любого фонаря.

— Ты думаешь, что такой как ты хоть чего-то стоит? Кто ты для настолько высоких дум о себе? — голос был груб и ужасен, настоящее утробное звериное рычание.

— Я всё тебе расскажу, правда предпочёл бы пообщаться с твоим трупом. Лучше скажи мне, почему ты всё оттягиваешь время? Я же знаю — твоя настоящая сила не в этих прыжках и грохотаньях. Тогда чего ты ждёшь? — в ответ голем улыбнулся, а зелёные слюни закапали на землю.

В миг всё изменилось, в одну короткую секунду. Мелкая грязно-зелёная лапа, широко размахнувшись, погрузилась в жирный необъятный живот.

«Навряд ли он пытается убить себя... Это нечто другое. Может его настоящая техника?» Жирная рука всё ещё была погружена в жирную плоть, под смех и гогот капитана стражи.

Саркис был твёрд и непоколебим. Любая трудность делала его счастливее, а очередная битва приносила тонну эмоций. Приносила то, что богатырь всю жизнь презирал своим нутром, но одновременно мечтал обрести. Приносила то, за что он ненавидел всех этих жалких людей.

Рука вернулась обратно, но уже цепко сжимая гранённый булыжник, вытащенный прямоком из недр огромного големного живота. Тот сразу уменьшился, стал во сто крат более плоским и аккуратным. Да и щёки сдулись, превратившись в дряхлые повисшие мешки.

— Ты необычный. Такой крутой, смелый и классный! Обожаю... — дыхание мага из Эдема пресеклось, а душа ликовала, как никогда в своей жизни. — Ты на самом деле не толстый. Ты — настоящее оружие, расходник, созданный для опасной и стремительной битвы. Я всё понял...

Голем продолжал улыбаться, а рука замахнулась для атаки. Огромный булыжник коротко крикнул и пустился в полёт, сливаясь с серым унылым городским пейзажем.

Эдемский маг был безумен: ветер подхватил его длинные кудри, поигрался с концами куртки, набросился на серую пыль, что вихрем окружила гордое тело мага. Чёрные ботинки посерели от осевшей пыли, а в глазах кипела настоящая страсть:

— Давай, капитанчик, покажи мне на что ты способен!

Саркис оторвался от земли, и за его спиной неслась серая дымная дорожка. Ноги слились, превратившись в незаметное общее мельтешение. Снаряд же грохнулся где-то позади, разлетевшись на мелкие камушки.

— Быстр и наверняка вынослив... — голем снова запустил руку в живот, ловко достав очередной булыжник. — Моя обязанность — истощить себя до конца, совершить харакири, полностью превратившись в смертоносное орудие... — голем сощурился, наблюдая за несущейся и петляющей по сторонам точкой.

Бегая по серой земле, крутясь и вертясь вокруг голема, Саркис всё пытался предпринять хоть одну попытку хорошего доброго огненного удара. Но предстояло ещё спровоцировать врага на атаку, изучить его технику, и только после этого выбрать одно из доступных и подходящих заклинаний.

Голем вертел головой, то и дело наблюдая за мелькающей фигурой. Вот он — изящно скользит по всей округе, ветер треплет его волосы, а ноги стали едины с городским

пейзажем.

«Идеально» — рука жирдяя отогнулась в сторону и плавно бросила камень, отправляя его в стремительный полёт. Ноги голема раздробили землю, а ликующий взгляд говорил о скорой победе.

Булыжник свистнул, будто солнечный луч изничтожил расстояние и рухнул в мелкую богатырскую точку. Камень громко взорвался грязным салютом и увлёт мелкую фигуру далеко к чёрному муравейнику. Тело долбанулось о стену, забрасываемое мелкими камнями и сухой пылью.

Грохот понемногу стихал, возвращая Чёрный город в обыденную заgrabную тишь. Саркис так и не встал, наполовину погребённый под остатками стремительно нёсшегося снаряда.

Голем начал ход и земля вновь заходила ходуном, как какой-то болванчик:

— Мой бросок был идеален, ты не находишь? — поинтересовалась тварь, попутно достав из жирной ноги небольшой грязный шарик. — И каждый из них будет идеальным, только верь в меня.

Станцевав небольшой озорной танец, макака прокрутилась на месте, изящно изогнула руку и наконец бросила шар, наблюдая полёт снаряда и его идеальное попадание прямо в лежачего мага. Облачко дыма вспорхнуло над телом, как безликая серая птица. Тело высоко подскочило от безжалостного удара, но тут же грохнулось наземь.

Эдемский маг не двигался. Да что там не двигался — он еле дышал. Грудная клетка болела, воздух покинул её, оставив страдать в одиночку. Каждая кость чувствовалась как сломанная, а в глазах была тьма. Однако даже с такими травмами Саркис безразлично лежал, не показывая ни одну эмоцию. Ему было больно, но никаких эмоций это не вызывало. И его поражение... оно отнюдь не чувствовалось, даже учитывая разбитое состояние самого мага.

Громогласный топот приближался, просачиваясь даже сквозь потухший, еле теплящийся слух.

«Добивать пошёл. А ведь если я так и продолжу лежать, то у него всё получится. Он добьёт меня и дело с концом. Что мне предпринять? Как повести себя? Смогу ли я вообще встать?»

Маг поднатужился. Мышцы сжались, зубы крепко сомкнулись, аж до противного скрипа.

«И это я то такой беспомощный? Сильнейший маг, съевший не один, а сразу два плода с того эдемского Древа Жизни и получивший силу целых двух стихий. Это я сейчас лежу почти убитый на страшной земле во владениях убийцы моего брата? Да, это я. Тот человек, что смог взломать само время, обмануть законы природы, отринуть их, махнуть на всё рукой и оказаться за миллиарды лет вперёд. Я лежу и ничегошеньки не могу поделаться? Я? Будучи ужаленный адским ожившим куском камня?»

Голем явно был плодом того же чокнутого некроманта. Весь из себя сильный и крутой, он, вероятно, был уверен что жизнь можно давать кому хочешь. Даже бездушным отвратительным камням. Он даровал им угнанные из мира души, как сделал и с Кассандрой, превращая её в идеальную рабыню и крепко слаженный щит.

«Такие гнусные методы! Такое извращённое мышление вкупе с фантазиями!»

Мышцы не хотели работать. Кости казались поломанными и искрошившимися, особенно в области груди, где плотными рядами шли хрупкие рёбра.

— Я... Я не хочу п-подчинять одну лишь природ-д-ду.

— Чего? — прогнусавил живой камень, по-прежнему громыха огромными ногами.

— Я х-хочу подчинить себе и эту жалкую мерзкую плоть. И когда я так говорю...

Обычно я добиваюсь своего!

Голем снова достал камень, уменьшая тело уже в который раз. Монстр бешено смотрел вперёд, а слова Саркиса птичками проносились мимо его мерзких ушей.

Шаг, другой, третий. Ловкий обезьяний взмах должен был быть самым молниеносным и смертельным, но...

Тело эдемского мага вздрогнуло, словно от мощного электрического разряда. В самом начале двинулись руки, на которые богатырь и облакатился. Следом само туловище, неестественно и глупо дёргаясь, встало на ноги, подпрыгнуло, словно управляемое невидимыми нитками. Неведомая сила управляла безумным эдемским магом, сила страшная и невиданная, отрекающая и плюющая на все законы природы.

Рука голема зависла в воздухе, крепко сжимая грязно-зелёный бульжник. Однако на этот раз пальцы плотно давили на него, заставляя мелкую сеть трещинок густо выступить на камне:

— Как ты это сделал? Я уверен, что твои кости искрошены, а мышцы находятся вне доступа сети. Тогда как?

Бульжник, крича и оставляя за своим телом густую дымную дорожку, рухнул прямо перед эдемский магом, так и не долетев до Саркиса. Богатырь лишь надменно окинул оставшиеся мелкие каменные крошки, а после гнусно посмотрел на опешившее лицо голема:

— Ты должен ликовать. Господин Саркис вновь в строю и готов надрать тебе твой каменный зад!

Мышцы двигались, затопленные густой жёлтой маной. Держащиеся на одной лишь энергии, они работали во много раз лучше и быстрее, за исключением неестественности каждого движения.

«Ману придётся потратить как следует. Капитану стражи несказанно повезло, он увидит мой самый гениальный ход — не это ли мечта?!»

Враги смотрели друг на друга, но если Саркис ликовал и неестественно разминал тело, то вот голем смотрел на мага, как заведомо проигравший. Оживший от чар некроманта камень знал, что этого боя ему не пережить!

Голем внимательно следил за каждым движением противника, однако ни одно из них не смогло быть предугаданным. Казалось, маг подвешен на тонкие бесцветные нити и управляется неким кукловодом, засевшим за ближайшей чернявой пирамидкой.

Неестественные, невозможные для человеческого тела движения, скорость и молниеносность — Саркис был воплощением чистой первородной энергии.

«Вся мана уйдёт только на контроль этого рабского сосуда. Всё что осталось хватит лишь на мелкое незначительное заклинание, а его мощности должно совершенно точно хватить на оживший твёрдый камень, созданный для охраны территории и убийств. Не это ли потрясающий исход ситуации? Только вот покажите мне дешёвые по мане чары, способные сломить эту тварь?»

То самое существо пялилось вперёд, ни то с испугом, ни то с признанием.

— Давно я не видел таких магических выдумок. Ты точно не такой как мы. Да и твоё мышление, как и речи, координально отличаются от речей жителей нашей планеты. Расскажи мне, откуда эти сила, гордость и наглость, вкупе с бесстрашностью и умом?

Мимолётный ветер подхватывал пыль и нёс её всё дальше и дальше, заставляя огибать гордое тело мага. Вытянутое по струнке, по-настоящему мужское и поджарое, тело удерживало посох, с навершия которого растекались маленькие серебряные снежинки. Один вид Саркиса уже наводил ужас, не говоря о его вновь загоревшихся ярких оранжево-волчьих глазах.

Голем рассудил, что стоит прикончить выскочку много быстрее, чем он хотел изначально. Обе ручки погрузились в грязную противную плоть, в который раз уменьшая её и выходя оттуда вместе с двумя мощными камнями.

Саркис, в свою очередь, слился с воздухом, стал с ним одним целым, буквально подчиняясь действующему потоку. Пара прыжков и мелкий булыжник пролетел под лавирующим телом, оставляя после себя лишь серый фонтан, грязно бьющий вверх отнюдь не кристальной водицей, а самым неплохим соусом из грязи, дыма и остатков своего собственного былого величия.

Тело Саркиса прыгало и бегало, скользило и уворачивалось, взлетало и томной тушей опадало вниз. Резкие, звериные, непохожие на человеческие движения заставляли каменного голема промахиваться вновь и вновь. Булыжники друг за другом неслись за мелкой чёрной точкой, а та ускальзывала, меняла направление, лавировала, оставляя град осколков за гордой богатырской спиной.

Грохот зверем накидывался на уши и закладывал их. Голем стал двигаться в разы быстрее, почти совпадая с вражьем мерным бегом.

Камень свистнул и глухо стукнулся о подвернувшуюся, стремительно летящую вражью ногу. Взрыв разорвал камень на мириады осколков, тут же разлетевшихся в разные стороны. Тело Саркиса высоко взлетело как хищный коршун и головой пикировало вниз, по инерции успев прокатиться по земле.

Пыль вздымалась ввысь плотными облачками, разрывая которые голем нёсся на своего врага, уже крепко сжимая очередной булыжник над своей недальновидной головой.

Земля тряслась и тело Саркиса неистово дёргалось, будто от конвульсии. Шаг за шагом жирная тварь приближалась, ужасное гротескное грязно-зелёное создание, оживший кусок

камня, он приближался, надеясь наконец добить своего злющего врага. Однако сейчас этот капитан стражи и не знал, как сильно шёл на поводу эдемского мага! Богатырь буквально дёргал его за ниточки, играл с ним, как с тавлейной фигурой.

Один шаг разделял тела двух непримиримых врагов. Голем улыбался, как самый последний наивный дурак. С ухмылкой подходя к магу, оживший камень и глазом не моргнул, продолжая лыбиться и надеяться на скорую победу.

«Эрик точно меня похвалит. Одно его слово — уже награда. Я же ведь так старался, он обязательно это оценит» — думая в таком ключе, голем потрогал свой повисший и во много раз обедневший живот. Творение некроманта и вправду было готово на всё, показывая характер отнюдь не капитана, а самого настоящего раба.

Последний для Саркиса бульжник пропел реквием и опустился вниз, быстрее молнии, тяжелее железа. Серый фейерверк взметнулся над богатырским телом, громко хлопнув и оставив после себя лишь утробный рёв дикого зверя. И казалось бы...

— Не так ты был и силён. Больше разговоров, чем реальной силы. — голем уже было повернулся, как его глаза заметили лужу гранённых осколков и широко округлились от увиденного, став точно два арбуза. — Этого не может быть... — ни то злость, ни то расстройство обуяли капитана стражи. Прямо на его глазах сквозная дыра, кою проделал молниеносный снаряд в теле Саркиса, испарялась, разрушалась, развоплощалась, как и всё тело. Слой за слоем плоть эдемского мага сходила на нет, оставляя в воздухе только искристый колкий снег. Он красиво ложился на сдувшийся големный живот, бархатным белым ковром застилал серую увядшую землю, вихрился и, подхватываемый воздушным потоком, будто бы смеялся над големом.

— Гадкий крысёныш! Это всё, что ты измыслил? Такой вот последний спрятанный козырь? Как же это скучно и жалко. — однако на самом деле голем восхитился и только лишь один этот факт приводил его в бешенство.

«Ну не мог он так изящно провести меня. И эти неестественные движения, и эти гонки, неужели всё было подделкой? Как же он неплох... Блин, заткнись!» — каменное создание ударило себя раз, другой, третий. Мелкая каменная крошка посыпалась с его головы, но голем продолжал бить, будто выбивая из себя всё дерьмо.

— Дьявол, дьявол, дьявол! Он мой враг. Он враг моему городу. Он враг моему народу. Он враг моему хозяину и дарователю жизни. Так как я могу искренне восхищаться его способностям, статности и силе?!

Живот, руки, ноги и шею цепкими пальцами схватывал мороз, одеялом покрывающий каменное нагое тело. Но и этот факт ускользнул от внимания капитана стражи, что и стало роковой ошибкой!

Саркис неспеша выполз из-за дальнего чёрного муравейника, гордой и элегантной походкой подходя к сутуленной спине врага.

— Докажи — я не так плох, как ты думал. — посох вонзился в землю и трещины поползли во все стороны. Казалось, будто сама почва убегала от накатывающего холода. — А ведь в чём была вся проблема? Ты чересчур много возомнил о себе. Статус и надежда на победу перекрыли тебе взор, позволили мозгу отключиться от настоящих событий и пропустить подмену меня на моего же ледяного клона.

— Дурость, дурость, дурость! — голем ни на шутку распереживался, принимаясь кричать и рвать себя на части. Камень за камнем неслись на Саркиса, а маг лишь ловко вертелся, как белка в колесе, оставляя за спиной настоящий каменный праздничный салют.

Фляг, кувырок, разворот, высокий прыжок и изящное падение на землю. Бульжники стремительно пролетали над крепкой головой, под поднятой ввысь мощной ногой, рядом с богатырским телом. Ни одна атака не коснулась фигуры мага, который уже вздёрнул посох ввысь.

— Что — неужто твои силы уже иссякли? Жалкий расходник, созданный рабами для рабов. Твоя участь была предрешена ещё с рождения. — Саркис смешливо глядел на сдувшегося тощего неухоженного человека, кожа которого свисала до самых пят. — Ты был создан лишь для своей смерти, так что не обессудь, если я нечаянно уничтожу тебя!

Пара серебряных снежинок сорвались с посоха, будто уверенно летящие птицы, окружающие жертву. Глазки голема растерянно разбегались в стороны, пытаясь взглядом поймать порхающих созданий.

— Никаких сил... Я и вправду иссяк, а ты этим пользуешься? — опешил монстр, чувствуя солёные слёзы, скатывающиеся по уголкам рта.

— Сами создатели надеялись, что эта слабость и будет твоим козырем. Ты был должен уничтожить себя взамен на победу. Разве я ошибаюсь? — ликующе спросил Саркис, видя опустошённость и никчёмность бывшего врага.

Его слёзы бисеринками капали на сухую землю, орашая её, словно капли дождя.

«Даже камень как живой... Не то что я. Вот он, стоит и плачет над своей скорой кончиной и осознанием обмана собственных создателей... Почему я такой, какой есть? Кто я и зачем я? Разве могу я пролить слёзы над чьей-нибудь смертью? Или же полюбить, почувствовать тепло чужой души — разве я на такое способен?»

Саркис отчего-то захотел немедленно покончить с остатками грязного камушка. Он искренне ненавидел его, но одновременно мечтал стать вот таким же ранимым несчастным существом.

«Ну хоть почувствовать? Понять? Зачем все эти слёзы? Что за горечь грызёт их сердца?» — богатырь никак не мог понять всего этого и рука вокруг посоха сомкнулась ещё сильнее. — «Убить и побыстрее. Никакой пощады... Что плохого в смерти? Это исход абсолютно каждого. Так почему ему так грустно? Неужто и всей жизни не хватает на осознание собственной недолгожительности и скоротечности бытия? Какие тупые, никчёмные плаксы. Какие низкие люди... Ненавижу!»

Саркис никогда не мог поплакать над своим горем. Может поэтому он так и думал? Все эти чувства и эмоции были ненавистны его душе, ибо их она и жаждала больше всего, но никогда бы не смогла почувствовать, приобрести и осознать...

Саркис гнусно улыбнулся, видя полную растерянность и жуткий взгляд врага.

— Не добивай меня. Я же ещё могу дышать. Боже... да за что ты так? — к огромному несчастью, ловушка не послушалась его плаксивых грустных слов. Окружающие снежинки ярко сверкнули, как петарды, и соприглись друг с другом сквозь тело врага, густо укрытое белым пушистым одеялом. Снег складывался в столбы, пронзающие камень насквозь и через мгновение белое покрывало заменили лютые холодные ледяные прутья, пронзающие на части несчастное потерянное тело. Кровь дугами вылетела из капитана стражи и птичками приседала на землю.

Всё. Голем выдохнул, а слёзы по-прежнему текли по его каменным щекам, которые лишь казались не живыми и мёртвыми, на деле напоенные настоящей душой и жизнью.

— Ты... ты всё-таки сделал это. — голем смотрел на тонкие ледяные лезвия, с лёгкостью проткнувшие его несчастное смертное тело. Кровь обильно стекалась в

большую лужу подле подгибающихся умирающих ног. — Эрик — ты был мне хозяином и ты пользовался мной. Боже, почему я узнал об этом только сейчас? Истина всегда горче рабского существования. Но и ты, Саркис — ты тоже воспользовался мной, как хитрый кукловод пользуется своей марионеткой, ты меня обманул... Я должен был сказать тебе спасибо за правду, но...

— Давай простимся на этой весёлой ноте. Помирай тихо! — ледяные иглы разошлись в стороны, как хоровод, уставший ходить неизменным кругом. Руки, ноги и шея с чавкающе-хрустящим звуком разорвались на мелкие части, воссоединяясь с огромной лужей, покрывшей серую безжизненную землю.

— Сопряжение снежинок не так сильно ударило по моей внутренней энергии, потому могу сказать себе любимому лишь спасибо. — богатырь повернулся своей вытянутой спиной к частям тела бывшего врага, оставляя его один на один с жёсткими порывами ветра, что сдували всю пыль и копоть заводов к удручённо лежащим остаткам. Глаза более не горели, свет в них потух окончательно. Жизнь вытекла из каменного тела вместе с кровью, послужив великой цели Эрика Мартена!

Внутреннее убранство было даже чересчур богато. Демьян залился краской, вспоминая свою блёклую прожжённую во многих местах куртку, старые выцветшие штаны и дырявую обувь. Даже волосы были грязны и спутанны.

«Нужно беречь ману и смиренно ждать, не вступая ни с кем в какие-либо конфликты. Мне же будет лучше» — подумал кудрявый маг, ощущая боль. Боль, что плотным ремнём опоясывала бедную голову. Особенно болел лоб, и казалось, будто к нему прикладывают раскалённое до красна железо.

Парадная зала вне всяких сомнений походила на дорогое убранство средневековых замков. Растянутые на всю стену гобелены, шитые яркими нитями, плотный, уходящий в конец зала, красный ковёр, по краям разукрашенный золотым незатейливым узором, высокий потолок, под которым покоилась громадная люстра, и проход, отделанный сверкающим мрамором.

Каждый шорох или шаг превращался в звериное рычание и тут же взмывал к самой люстре. Та же отвечала почти незримым мимолётным подмигиванием.

Ковёр шелестел, словно листья, подхваченные ветром. Огромные овальные окна в самом конце зала смотрели на испуганного Демьяна будто два огромных глаза. И они следили за ним, и они за ним наблюдали, по крайней мере так казалось кудрявому магу.

Шаг за шагом Демьян оставлял позади высокий богатый парадный вход, вступая в темноватые владения небольшого коридора, облицованного изящным мрамором. Такие же ступени вели высоко-высоко, туда, где мага уже ожидали, с распростёртыми объятиями или же нет. В этом и был страх. Именно поэтому каждый шаг на очередную ступень давался с особенным трудом — нога, то и дело, выворачивалась да подкашивалась.

Потолок над рядом ступеней был низок, как в некой старой коморке, и Демьяну приходилось боязливо подгибать свою голову.

«Тот голос. Его обладатель наверняка меня ждёт сверху. Но что всем от меня нужно? Хотели б прикончить — возможностей уже было миллион! Но для кого и для каких целей я кому-то понадобился?» — так думал маг, ощущая, как его сердце начинает понемногу успокаиваться. Всё же в этом прекрасном роскошном замке было не место волнениям и сомнениям. Они сами собой уходили вглубь сознания, как Демьян удалялся вглубь замка.

Светильники по бокам мягким светом проливали путь ко второму этажу, облицованному всё тем же мрамором. По бокам извилистого коридора гордо высились до блеска чищенные доспехи, со шлемами, кольчугой и нагрудниками. Ковёр по-прежнему змеился вдаль, а потолки были высоки и терялись где-то в мертвенном мраке.

«А что будет, если я сойду здесь, не на третьем, а на втором этаже? Здесь хотя бы потолок уходит кверху да и выглядит всё пусто и нелюдимо. Может всё-таки...» — нога кудрявого мага почти сорвалась на второй этаж, а сердце болезненно ёкнуло. Трус — он всегда трус, особенно слушающий этот громоподобный, несущийся по лестнице голос.

— Дорогой друг, ваша остановка несколько выше полубившейся вам цели. Могу разубедить сразу — ваша смерть нам отнюдь не нужна. Убить вас не сложно, однако нам это и не нужно. Поднимайтесь выше и устраивайтесь поудобнее, Демьян. Вас будут ждать удивительные открытия и великие дела!

Голос умолк также внезапно как и появился, оставив после себя лишь эхо, облаком плывущее под потолком.

Лучше от всего этого Демьяну не стало, однако за свою жизнь он и вправду стал волноваться чуть меньше прежнего.

«Меня точно не убьют. Я буду жить. А Саркис — он скоро доберётся до меня и разможит этот прекрасный замок, поделит его на части, превратит в кирпичики... Я верю в друга, а он верит в меня. И я постараюсь не подвести его, сделать всё возможное. Лишь бы не умереть...» — снова Демьян забоялся и его обвитые густыми венами руки затряслись снова.

Маг поплёлся дальше, пригибая шею и еле переставляя ноги. Пару раз он споткнулся и чуть не разлёгся на острых гранях ступеней.

«Господи... Может я так и не дойду? Помру здесь, клюнув носом вперёд? Я сам себе враг...» — он было подумал, что и все остальные вокруг такие же враги, но на самом деле всё было иначе. Демьян сам придумывал себе врагов, он сам подкидывал себе всё новые и новые страхи с опасениями, именно поэтому:

«Я враг самому себе. Как бы грустно это не звучало. И Эрик мне враг лишь благодаря мне, и этих муравьишек я также посчитал за покусителей на свою жизнь. К сожалению, это всё идёт от меня. И мой страх — это лишь моя проблема» — Демьян понурил голову и засеменял по ступеням гораздо быстрее. То была не смелость, отнюдь нет. Истина выжгла на нём горящее огнём клеймо, маг задумался о себе. И ужаснулся. Он никогда бы и не подумал, что так ужасен и низок.

«Я мужчина и разве мне подобает так трястись? Даже призрачная королева была идеальным воплощением богатырского начала. Она женщина, но порой мужественнее любого мужчины. Разве это дело — надеяться на спасение в виде друга? Обременять его своими проблемами и собственной жалкой жизнью? Я не прощу себе этого!» — гнев закипел в нём, как магма в вулкане. Ноги стали послушнее и даже руки не тряслись.

Клинок заострялся.

Лестница подходила к концу. Она всё ещё вела к далёким верхним этажам, однако остановка мага была именно сейчас, его взор окидывал тянущийся вдаль коридор третьего этажа.

Шикарнее коридора Демьян не видел никогда: вдоль стен шли столбы, изукрашенные позолотой, по стенам также ветвились золотые узоры, под потолком ярко горели люстры, уходящие вдаль, а ковёр здесь сменился на глубокий синий цвет, отлично контрастирующий

с узорами на стенах.

Проход тянулся далеко-далеко, покуда резко не заворачивал, теряясь в темени. Туда и идти не хотелось. Видимо, факела отсутствовали в своих нишах и лишь слабый свет золота хоть как-то прорезал сгущающуюся вдали тьму.

Демьян стал куда уверенней. Внутри он возненавидел себя, свою трусость и эгоизм. Если он хотел возблагодарить родителей за доброту, воспитание и уют, он обязан был стать разящим оружием. Никак иначе и быть не могло. Они ведь дали ему всё, подарили части своей души, а сын в ответ не мог банально переступить порог своего эгоизма и проклятой боязни.

Ноги резко остановились и синий ковёр тут же перестал шелестеть:

— Просто позор! Почему я должен вжимать голову в плечи? Почему я не могу драться, как Саркис? Я хочу быть как он не просто на словах. Чёрт! — Демьян отчаянно затопал ногами, слыша лишь приглушённое шарканье о ковёр.

Внезапно голова заболела, да не просто заболела, а словно раскололась на две неровные половины. Сжав её обеими руками, маг сощурился до слёз.

Так больно... Отчего вдруг!

Близлежащая белая высокая дверь, выделанная золотыми узорами, настезь распахнулась, запуская в узкий душный коридор немного уличной «свежести» — воздух с горьким привкусом дыма от страшнящих чёрных заводов ворвался в раздутые от гнева ноздри Демьяна.

— Как же бесит. Я ненавижу этот город. Он так и пахнет смертью, тлением и мраком. Что с ним сделал Эрик? Или это место было таким изначально?

В последнем варианте маг сильно сомневался. Его душа больше клонила к первому, к узурпаторству города и созданию здесь экстремистского общества. И никакой житель даже не мог увидеть истинной сути вещей или хотя бы голубого неба с обжигающим солнцем.

— Так жаль всех этих людей! Они вынуждены жить в этих гадских убогих муравейниках, как жалкие коленопреклонённые рабы. За кого Эрик держит свой народ? — голос Демьяна дрожал, но одновременно полнился силой. Было понятно сразу, что все горожане были заточены в этих высоких убогих пирамидках. И это было на самом деле так грустно, их существование было таким страшным и скучным...

— Маг, не вбивай себе в голову всякие глупости. Не верь своему обманному взгляду, не верь сердцу, пронизанному червивыми сомнениями. Отринь плохие ненужные мысли и зайди в раскрытый зев прохода. Комната для тебя готова. Можешь быть как дома! — зловеще пропел голос, звеня прямо в голове Демьяна.

Однако на сей раз кое-что изменилось. Колени — они были недвижимы да и сердцу было глубоко наплевать. Ноги вновь зашаркали по синему пушистому ковру, унося тело к белым распахнутым дверям.

Клинок осознал кого, как и за что нужно разить. И может ему больше и не нужна была помощь друга?

Воздух как всегда пах копотью с заводов и пылью с немойтой сухой дороги. Саркис шёл вперёд, попутно стараясь восстановить хоть грамм потраченной маны.

Маг смотрел сквозь все эти здания, куда-то вдаль, где должен был быть его друг, оказавшийся в глубине вражьего оплота в качестве обыкновенной приманки. Гнусный ход? Несомненно. Но только таким образом можно попытаться развязать этот прочно смотанный клубок. А заодно столкнуть пацанёнка с суровым страшным миром, что сейчас было ему как никогда важно и нужно.

Чёрные муравейники стремились ввысь к серой хмари, не пропускающей ни голубизны неба, ни яркого солнечного луча. На улицах, в узких проходах меж муравейниками, не было ни человека. Тишина саваном накрыла город и был слышен лишь мерный топот тяжелых богатырских ног.

Мысли о големе сами собой навязывались как неостановимый назойливый рой насекомых.

«Этот некромант без пяти минут гений, даю башку на отсечение. Только благодаря его усилиям эта груда камней могла быть хоть немного прохожей на человека. Сама то она что? До умопомрачительного неживое, ничтожное существо. Оно никогда не было способно на истинные эмоции и человечность. Это ж ясно как день...»

Зубы до хруста скрипнули, а во все стороны будто бы полетели яркие искры. Сознание старалось отогнать истинные мысли куда-нибудь подальше, в дальний пыльный угол, но они вновь и вновь стремились на волю, выходя из потаённых уголков сознания, куда и были ранее заточены.

«Отец... Неужто я такой ущербный по твоей воле? Даже голем плакал, боялся за свою жизнь — я бы отдал всё, лишь бы на пять минут стать как он. Не этим чуждым ко всему живому ужасным человеком, а хоть сколечки человеческим, плаксивым, слабым, да любимым... И откуда это всё во мне? Этот гнев к живому — единственная эмоция, на которую я способен? Неужели и мной правят чувства? Тогда я могу себя считать совершенно обычным человеком? Ведь я что-то да чувствую. Гнев, не гнев, не важно что — главное, я не пуст внутри» — так Саркис брёл вперёд, неожиданно найдя располагающиеся рядом горы вполне себе живыми и процветающими, не снаружи, так внутри.

Поначалу слышались только слабые шорохи за толстыми чёрными стенами. Уже позже Саркис привык к окружающей тишине и далёкому гулу с заводов, и стал различать неясные шептания. Они разнились, говорили совершенно разные люди. И они абсолютно точно не хотели быть увиденными и замеченными.

Шёпот то стихал, то прибывал, как прилив под ярким солнцем. Волна за волной, голоса раздавались из каждой пройденной чёрной горы.

— У этих зданий точно должны быть какие-то двери, хоть на первый взгляд их и не видно. Нужно смотреть внимательнее, наверняка они выкрашены в однотонный типичный для муравейника цвет. Главное — терпение и внимание.

Пыль, летающая по воздуху, врывается в ноздри тонкими невидимыми потоками. Воздух в городе дул не смело и откровенно слабо — внешний барьер не подпускал в Чёрный город большинство живительных потоков да и всё живое оставалось за туманной переливающейся завесой.

— Мартен просто падаль. Здесь же люди, настоящие, хоть и перепуганные; люди, живущие в этой серо-чёрной грязной хмари. Как они терпят такую власть? И этого правителя, узурпатора, убийцу? И этого неизвестного некроманта, что мастерски владеет своим изысканным искусством? А народ — он подгибается и терпит, спрятавшись в своих домах.

Душа была пуста, как полый кувшин, но в мыслях Саркис прекрасно понимал, как плоха жизнь тех, кто попал под гнёт ужасных правителей. Наверняка ранее город процветал под поддержкой Церкви Господа, а не умирал, тонув в серых хмарных цветах. Наверняка они жили и без этих высоченных глупых маравьёв, и без страшных каменных оживших чудовищ. Видимо из-за наличия оных народ забился в свои домишки и еле шептал себе что-то под нос, боявшись даже выйти на свои пыльные немые улицы.

— Помню, как Авиад говорил мне, мол политика Церкви Сатаны подразумевает под собой отказ от магии и её всемирное уничтожение. Но чем больше я приближаюсь к центру сего места, тем больше я понимаю, что всё обстоит немного иначе. И некромантия, и магические барьеры, да и сама магия, пропитывающая и заменяющая собой здешний воздух — она чувствуется, да ещё как. Здесь буквально каждый сантиметр обильно ею пропитан, словно бургер — соусом. И эта магия — она особенная и более развитая, чем в остальном мире. Она словно не однослойная... Будто здесь не один единственный источник сил, а гораздо больше, словно каждый тут пользуется своей личной, недоступной для других, уникальной магией. — размышлял богатырь, попутно потрагивая обшарпанные сыпящиеся под пальцами стены. Прислонить к ним ухо — так ещё и отдалённое от голосов людей эхо услышишь. — Внутреннее пространство невероятно огромно, я слышу это. Забились там, как кроты, и не выходят. Всё сидят в своих потёмках...

Эдемский маг стучал по стенам в бесплодных попытках найти потайную, скрытую от глаз дверь, но единственное что он находил — это очередной дом, очередную гору, очередной муравейник, что сразу же подлежал тщательнейшему осмотру.

Стена за стеной, минута за минутой и наконец кулак Саркиса наткнулся на маленькую узкую дверь, выкрашенную в грубый чёрный цвет, как маг ранее и предполагал. Ручка была мала и не могла броситься в глаза при первом осмотре.

Прислушавшись, маг услышал за дверью шорохи, стуки, иногда и редкий, но горестный плач.

— Как там это делают... Ладно, просто зайду к ним и спрошу кто они, почему прячутся и отчего склоняют головы пред правителем здешней Церкви. — ручка была податлива, и схватившись за неё Саркису не составило труда отворить дверь горообразного чёрного муравейника с мелкими неровными квадратными оконцами, находящимися в большинстве своём ближе к его вершине.

Внутри муравейник был ещё темнее самой двери. Затхлый воздух накрыл собой полулю длинную комнату, обставленную самым малым количеством мебели: где-то Саркис, не без помощи своих ярких жёлтых глаз, смог различить скромные дешёвые диваны, по которым дружными рядками бродили стаи местных клопов; аккуратно по центру стоял стол хорошего сруба, но совершенно смешной формы и явно маловатый по размеру, больше подходящий для обедов одному члену семьи; вместо какого-либо ламината была вспученная набухшая земля, чавкающая при каждой поступи.

Где-то в отдалении от входа копошились люди. Совершенно обычные люди, занимающиеся повседневными домашними делами. Единственное, что выдвало в них

жителей именно Чёрного города — тёмная слизь, висящая на них вместо тёплых одежд. Глазастая, противная, похожая на склизкую шкурку демона.

— Что это с ними? И... почему они так себя ведут?

Повернувшийся житель широко распахнул глаза и бросил сковородку, не замечая как та погружается в чавкающую землю под ногами. Второй же человек присел на корточки, руками закрывая себя от вошедшего мага. Коленки его тряслись, а руки бешено дёргались.

— Вы здесь... не можете находиться. Нас всех накажут. Убирайтесь прочь! — шкурка пару раз моргнула глазками, а её владелец потянулся за сковородкой, еле отдирая её от набухшей земли.

— Успокойтесь! Я гость, прибыл сюда из...

— Из внешнего мира. Мы это уже поняли. Никаких гостей мы никогда не видели и их не приветствуем. Мартен ненавидит таких, как ты. Потому убирайся! — сковородка громко свистнула и рухнула в чёрную стену, буквально в миллиметре от Саркиса.

Маг кинул небрежный взгляд на брошенную посуду и недовольно поглядел на трясущихся сжавшихся людишек.

«Какие они напуганные и жалкие. Зашуганные, уверенные в силе и непобедимости своего вождя. А ещё они до мерзости живые и настоящие...»

— Пожалуйста, уходите отсюда скорее. Они скоро придут! Здесь никто не должен находиться!

— Никто, кроме вас, стен и малочисленной мебели?

Житель вздрогнул, а Саркис в который раз подметил дыхание твари на спине и моргание её блёклых измученных глаз:

— Ты ничего не знаешь об этом месте. Мы всем обязаны Эрику. То, как при нём процветает город, то, как мы живём в тепле и комфорте — всем этим мы обязаны одному лишь этому человеку.

Саркис выдавил почти неслышный, но от этого не менее искренний смешок:

— Ваш комфорт — это отсутствие в доме добротных обыденных кроватей? Ваше тепло — это сырость прокисшего пола? Где ваша еда, почему вы гнёте свои спины?

Глаза сторбленных жителей забегали по сторонам, а рот явно не желал открываться:

— Слава тебе господи, что мы живём. Слава богу что раз в неделю к нам приходит инспекция и изымает у нас мебель и другие ценные предметы. Слава богу, что мы можем обитать хоть в этих чёрных сырых недо-муравейниках. Мы все, я уверен, благодарны судьбе за такого вождя, что способен даровать нам красивое и беззаботное существование.

«Боже, что он несёт? Неужто каждый из них думает подобным образом?»

— Когда воруют — это отлично. Когда ты живёшь в потёмках — это прекрасно. Когда не видишь свет, а лишь тьму — это вождь постарался ради всех вас. Так кто же вам такое в головы то вбил? — спросил эдемский маг.

Тот житель, что сидел на корточках и неистово трясся, внезапно распрямился, заставив свой чёрный «прицеп» на спине заколыхаться и противно зачавкать:

— Уходи отсюда, незванный гость! Что ты знаешь об этой жизни? Да, всё это красиво, прелестно и прекрасно, ведь это лучшее, что мы получаем. Другого нам не дано. Ты можешь вбить это себе в тупую замагиченную голову? Мы ценим то, что имеем. И пусть воруют, и пусть пугают, и пусть мы живём сторбленные под тяжким чёрным глазастым грузом — лучше жить, чем вновь оказаться в каком-нибудь аду где огонь каждую секунду ласкает твоё тело своими обжигающими ладонями. Что ты обо всём этом знаешь, чтобы умничать? И мы

любим свой дымный серый город, и мы приветствуем гул от заводов — лишь бы быть вместе и проживать свои жизни, наслаждаясь обществом друг друга. И не смей быть умнее других! Ты тот, кто видел другую реальность, наша же такова, какая есть. Мы не хотим пулю в лоб или магический некрошар в голову. Уходи, прошу! — житель вновь поджался, а его властный голос стих, сменившись на истошные и полные боли завывания. Более он не сказал ни слова, молча вжимаясь в прокисшую грязь у ног.

«Судя по его поведению, говорил явно не он. Да и в самом настоящем аду, в пекле, он никак не мог бы побывать, даже если б очень сильно захотел. Смерть ещё не пришла за его телом. Что насчёт его груза, чавкающего на плечах — он по правде может являться демоном, причём из самого ада. По крайней мере, магия от него идёт необычной природы, чуждой самому миру и его законам. Только вот как демон, а может даже и в множественном числе, оказались в Чёрном городе и тем более взгромоздились на плечи этих напуганных людей? И мог ли сейчас со мной разговаривать именно демон, а не человек? Всё слишком запутанно, как неизведанный туго смотанный клубок»

Тем временем, второй житель бросился к рыдающему другу и приложил его голову к своей маленькой нездоровой груди. Его демон вновь истерично заморгал и в этих глазах Саркис заметил печаль и угнетённость.

«Неужто он здесь не по своей воле? Жестокость, грубость и рабство — вот правила, фундаментом заложенные в основу нового государства Мартена. Все здесь живут на грабеже, угнетении и нереальном страхе»

— Не трогай нас, прошу тебя! — глаза жителя до безумия широко распахнулись, а рот двигался будто сам собой, без какой-либо посторонней помощи. — Я доволен тем, что могу жить. Что я сделал плохого? Они же так и так будут отбирать и купаться в нашем страхе, так зачем же подвергать свою жизнь опасности? Они большие молодцы, что вчера украли у нас новёхонькие кровати, им наверняка нужнее. Под нашими ногами не просто какая-то непонятная жижа, а наша родная земля, благодаря которой весь этот город и дожил до наших времён. Мы всем довольны, потому я прошу тебя уйти отсюда! Даже осмелюсь попросить большего — покинь этот город и уноси ноги. Мы как жили, так и проживём!

Саркис так и не смог прервать слова бедного жителя, по морщинистому лицу которого было видно, насколько он смирился с такой реальностью. Покачивая своего плачущего родственника, он как заведённый твердил и твердил одни и те же слова, выученные как школьный стих. Все словеса бесконечно шли по кругу, не останавливаясь ни на миг от своей за жизнь наученной формулы.

«Что ж. Большого здесь я и не добьюсь. Люди — существа, чересчур быстро привыкающие к новым условиям. То как они выглядят и какие рабские ошейники носят — даже думать не хочется. И в чём-то мы похожи — все их эмоции убиты в зародыше, кроме одной. У меня — гнев. У них остался лишь страх, первородный и всепожирающий страх, что не хуже Мартена съедает жизни каждого из них. И всё же... как хорошо, что я такой не один. Мне их конечно жалко, но кого я обманываю — сам для себя я на первом месте. И мне очень хорошо от понимания того, что так мучается не один лишь я. Реально, как с души отлегло...»

Гора была высока, широка, темна и беспросветна. Унылый дом, который отдали в руки жителям, как некий флаг, с которым они должны были пройти до конца своей жизни, беспрекословно подчиняясь власти и позволяя беспределу дышать ворованным у народа свежим воздухом.

«Больше мне тут делать нечего. Вряд ли я смогу чем-нибудь помочь этим людям. Какие

бы боли и страдания они не испытывали, какую бы ложь не выслушивали — вкупе с полным расстройством психики никого из них будет не спасти. А вот демоны на их плечах меня уж как интересуют... Будет что спросить у Эрика с его друзьями-некромантами» — облизнулся Саркис, медленно и статно выходя из чернявой высотки.

Выглянув из-за двери, богатырь втянул воздух, восторгаясь тому, как на улице было свежее в сравнении со свободным от мебели тёмным жилищем. Даже учитывая серость и затхлость пыльный улиц, они не шли ни в какое сравнение с тем, что творилось в этих гнилостных затопленных муравейниках.

«Я не прав. Они навряд ли живут, больше выживают. Молятся перед каждым приходом этих големов с муравьями. Однако чем больше у них забирают, чем меньше у них собственности — тем больше свободы и неприкосновенности. Какая должна быть сила у братии Эрика, если они способны держать под рукавом абсолютно весь народ? Помимо всего этого, большинство людей сидят дома, попросту боясь высовывать нос из своей каморки. Они отлично понимают, что нос на свежем воздухе имеет свойство соваться в чужие дела. Ещё и эти демоны... Сдерживающая сила, не иначе»

Проходя в глубь города и лавируя между петлявшими и появляющимися тут и там чёрными муравейниками, походившими больше на древние неровные пирамиды, Саркис всё больше пытался проникнуться проблемами обычных жителей. Такая пустота... Сосущая бездонная пустота.

«Какие они бедные, покалеченные жизнью и системой бедные рабы... Какие бедные? Чего я вру? Для кого притворяюсь то? Мне даже как-то всё равно. Ну плохо им живётся, ну грузы чёрные глазастые накинуду, ну обдирают их до нитки — мне то что? В конце концов у меня по самое не балуй собственных проблем. И... Я рад, что нам с жителями по пути, что они также хотят избавиться от влияния тёмного узурпатора. В противном случае я бы мог их всех перебить, даже без маны. Боже... мне не стоит так думать. Я же человек. Ну, должен им быть. Я же ведь... ч-человек?» — непроизвольно запнулся богатырь, гневным взглядом смиряя с землёй застывшую посреди улицы прачку, медленно отстирывающую одежду в гигантском грязном тазу.

«Прибить бы их всех нахер. Такие ничтожные и бесполезные» — заскрипел зубами Саркис, ощущая как мана, словно текучий по венам гнев, приливает к сомкнутым кистям. «Проблемы есть у всех. Я не собираюсь притворяться и юлить. Мне плевать на то, как они там живут и о чём думают. Вот, оборванная старая сука с демоном на спине корёжиться над грязной одеждой. Вышла, такая смелая, на улицу... Какие же противные и гнусные...»

Гнев остывал. Старуха смотрела на него внимательным участным взором и маг попросту не мог ненавидеть обычного старого человека.

— Что ты так пялишься? Вон, даже стирать прекратила. Ты меня хорошо знаешь, чтобы так жалостливо смотреть? Словно поняла мои мысли, думаешь такая крутая...

Старуха молчала, но спустя время разомкнула свои потрескавшиеся уста:

— Тебе тяжело также, как и нам. Я вижу это по твоим глазам. Они лишь кажутся безучастными, но на самом деле они как никогда грустны и полны печали.

— Ты... т-ты не можешь знать, что я чувствую!

— Я и не знаю, я это вижу. Пустой внутри и оттого настолько гневливый и злой.

«Чёрт»

Саркис был готов провалиться сквозь землю. Какая-то непонятная старушенция прочитала его, как открытую книгу...

— Бред, бред, бред! Такого просто не может быть. Я никогда не опускался так низко, как опускаетесь вы. Я никогда не смел склонять голову пред кем-либо и тем более позволять творить бесчинства. Я отличаюсь от вас...

— Всё может быть, Гость. С точностью могу сказать лишь одно — чем чаще к нам приходят такие как ты, тем больше я убеждаюсь в том, насколько мир одинаков. — наброшенный на старухины плечи демон коротко моргнул, а Саркис невидящим взором смотрел вперёд. — И внешний мир, и здешний, и Эдем на пару с Адом — люди мучаются всегда и везде. Жизнь с одинаковой злобой смотрит на каждого из нас, просто кто-то, как ты, способен задушить в себе убийственные эмоции и идти вперёд, не склоняя головы и не отпуская с рождения данное в руки оружие.

«Бред, бред, бред! Это просто мысли одной прачки, их вообще не стоит воспринимать. Она глупая и ничего умного выдавить не может» — зубы мага сжались сами собой, а язык перестал слушаться.

— Среди таких вот Гостей был лишь один, кто отличался от всех. То был невероятно плохой человек, мысли которого я бы не поняла и будь мне за две сотни. Ужасный, полный злобы, ненависти и презрения, чьи слова были лишь колкими усмешками. Только этот Гость так и остался для меня скрытым за плотной завесой незнания и страха. Страх перед силой и властью. Страх, что мог быть похож лишь на... — старушка задумалась, а после сложили костлявые сухие ладони рупором, прошептав в них. — Страх, который мы испытываем к Мартену! Тот человек был похож на него. Он был с такой маленькой каменной душой, за которой была лишь пустота. Там была пустота вкупе с эгоизмом, жаждой наживы и убийства.

«По описанию почти не подходит, однако...» — богатырь наострил уши и внезапно эта мысль сверкнула так ярко, что затмила все остальные своим испепеляющим пламенным светом:

— Скажи, этого Гостя звали Демиург? Я сразу понял, что это он. Как давно...

Старушка неожиданно подняла ладони, призывая мага к тишине:

— Ты всё неправильно понял. Того Гостя звали по-другому. То был старый-престарый дед, такой же мелкий, как и его душонка. Мартен говорил нам, что его звали Авиад.

Пару миллиардов лет назад.

Эдем...

Ловкий ветерок бодро дунул в лицо, свежесть зелени ударила в нос, а взгляд был прикован к кому-то подле белого раскидистого дерева. Подле того самого Древа Жизни, у которого, по слухам, должен был ползти чёрный юркий змей.

На тонких хрупких ветках, уходящих в разные стороны, висели сочные, пропитанные соком бело-желтоватые плоды, что так и манили вкусить себя и не оставить в живых даже твёрдой центральной кости. Только по одному взгляду на них было ясно, что настолько манящую и красивую сладость не должно есть никому, несмотря на всё существующее искушение.

— Скажи мне, друг, где тот змей о котором все говорят? — богатырь ещё больше приблизился к сторбленной фигуре на окраине отвесного утёса, озарённого мягким ласковым солнечным светом. — Я думал увидеть, поверить в его существование, услышать из его уст нашу, созданную Отцом, речь. Но где же сам змей? Неужто он просто болтал, а на деле обманул всех моих наивных братишек и сестричек, просто сбежав с Эдема?

Фигура молчала, вперив взгляд куда-то вдаль, на большущее пятно, раскинувшееся от края и до края.

— Саркис, как люди позволяют себе жить в таком мирке? — будто не слушая друга, словно в мечтах пропел юнец. — Зная, что они существуют под Эдемом и их жизни не важнее, чем спички. Они всё радуются и радуются, ни грамма отчаяния, ни секунды грусти.

Богатырь и не знал что ответить. Такие вопросы претили его каменной душе, о чём с превеликим огорчением Саркис сознавался сам себе уже на протяжении многих десятилетий. Вот и сейчас — что мог ответить тот, кто был совершенно пуст?

«Как же я бездушен. До безумия бездушен и пуст...»

— Молчишь, да? Видимо даже ты меня понимаешь. Они веселятся в своём наспех сотворённом адском мирке, а я грызу сам себя в прекрасных садах Эдема. Ну не сказка ли? Мне тут скучно, грустно, моему гневу нет предела, душа хочет полёта. Но где бы я не находился — летать не сможет никто. Все мы подчиняемся чему-либо — власти, эмоциям, родителям. Мы все — рабы. Мы все — привязаны. Разве могут летать те, кого держат на поводке? — молодой человек повернул голову и в его глазах стояли слёзы. — Если честно, наш мир мне наскучил. Я бы хотел познать жизни обычных, свободных от всего, людей. — его тонкий белый палец указал на распластавшийся внизу мир. — Я хотел бы прожить жизни этих смертных. Познать их эмоции, их мир и их счастье. Увидеть то, что видят они, почувствовать то, что недоступно и всем детям Бога вместе взятым.

Саркис недоумённо смотрел на друга и его сердце почти не билось. Стук ослаб, а душа безжизненно сидела в груди:

— Прости, брат. Я мало что понял. Правда, я не лучший собеседник, ты и сам знаешь.

Человек на крае утёса обречённо улыбнулся, по-прежнему смотря вдаль, сквозь косматые облака:

— Как жаль, что даже мой единственный настоящий друг находится где-то далеко от меня, за тремя суровыми гранитными стенами... Как же я устал от всего этого. — грустно подал голос человек, вслушиваясь в кажущиеся ему красивыми звуки людского мира. Что

творилось в его душе и в мозгах было неизвестно даже Отцу. Сам же Отец, Бог и творец всего мира в тот самый момент и помыслить не мог, что Эдем стал дешёвой стальной клеткой для всех его обитателей. Люди были неспособны настолько долго вести такую скучную и нудную жизнь. И даже их бессмертие было в списке того, отчего они все мечтали избавиться.

Молчание могло длиться годами. Друзья, что не понимали друг друга. Два человека, что жили обособленно от общества, наедине со своими мыслями и желаниями. Каменный непоколебимый Саркис и эмоциональный душевный парень с короткими жёлтыми волосами, взрыхлёнными на макушке его аккуратной аристократичной головы.

— Ты тоже не доверяешь Отцу? Пошёл на зов стада? — где-то агрессивно подал голос чёрный богатырь.

— Зов стада? Неужели я всегда был таким слабым человеком? — ветер погладил белые шёлковые блестящие листья и серебрянные фрукты на дереве, будто маятники, качнулись из стороны в сторону. — Чувствуешь, как уходит эпоха? Мы сейчас под священным, запретным устами самого Бога, высоким и грозным Древом Жизни. Даже ты должен чувствовать, как сам ветер гонит нас с этого райского места. Он будто... толкает нас, как эти плоды на деревьях. Всё не вечно, вот что я хотел бы сказать. Наш Отец... Его идеи давно опротивели самому миру, что он так старательно выкладывал кусочек за кусочком. Я просто...

— Нет. — Саркис мотнул башкой, а голова внезапно налилась свинцовой тяжестью. — Нет! Нет! Нет! Я уверен, что это неверный путь. Многие шли по нему и я оставался совершенно один. Ты же помнишь это, друг? Всегда, везде и всюду найдётся очередной чёрный змей и каждое поколение, влекомые сладкими словами, повинуются его речам и воле. Нет... Не смейте начинать эту войну! Ничего и никогда не изменится, как бы люди не старались! В противном случае вы превратитесь в воспоминания! Как множество поколений до вас. Я... я устал видеть этот непрерывный цикл. Пожалейте и Отца... Всему здесь мы обязаны его светлым думам о нас. Почему вы всего этого не видите?

Молодой человек, с этими красивыми золотыми короткими волосами и такими проникновенными глазами, со всё ещё сверкающей улыбкой на лице смотрел на Саркиса, пристально и зорко.

— Ты уверен в правоте и любви Отца? Ты уверен, что его идеи не изжили себя? Не веришь в очевидное — Эдем больше похож на прочную тюрьму. Этот мир полностью изучен, от корки и до корки. И единственное что нам остаётся сделать — сказать всё это Богу в лицо — дерзко, смело и грубо. Всё это приелось, наша райская жизнь бездарна, бесполезна и бестолкова. Мы будто крысы, крутящие шестерёнки этого хрупкого мирка. Отец нас словно использует, как слесарь инструменты. Думаю это чувствует каждый из нас, да и ты навряд ли большое исключение.

Плоды раскачивались взад-вперёд, будто детские качели. Эдем был давно изжитым местом и именно это величественное Древо Жизни могло открыть Детям Бога путь в иной мир. Мир, сверкающий в лучах солнца; мир, что был отдан в руки настоящих самостоятельных людей; мир, где они использовали свою фантазию, свои руки и полагались лишь на свой собственный ум.

То был другой мир. Более свободный, наполненный вольным воздухом, чистый и дарующий жизнь.

— Ты хочешь всё это высказать Богу? — спокойно спросил Саркис. — Показать ему все эмоции и чувства, высказать мысли? Что скажешь насчёт ползучей под Древом твари,

чёрного таинственного змея — наверняка это дело рук Отца. Он хочет посеять в нас сомнения, хочет понаблюдать за нашим выбором. Это же понятнее понятного... Он проверяет всех нас, наблюдает за нашими раздорами и поступками. А я не хочу снова всех терять... Вы ведётесь на дешёвые трюки. Думаешь я не прав?

— Видишь! Даже ты дорожишь близкими людьми. Знаешь, я восхищаюсь тобой всё больше и больше. Кажешься таким пустым и холодным...

Молчание опять плотным облаком накрыло этот утёс, пронзающий небеса своей острой вершиной. Даже Отец молча смотрел с голубого неба и в его глазах было понимание. Он видел, как собственные дети выбирают путь и шагают по нему с новой силой, с собственными мыслями и мышлением. Они предавали его, отворачивались, потихоньку уходили, отринув своего родителя, бросив ту чудесную жизнь, что он дал им.

Будто обычные люди, они не ценили всего того, что им отдали во власть. Самое прекрасное место в мире? Шикарные виды? Самый чистый и свободный от грязи воздух? Вкуснейшая еда? Совершенные тела? Отец дал им всё, буквально укрыл их шёлковым одеялом, позволив жить как они сами того хотели. Однако даже здесь люди откопали проблемы, назвали Эдем прочной тюрьмой, поверили словам чужеродной самому миру твари, без зазрения совести назвав Бога лжецом и узурпатором.

Его грустное прозрачное бородатое лицо смотрело на озарённый светом тёмный злой мир, что вновь обернулся против своего создателя. Людей ничего не учит. Ни смерти, ни чужой опыт, ни чьи-либо слова. Эмоции оглушают их, перекрывают слух, жизненные пути за них выбирают чувства, и раз за разом, поколение за поколением, Дети восстают против своего родного Отца. Они называют его узурпатором, некоторые в душе надеются забрать его власть, они хотят очернить его и выглядеть крутыми и взрослыми. Но сколько бы им ни было лет, будь хоть двести, хоть триста, каждый раз они ошибаются. Не зная как всё сложно устроено, не хотя чувствовать любовь и ласку, не хотя принять свои действительно прекрасные жизни, Дети всегда начинали и на сей раз начинают свою ожесточённую войну.

Саркис молчал. Молчал и золотовласый красивый юнец. И только листья шептали свою переливчатую песню. Песню, посвящённую наступающей эпохе. Песню, что пелась одному съеденному с Древа запретному плоду. Плоду, что искушал. Плоду, что сам Отец запрещал срывать и вкушать. Песня пелась одному потерянному плоду, что давал поистине могущественную силу. И он был сорван прямиком с тонкой белой ветви. Начало было положено. Древо Жизни лишилось первого фрукта.

Наверное, именно так и делается история...

Комната была подстать ведущему к ней коридору. Сверкающие мраморные стены, озаряемые послушным ласковым светом и высокий потолок, под которым мерно покоилась огромная люстра, собранная из чистейшего золота.

Маленькие аккуратно поставленные диванчики уютно расположились вдоль стены и на одном из них сидел маг, больше напоминающий искусного чародея из старых сказок. Его остроконечная шляпа, увенчанная звонким бубенцом, стремилась вверх в жалких попытках дотянуться до потолка, на пальцах сидело по кольцу. Напоённые магией, от них исходили волны необузданной дикой волшбы, что явно была припрятана в них для запаса.

Сам же колдун был старый и иссохшийся мертвец без намёка на бороду. Огромные мешки под глазами, будто маг не спал лет пятнадцать, впалые щёки и тонкие ноги, припрятанные в складках фиолетовой шёлковой мантии. Единственное, что сразу же

насторожило боязливого Демьяна — отсутствие жирных набухших вен. Да и дыхание мага было каким-то другим, особенным, индивидуальным. А порой казалось, словно он и не дышит вовсе...

Сухой дед вперил в него свои мёртвые глаза и в каждом таком голубом глазу не было ни намёка на эмоцию. Лишь синие озёра, над которыми даже отсутствовали ресницы:

— Добро пожаловать в эту прекрасную крепость, с виду похожую на средневековый замок! Ты только не переживай, — постарался успокоить маг. — Я вижу в твоих глазах страх, хоть ты и предпринимаяешь попытки его скрывать. Не стоит нас бояться — здесь все свои! — мантия вспорхнула вслед за стариком. — Конченная банда бесполезных муравьишек, ожившие камни, слетевшая с катушек власть, множество пентаграмм, безликие людишки и невзрачные некроманты — не город, а сказка. И, представляешь, этим всем цирком заправляем такие жалкие, подлые и низкие люди как мы! — зубы для его возраста были белы и оскал ярко блестел в налетевшей на просторную комнату тьме.

«Тут нечего пугаться. Я во власти покоя и уюта. Меня тут и накормят, и причешут... Я им нужен, а они нужны мне» — поневоле юноша сглотнул, наблюдая плавную мертвенную походку наверное самого могущественного некромага Нижнего мира. Голубые глаза были столь же мертвы, как его натура и плоть, а мурашки гуськом пробежали только лишь от одного взгляда на его шелестящее одеяние.

— Не стоит сковываться, стесняться или бояться. Мы все не без греха и вынуждены существовать так, как умеем. Не бойся своих слабостей, мы о них знаем и их принимаем. Не думаю, что они хоть немного помешают в нашем деле. Напротив... Эрику как раз нужен такой человек, как ты. С чистой кровью, вольной магией и открытой душой. Ему нужен грешник, такой же, как каждый из нас. — проскрипел старец, исподлобья глядя на Демьяна.

Юноша медленно проделал путь до дивана и, будто мешок с мукой, грохнулся на мягкую подушку, устилающую царски выделанное сиденье.

«Это тот самый некромант. Я чувствую его волшбу... Такая странная, инородная, с привкусом чего-то тёмного, межмирового, непостижимого и страшного... Не нравится мне он. Прихвостень Мартена. Такой же подлый сукин сын, как и вся верхушка. Прибрали к рукам город, сотворили из него свой закрытый мир, понаделав заводов, создав целый корпус солдат, тем самым обрекая саму землю и народ на пожизненное гниение... Как же они ничтожны, я никогда им не прощу жизни людей, что оборвались по вине пары прогнивших магов»

Старик смеялся. Его рот нещадно трясся, а тело плясало мертвенный эпилептический вальс. И каждый его глаз словно светился. Магия в каждом кольце ярилась и мечтала вырваться наружу, как гной из раны. Сущность этого человека лежала куда глубже, даже дальше самой души:

— Думаешь мы совсем прогнили? Наверняка винишь во всём Мартена, думаешь, какой он урод, ирод и маньяк. Но ты забываешь всего одну простую вещь — в мире всё не так, как воображает твоё узкое мышление. Люди такие, каков мир. Всех нас он обучал по-разному. Одни видели одно, вторые — совершенно другое. Ты не находишь справедливым это суждение? — юноша вжался вспотевшей спиной прямо в твёрдую спинку, а глаза были призакрыты, являя собой тонкие-тонкие щёлочки. — Наверяд ли человек, живущий среди помоев, грязи, нищенства и убивающих друг друга людей, сможет быть таким аристократичным как твой мозг, обучаемый в светлых покоях очередной аки «доброй» башни новомодного орденочка. Нас учит сама жизнь. Её уроки порой тяжелы, опасны и

дремучи. Так почему ты смеешь ставить ярлыки на тех людях, которых и в жизни не знаешь? Мы все — люди. Нас воспитывает и взращивает общество, хоть это то ты должен знать. Так скажи мне теперь — отчего реальность Мартена может быть прогнившей и фальшивой? Не смей видеть мир сквозь себя, учись думать и понимать. Вещи куда сложнее, чем кажутся на первый взгляд, а многие людские судьбы так и тянут написать очередной толстенный роман... Я уважаю Эрика. Не каждый сможет пережить всё то, что видели его детские наивные глаза, слышали маленькие уши и чувствовало бьющееся сердце, тогда ещё верящее в доброту, любовь, и что самое главное — в людей!

Рассуждение оборвалось также резко, как жизнь очередного жителя ближнего муравейника.

«Некромаг может в чём-то и прав, но всё же...»

— Скажи... а к-кто позволил в-вам строить такой мир всем этим людям? Будучи погружёнными в самые чёрные бездны этого мира, вы взяли на себя ответственность превращать жизнь целого народа в невообразимый ад. Скажи, почему именно они заслужили это?

Некромант противно рассмеялся, трясаясь как эпилептик перед смертью:

— Смелым должны не казаться, а быть, так что не прячь свою дрожь. — Демьян от слов некроманта залился краской и его руки свободно затряслись в каком-то своём невообразимом танце. — Что до твоих слов — мы взяли на себя ответственность показать людям мир таким, какой он есть. Без всякой фальши, лжи и красочных радуг. Люди черны и я думаю все наши горожане познали и признали реальность в её истинной плоти. Они знают, что их не погладят, они отлично видят грехи и тьму друг в друге... Теперь ты нас понимаешь? — старик косо глянул на Демьяна, в миг став серьёзнее вечерней грозы.

Тишина обуяла просторную комнату и лишь люстра плавно покачивалась, будто бы в такт налетевшему на замок сухому ветру.

— Не все так плохи, как вы считаете. — осмелев сказал Демьян, неожиданно найдя свой голос каменным и непоколебимым. — Если не будить демонов внутри, жить в счастье и гармонии... Разве не в этом смысл наших жизней? Укрощать тёмные сущности, бороться с самим собой, драться с искушениями и соблазнами, избегая тяжёлые грехи... Разве не в этом наша цель?

Голубые озёра по-прежнему были мертвы и безжизненны. Настоящий хладнокровный правитель. Человек, что наверняка прошёл через страдания и мучения. Может, именно такие добиваются своего положения?

— Всё что есть в человеке дано не просто так, — маг хитро улыбнулся, вздёрнув сухой палец кверху. — Даже демоны даны не для простого наличия. Всё — во благо, всё — для нашего использования. Жизнь не может быть полноценной, не высвобождая мы свою черноту. Ладно, — старик неожиданно быстро подошёл к выходу, отворив белую резную дверь. — Устал я от всех этих разговоров. Не с такими как ты мне об этом говорить. Отдыхай! Скоро к тебе зайдут, будь готов!

Мантия шелестнула и змейкой запетляла в открывшийся проём. Юнец остался один на один с тишиной. С тишиной и золотом.

— Золото — удел властителей и искушённых. Мне бы просто тишину... Да смелости побольше. — в груди что-то отчаянно пело. То была песнь, придающая невиданную силу. Силу, что была способна разбить все преграды, расчистить путь и уничтожить всех соперников. — Моё сердечко поёт. Как красиво... Я узнаю эту мелодию. Это реквием.

Реквием по тебе, Мартен! Я пришёл за твоей головой по просьбе многих сотен лишившихся жизни людей. И я не позволю себе отступить из-за каких-то слабостей. Я обещал родителям, что дойду до конца. Достоинно отомщу. И они увидят это. Увидят и возгордятся! Я постараюсь сделать всё сам и они ещё увидят, какого защитника взрастили их добрые сердца!

Чем больше Саркис шёл сквозь ряды муравейников, тем на улице становилось всё хуже и хуже. На стенах стали появляться таинственно начерченные ярким белым мелом пентаграммы, разные фигуры, близкие к символике Церкви Сатаны. Воздух застревал в лёгких плотным комом, нос ощущал гадкий запах, которым пропахло всё великолепие вокруг, а из-под чёрных ботинок вырывались серые облачка дорожной пыли.

Люди прятались в своих муравейниках, не смея и носа высовывать из своих разворованных правительством домиков. Лишь шебуршания и тихий шёпот, еле доносящийся сквозь плотные чёрные неровные стены.

«Та старуха была смела. Не то, что все остальные, надеющиеся на спасение внутри убогих домиков. Главное — не злиться. Мне на них наплевать, я спокоен и просто иду вперёд. Я не вслушиваюсь в их шёпот, я не слышу эти шебуршания... Боже, я счастлив, что не веду себя также, как все они. Проживать их жизни — самое унижительное дело... Демиург, я никогда не пойму тебя. Отчего твоя душа так тяготилась к таким вот обычным людям? Какое счастье? Какие радостные дни? Их истинное лицо — это стойка на коленях пред сильными и властными. На большее они и не способны...»

Разные тёмные мысли навевались среди этой сырости, серости и потерянности. Заводы гудели всё сильнее, вырывая из труб жирные клубы чёрного дыма. Где-то, не столь далеко, развернулся шаткий кособокий замок, по стенам которого ползли юркие трещины. Зелень вырывалась из них пышными причёсками и только красная крыша, венчающая это средневековое строение, говорило о стати и важности этого места.

«Замок держим на примете, не забываем и наблюдаем. Слишком величественное здание для Чёрного града... Даже чересчур роскошное. Наверняка используют как отель. Так что Демьян может находиться внутри...» — пришёл к мысли богатырь, продолжая топтать старую серую землю, из которой давно ушла вся жизнь...

Весь город казался мёртвым обугленным ребёнком. Тишина, унылость, дикость и ощущение смерти, обуявшее тесные однообразные улочки, которыми достойно и честно управлял добрый и великодушный Эрик Мартен, буквально пропитывали собой весь умирающий городок.

«Чёрт. Всё же он тот ещё уродец...» — скрипя зубами подумал Саркис. Дверь в высоченный завод маячила пред носом. Так и манила к себе своим глубоким тёмным цветом...

«Первый завод на моём пути... У меня стойкое ощущение, будто всё гораздо хуже, чем мне кажется. Эти огромные здания, которые венчают длинные цилиндрические трубы, наверняка наполнены людьми, спору нет. Страх лишь в том, как они там работают. За что, за какие ценности и под какими угрозами? В этом городе даже экономической системы не выстроено. Если она и была, то давно сгинула в небытие, аккурат с приходом к власти Эрика...»

Ветер неожиданно задул. Даже сквозь туманную пелену ему удавалось пробиться к несчастным сторбленным людям. Ни одна граница не идеальна. Нет того, чего нельзя было бы обойти.

Дверь была приоткрыта, встречая эдемского мага, судя по всему, достаточно обыденной заводской суетой. Слышался лязг, топот; иногда, преимущественно с разных сторон,

доносились грустные стоны, что удивительным образом переплетались с минорными страдальческими нотками. Запахло машинным маслом и терпкой вонью скрипящего несмазанного железа. Глаза заслезились то ли от нахлынувшей жары, то ли от попавшей в них дряни.

Зев стал воистину дик и ужасен. Отсвет искр и огня аркой обрамлял вход, заставив даже бывалого мага пошатнуться от чувства нереальности происходящего.

«Нет... Нет... Это точно какая-то магия, морок, видение... Я не хочу в это верить... Демииург, как ты мог найти хоть что-то в этих людях? Почему тебя так сильно тянуло на эти обречённые земли?...»

Духота враз накрыла тело Саркиса, а пот стремительно начал свой бег под тугой обтягивающей чернявой курткой.

Их было много. Даже очень. Мириады чёрных точек, методично отплясывающих свой повседневный рабский танец. Отовсюду слышался стук, лязг и скрежет. Люди горбились под тяжестью собственных глазастых чавкающих демонов. Вокруг их оборванных грязных одежд кружили сотни жужжащих мух, а глаза были мертвенно стеклянны и пусты.

Настоящий ад для каждого, кто находится здесь. Как послушные болванчики, они дрыгают под одну и ту же занудную мелодию своих правителей, коих они боятся и с трепетом слушают.

«Они делают для Мартена всё... Стулья, столы, инструменты. Они шьют одежду, занимаются созданием всего-всего, что нужно для существования этих жалких воришек... И что же люди получают взамен? Нищету, ошейники, пощёчины и по пятам ходящую за их душами смерть... Зря я так взъелся на этих несчастных жителей. Таким даже помощь — дело пропащее»

Обычно правительство должно работать для города. Но здесь, в этом неправильном убогом мире, всё было наоборот. Здесь город горбился пред смеющимися правителями. Нагибался и унижался, отдавая самого себя во имя идеологии и власти этих людей.

Завод был огромен и на каждом квадратном сантиметре трудился потный работник, забывший о своей чести и продавший свою жизнь во имя гнусных душ Мартена и ему подобных. Не щадя свои дряхлые костлявые руки, каждый поднимал и опускал свои инструменты, не прекращая работу ни на миг.

Могли ли они считаться людьми? Но кто их сделал такими покорными и раболепными? Виноваты ли они во всём происходящем? Скорее да, чем нет. Они дали возможность правительству взять себя за загривок, встряхнуть и заставить делать то, что было им нужно. Обычные разменные монеты, лишённые эмоций, вещей, семей... Они были пусты, как полые сосуды. И разве можно было их винить? Саркис мог и его руки отчаянно разгорелись, смешиваясь с окружающими искрами и сполохами жидкого тянущегося вверх огня.

«Я понимаю, что где-то это неправильно, но спокойно смотреть на этих нищих уродцев я не могу. Если б не их жалкие боязливые непримечательные характеры, всё было бы по-другому. Каждый куёт свою судьбу сам. Эти дебилы куют не собственные судьбы, а куют сраные жизни узурпаторов. Они их подтачивают, облицовывают, сдувают пылинки — играют на руку Эрику. И мне плевать у кого какое там прошлое. То, что происходит здесь — несомненное вопиющее преступление против нашего Отца. Он никогда бы не одобрил ни эту послушную ораву, ни этих правителей города, который они превратили в самый настоящий фашистский лагерь для абсолютно всех людей, лишая их жизни, не давая увидеть им даже синеву неба, луч солнца и свежий бодрящий воздух... Такое прощать нельзя. Ни

толпе. Ни этим ворам, что буквально питаются людьми»

Рядом вперил свой мёртвый скучный взгляд старик, прожжённая борода которого падала на грязный облепленный соплями пол.

— Работать надо... Я работаю... Работаю... Всё во благо... Всё во счастье...

Брови Саркиса выразительно изогнулись:

— Зачем ты работаешь на них? Тебе мало потерянной жизни, скуки и бесконечного страха? Как вы можете так унижаться, забывая о своей чести и достоинстве? О своей индивидуальности?

По телу старика будто прошла дрожь. Он резко дёрнулся, выронил тяжеленный железный молоток и широко распахнул глаза в немом ужасе, что был виден в каждом миллиметре его морщинистого потрескавшегося лица. Демон на спине шелохнулся, бессильно вперив взгляд в Саркиса. Ему тоже было плохо и грустно. Даже демоны могут плакать...

— Что ты сейчас сказал, смертный? Ты хоть понимаешь как мы усердно трудимся для нашего господина? Всё вот это вот, — его старые руки, обвитые жирными венами, затряслись, показывая громадный, уходящий кверху, рабский завод. — Всё вот это — наша дань людям, которые создали нам самые идеальные условия жизни. Всё что они делают — они делают во имя нас. Без них я и не представляю нашей реальности. Волевые люди, что смогли возвысить город до такого великолепного состояния. Кто, если не они, смогли бы сделать настолько утончённый антураж? Кто, если не они, смогли бы сделать нашу тяжёлую жизнь как можно лучше и краше? Этот город — это наша гордость, наш полноценный музей и всё самое прекрасное, что смог подарить нам Эрик.

«Это сделала с ними полная изоляция от внешнего мира? Они же вправду не знают какой бывает жизнь... И в этой ситуации их остаётся лишь пожалеть. Ими не просто манипулируют или управляют. Их жизни выстроили с нуля, буквально создали из подручных материалов...»

— Ты не смеешь говорить о нашем спасителе с таким пренебрежением и злобой. — продолжал работяга. — Он старается ради нас, работает, создаёт и развивает всю эту красоту...

— Какую красоту? Хмарные тучи, окружённые дымными дорожками с завода; тесные грязные улочки; противные, воняющие набухшей землёй и глиной старые муравейники; умирающие люди, воры, ваша тяжёлая ноша, ваш магический демон. Неужто всё это столь красиво и прекрасно?

— Мартен — это идеал властителя. Умный, добрый и великодушный. — будто и не слушая продолжал заведённый дед с трясущимися руками и согнутой спиной. — Он думает о нас, обустроивает наши жизни, делает всё во благо собственного народа. Разве такой человек заслуживает критики?

Эдемский маг активно завертел головой:

— У тебя воруют, тебе нечего есть, твой дом — это убогий однообразный муравейник, в котором ты доживаешь свои бесполезные дни в холоде, голоде, грязи и постоянном давлении. Ах вот она какая — сказка... Я то её по-другому представлял, не так как у вас. А оно вот как получается. Аж завидно стало, ей богу.

Дед не унимался, а его крыша сползала набок буквально на глазах:

— Ты со мной согласен? Я так рад... Присоединяйся к нам! Мы тут все — одна дружная семья. Спасибо Мартену! Без него всего этого попросту бы не было. Мы так ему благодарны.

Он — человек с большим сердцем!

Эдемский маг ярко блеснул своими безразличными волчьими жёлтыми глазами и повернулся к вспятившему деду своей гордой спиной, вытянутой как по струнке. Вот они — члены дружной семьи! Кто-то сгнивает на старом заводском полу, кто-то больше не в силах работать и тогда стоящий на страже высокий муравей-солдат прокалывает его тощий бок своей острой пикой. Многие от голода и усталости летят прямо в раскалённую лаву, раскинувшуюся на дне рабского завода... Вот она — дружная семья, что верит и ценит своего незыблемого и незаменимого повелителя.

— Нет... Как же вы жалки, уродцы! — сквозь зубы прошипел маг. Он сам не замечал, как быстро и координально менялось его мнение. То, какая только присуща его душе, жалость. То искренняя ненависть и гнев. — Ты предлагаешь мне присоединиться? Тоже носить тот жидкий чёрный плащ на спине, забыть кто я такой на самом деле и отдать всю свою жизнь в услужение убийце моего любимого брата и сотен людей этого города? Ты... Я ненавижу тебя. Искренне. Тебе уже не выплыть из топкого не отпускающего болота, как и всем работягам вокруг. Прощайте... Я убью Эрика. Может этим помогу вам, хоть в это и мало веры. Помогайте и Мартену и всем остальным! Благодарите их за ваше прекрасное существование в густых потёмках в окружении таких же лишённых разума идиотов!

— Друг, почему ты хочешь жить там? Разве те люди счастливы? Разве ты хочешь жить, как они? Зная, что жизнь не вечна, понимая, что все их страдания в конце концов будут напрасны... Неужели ты хотел бы прожить именно такую жизнь?

Его короткие жёлтые волосы трепал эдемский ветерок, а фигура говорила об уверенности и настоящей силе.

— Честно? Я и сам не знаю о чём мечтаю. Но точно говорю — моё место не здесь. Это не мой дом. И это не мой предел. Я не могу быть здесь и не хочу дышать этим воздухом.

— Почему? Ты имеешь абсолютно всё, что только можно иметь в этом сложном мире. У тебя есть власть, прекрасное тело, красота, одежда, вкусная еда, безграничная свобода и вседозволенность. Как можно брать и рушить всё то, что ты получил?

Златовласый смотрел вдаль. На огромное разноцветное море, в волнах которого радовались жизни сотни тысяч и сотни миллионов людей с задорными широкими улыбками на лицах.

— Саркис, я не хочу иметь того, что у меня есть сейчас. Это всё скучно, обыденно и совершенно мне не подходит. Этот комфорт и вкусная еда... Моя мечта — просто попасть туда — вниз, влиться в эту толпу, быть голым, грязным, но с широкой душой. Я... Я хочу всего добиться сам. Почувствовать каково это. Понять страдание тех, кого согнали с Эдема в Нижний мир...

— Знаешь почему их согнали отсюда? Почему мои бывшие братья оказались там, внизу? Эта жажда. Неутолимая жажда мятежа и крови... Вы всегда делаете эти ошибки. История — она циклична. Всё повторяется. И величайшей ошибкой будет повторить всё это ещё раз. Неужели ты готов остаться без родной земли, без отца, без братьев? И... Ты совсем не подумал обо мне, брат?

Златовласый звонко рассмеялся, запрокидывая голову назад:

— Боже, ты удивителен! Ты каждый раз меня удивляешь, и каждый раз удивляешь всё больше! Даже твоя душа прекрасна, хоть с виду и кажется каменной и неживой!.. И о тебе я думал. И о других. Однако не смей меня сдерживать. Ни одно твоё слово не сможет сдвинуть

меня с места, как ветер не может двигать материи.

Саркис и не знал что отвечать, по-прежнему смотря с этого отвесного утёса под сенью раскидистого Древа жизни.

«Способен ли ветер сдвинуть материк?» — неожиданно подумал он, задумчиво смотря в глаза единственному человеку, которого считал другом и братом.

— Саркис, друг мой, я не хочу больше находиться здесь. Этот рай больше похож на тюрьму, чем все тюрьмы вместе взятые... И не подумай, никаких речей змея я не слушал. Да и сам эту тварь в жизни не видывал, особенно возле этого белого яркого Древа... Просто я действительно больше не могу оставаться здесь. Я чужой этому месту, а этому месту чужд я. Знаешь, я как птица, которая обломала свои крылья о металлические прутья, что отгородили это райское место от настоящего живого мира. Я очень хочу быть как все они. Как все люди, страдающие в Нижнем мире. Я хочу быть таким же живым и бодрым, знающим, что скоро может настать неотвратимый мучительный конец. Их жизнь — она другая. Это свобода, воля, сила. Это развитие, счастье, улыбки, магия. Это родственники, близкие, знакомые и настоящая человеческая любовь...

— Любовь, свобода, сила и воля... Брехня это всё. Демиург, брат, ты совершил эту ошибку. Интересно, и что же ты получил? Счастье, улыбку, друзей и любовь? Или же кнут, лопату и пику в тело? Как же ты глуп. Погубил и себя, и заодно всех нас. И ради кого? Ради потомков тех самых многих предательских поколений, члены которых называли себя Детьми Бога, а на самом деле в тайне ненавидели своего отца и были изгнаны в убогий Нижний мир. Ради этих преступников, что мнили себя умнее и лучше других. Ради истинных разрушителей, что считали себя творцами... Отец сделал для тебя всё. А ты его продал, как разменную монету. И всё это ради твоих же красочных выдумок, странных мечт и непонятных желаний. Всё это ради вот таких вот городов и сгорбленных спин жалких пропащих людишек... Ты хотел быть таким же мусором, как все самые разные воры, завистники, манипуляторы и убийцы. Разве в Эдеме было хуже? Ты мечтал о такой жизни в теле обычного человека, но наверняка обезумел от этого парада лицемерия, лжи, пакости и эгоизма. Таковы люди, попавшие сюда. Семена разрушения, которые они посеяли в себе ещё в Эдеме, привели к таким последствиям. Здесь каждый вертится в силу своей стойкости духа, веры и ума... Этот мир гораздо хуже. И мне жалко тебя, наверняка не нашедшего здесь ничего, кроме грехов и этой гнили.

Шум завода оставался позади. Работа кипела, огонь бурлил, а люди страдали, обливаясь потом и приговаривая, какой же Мартен всё-таки молодец.

— Я надеюсь, Демиург, ты понял ценность того, что потерял и без кого остался. Это должно было показать тебе, как ты сильно ошибался... Но не переживай. Отец ещё может нас простить. Я точно знаю это. Твоё место — в том райском саду, в окружении природы и птиц. И ты обязательно полюбишь всё это... Эмоции... Они так удивительны. Они дают человеку слабину, но могут и придать сил. Они могут буквально по щелчку поменять человека, и... я так хочу жить с ними... Может моё желание и глупо, но я надеюсь дойти до самого конца. Я точно не настолько жесток и каменен, каким кажусь... Брат, ты единственный кто по-настоящему верил в меня. Может, потому мы и были так близки?

Сапоги бряцали о пол, а вытянутое подтянутое тело, разодетое в чёрные одежды, гордо шло вперёд. Уверенно, громоздко и сильно. Пред глазами Саркиса в ряд выстроились уже пройденные высокие муравейники. И маг точно знал, что в каждой такой тюрьме обитают

тоска, покорность и уныние.

— Простите меня, люди, за такие слова, но я чётко знаю: спасти я вас не собираюсь. Вы не изменитесь не при каком раскладе. Ваши души останутся такими же, какими были всегда. Изменятся лишь люди у власти, вот они то и есть моя цель. И если быть честным, то единственное, ради чего я готов обрушить свою силу на Эрика — это златовласые братья, одного из которых он мог убить... И если это так...

Да, это было в Саркисе с самого начала. Этот гнев, эта жажда битвы и жажда убийства. Дух и воля — всего этого было достаточно, чтобы опрокинуть любые преграды.

— Мартен — если ты сумел хоть кого-то тронуть своими грязными лживыми пальцами, то знай — это твой последний день.

Голова мага повернулась в сторону, внимательно осматривая кособокий старинный величественный замок, окружённый серым грязным воздухом и таким же безжизненным небом.

— А начну я с замка. Уверен, Демьян успел всё разузнать об этом месте и о своём враге. Может, он уже бросил кому-то вызов, хоть надежды на это и мало. Если что, держись друг. Я уже спешу!

Завод остался за спиной, а руки неожиданно зачесались. Мана хотела жатвы — жатвы обильной и кровавой!

Их длинные усы, будто змеи, извивались на слабеньком ветру, шипя на него и на движущуюся в их сторону магию. Нечто непонятное, разрушительное и смертоносное. Настоящий магический ураган, что был готов снести всё живое на своём грязно-сером пути.

— Не дрогните! Мы обязаны действовать строго по регламенту, никаких отступлений. Попробуем решить всё мирно... если обладатель чужеродной магии будет согласен общаться с нами. — серое небо висело над их мелкими муравьиными головами, а дым вился в воздухе, выползая из ближайшей длинной чёрной заводской трубы.

Всё было как всегда — и пирамиды-муравейники дружными рядками ползли до края города, и тишина стояла такая, какая обычно окутывала этот погрязший в грязи клочок земли. Всё было привычно и тихо. Но что-то не давало покоя этому высокому боязливому муравью. Это чувство грызло и грызло его, будто кровожадный матёрый волк.

— Что-то грядёт... Этот звук... Звук перемен. — голос солдата задрожал, хоть глаза были уверены и искрились настоящей силой.

Всё стало ясно уже через пару минут. Его чёрная грива яростно вздымалась над суровым волчьим лицом. Обтягивающая куртка идеально обрисовывала могучую мускулатуру. От статной фигуры разило магией, а посох в его правой руке так и фонил от огромной волны силы, которую он испускал.

Из-под чёрных сапог вылетала пыль, а жёлтые глаза угрожающе-ненавидяще смотрели на каждого из скромной процессии муравьёв.

«Договор? Нет, против такой силы поможет лишь другая сила. И вряд ли мы сможем хоть как-то остановить эту мощь... Я не боюсь, но просто чувствую — не мы должны стоять напротив этого богатыря. Это далеко не наша битва»

Муравей похлопал своими огромными сетчатыми чёрными глазками и сжал свои тонкие лапки в кулаки. С виду насекомое выглядело смелым, стойким и готовым пойти против любого врага, вставшего на пути. На самом же деле — внешность и вправду порой обманчива...

Остальные муравьи, окружившие собравшегося на подготовку главаря, отчаянно пытались забыть необычное ощущение, прокравшееся в их сердца. Сила, идущая прямо на вооружённый отряд, словно говорящий сам за себя диктор, ясно твердила и твердила...

«Отступать? Скорее да и притом как можно быстрее. Нас всех убьют. С такой мощью убить — раз плюнуть. Я не дам своему отряду страдать и тем более умирать. Однако... не стоит встречать его оружием. Это неверный ход. Стоит начать с переговоров. Хотя кого я обманываю, сам же прекрасно понимаю, что здесь делает человек с магией божественной сущности и каковы будут его дальнейшие действия. Вернее, я понимаю, по чью душу он идёт вдоль рабских чёрных городских домиков»

Тяжёлая поступь эхом отскакивала от тянувшихся на много километров высоченных заводских стен. Волчий взгляд неотрывно глядел вперёд, а веки почти не смыкались. Воздух зашипел, испуская клубистый дым, что воронкой вился вокруг Саркиса. Огненные кнуты рассекли пространство, по-боевому завершали и сплелись вместе, образуя острый неподатливый для простых смертных шипящий яркий меч.

— Чёртовы терпилы! — ругнулся Саркис. — Жалкие насекомые. Из чего же они сделаны, раз встать на защиту народа не могут? Они всё видят, всё знают, но бездействуют,

складывая тонкие никчёмные лапки вдоль дрожащего тела... Вот твари! Низкие самолюбивые твари!

Ярость переполняла поджарое тело мага. Любое его слово было сказано небрежно, не аккуратно. Тело сжалось, будто кузнечик перед прыжком, а дым по-прежнему ходил кругами, касаясь переливчатого певучего меча своими дымными руками.

Тот незаметно вспорхнул, будто расправив широкие огненные крылья, и пикировал к серой земле, отпуская на волю бурно полетевшую полукругом смертельную огненную волну, что чертила за собой тёмную дымящуюся дорожку.

Вспышка ярко озарила серое погибающее небо, а муравьи бросились по сторонам, спасаясь от бешено заревевшего огня. Львиный рык пронёсся над небосводом и медленно опал, вместе с догорающим пламенем. Всё стихло в один миг, как ничего небывало.

Властной походкой маг переступил черту и вторгся в это серое безжизненное поле, наблюдая за воспрянувшими духом, а сейчас и обступающими со всех сторон гордыми муравьиными войсками.

— Я думал вы трусливее... Всё же ошибся, но не беда.

Впереди приготовленных к сражению насекомых статно стоял их предводитель, потрагивающий свои витые усы и хитро прищуривающий сетчатые крупные глазки. Непокколебимая уверенность Саркиса волнами сносила всех поблизости, а в лапках муравьиного лидера не чувствовалось и грамма страха.

— Твоя магия чужеродна и опасна. Но не думай, что нас так легко сломить. По наилучшему сценарию мы бы не хотели вступать в ожесточённый магический бой. Однако это лишь слова. Мы не можем точно знать твоих намерений и решений. — муравей говорил чётко, как по листу, сложив руки по швам и готовясь к любому исходу событий.

Саркис же опустил посох, стукнув им по каменно-пепельной земле, прищурил свой волчий взгляд и обнажил белёсые зубы, мигом превратившие улыбку в злобный голодный оскал.

— Замок, что стоит рядом с нами, это то самое место, которое вы обещались оборонять от внезапно вторгнувшейся чужой силы в виде меня? Каков ваш приказ и кто вы такие? И последнее, но немаловажное, — юркие язычки заплясали на кончиках его пальцев, весело треща и выплясывая невообразимо сложные танцы. — Кто конкретно находится внутри?

Красная пушистая подушка вольно распласталась на земле, уже слегонца покрытая серой удушливой пылью. Маг помнил и её, и этот гордый отряд, помнил и то, как они водрузили Демьяна на эти роскошные подушки — маг помнил всё. И вот уже друг в замке, а муравьи успели взяться за острые копья и амулеты, хранящие невообразимо сжатую в одну точку ману. И всё это, чтобы не дать Саркису пройти вперёд.

«Чёрт. Зачем трус Демьян понадобился Эрику?»

Саркис всё знал, но продолжал играть. Играть тонко и искусно, как если бы опытный актёр большого театра. Но даже в этом во всём была некая неловкость... Внутри Саркиса был лишь стержень, сила и сталь в груди... Тот самый недостающий огонь потух давным-давно ещё в тот страшный день. День, когда Эдем в один миг стал далёким и чужим, а братья начали бороться за свои угасающие жизни... Ни единого ощущения. Лишь только сталь и непоколебимость.

Зубы мага громко скрипнули, высекая ярко играющие в воздухе искры. Пламенный меч взлетел как птица и рухнул вниз, разделив тело неожиданно попавшегося муравья на две ровные половинки. Первая кровь брызнула на землю, заставив даже предводителя нервно

задёргать глазом.

— С тобой точно что-то не так, маг. Словно ты не человек. Я чувствую в тебе лишь гнев... Но это гнев не на нас, и не на этот город...

— Захлопни пасть! Только и знаешь, что болтать. Лучше бы показал мне, на что способен лучший отряд муравьиных стражников этого прогнившего городка!

Насекомые были готовы на всё, в том числе и на побег. Жалеть Саркис не умел и муравьи прекрасно чувствовали и понимали этот страшный факт. Чёрный богатырь и вправду был похож на опору, на стальную трость, на холоднокровного бойца в котором явно было убито всё человеческое. Но даже эта общая мысль не могла позволить насекомым опустить своё оружие. Острые пики были напрямую направлены в гордую выпяченную грудь, а сетчатые глаза следили за гневливо танцующим огнём.

Слова уже были бесполезны и муравьиный лидер прекрасно это осознал. Никакое слово или коленопреклонённая мольба не смогли бы остановить этого мага. Муравей грустно улыбнулся своим мыслям.

«Я ждал его. Ждал того, в ком сила будет столь велика... Пробил ли час?» — муравей улыбался. В его тонкой руке возник топор, лезвие которого отражало серое унылое небо, границами которого был созданный Мартеном магический барьер.

Пламенный меч зашипел, пролетел долгую дугу и разрубил подвернувшееся хитиновое тельце. Ещё одна кровь забрезжила из открывшейся раны и хлестнула прямо на щеку следующего насекомого.

Кровавая мясорубка подле средневекового замка начала свой ход, разбавив угнетающие хмарные серые краски обречённого Чёрного города, что казался мрачным пятном на теле и так искажённого больного мирка.

Кудри скатились по щекам и они неистово зачесались. Комната была по-прежнему тиха. Только сухой некромант покинул покои Демьяна, как спокойствие снова ворвалось в эти позолоченные стены.

Демьян никогда в своей жизни не чувствовал такой уверенности и, непонятно откуда взявшейся, невероятной силы, что была готова разорвать тело, как нож масло. Но ни куда деть силу, ни как её использовать маг не знал. Он банально не мог совладать с ударившими в голову новыми ощущениями. По этой же причине он привалился на мягкую зелёную спинку и сильнее вжался в скрипящие деревянные подлокотники, отражающие в себе яркие атмосферные свечи и их нежный ласкающий свет.

Очередная песчинка на теле мира, мелкая и незначительная. Настоящий ураган в окружении четырёх стен и плавающими внутри них спокойствию и тишине.

«Сейчас нельзя поступать безрассудно. Наверняка Саркис скоро придёт и я опять смогу прятаться за его могучей спиной...» — сжатая рука дрогнула и опустилась вниз, заставив подлокотник по-деревянному истошно завопить.

— Кому я вру? Что-то внутри меня не так. Я готов рвать и рвать. И Эрика, и его некромантов, и этих насекомых... На это меня побуждают эмоции? Это они помогают мне забыть себя самого и стать таким сосудом для веры, непоколебимости и силы? — руки Демьяна сжимались и разжимались, двигаясь быстрее атомов. Гнев и неожиданная инородная смелость тщились поскорее вырваться из тела и показать свою истинную разрушительную мощь.

— Я не такой... Я всё о себе знаю. Трус, балбес и слюнтяй, мало чего добившийся в

жизни... Неужели на меня так влияет нечто незримое, которое даже увидеть нельзя, ни то что потрогать? Мною управляет какое-то нечто. Что-то, чем я не являюсь...

Такую силу, волю и мощь Демьян не чувствовал никогда. Сердце болело от частых грустных видений с матерью, ещё больше подстёгивая мага нервно сидеть в кресле, в попытках обуздать неожиданно проснувшегося и стремящегося выйти наружу внутреннего демона.

— Он заплатит... Заплатит, клянусь! — копившаяся злость сдавливала виски, а тело было готово загореться ярким танцующим огнём. — Я прикончу его лично. За маму, за отца, за бездарно потраченный амулет, за свою никчёмную жизнь и судьбу... Я уничтожу Мартена! Уничтожу и его величество, и весь этот серый прогнивший город!..

Слёзы сами брызнули из уголков глаз, заставив Демьяна злобно скорчить лицо. Буря внутри не унималась. Она всё бушевала и бушевала, норовя вырваться из заточения и обрушить свою неизведанную непредсказуемую силу на головы виновных людей. И никакие мысли о добре и зле не могли унять бешенный поток эмоций, раздирающий и разрушающий тело мага.

В конце концов, кудрявый паренёк был лишь обычным слабым человечком, внутри которого не было ни стали, ни силы. Именно слабость и была причиной начавшейся страшной бури...

— Спокойствие... Спокойствие... Я должен относиться к этому не так серьёзно. Ведь я прекрасно понимаю, что Демьян не то существо, которое горит от гнева, отбрасывает всё человеческое и рвёт жертв на мелкие неразборчивые куски... Однако чёрт! Я не могу справиться! Я не могу! Всё так плохо и ужасно! Правительство Чёрного города... Да я же их ненавижу! Всех!

Демьян злобно подпрыгнул, заставив кресло болванчиком свалиться на облицованный мрамором пол. Маг рвал на себе волосы, прыгал и кричал, выплёскивая всё то, что копилось в нём почти с рождения. Всё то отвращение, всю ту злобу, боль и ненависть...

— Я ненавижу тебя, Мартен! — голова заболела пуще прежнего, а лоб горел, будто опалённый пламенем. — Мир так ужасен и плох... Убить! Убить! Убить! Лишь в этом выход! Он забрал и моих родителей, и жизни ещё многих людей... Такая тварь не может жить в своё удовольствие. Я лично разорву его ничтожное гадское тело!

Буря стала только сильнее, а из всех пор будто выступал густой серый дым. Всё тело было под контролем чувств и эмоций, и отныне оно не было Демьяном. Только начавший рождение стержень не мог долго сдерживать глубинную вырывающуюся на волю суть этого человека. И эта суть не могла не пробудиться. То был лишь вопрос времени.

Демьян был полон энергией. Его тело только и ждало момента, когда можно будет выплеснуть всю эту инородную силу и мощь. Голову опоясала жгучая боль. А на лбу аккуратно родился небольшой холмик. Дело оставалось за малым! Что-то рождалось, и рождалось быстрее прогнозов самого Эрика Мартена!

Меч с шипением опустился вниз, незаметно пройдя сквозь, кажущуюся неприступной, замковую стену. Пламя потекло вниз, а из длинной расщелины повалил густой дым.

Средневековый замок гордо высился над Саркисом, будто надеясь на пощаду. Но ничего кроме штурма и разрушения от эдемского мага и ждать не приходилось...

«Надеюсь, Демьян хоть что-то да узнал. Я уверен в том, что он очень нужен и важен для Мартена. В противном случае... вся моя теория обречена на полный бесповоротный провал»

Меч плавно вышел из раны на гордом старом замковом теле. Каменная крошка, будто праздничный салют, разлетелась во все стороны, имитируя скорую участь одной из самых прекрасных построек посреди умирающего, еле дышащего города.

— Ну что ж. Хватит булки мять. Обстановка ясна, известна и ужасна. Враг не изучен, но изучен и не будет. Нужно действовать здесь и сейчас, без каких-либо промедлений! — голос Саркиса горел от волнения. Его руки давно чесались, а стальной стержень требовал боя.

Меч обрушился на растерзанную стену и на сей раз та рухнула, пав буквально со второго удара. Дымное облако, словно невесомая птица, взлетело кверху, оставив раскрытый зев, похожий на забастую пасть, увеличиваться и увеличиваться, теряя драгоценные древние кирпичи. Замок обваливался камень за камнем, не выдерживая закрученных взмахов лихого меча. Петля за петлёй, меч крутился и крутился, больше напоминая неистовый огненный вихрь, после которого оставались только руины, горящие апартаменты, кирпичи, жирно обмазанные огнём, и чернеющие остатки золотого убранства. Только вот это всё оставалось за вытянутой по струнке спиной эдемского мага. Смерть и разрушение... Без чувств и сожалений маг крушил и крушил, являя собой не просто огненный всепожирающий вихрь, а плотное торнадо, готовое сравнять с землёй не столько величественный замок, сколько весь Чёрный город, с его пеплом, копотью, серостью, гнилью, прогнившими вождями, рабами и демонами.

Меч вливался в воздух, делался его частью, буквально петля из стороны в сторону, забирая с собой и дорогие ковры, и позолоту, и мраморные стены, словно карточный домик рушащиеся от одного прикосновения диковинного меча. И Саркиса не интересовала осторожность. Он шёл напролом, так как знал, что уже давно...

Пара взмахов и всё было окончено. Гобелен лежал в обнимку с танцующим пламенем, осколки люстры таинственно блестели в ярких оранжевых отсветах, даже пол, такой дорогой и внушающий уважение, сейчас был выдернут и распотрошен, словно жертва маньяка.

В одночасье первый этаж замка превратился в гиблое воспоминание. И ради чего... Даже при наличии тут людей, Саркис и не думал останавливаться. Будто холодная расчётная машина, он прорывался и прорывался, без суда и следствия разрушая всё вокруг.

— Это действительно я? Разрушение, опустошение... Я никогда не хотел таким быть. Моя воля и сила должны были идти во благо, я мечтал вкладывать в это во всё какой-то смысл или искреннее чувство... То, что происходит сейчас — моих рук дело. — меч испарился в окружении хаоса и разрухи. Саркис смотрел на эти дрожащие беспощадные руки. Дрожащие от ненависти к себе. От единственной эмоции, которую он был способен понять и принять. — Я — монстр. Холодный и расчётливый. Я не должен убегать от этого страшного знания. Я никогда не стану Демиургом... Вот чёрт! — богатырь топнул ногой, заставив окна наконец прекратить борьбу и разбиться вдребезги, открывая безбилетный проход ветру, нагрянувшему на серую хмарь и опустошённый парадный вход.

Окна разбились, как и план Саркиса встретиться с Демьяном. Всё было напрасно. Маня кудрявого друга не чувствовалась ни на одном из этажей. Всё было не как раньше. Демьяна здесь уже не было.

— Как я мог так припоздниться? Не стоило тогда уничтожать такое царское убранство... Ну вот не может всё пойти как задумывалось. Обязательно что-то и как-то... Демиург, я близок к тебе как никогда. — сухие волчьи глаза окидывали ад, что простирался по всей территории первого этажа. Это были руины — его руины. Руины, созданные его волей, силой и руками. — Я встречу с Мартеном. Осталось не так долго. Мы ещё

повоюем! — взбодрился маг, топчя своими чёрными блестящими ботинками разруху первого этажа. — Осталось не столь много. Я прав, Маврикий?

Глава муравьиной стражи припал на колени, а остальные муравьиные рабы последовали примеру своего лидера. Ни одного дрожащего, ни одного сомневающегося.

Маврикий поднял свои сетчатые глаза, в которых угадывалась надежда и вера:

— Всё это время мы ждали лишь тебя и уже давно готовы к походу. Веди нас, эдемский маг, сын бога на земле! — провозгласил муравей, услышав одобрительно-ликующий вой своей личной муравьиной гвардии.

Они все склонили головы. Все вместе, весело и дружно восхваляя священное имя новообретенного друга.

Гриву Саркиса подхватил небольшой ветерок, что еле-еле просачивался сквозь плотный серый барьер, служивший тут самым настоящим небом. Сейчас маг выглядел так величественно и так статно, что каждый из муравьёв с трепетом опустил взгляд на пыльную землю, не в силах обратить свой взор на того, кого они ждали много-много лет.

— Маврикий, почему вы все сдались, только увидев парочку моих слабых ударов? Вы трусы или вправду надеялись встретить кого-то, кто мог бы быть так же силён и смел, как я?

Муравей потрагивал витые усы, а его лапки с трепетом дрожали:

— Мы столько лет верили в спасение... Кажется, будто мы смелые воины, блестяще справляющиеся со своими обязанностями, но на самом деле каждый из нас лишь заложник в лапах врага. Мы пленники этого мира, который нас изуродовал до такой степени... Это магия... Это она сделала нас такими. — Маврикий смотрел на своё хитиновое тело, неистово дёргал усы и проклинал самого себя за столь ужасное положение. Однако в его гигантских глазах не было ни слезинки. Они были суше и знойнее пустыни. — Мы хотим идти за тобой. Наше рабское начало выбрало твою силу, мощь и стать. Прими нас в свои ряды и позволь хоть раз почувствовать свободу, развязанные руки и радость от смерти злейших врагов!

Муравьи стихли, покорно склоняя головы к заражённой смертью земле, которую они сами и изуродовали. Но они точно понимали собственную вину и признавали её. И в этом раболепном жесте насекомые словно извинялись перед городом, который они собственными руками превратили в пепел и прах давно минувшей прекрасной жизни.

— Земля сама превратила нас в таких отвратительных созданий. Мы родились в самой глубине мира, магия нас не пощадила, из людей потихоньку делая вот такими страшными монстрами. Хоть мир нас и покалечил, мы не собираемся мстить ему, следуя идеологии Мартена. Наша цель в другом и, надеюсь, она совпадает с вашей. — игриво по-доброму промурлыкал муравей. Его глаза говорили правду, к которой им пришлось смириться, хоть это было и тяжело.

— А вы стойкие, однако. — ботинки Саркиса шумно ходили взад-вперёд, сам же маг взялся за подбородок, о чём-то раздумывая и приходя к каким-то своим выводам. — Отринули ненависть, злость, отринули те чувства, что ведут к разрушению и смертям, даже несмотря на лишение облика людей и прекращение дальнейшей людской жизни. — эдемскому магу явно нравилось рассуждать вслух, что он не приминул продемонстрировать перед бывшими стражниками королевства, с любовью построенного Эриком Мартеном. — Вы не такие трусливые комки дерьма, как жители этого города! Потому можете смело идти к цели, без зазрения совести и боязни шагая за моими богатырскими плечами!

Дружно-ликующий вой взмыл над горевшим, изрядно почерневшим и развалившимся замком. Каждый муравей хлопал в ладоши, кто-то искренне улыбался, а были и такие, что смахивали привычные людям голубые слёзы.

— Стойкости вам не занимать, ребята! Вы потеряли всё, но не лишились головы окончательно. Вы подчинились Мартену, но помнили о своей испорченной жизни. Вы никогда не забывали о том, что вы — самые настоящие живые люди! — вой взмыл ещё

сильнее, вихрясь и вздымаясь над умирающим городком. — Маврикий, ты готов идти вперёд, не взирая на те трудности и лишения, ждущие всех нас впереди?

Тишина неожиданно накрыла толпу кланяющихся муравьёв. Где-то с краю чёрной поляны ничком лежали несколько трупов им подобных, покрошенных в тонкую капусту, но никто и глазом не пошевелил в их сторону. Насекомые, что раньше были обычными людьми, такими как все остальные в этом мире, увидели в эдемском маге ту силу, мощь и статью, которую они ждали столько лет.

— Мы готовы не сейчас и не вчера, мы готовы всю свою жизнь. Давай держать оружие вместе. Давай сделаем оружием единым и как можно более разящим. Слава свободе и добру! — ликующие крики, казалось, могли достигнуть краёв этого города. Громкие, звенящие и невероятно взывающие к сердцам.

Саркис улыбнулся, внезапно ощущая сосущую душевную пустоту, поднял посох высоко над головой, заставив навершие засветиться мягким синим светом, а пыль начать раступаться пред летящим в землю фиолетовым посошком.

В следующее мгновение земля содрогнулась, словно мышца от судороги, и истошно завопила, всё больше напоминая умирающего зверя. Посох был опущен, словно занавес ужасному сатанистскому режиму, царившему в этом отрезанном от мира оплоте зла.

Струйка льда, будто прозорливая ящерица, юрко пустилась к замку. Как только её острый холодный конец коснулся горящих чернеющих стен первого этажа, всё строение начал охватывать мороз. Снежная пурга налетела как тайфун, облачая старое здание в свою непробиваемую броню. Сантиметр за сантиметром покосившееся, но ещё держащееся на ногах гордое здание превращалось в неестественный айсберг посреди чёрного моря. И как только ледяные цепкие лапы коснулись красного щербатого шпиля...

— Мы вместе изничтожим эту рану на теле мира! Мы сможем сделать то, что боялись остальные! Мы излечим то, что было создано самим Богом!

Шпиль сковало полностью, не оставив и сантиметра живого места. Снежинки кружились вокруг него, крича о победе этой уничтожительной природной стихии.

— Да возрадуется отец мой, да увидит он спасителей его даров! — крикнул эдемский маг, совершенно не думая о своих словах, что по началу он планировал держать ото всех в тайне.

Айсберг треснул и стал расходиться в стороны, разрушая всё, что было им с аппетитом проглочено. Стены искрошились в мелкую крошку, а сейчас летели вниз вперемежку с искрящимся льдом. Пара секунд и замок потонул в морозно-пыльном облаке, превратившись в грязную противную гору. Вся мебель, все доспехи, все окна, шторы и позолота оказались уничтожены одной банальной не сложной атакой.

Саркис залихватски присвистнул, покачивая головой в сторону бывшего замка:

— Так мы поступим в отношении этих маньяков. Никогда не сдавайтесь, а сердца оставьте верными своему делу!

Армия медленно потекла вперёд, оставляя за собой видимый бороздящий след, эхо бравой песни и груды обломков, поблёскивающих позолотой и укрытых белым пушистым снегом.

Его глаза разомкнулись позднее, чем он пришёл в себя. Переход сквозь пространство не мог так легко даваться обычному магу со средним уровнем маны внутри.

Вокруг было на удивление тихо, хоть уши изредка улавливали посторонние

восторженные вскрики и жёсткие хлопки. Однако все эти звуки были точно где-то в глубине, под толщей чёрной больной городской земли.

Вялый расплывающийся взгляд был прикован к далёкому купольному потолку, в центре которого покоилась явно дорогая роскошная лампа, подобную которой Демьян уже лицезрел в средневековом покосившемся замке.

— Вот чёрт! Как же болит голова... — если бы Демьян коснулся той самой дико ноющей и болящей точки, то с удивлением бы нащупал нечто острое. Острое и страшное. Нащупал бы то, что находится там попросту не могло. Нащупал бы прорезавший кожу и быстро растущий молодой чёрный рог, покрытый лёгкой корочкой спёкшейся крови.

Вторая половина лба уже начинала надуваться и превращаться в огромный жирный холм, из которого обязан был родиться такой же острый уродливый рог.

«Я... Я выдержал этот перелёт... Пространство пыталось отторгнуть меня... однако... я выстоял против этой силы. Та магичка... она сильна и опасна. Не так, как сухой некромастер дед...»

Парой часов ранее...

Он был удивлён, когда встретил шикарную широкобёдрую девицу, молоденькую как яблоко, румяную как ягоду. Единственное, что насторожило Демьяна — она была мертва и не жива, как фарфоровая кукла. За всеми её красками, пышностями и улыбками скрывалось её истинное «я».

— Ты же мёртвая, да? — прямо и уверенно спросил Демьян, не заботясь об улыбке молодой девушки, что не замедлила заменить на недвижимую безразличную маску.

— Мне говорили, ты гораздо трусливее и запуганнее... Вероятно, Эрик не на те рассчитывал.

Маг был даже польщён. Он действительно не дрожал пред врагом. Первый раз в жизни он не дрогнул, не побоялся и не отступил. Это была его первая победа, одержанная над своим пугливым началом.

— Нельзя быть ни в чём уверенным. Особенно если ты надеешься на слабость и робость врага. — кудрявый маг изменился. Если б его увидел Саркис, то он тут же бы улыбнулся, посмотрел на друга как на героя, положил горячую ладонь на голову и приправил бы это словами: «Дави эту вражескую тварь!»

Большебёдрая и довольно грудастая деваха не торопила события, внимательно осматривая совершенно привольно сидящего на стуле мага. Она давно заметила и внезапную смелость, взявшуюся будто бы из ниоткуда, и его достаточно вольные смелые слова.

«Она точно не живая... Хоть груди и движутся синхронно со стуком сердца, она давно мертва. Я это вижу и чувствую...»

Сама же девушка, как магу неожиданно показалось, и не собиралась общаться. Она пришла сюда с миссией и определённым заданием, однако...

— Демьян, да? А ты проницателен и умён. — она мурлыкала, словно кошка, а её улыбка манила к себе и была готова пленить даже самого равнодушного. — Уверенный в себе и острый на язык — не так тебя описывал Мартен. Совсем не так. — груди колыхнулись, а руки вспороли воздух, готовые к невиданной волшбе. — Ты никогда не мечтал вот так просто оказаться в любом месте? Буквально по щелчку пальца, по мановению мысли?

«К чему она это вообще сказала? Может это был намёк на её последующие действия? Тогда...»

Демьян даже и не пытался найти ответ. Он знал, что вопрос был больше риторический и

вряд ли на него стоило тратить своё время. Она сделает то, зачем пришла. Непременно выполнит задание, данное ей хозяином.

Тем временем воздух вокруг её тонких ласковых ладошек завибрировал, резко втянулся в одну точку и вспыхнул мерным голубым пламенем. Волна потраченной манны рухнула Демьяну прямо в лицо, а стул сорвался и отлетел, заставив мага плюхнуться прямо на пятую точку.

Объятый пламенем воздушный поток сорвался с ладоней и помчался по всей границе дорого убранных замковых покой.

Голубой огонь шипел и поглощал всё больше и больше, заставляя коленки Демьяна тут же нервничать заходить то туда, то сюда.

— Что... Что это такое?! — недоумённо воскликнул маг, поперхнувшись и принявшись продолжать смотреть на голубую свистопляску. Золото, ковёр, окна — всё это было моментально выжжено голубым диким огнём.

— Тебе действительно хочется знать? Не мечтал бы ты остаться здесь, в тепле и уюте, да с подушкой на кровати? — деваха явно издевалась и из каждого её слова сочился тонкий, но от этого не менее опасный, яд.

— Всё о чём я мечтаю, по возможности присущее моим силам и среднему количеству маны, оказывается в моих руках тогда, когда я того хочу. Не смей шутить тут шутки, некромантка хренова. — от слов Демьяна лицо девушки округлилось, как и глаза, а чёрные волосы распустились, превращая её в ещё большую красавицу. Она явно не ожидала от какого-то сопляка такой дерзости.

Огонь взъярился и словно лев, рычащий и скалящий свои зубы, набросился на центр покой. Всё вокруг затопил магический инородный свет. Вспышка озарила комнату, а в следующее мгновение, проведённое в невиданном разрывающем всё тело полёте, уши мага заложило окончательно, а зрение потухло, будто светильник перед сном.

Больше он её не видел. С ним осталась лишь боль, ломота во всём теле, и, самую малость, неуверенность в собственных силах. От недавней бури остался лишь слабый ветерок. Однако душа по-прежнему горела, а руки чесались, надеясь встретиться с мордой этого урода.

— Эрик... М-мартен... — открыл рот Демьян, с удивлением подметив хриплость и глухость собственного голоса. — Я д-доберусь... до т-тебя.

Тем временем вокруг всё было тихо, мирно и, на удивление, по-домашнему уютно. Даже изредка прорывающиеся сквозь мертвенную тишь хлопки и улюлюканья не могли разрушить ту неповторимую добрую атмосферу.

— Какая... д-добрая. О чём я... Это же ведь оплот врага... Я не должен позволять с-себя обманывать... — маг сглотнул, наконец до самого конца разомкнув свои уставшие от всего этого ужаса карие глаза.

Зрение более не размывалось, а напротив адекватно фокусировалось. Это был первый звонок для того, чтобы наконец собраться с силами, мыслями и встать на ноги.

Руки, об которые он предпринял попытку опереться, ощущались разбитыми и уставшими. При любом действии они мечтали завалиться обратно, никого не слушая, ничего не желая. Ноги так же как и руки мечтали лишь об отдыхе.

«Проклятье. Надо придти в себя и, желательно, как можно скорее. Я не могу быть уверенным ни в своей безопасности, ни в месте, где оказался. Я даже не знаю где я!..» — удивился Демьян, со внезапным рвением совершив рывок и встав на подгибающиеся

болящие ноги. — «Как же кружиться голова... Да и мышцам ног пришлось не сладко. Конечно, это вам не цветы поливать. Это сквозь пространство летать» — заключил маг, принявшись озираться по сторонам.

Выглядел он как изрядно выпивший бомжила, но ничего пока что поделать со своим телом он не мог. Вокруг было всё чисто и привольно. Вдоль стен уверенно стояли длинные диваны, изукрашенные, как и водится у аристократов, позолотой и красной тканью; в углу пристроилась белоснежная кровать, над которой высился увесистый балдахин; на блестящем чёрно-белом полу не было ни пылинки. Покои и на этот раз оказались прекрасны, чисты и грациозны.

— Неплохо поживает этот урод. — сквозь зубы прошипел Демьян. — Для людей — чёрные высокие безвкусные саркофаги, лишь отдалённо напоминающие дома, для себя — дворцы, крепости и деревянные башни... Как же он низок и мерзок.

Шатающиеся и раздираемые от боли ноги еле двигались вперёд, то и дело намереваясь поскорее свалиться оземь. Эхо гулко отскакивало от купола, но мага сейчас волновало не это. Его взор был устремлён вперёд. Вдаль, где гордой стеной высились огромные чугунные ворота.

Что-то в животе йокнуло, заболело, скрутило.

«Может... Враг впереди? Может, мне стоит готовиться к битве?» — руки снова задрожали, как в старые добрые времена. Голова втянулась в плечи, а спина сгорбилась, превращая гордого смелого мага в горбатое чудовище. «Ничегошеньки я не изменился... Всё тот же старый добрый трясущийся дурень» — отчасти с любовью подумал молодой кудрявый парень.

Магия, что просачивалась сквозь створки, была необычайно сильна и инородна. Аж пробирала до мелких мурашек, касаясь своими бесплотными руками даже костей.

Этот ход был единственно верным и правильным. Это был тот ход, ради которого он позволил избить свою любимую тётю и сдаться в руки отвратительному врагу. Демьян делал всё лишь бы сюда добраться. И теперь истинный враг, его главная цель была буквально в паре метров.

«Неужто я осмелюсь? Пойду один, голый, без какой-либо поддержки, с твёрдой решимостью, с виду напоминая деревенского лоха, дурака и самоубийцу?» — волнение было меньше, чем всегда, но сердце всё же находило силы биться чаще обычного.

Чугунные ворота были величественны и внушали праведный ужас. Выгравированные на них картины пытались испугать, усомнить, заставить сверкать прятками. И Демьян лишь в последний момент заметил на этих барельефах символ Чёрного Града — рогатого черта, которому поклонялись все в церкви Сатаны. Которому поклонялись все в этом проклятом, Богом забытом городе, которому Мартен и его прихвостни отдавали честь и всеразличные почести, для которого они целовали его символы и его же чёрные иконы...

Над воротами, незаметно и коварно, висела небольшая, да и что тут греха таить, не достаточно подробная карта. Больше схема, нарисованная кое-как и от руки. Оборванный по краям кусочек бумаги, окружённый мягкими золотыми водами царских обоев — самое настоящее сокровище Церкви Сатаны. Легендарная схема плана, что смогли осуществить здесь много лет назад.

Глаза мага полезли на лоб, убивая даже ту решимость, что теплилась в сердце Демьяна.

— Боже... Что это всё значит? Что вообще здесь происходит? Я... Я ничего не понимаю. — мана пока ещё незримого врага сквозь ворота по-прежнему била об

шатающееся тело кудрявого мага, однако сейчас эти волны, пару мгновений назад кажущиеся не сильными и вполне себе не злобными, будто бы издевались, смеялись, плевали в лицо и надеялись уничтожить ещё до открытия дрожащим магом непосредственно самих врат.

— Этого... Не может быть... Саркис, он должен знать! — отчаянно закричал маг, в панике принявшись махать руками да братья за болящую, ноющую и нестерпимо раскалывающуюся голову, которую отныне украшал чёрный, едва прорезавшийся, но уже крепкий страшный рог. — Он должен это видеть... Вот чем они занимались столько лет!

Решимость, будто затухающая свечка, всё ещё теплилась, но дующий прямо на неё ветер был свирепее, мощнее и коварнее.

Эти слова, накарябанные на старой ветхой бумаге, эти линии и пояснения...

Шаг за шагом Демьян стал отходить от ворот, раскрыв рот как рыба и пытаясь хоть как-то придти в чувство.

— Мы с ним не справимся... Нам не одолеть всё то, что поселилось здесь...

Сердце скрипело, а рука злобно громыхнула об грудь. Он же не должен был отступать... Его родители бы этого не оценили. Они умирали в мучениях, надеялись, что сын придёт и непременно спасёт их. Однако он не успел, бросил, обесчестил себя и дал родным умереть в муках и ужасах.

— Если б не они, то где был бы я? Такой ничтожный, жалкий и смешной! — сжатые кулаки закрипели, словно не смазанные маслом. — Я использовал амулет, что берёт много лет, я прошёл сквозь призрачный лес, призраков, их королеву и повидал множество других ужасов. Я видел статную гордую фигуру Саркиса, что идёт лишь напролом и непременно добивается своих целей. Неужели я так и не поменялся, пройдя сквозь всё это? Неужели я отступлю? Люди остаются такими какие они есть, или же...?

Дрожь всё ещё встряхивала всё его тело, но он не обращал на это внимание; ноги не хотели, но он всё равно шёл; сердце говорило одно, а тело мечтало о другом...

Демьян всё же отходил от чугунных ворот, так и оставшись трусом, который боится за свою жизнь больше, чем за жизни других. Который любит и ставит себя выше всяческих людей, даже выше собственных родных и близких.

Однако и в его жизни кое-что поменялось. Он понял, что на деле обычная самовлюблённая тряпка, для которой нет ничего любимого, святого и ценного.

— Каждый должен идти по своему пути, по пути, который предначертан судьбою. Даже если ты сильно хочешь кем-то стать — твоя обязанность понять, а можешь ли ты как остальные? Вот могу ли я, как Саркис? — неожиданная улыбка дрогнула на лице мага. — Я давно всё решил. И я обещал родителям... Чёрт, я обещал своей несчастной матери доказать, что её жизнь прошла не зря! — маг развернулся, закрыл глаза и побежал. Сквозь всю залу, обратно к воротам. — Мама, папа, вы же это видите? Мне всё равно и на себя, и на свою жизнь. Я готов пожертвовать всем за честь, справедливость и добро. Мартен — ты будешь жалеть, что не сдох ещё давно, когда тебе позволяла этот исход сама жизнь.

Ноги Демьяна в высоком прыжке вонзились в ворота, заставив те с грохотом распахнуться. А сам маг побежал дальше, оставив позади даже прибитую над воротами схему. Схему, что создала всё это царство. Схему, что наяву смогла воссоздать душу Эрика Мартена — единственного безумного правителя сей территории.

Шаги стихали, стихали, пока вовсе не стихли. И тогда настала тишина...

Маврикий шёл вровень с эдемским магом, не уступая ему ни в скорости, ни в величии.

— Вот как оно произошло... Почему вы позволяли вовлекать себя во всё это? — сурово спросил Саркис.

Муравей немного приуныл, устремив взгляд в чёрный монотонный ковёр, называвшийся в этом городе землёй.

Помолчав, он всё же ответил:

— Разве у нас был выбор? Мы обычные трусливые существа. Мы не могли идти один на один против той силы, что сильнее всех нас вместе взятых минимум в сто раз. Как главнокомандующий, я не мог бросать своих людей на верную гибель... Может это и было нашей ошибкой. Я ничего не отрицаю и не стараюсь сделать из нас каких-либо святош... — грустный голос смолк, оставив Саркиса наедине со своим гулким топотом.

Позади стройным маршем шло остальное войско. Пара насекомых гордо воздели над головами пару ободряющих флагов, с которых улыбался Эрик, весь склизкий, чёрный и грязный, в окружении сжигающего всё его тело адском пламени. Муравьи, было видно, из всех сил готовились к этому дню, в тайне сотворив всю символику своего неумолимо приближающегося восстания.

Сотни ног гулко били по земле, а воинственный общий гул воспарил над войском, словно птица феникс. Со всех сторон к нему сходилось всё больше муравьиных воителей, что с яростью принимались махать оружием, скандировать «Смерть Мартену», и продолжать кричать по всей окрестности, созывая всё больше и больше тех, кто многие годы был рабом и горбатил спины на обогащение и счастье злобных убийц и мучителей. Они прогибались, терпели и унижались. Они молились, мечтали и в тайне точили свои мечи войны. И каждый из них помнил, как проклятье Нижнего мира, невидимая субстанция, прозываемая магией, разрушала и преображала его плоть, видоизменяла её, превращая каждого из них в ужасного монстра.

— Он клялся, что новая Церковь — Церковь Сатаны — искоренит магию из нашего мира, лишит всех нас этих страданий и наказаний... К пустослову Эрику у меня лишь один вопрос — как можно идти к непроходимому пути без магии, активно используя её и всячески поощряя на своей территории разные заклинания и новые магические формулы? Он врал нам, он врал себе, он врёт всему миру. Никого он не собирается спасти от этого страшного Божьего наказания, от этой проклятой магии. Вся его Мартенская идеология не более чем слова, созданные для якобы различий от гнусной по его мнению Церкви Господа... На деле Церковь Мартена не имеет какой-либо разницы между противоположной ей идеологией, что активно скандирует «хвала магии», «спасибо Господу» и прочее. Как же глуп и ужасен этот мир... Тьфу, и как я мог изначально верить настолько гнусному самовлюблённому и обиженному на весь мир мальчишке? — досадно бросил Маврикий, возвращая эдемского мага обратно в реальность.

— То что ты сказал — это правда? — Саркис нахмурил брови, явно о чём-то призадумавшись.

Гул становился только громче, но не для мага. В его мыслях сию минуту было нечто иное, более важное и значимое.

Маврикий, казалось, тоже весь поддался тем самым думам:

— Конечно правда, главнокомандующий. Я бы не стал врать своему спасителю, который должно нам же послужить опорой в грядущей войне.

Саркис кивнул, задумчиво, но беспрестанно посматривая вдаль, где непрерывающейся грядой тянулись линии деревянных башен, что стояли вокруг города словно крепкий надёжный забор.

— Эта земля, укрытая чёрной плотной коркой; эти люди, носящие на своих плечах склизких глазастых демонов; эти муравейники, в которых могут жить только лишь отбитые ненормальные любители рабства, обречённости и ужаса... Всё это не могло родиться даже на самой грешной и ужасной земле. Было ясно с самого начала, что природа этого ужаса лежит далеко не здесь...

— Да... — задумчиво подтвердил Маврикий, грустно склонив голову. Винил себя, винил. — И, что самое главное, я лично был участником этого безумия. Даже больше. Я был одним из его создателей.

— Ты же раскаиваешься, так ведь?

Муравей поднял на мага глаза, наполненные болью и скорбью:

— Никакое раскаяние не повернёт время вспять. Всё давно сделано и давно уже подчинено. Людей Мартен превратил (в лучшем случае назову это) зомби. Сам город — это один большой тёмный котёл, дурно пахнущий отбросами, копотью и пылью. Адское пламя, что сжигает этот котёл — наши общие грехи. В эту победу грехов внесена лепта каждого из нас, как бы грустно и честно это ни звучало. Однако... Мы хотим покончить со всем этим и постараться помочь людям, что попали в прочную и неразрушимую клетку... Мы хотим сделать всё, чтобы доказать неправильность поступков Эрика и каждого из нас.

— Смерть Мартену! Смерть Мартену! Смерть врагу! Смерть врагу! — скандировала марширующая толпа, над которой высилось по меньшей мере шесть флагов. — Смерть врагу! Смерть врагу!

— Мдэ... Вы небось жили с думами об этом дне? С надеждой, что когда-нибудь ваш стройный марш обретёт жизнь? — произнёс Саркис, погружённый в свои мысли, как ложка в чай. Картина начинала складываться. Хоть и с мелкими трещинками и прорехами...

— Мы не просто надеялись. Мы знали, что рано или поздно Бог прекратит смотреть на этот ужас и ад. Все они... Всё это правительство давно показало, каковы их ценности и верования. Рабство, умерщвления, ложь, нищета, полная безоговорочная власть и тот самый страшный и ужасный грех на свете... Мне так стыдно что я был с ними всё это время... — Маврикий, казалось, был готов удариться в слёзы. Его глаза были влажны, а голос начал предательски дрожать.

— Ох, как же хорошо, что я покинул Эдем... Как бы я сейчас смотрел в глаза отцу, ощущая, как под прекрасными божественными садами наказанные, изгнанные и верящие в свою правду люди начинают творить на последней данной им для жизни земле вещи, что даже в аду никто бы не осмелился сделать... Неужели природа людей настолько ужасна? Неужели им надо так много? Власть, самовлюблённость, эгоизм и жадность — вот ради чего Демидург попал на эту землю.

Эти деревянные башни... Они привлекли внимание двух магов ещё тогда, когда они только вторглись в этот закрытый ото всех город. Башни, отстроенные по одной и той же схеме, составленные изящно и точно, без единой ошибки, срубленные как надо, безо всяких прорех и трещин.

— Мы с Демьяном и подумать тогда не могли, что эта конструкция может служить не

для самой банальной оборонной функции. Нам казалось, что именно с этих деревянных, свежих на вид и на запах, бастионов должен вестись огонь по внезапным, появившимся из ниоткуда, безбашенным вторженцам. Неужели мы мыслили столь скучно и просто? Хотя вот так вот запросто такое и не измыслить, если уж говорить по сути...

— ...пять высоких жёлто-коричневых башен, соединённых между собой сплошным деревянным забором. С виду вся эта диковинная конструкция просто обязана служить для обороны от попавших вовнутрь города врагов, но на самом деле всё это тайная, даже для бестолковых жителей, форма древнего заклатья... Вы хоть сами в это верите или до конца не осознали весь абсурд сказанного его лживым тюремным преступным языком? По его мнению, никто-никто в мире не заметил настолько огромных магических возмущений, допустил начертание подземных скрещённых туннелей под Чёрным городом, позволил Мартену использовать эту пятизвёздную пентаграмму, естественно и всенепременно составленную из обычных с виду деревянных построек, и ко всему прочему дал возможность целому сонму демонов из ада ворваться в наш обычный спокойный мир без единого факта сего действия? Боже, это же абсурд! Просто абсурд! — почти обезумев прокричал мужчина под простым мешковатым капюшоном.

— И вы готовы поверить в это? — пробасил ещё один голос с другого конца круглого большого стола, на сей раз спокойно и совершенно без какой-либо нотки агрессии. — Мало ли что сказал полоумный дедок. Любое его слово на веру брать не следует. Пентаграммное заклатье требует исследования и доказательств... Хоть символ Сатаны и подходит для Церкви того города, вынужден признать... — скрупулёзно добавил мужчина в конце.

В гнетущей полутьме было видно разве что кружившую у потолка пыль. Вокруг зелёного добротного круглого стола, по краям изукрашенного, совершенно по-аристократски, в различные золотые завитушки и розочки, сидели четыре силуэта и на голову каждого был вздёрнут деревенский дешёвый капюшон. И лишь одного из них выдавал начертанный прямо на рукаве крест. Крест Бога. Крест того, кто явно был архимагом одной из башен Церкви Господа.

Дискуссия архимагов продолжалась:

— Преступнику Авиаду здесь верят единицы или я тогда не понимаю надетых на нас, противно воняющих и грязных деревенских балахонов. Мы точно не верим ему. Авиад попросту защищает свою шкуру, ведь не хочет вновь оказаться за решёткой. И стоит ли нам идти на штурм Цитадели Сатаны? Следует ли направлять туда войска, врывать вовнутрь города и нарушать устоявшийся миропорядок? — остальные фигуры молчали, а комнату окутывала завеса тишины и мрака. — Даже если он и использовал магическое заклатье Пентаграммы, разве нам не всё равно? Чёрный город погряз во тьме ещё года три назад, ничего уже не исправить. Церковь Сатаны как была, так отныне и будет существовать в таком виде, в каком существует по наши дни. Что думаете? — голос неизвестного говорящего, по ауре маны совершенно точно высокопоставленного архимага, под конец сей длинной речи всё же предательски задрожал. Каждый из сидящих за столом понимал важность сего события.

Последний из трёх магов, донельзя кажущийся со стороны важным и смелым, также вставил свою лепту:

— Авиад, этот гнусный предатель и преступник, ответственен за разрушение башни, за смерть одного из нас и, что нельзя забывать, около разрушенной башни мы смогли

обнаружить ману невероятной силы. Наверняка это был его сообщник, который и высвободил Авиада из подземной тюрьмы, в которую его заточили... Слава достопочтенному архимагу Дону. Он сражался с ними обоими достойно и храбро. Что же касается вопроса — слова заточённой ранее твари следует проверить. Игнорировать поздно да и в общем-то не нужно.

Три фигуры молчали и ждали. Слабый свет от горящих свечей разгонял тьму и дымку и, казалось, тоже ждал ответа от сидевшего выше остальных, более плечистого и важного архимага, что явно был главнее, сильнее и важнее остальных собравшихся вокруг зелёного, круглого, сверкающего от чистоты и белизны аристократичного стола.

После непродолжительного молчания ответ всё же последовал, хоть он и понравился далеко не всем:

— Я считаю, что нашей необходимостью является ввод войск на территории леса, восточных гор и Чёрного города, подконтрольных самопровозглашенному Сатанистскому режиму. — незримое несогласие вспорхнуло над столом собраний, однако на то оно и было незримым и молчаливым. Сейчас было не время для протестов, говорил самый важный и сильный маг в мире. И все его слушали, в тишине и почти в полной темноте. — Судя по донесению Авиада, в городе имели место быть преступления против человечности, с умерщвлением и издевательством над простыми горожанами, последующим открытием портала в ад и дальнейшим нашествием демонов. В связи с тем, что это может являться правдой, мы будем вынуждены направить башенных магов на атаку Церкви Сатаны. Хоть мы и боялись этого дня, ждать больше не зачем. Настало время решительных действий. И в случае правдивости слов Авиада ему будет даровано прощение всех преступлений и официальное членство в нашем собрании в качестве пятого башенного архимага. Вопрос закрыт!

Ответом главе собрания было мертвенное молчание и лишь шуршание балахонов было слышно в стенах сего укутанного тьмой зала.

Архимаги расходились, дабы вернуться на рабочие места и начать опасное и непредсказуемое наступление магов! То самое наступление, которого боялся весь цивилизованный магический мир!

«Неужели человеческий мозг может быть настолько извращённым? — думал Демьян, сбегая вниз по каменным ступеням и сдувая своими несущимися ногами всю вековую пыль и грязь, осевшую на редко используемой лесенке. — Ладно он погубил моих родителей, наверное так было предначертано свыше, но зачем нужно было делать всё это? Только больной человек мог это придумать. Пентаграмма, использующая пять невероятно жёстких магических оснований, которые сопрягаются друг с другом сквозь наполненные магией подземные туннели... Невозможное для многих магов мысль, что смогла родиться в голове Эрика Мартена... Он сделал это настолько идеально, что не потряс общий поток и порядок магии в мире, не вызвал и малейшего возмущения... Теперь стало понятно, почему Чёрный город и впрямь похож на оплот всего адского, мерзкого и ужасного, что только возможно в нашем брэнном мире...»

Думал Демьян, чувствуя, как дыхание не поспевает за несущимися вскачь ногами.

«Подменить земную твердь на кусок земли из самого ада... И ради чего? Целая схема, план, время, постройки, ресурсы и деньги... Он не пожалел никого и ничего... Просто, ни с того ни с сего, решил, что может взять на себя ответственность за участь целого огромного

города. Взял и превратил огромный процветающий мегаполис в пепелище... Уничтожил всё... Как наша Церковь может это выносить?...»

Парнишка слишком поздно понял, что мировое сообщество магов даже и предположить не могло, что же может скрываться за огородительными барьерами и всеми прочими оборонительными мерами Чёрного града! Об этом не знала ни одна живая душа в Нижнем мире! Да что там не знала, никто и не догадался!

Ноги прошлёпали ещё пару ступеней и внезапно остановились, как вкопано глядящие вперёд мангусты. Пещера дала себе волю закончиться зигзагообразным проходом, за которым Демьян явственно ощутил инородное биение... Магический стук... Проход был последней преградой на пути к убийцам его родителей и множества тысяч других простых людей, мечтающих прожить счастливую и незатейливую жизнь.

Убийца планов, жизней и городов.

Вор, подонок и лживый проходимец.

Уничтожитель, самопровозглашённый бог и каратель.

Обычный человек с непростой судьбой, но обидой на весь мир — Эрик Мартен!

Гнев начал закипать в районе груди. Он расползался дальше и дальше, щупальцами прорывая себе путь и находя нужные ему тропы. Сам же таинственный проход иной раз подсвечивался лёгким белоснежным светом, а каменные обтёсанные своды пещеры содрогались от звучных вскриков, улюлюканий и топота множества ног.

Сердце йкнуло, а лоб нестерпимо заболел. Второй чёрный, местами красный рог, вспорол кожу, оставив на земле подле ног Демьяна мелкие кровавые дорожки. Чавканье, которым сопровождался выход диковинного рогового образования, дошло до ушей и без того напуганного несчастного парня, заставив того заметить и кровь, и адскую боль, и вновь вернувшийся страх.

«Трус! Трус! Трус!» — его цепкие холодные от ужаса пальцы коснулись шершавых рогов, пощупали их, подёргали. Один был чуть больше, а другой, парень это чувствовал, только прорезался сквозь молодую юношескую кожу. Пальцы охватила дрожь и колонны мурашек поползли по всему телу, заставив Демьяна сложить руки по швам и тяжело выдохнуть.

«Сейчас не время для понимания происходящего бреда... Я хочу знать почему меня не убили. Я хочу понять, почему я здесь — гость. Но что более важно — я хочу услышать по каким причинам был отдан приказ об убийстве моих родителей...»

Зубы заскрипели, будто не смазанные петли; кулаки судорожно сжимались и разжимались; а грудь то вздымалась, то опадала от ужасного страха, давления и гнева... Целая буря, ураган, тайфун...

Людей всегда было трудно понять. То они слабые, робкие и беспомощные, то неожиданно хватаются за оружие, очертя голову несясь на недавнего друга или же давнего врага, которого боялись всю свою сознательную часть жизни.

Эмоции. Чувства. Они частенько контролируют и управляют людьми. Незримые и непознаваемые. То, чего недостаёт любым животным, растениям и всему миру. То, в чём сила человеческого рода, но также и его главная слабость.

Ни о каких рогах, ни о какой боли и речи быть не могло. Тайфун управлял его рукой и вот так, незаметно, смело и уверенно, пальцы схватились за зигзагообразные края подсвеченного белым входа в основную цитадель.

Рывок и его тело прошло сквозь последнюю преграду...

Сколько их было, этих препятствий, каков был тернист и, казалось бы, непроходим этот путь. Но даже такой слабый духом человек как Демьян прошёл его. Разве не это доказательство того, что всё в мире возможно, если ты верен своей цели?

Пара шагов. Ещё шаг. И ещё. Останавливаться было поздно, да и Демьян давно отбросил такие мысли. Идти вперёд и идти до конца, ведь он дал слово не только себе, но также друзьям и родным.

Шаг. Ещё. И ещё. Ноги остановились, но не покосились ни на миг. Они были не те, что неделю назад. Всё было по-другому, всё изменилось.

Вокруг взлетали крики и боевые кличи. Толпы чёрных отвратительных демонов на четвереньках шастали вокруг высокого, такого же чёрного как и все твари, огромного трона, из спинки которого гордо тянулись к необъятному потолку длинные белые пики, оканчивающиеся смертоносными лезвиями.

Муравьи и демоны. Бесконечные толпы покоились на чёрных уступах, будто бы составленных из обычной земли на разной высоте и площади. Они тянулись вдоль всего громадного по масштабам зала и с каждого доносились крики, ор, с каждого выплёвывали слюни и демонстрировали истинную безбашенность на пару с гневом и ненавистью. Пушистая шерсть демонов вставала дыбом, а яркость и белизна клыков в жутких настезь разинутых пастьях лишь сильнее подстёгивала глупых муравьёв на лапоплескание и дикие крики.

Весь зал был этакой пародией на сам Чёрный город. Марионетки муравьи и чудовищные демоны, смеющиеся над несчастными уродливыми людьми, что обезумели под покровительством того человека, что позволил водрузить своё тощее тело на массивный трон и провозгласить себя королём и владыкой этого региона.

Весь зал кричал, хваля и радуясь отведённой каждому из них ролью. Каждый был под контролем, под тщательным надзором и неволей, однако каждый из них старался казаться счастливым, радостным и весёлым. А может и действительно считал себя таковым...

«Просто цирк. Чёртов цирк. В кого он превратил всех в этом городе? Кем окружил себя и кому позволил бесчинствовать? И как он, этот человек, позволил себе решать судьбы тысяч людей этого города?»

Они смотрели друг на друга. Забыв об завывающем фоне, не думая о пещерной зале, не боясь и не страшась существ, что выглядели как зомби, вели себя как животные, не боясь тех, кто уже давно отринул человеческую душу и повседневную мораль. Для кого видеть смерть и мучения — это величайшее наслаждение из величайших, а сражаться и насиловать — удел всей жизни! Для кого отобрать — хорошо, а избить — сама цель прихода в очередной муравейник, в котором проживает простой, и без того больной, несчастный и униженный мирный житель!

Демьян наконец взглянул Мартену в его тощее лицо. В эти впалые щёки и мелкий нос, в эту бледность, что тенью отпечаталась на его лице, в карие, совершенно обычные человеческие глаза и скупое, без прикрас подобранное, серое скучное одеяние. Чёрные шёлковые волосы легли на спинку трона, а осанка и впрямь была под стать королю:

— Приветствую тебя дома, мой любимый сын!

Демьян вздохнул, а его рог неприятно завибрировал, отвечая на зов таких же чернявых, намного более длинных и крупных рогов на лбу самого Эрика Мартена!

«Кассандра... Та королева... Быть не может! Тогда её мана мне показалась такой знакомой... Неужто... Неужто она моя родственница!»

Рога завибрировали с ещё пушей силой, отвечая на зов чёрных уродливых рогов Эрика Мартена. Того человека, который только что осмелился назвать Демьяна своим сыном!

Ветер вокруг этих деревьев всегда был свеж и чист. Он легко проносился по саду, нежно потрагивая листочки, поглаживая ветки и молодую кору только ещё растущих деревьев. И вот под такими тонкими молодыми стволиками стояла толпа. Полуобнажённая, без стыда прикрывающая лишь пах огромными листками лопуха. Мужчины и даже несколько женщин. Их волосы цвета золота сверкали посреди красивой ухоженной зелёной поляны.

Дети бога стояли и ждали. Они верили, надеялись и смиренно стояли на месте, со страхом озираясь по сторонам. Они прекрасно понимали, что поступают подло, что предадут и бросают, но их вера в отца была настолько мала и, отныне, незначительна, что каждому из них давно было плевать видит он их, или всё же не видит.

Особо мощный порыв подхватил их длинные золотые волосы и поигрался с неровными краями зелёного крупного лепестка. Дети переглядывались, но не издавали и звука. Все молчали, пытаясь надеяться на хороший исход очередной предательской встречи.

Наконец это случилось и солнце враз потускнело, будто бы не хотя светить в мощные спины предателей. Чёрный змей, шипя и облизывая клыки сдвоенным юрким языком, выполз из-под накрытых большой тенью камней. Пара секунд и его чешуйчатое тело наконец заметили все собравшиеся под мелкими зелёными кронами. В глазах каждого ребёнка Бога был страх. Они боялись эту чёрную тварь, но и не могли просто игнорировать её речи. Что-то внутри желало выслушивать тысячи слов об, по сути, одном и том же. Их сердца хотели слышать ненависть и злобу в отношении собственного отца. Будь то Адам или Алерт — все они считали себя выше, умнее, нужнее и важнее бога. Собственная значимость и важность, мнимые сила и величавость — грехи и простые слабости на пару с комплексами плотно засели внутри их и без того хрупких душ.

Человек во много раз более сильный и умный, нежели остальной тварный мир, но в ту же секунду мысли, эмоции, чувства и душа — его величайшие уязвимость и слабость. Человек гораздо более хрупкий и шаткий, даже его собственная душа — стеклянная ваза. Будь ты жителем Эдема, будь ты самим Богом — в этом весь человек!

И сейчас, шипя и плюясь во все стороны незримым ядом, змей говорил, шипел и сверлил своими жёлтыми глазами:

— Тссс, вы собрались здессссь не просссто так, правда же? Вы почувствовали родную кроввввь, вы пришли на зов насссстоящего родного голосса. Мне так жаль, что вассс попросту вырвали из нашего общего дома. — змей говорил смело, вкрадчиво, и все, хоть и со страхом, поддались вперёд, дабы лучше слышать речи того, кого они действительно стали считать своим отцом.

Зачем же змею было врать им всем в лицо? Конечно он говорил только правду и больше ничего кроме неё. И как бы абсурдна не была его мысль, её брали здесь как золотую монету.

— Вы сссидите здесссь, словно в клетке. — глумилась юркая чёрная чешуйчатая тварь. — Дети, считающие себя сыновьями Бога, а на ссссамом деле ссссамые смешные детишшки на свете. Добровольно отдаёте свои жизни, прожигаете их и во всём слушаетесссь отца. Только запреты и рамки, обман и надувательсство. Сами же должны чувствовать...

И они чувствовали. Понимали и верили в эти речи и в душе проклинали несчастного отца, на самом деле такого доброго, даровавшего всем жизни, огромный сад и даже весь

космос. Он посвятил этому свою жизнь, и теперь все его труды в очередной раз рушились быстрее карточного домика.

— Не думайте, что в остальном мире такое множество запретов и правил. Вы здесь — как в клетке, а я не дам своему потомству страдать и мучаться в лапах того, кого он у меня выдрал своими ужасными, запятнанными кровью, руками. В этого мнимого мошенника-отца в мире уже давно никто не верит, а вы всё ещё ходите по этому убогому саду и раздумываете над чем-то... Стыд вам! Прислушайтесь к сердцам и идите на их победоносный несокрушимый зов!

Каждый из них действительно чувствовал какой-то зов. В их сердцах давным давно посеяли зерно сомнения и не было средства дабы выдрать, выкопать или же достать его. Это зерно стало одним целым с их сердцами, которые по любому щелчку пальцев можно было поработить и направить в любую выгодную сторону.

— Давайте же спустимся вниз, прочь из этого сада, а перед уходом как следует нагладим этому выродку. За то, что испортил ваши жизни и заставлял каждого из вас против воли жить в этом убогом, лишь только кажущимся прекрасным, Эдемском садике. Это же было против воли? — обратился змей к тупым болванчикам, глупо разинувшим рты. И в ответ естественно услышал:

— Против. Это было незаконно, без воли и нашего желания. Мы никогда не простим неволю и рабства, надувательства и огромный обман!

— Правильно, все ваши слова верны и отражают настоящую реальность. Вы на правильном пути и не можете просто взять и сдаться. За свободу и светлое будущее!

Дети Бога подняли в воздух дружный общий гул и только тогда Саркис понял, что в отдалении оставаться поздно. И так эта гнилая, искривляющая реальность речью изрядно подтянулась...

«Им промыли разум, сделали отца самым ужасным, циничным и жестоким, да ещё и уверили, что настоящий их папка вовсе не он... Такая, казалось бы, явная промывка, но никто из них не справился. Мне... мне страшно это говорить, но они станут очередным поколением, которое примет наказание нашего славного отца... Очень жаль, однако другого исхода нет и не будет!»

Тело богатыря выпрыгнуло из кустов и вскачь понеслось к деревьям. Змей всё ещё что-то шипел и чем-то плевался, но ему недолго осталось проповедовать всю эту ересь.

Не прошло и минуты, как Саркис выплыл из-за маленьких зелёных крон, но шипящей предательской твари уже и след простыл.

«Почуял-таки, гад», — дети Бога смотрели на явившегося брата точно как на неродного. Такой взгляд не пожелаешь ни одному врагу, даже самому худшему.

И... он ничего не мог со всем этим поделать. Братья давно смотрели на него, как на самого настоящего врага и повернуть время вспять было уже невозможно. Всё было потеряно... Безвозвратно и навсегда...

Они смотрели друг на друга и их глаза явно отражали ненависть, отрешённость и полную отчуждённость.

«Братья не чувствуют во мне такого же, как они. И... Это конец! Конец наших отношений, конец очередных обитателей прекрасного, светлого и свежего Эдема!»

Последний вопрос, которым задался Саркис, был: «а где же Демиург? Неужто он не посещает речи чёрного змея? Я был уверен, что он нахватался всех этих идей именно здесь, на этом самом месте, прямо около священного Древа Жизни... Неужто он дошёл до всего

сам, своими силами и разумом?»

...Грохот множества плоских муравьиных ног раздавался со всех сторон сразу и мог вернуть из далёких мыслей даже медведя, ушедшего в спячку. Крики, победоносное пение, флаги и хлопки — они, впервые в жизни, весёлым бодрым маршем шли мстить своим истинным вечным врагам, которым прислуживали, поклонялись и фальшиво почитали как одних из по-настоящему достойных правителей. И они все были счастливы... В первый раз в этой тяжёлой, полной лишений и унижений, рабской жизни.

Проходя через последние улицы в этом городе к ним толпами струились точно такие же насекомые с флагами, явно выражающими общий протест. Они всё прибывали и прибывали, а в воздухе то и дело слышалось смелое и вольное:

— Смерть врагу! Смерть врагу! Смерть Мартену! Смерть Церкви Сатаны!

Снаружи его жилище был не лучше любого дома здешнего жителя. Такой же чёрный, наспех построенный из земли муравейник, лишь чуточку выше и шире обычных домов Чёрного града. Ни тебе дворец, ни тебе роскошный средневековый особняк — простой земляной курган, державшийся на одном только слове.

И внутри всё пропахло сырой землёй и холодной водой, устилающей почти весь пол. Из роскоши тут был только трон, но и он выглядел достаточно бедно, если вспоминать о ранге, стати и влиянии на мир того, кто на нём величаво и гордо сидит.

Демьян неверящими глазами озирался по сторонам, в попытках разубедить самого себя, доказать, что Мартен — поехавший любитель золота и роскоши. Однако везде, куда не посмотри, всё было унылое, обычное и в корне безвкусное. Великое множество кричащих ликующих тварей его глаза старались и вовсе не замечать. Это было так не похоже на того человека, которого описывал весь магический мир!

И первые слова Эрика — Демьян от шока никак не мог придти в себя и тайфун в его душе только и мог что усиливаться да разгораться неистовым ярким пламенем.

— Ты ожидал лицезреть здесь несколько другую картину? То самое отлично придуманное зрелищное описание, приправленное мифами и байками, я угадал? — звонкий, пока ещё молодой голос чуть свистел и хрипел. Мартен говорил словно бедный уставший змей, а его спина была пряма и смело смотрела ввысь. Сам по себе он был худ, а глаза напротив были влажны и бодро смотрели на опешившего молодого парня. Бледная кожа на лице и абсолютно такая же на тонких костлявых руках превращала главу града в некое подобие живого, всё ещё дышащего и ходящего трупа. — Твои рога, — Эрик хрустнул белой тонкой шеей, заставив шёлковые волосы в который раз всколыхнуться. — Они вылезли гораздо позже, нежели у меня. — с некой долей зависти проговорил владыка Церкви Сатаны, хоть его глаза на самом деле радовались за парнишку и подлинно восхищались им.

Жёстко выступающий вперёд кадык Демьяна пытался затеряться, а всё лицо напряглось, как никогда прежде. Воздух больше не поступал в спёртые от шока лёгкие и парню оставалось только слушать. Никто не собирался на него нападать. Лишь в этом Демьян успел себя заверить.

— Прости меня за столь недостойное наследство. Эти образования на лбу... Да и смерть твоих родственников — я лично прошу прощения за тот ущерб, что я успел причинить лично тебе. Ты славный малый и я знал это. Но твои родители... Ты просто должен мне верить. У меня действительно не было иного выхода... Мне очень жаль.

Парень пару раз похлопал глазами, легонько качнулся на ошалевших ногах, и сразу за

горло разодрал душераздирающий крик.

Хлесткий кнут, составленный из плотной тёмно-зелёной слизи, изящно пырнул воздух и понёсся вперёд, стремительно сокращая расстояние до того человека, ради смерти которого Демьян был готов проститься со своей собственной жизнью.

Кнут обхватил тонкое вражье запястье, вгрызаясь в него как удав в рогатое животное. Зашипела белая плоть, рвущаяся от беспощадной ярости кудрявого мага. Пар мелкими струйками испарил на месте соприкосновения, тогда как Мартен и глазом не пошевелил. Ему... было всё равно? Он лишь улыбнулся. Белыми яркими зубами. Ни один палец не дрогнул. Ни дрогнула ни одна мускула на впалом, уставшем, белом лице.

— Собрался бросить мне вызов? Не дав ответить на все вопросы, игнорируя мои к тебе взывания и просьбы? — в его голосе угадывалась лёгкая насмешка. Кнут обхватывал ещё сильнее, ощущая надвигающееся тело молодого хозяина. Это был тот же самый захват, который стал частью одной большой победы над Кассандрой, матерью сидящего перед кудрявым магом уродца. — Никогда не видел, чтобы меня настолько ненавидели. И это я ещё и пальцем тебя не тронул! — губы дрогнули в искренней садистской улыбке, а из горла послышался звонкий для такого шипящего голоса смех. — Боже мой... Да ведь Наставник был прав — истинная слабость в людей в их неуправляемости. При знании дела ими можно легко манипулировать и играть. Как же ты бежишь, стараешься, а на самом деле обычное ссыкло, неспособное ни на какие настоящие подвиги. Одни лишь глупости! Ты всё ещё малыш, хоть пытаешься казаться взрослым дядей! Мне жаль тебя!

Нога юноши коснулась земли и проскользила. В считанные секунды Демьян оказался у подножия трона, встретившись один на один со своим отцом. Вторая его рука, с брызгающейся во все стороны плотной болотной сферой, неслась вперёд, желая обезвредить последнюю из рук врага, что могла двигаться. Короткий свист... Сфера разлетелась вдребезги, окатив горячей смертоносной жижей лицо и грудь самого же Демьяна.

Юноша неистово закричал, чувствуя как кожу буквально разрывает на атомы. Волосы ярко вспыхнули, глаза широко распахнулись, а в голове была только одна лишь хозяйка — госпожа боль, что сразу затопила сознание своими цепкими длинными щупальцами, выгоняя оттуда как эмоции, так и мысли.

— Прости меня, я не люблю причинять родным боль. Но вы сами меня вынуждаете на такие действия. Не думай обо мне как о животном, ты сам виноват и ты сам это знаешь. — спустя несколько мгновений кнут распался на части, забрызгав лицо парня ещё больше, ещё сильнее, ещё больше уродуя кожу, волосы, веки и ресницы. Лицо было уничтожено, а сам Демьян был, неожиданно, на самом краю гибели. — Какая сильная магия... Я не хотел тебя так ранить. Правда. Горят даже твои волосы... Огромная мощь. Убийственная. Где-то прекрасная. Почти на уровне моей. — в глазах Мартена действительно была жалость. А может они были и слегка влажные?

Сила, доселе прячущаяся где-то в недрах маленького хрупкого Мартеновского тела, внезапно вырвалась, уничтожая вставшую на её пути бетонную дамбу, стирая её в мелкий камень, рассыпая и опрокидывая все мыслимые и немыслимые рамки истинной магической силы. Несчастное, от шока недвижимое тело Демьяна, было подхвачено расчехлившейся истинной силой и отброшено к самому началу тёмного «зала», к тому месту, где парнем ещё овладевали эмоции, ненужная безбашенность и смелость, прикрывшие рассудок и самоосторожность.

Демоны тоже почувствовали нереальную силу и, пугаясь и дрожа, вжались в землю.

Муравьи тем временем слегка опешили, но продолжили с интересом наблюдать. Однако в их глазах не было ни намёка на восхищение...

«А... а... а... Как... какой же я д-дурак. Я... я должен быть самим с-собой, а не жалкой к-копией...» — Демьян мог мыслить, хоть его голова и половина груди, вместе с дырявой песочной курткой, превратились в кроваво-зелёную кашу. Огонь спал с волос, оставив кожу его головы частично лысой и чёрной.

Парень понял свою ошибку. Он не должен был притворяться и воображать из себя непонятно кого. Если судьба одарила его трусостью и робостью, то всё-таки стоит принять этот факт? Раз не получается поменяться, стать другим, значит такова судьба и нужно исходить из своих минусов? Он не должен был поддаваться эмоциям?... Всё это лично его ошибки. Его и никого больше.

Эрик Мартен стоял подле трона, поправляя развевающиеся подолы своего элегантного чёрного одеяния. Его шелковистые волосы развевались будто бы на ветру, а в глазах была некая печаль и жалость. Как же он был не похож на того монстра, что слетал с уст каждого из архимагов магических башен...

— Демьян, ты так же благороден как и я. Мы оба редкой породы, сам должен был понять и прочувствовать. И, поверь мне, — я не желаю тебе зла. Ты моя кровь, моя любовь, мой наследник! Ты станешь достойным продолжением моих дел, я уверен! Тебе обязательно понравится в моём государстве и мы точно полюбим друг друга, а после восстановим потерянные узы! Я знаю это! Так оно и будет! Аминь! — свою речь глава Церкви Сатаны завершил тем самым словом, что должно было бы являться запрещённым в этаким, как уверяли все поголовно, злобном сатанистском мирке. Но он произнёс это самое слово, он сказал «аминь», до конца разрубая все многочисленные мифы о своей личности!

На город потихоньку накатывала темнота. Солнце, оставшееся далеко-далеко за серым барьером, закатывалось за горизонт, превращая и без того Чёрный город в царство тьмы и мрака.

Процессия шла вперёд, ни на секунду не останавливаясь и не оглядываясь. Стройный марш тонко ступающих на землю бесшумных муравьиных лапок начал задумываться об небольшом ночлеге, хоть Саркис никак не мог понять, что за отдых можно организовать на такой чёрной земле, больше напоминающей сажу.

— Всё встало на свои места, как и должно. Почва здесь не плодородная, ужасная, мёртвая, похожая на простую корку. Мартен заменил добрую землю бывшего города на подземную адскую территорию. Буквально заменил один клочок почвы на другой. Обычная магия на такое не способна... — просторы задней части Чёрного града совсем слились с темнотой, заставив муравьёв зажечь яркие факела, за которыми петляла дорожка из ярких искр, да замедлить ход. Кто-то спотыкался об неожиданно подвернувшийся камень, а у кого-то совсем заканчивалось желание ползти по тьме дальше, вперёд, на приступ могучего врага. — ... Заклятье — дошёл сам или кто помог? И как воплотил? Как смог воспроизвести замену территорий с сохранением популяции демонов, обитающих на адском клочке земли? Кто мог измерить, составить и помочь в осуществлении таких чар? А может Эрик обладает экстраординарными умственными способностями?... — размышлял маг, не замечая несчастного Маврикия, что отчаянно старался привлечь внимание.

— Господин Саркис! Друг! У нас тут назрело решение! Господииин Саркис! — муравей отчаянно размахивал руками, а его сетчатые глаза бегали во все стороны, стараясь хоть как-то привлечь внимание, искренне не понимая, как можно настолько сильно уходить в себя.

Наконец чёрный богатырь заметил его и поднял на насекомое свои серьёзные проникающие равнодушные глаза:

— Ты хотел мне что-то сказать? Или ради шутки тут скачешь и руками машешь? — поинтересовался маг, невольно заметив насколько медленнее стало двигаться войско позади его могучей непоколебимой спины.

— Мы приняли решение, основываясь на наблюдениях и знаниях повстанцев в лице муравьёв. Враг уже близко и мы даже можем пощупать его магическую ауру. В связи со скорым началом доблестной праведной Мавриксской войны, как мы все её называли, принято решение устроить ночлег и чем скорее, тем лучше. Нам всем нужны силы для последнего рывка, должны понимать... — поделился мыслями мудрый терпеливый Маврикий.

Богатырь посмотрел вдаль. Без своих уникальных жёлтых глаз он совсем ничего не видел. Даже ближайшую дорогу окутала темнота глубокой ночи. В воздухе стало даже несколько сыровато и богатырю пришлось кивнуть. Сейчас время не для походов, а для передышки, он это прекрасно осознавал.

— Хорошо, я даю добро. Можете выдохнуть и в последний раз поесть, посмеяться и почувствовать себя свободными. — Саркис даже улыбнулся. Он понимал, что всем станет лучше, если он покажет какую-то эмоцию. Хоть и лживую...

Спустя час всё войско, тянущееся как длинная гусеница, уселось на чёрную землю и, активно жестикулируя, общалось друг с другом, весело смеясь да обнимаясь. Каждый

муравей чувствовал в себе брата и каждый желал поддержать другого в это непростое время.

Откуда-то пара насекомых достала небольшую флейточку и дудочку и тут же пустилась в пляс, заставив добрую половину войска весело пританцовывать, смеясь друг с друга да тыча в грудь исполнителя самого нелепого танца.

Боевая атмосфера улетучилась, словно подхваченная крепким напористым ветром. Флейта по-прежнему играла и толпы муравьёв начали зажигать костры, устраивать вокруг них огромные хороводы, а кто-то предложил как следует закусить.

Альберт, крепкий плечистый муравей с красно-белым пузом, решительно выступил за различные конкурсы и уверенно высоко подпрыгнул над игривым пламенем, с лёгкостью косули перемахнув через него. В ответ он слышал одобрительные хлопки и гордо выпятил грудь, принимаясь поощрять ободряющими словами тех, кто боялся повторить «огненный эксперимент».

Группы совсем уж развеселившихся насекомых начали организовывать рейды к земляным курганам, к домам простых, прячущихся от страха, мирных жителей. Выходили муравьи оттуда с немногочисленной едой: буханкой грязноватого хлеба, наспех сваренной похлёбкой в небольшой кастрюльке, полукруглым куском жёлтого, как пламя, сыра и маленьким кусочком подтаявшего масла.

Сами жители, придавленные взгромоздившимися на спины чёрными пугающими демонами, как обычные безвольные рабы, без слов и протестов отдавали последние крохи. Будто дань или налоги, для них была важна даже самая глупая и рабская жизнь, лишь бы не испытывать телесные страдания да побыть подольше в этом страшном, но единственном для них мире.

Хоть их было и жаль, но время для насекомых выдалось уж какое весёлое. Ничем не брезгуя, беря всё что дали, они возвращались со всем добытым к своим братьям и вежливо делились снедью.

Музыка становилась только громче, огонь выше, а еды больше. Вгрызаясь в куски сыра, каждый делился с соседом историей, шуткой, и каждый подбадривал другого. Некоторые прыгали сквозь огонь, иногда плоскими ступнями попадая на особо колкие язычки и принимаясь визжать от боли в обожжённом месте. Многие даже боролись, сталкивались друг с другом, прыгали, отжимались или выполняли иные конкурсы, наградой за которые служила добытая пища.

На один последний для них счастливый миг поле ярко пылало от количества костров, от смеха, шуток, еды, музыки, и даже Саркису на душе стало как-то лучше. Было так атмосферно и душевно, что невольная улыбка всплыла на его, казалось бы, суровом волчьем лице.

— Отдыхайте, вам это сейчас очень нужно. Впервые почувствуйте себя свободными вольными птицами, медленно, но верно тянущимися к пылающему костру, имя которому Эрик Мартен. И кто знает, чьи крылья не сгорят в этом бушующем огне...

Прохлада накрыла даже душные пыльные улицы небольшого отрезанного от всего мира города. Веселье становилось лишь сильнее, прогоняя от несчастных вояк весь тот ужас, что ждал их впереди. Большинство из них шло на верную смерть и многие знали, что могут оставить в Цитадели врага свою собственную жизнь. Однако свобода и возмездие было превыше всего для них. Они же были людьми, ими в душе и остались, их руки были обогреты кровью тех страшных убийств, что все они совершили под гнётом собственного правительства... И эту кровь было не под силу смыть даже кровью врагов. Это были

страшные шрамы, оставшиеся после убийства обычных жителей. Муравьи также были повинны и в страшном заклятье — Пентаграмме, и в варварских законах и методах. Это была их общая вина и их обязанностью стало прекращение бесконечного ужаса, зависшего над растерзанным и разодранным в клочья городом. И ещё... они хотели доказать, что живут не зря. Что даже рабские уроды способны на подвиги и самопожертвование. Именно об этом они всегда и мечтали...

Тем временем вокруг стояло одно сплошное веселье и только Маврикий, один, без всякой компании сидел подле пышущего жаром огромного костра, смотря на длинные, как кнут хлестающие воздух, юркие пламенные язычки. В его глазах гнездилась печаль. Он ждал так долго и каждый божий день корил себя за совершённые вчера или позавчера преступления... Его муравьиный мозг помнил, как вместе с отрядом он врывался в мирные дома и ни с того ни с сего грабил земляной муравейник, его глаза помнили ужас в глазах горожан и помнили как их дрожащие руки были готовы отдать всё, что в них было, лишь бы им оставили дом напару с жизнью... Налёты, бесконечный грабёж, убийство любого, кто позволял себе вольную свободную прогулку по улицам града, и что самое главное — жертвы, принесённые для осуществления одного из самых таинственных и кровожадных заклятий всех времён...

— Грустишь? — развеял обстановку Саркис, подсаживаясь к Маврикию рядышком, прямиком на чёрную землю. Насекомое невольно вздрогнуло, однако тут же расслабилось, приблизив похолодевшие на воздухе ладошки к костерку.

— Господин Саркис, вы наверняка подсели не чтобы развеселить моё уставшее холодное тело. Я готов услышать вопросы, кои ко мне, я уверен, имеются да ещё и с презлихом.

Чёрный богатырь поправил сбившиеся чернявые пряди, невольно заметив среди них седой волосок, размял плечи и хрустнул уставшей шеей:

— Скажи мне вот что. В Чёрном городе кто-то был посторонний года три назад? — Саркис встретил только непонимание, однако не собирался сдаваться. — Может вскоре после большого пентаграммного заклятья или при захвате самого города? — Маврикий уставился мелкими сетчатыми глазками на костёр, вероятно пытаясь вспомнить хоть что-нибудь значимое. — Ладно... Давай несколько по-другому. Ты... чувствовал ауру настолько... кхм... мощную, что могла встать на один уровень с магией Эрика?

Последовало непродолжительное молчание, но на то и непродолжительное:

— Был один, был. Я поначалу не вспомнил, однако маг огромного уровня маны действительно присутствовал в этом городе, спустя месяц после успешно проведённого глобального заклинания.

Богатырь именно это и рассчитывал услышать, но проверка да и дополнительная информация никогда не могут быть лишними. Маврикию можно было всецело довериться и Саркис отныне это ясно знал.

— Как звали того человека и что конкретно произошло во время его прихода? Это очень важно, правда. Мне необходимо знать всё, что только можно знать об этом событии.

«Это должно хоть как-то быть связано с Авиадом, Демиургом и его пропажей... Хоть косвенно...»

В глазах Маврикия отражалось яркое пламя:

— Я знаю немного, к сожалению. Авиад, именно так его звали, был тогда уже старцем и главой всего общества магов, вроде... эммм... Верховным Архимагом. Да, — мечтательно

перенеся в свои мысли муравей. — Помню, его все приветствовали, ему салютовали и поклонялись, а он равнодушно проходил мимо с небольшой книгой в руках.

— Артефакт? Книга заклинаний?

— Не ведаю. Может статься, что то была и она. Беседовал он с Эриком в закрытом режиме, так что о диалоге мы без понятия. Да и нам никто ничего бы и не рассказал. Кто мы такие, чтобы быть посвящённым во всё это? Но помню одно и помню чётко.

Саркис поддался вперёд, весь обратясь в слух.

— Он вышел тогда довольный, наполненный ещё большей силой и более мощной аурой, а его книга — она стала во много раз жирней, увесистей и...

— Что «и»? — ещё больше поддался вперёд эдемский маг.

— ...Она была другой природы. Поменялась, безвозвратно и необратимо. И магические волны, вырывающиеся из неё, пытались сносить нас всех с ног... Такая мощь и сила. Я уверен — Авиад приходил к нашему узурпатору именно за этой сделкой. Именно за какой-то непостижимой мощью... Тот приход был странным и больше, кроме удаляющегося восвояси повеселевшего старца, я не помню.

«Значит Демиург, как я и предполагал, тайно проник в город. Он точно посещал вышесказанное собрание с Эриком и Авиадом, я полностью уверен в этом»

Последовала тишина и только пламя громко трещало на фоне весёлого гула. Чёрный богатырь кивнул и предался молчанию, вслушиваясь в весёлые звуки флейточки да уютное потрескивание.

Прохлада и благодать... Лёгкий шорох позади — наверное ветерок игрался с небольшими травами.

— Эй ты, давай к нам!

— Бегу! А едой поделитесь?

— Брат, а как же иначе то. Главное один не кисни, а то нам жаль тебя.

Насекомые по-прежнему весело общались у своих пиршественных столов. Танцы утихали, как и весёлые конкурсы. Всё потихоньку успокаивалась и даже музыка начала стихать, возвращая тишину ночи на покрытые мраком улицы.

Лёгкий шорох прозвучал более отчётливо на фоне приближающегося сна. Шорох прямого за спинами, без зазрения совести пытающийся...

— Осторожно! — крикнул Саркис, неистово дёргаясь и успевая как раз вовремя. Богатырское тело сожрало всё расстояние, будто голодный жирный медведь, и молниеносно врезалось в лёгкую по весу фигуру.

Саркис, являя собой действительно мощного мускулатурой человека, эпично грохнулся на землю, запросто оставшись на уверенных ногах. А вот фигура полетела чуть дальше, по дороге глотая пыль и чёрную сажу, нелепо пытаясь остановиться, что приводило лишь к тому, что его конечности весело изгибались под невероятными углами.

Времени прошло не так много и тело в последний раз скользнуло, оставляя за собой совершенно чётко видную дорожку из пыли и грязи. Над самой лежащей фигурой так вообще образовался целый ядерный гриб, под которым она мычала и стонала, пытаясь то ли встать, то ли просто поругать себя за невыполненный акробатический трюк.

— Интересно, ничего не скажешь. — улыбнулся эдемский маг. — А если я хоть немного бы замешкался? Такая уверенная скорость, ты действовал строго по плану, я прав?

Тело содрогнулось от жёсткого кашля, принимаясь колотить бедную ни в чём неповинную землю. То ли от досады, то ли от злости неизвестный заорал своим хриплым

муравьиным голосом, по-прежнему молотя руками землю да вдыхая несущиеся в воздухе пыльные облачка.

— Из нашей армии, так? Дезертир... Или разведчик? — недоверчиво покосился Саркис, превратив свои ясные глаза в узкие щёлочки.

Муравей игнорировал. Он продолжал бить и бить, пока Маврикий, незаметно подошедший со стороны, не схватил своего же солдата за руку и не встряхнул его ослабшее тело.

— Ты пытался убить меня, но зачем? Неужто я чем-то успел тебя обидеть? Или же... — красно-белый задержанный муравей совершенно естественно плакал, в точности как человек. — Почему ты рыдаешь, как слабак припав к земле?

Почти задыхаясь в собственных слезах и сбивчивом дыхании, дезертир сбросил с себя руку Маврикия:

— Я не хотел т-т-тебя убивать... но другого выбора у меня не было. — сокрушённо заныл парень, тут же выдавая и показывая себя как типичного слабохарактерного нытика, способного только к слезам, эмоциям да необдуманном поступкам.

«Очередной мусор»

Маврикий же заботливо вернул свою тонкую руку, но на сей раз уже на несчастную трясущуюся голову дезертира:

— И кто же не дал тебе другого выбора? Ты сам принял решение или же наслушался очередную говорящую голову? — даже несколько по-доброму обратился главнокомандующий.

— Не ищите виновных или д-других т-т-таких же дезертиров... Это сугубо моя слабость и моё решение... П-простите — сокрушённо промямлил солдат, полностью уходя в вопли и слёзы.

— Дыма без огня не бывает, расскажи...

— Что мне тут рассказывать! — рявкнул парень, в очередной раз сбрасывая руку вождя и сворачиваясь бессильным уставшим калачиком. — Я не хочу идти воевать... Я проклинаю тебя за это решение! Мы три года хорошо жили и старались на благо правительства, нас никто не трогал и пальцем... а ты... ты хочешь просто так положить наши тела в могилу? Просто... позволить сдохнуть из-за своих же глупых надуманных идей?... Я — я не с-собираюсь воевать! Я хочу и дальше жить, просто жить... Идти маршем так страшно... Ты нам устраиваешь судный день не спросив нашего же желания! Будь ты проклят! Испортил всё, что мы делали годами. Ненавижу!

Маврикий закрыл глаза, тяжело выдохнув:

— Можешь уходить куда глаза глядят. Я понял — это ни твоё сражение, ни твоя война. Ты не собираешься защищать честь своего рода и своих людей, ведь по масти ты не больше, чем предатель! — муравей-вождь сплюнул в лицо пятившемуся во тьму дезертиру. — Для тебя нет ничего святого, нет простого понимания что хорошо, а что плохо. Для тебя грабить и убивать других, чтобы твоему пузу было довольно и сытно — это вся мораль. Проваливай, жалкий трус! Иди и дальше занимайся тем, чем Сатана одарил.

Солдат исчез во тьме, более ни сказав не слова. И только ветер облетел две фигуры, по-прежнему оставшиеся подле ярко пылающего, танцующего невероятные танцы, костра.

— Всегда найдётся тот, кто не будет сражаться за твою правду. Этот солдатик даже не понимает какой смысл кидаться в бой. Не сердись на него, ведь каждый боится за свою шкуру. И ты тоже. — по-доброму, как мог, улыбнулся Саркис. — Ваши различия только в

том, что один верит правде, а другой её либо не замечает, либо и вовсе её не видит.

— Ты прав. — нарушил своё молчание Маврикий. — Я не должен на него обижаться или ненавидеть. Такова жизнь...

Звёзды еле просвечивали сквозь плотный магический барьер. Только небольшое неясное свечение достигало обитателей Чёрного града... Их лишили даже этого.

— Чёрт, звёзд не видно. И никогда не было видно. Он отрезал нас от всего мира... Просто падаль! Но ничего. Я помню, видел на ночном небе необыкновенный серебряный полумесяц — мы его луной называли. — Саркис в ответ молча кивнул, подсаживаясь поближе к костру. — Есть луна, а есть солнце. Солнце — это жизнь. Луна — это её непродолжительная остановка. Так было всегда... Я хочу сам зажечь солнце, я устал чего-то ждать и на что-то надеяться. Солнце же может и вовсе не зайти... Знаешь, нам наверное придётся это сделать для победы!

Войско притихло и сейчас солдаты по большей части ели, пили, общались, кто-то позволил себе захрапеть, уткнувшись носом в противную грязную землю. Флейточка ушла на покой да и костры потихоньку начинали затухать, сжигая последние оставшиеся дрова и ветки. Тишина и ночь воцарились на поле и Маврикий с сожалением понял, насколько готовящееся решение было неправильным по отношению к его уставшим воинам.

Под молчаливым волчьим взглядом муравей-вождь достал длинную медную трубку, оканчивающуюся огромным раструбом, обхватил её и как следует дунул, пробуждая к жизни всех, кто имел несчастье заснуть.

Пение облетело весь лагерь воинства, пока каждый муравей не посмотрел в сторону сверкающей в свете огня медной трубы, пока не увидели гордую фигуру главнокомандующего, что истошно звал на помощь.

— Мы не будем ждать яркое красивое небесное светило, мы сами станем им. Ведь до тех пор, пока не падёт цитадель врага, мы не увидим рассвета. Однако он не за горами! Я это знаю!

Саркис махнул рукой на речь Маврикия. Он не хотел вслушиваться в какой-то бред от муравья. Единственное, что он сделал, так это только вяло спросил:

— Выдвигаемся?

Муравьи с первого и единственного медного полувзвучия потушили костры и начали собирать растеленные прямо на земле одеяла, подушки и прочий спальный хлам. Они были готовы к этому, они знали что отдых — не больше чем мечта:

— Да, маг. Эдемский маг. Мы выдвигаемся в путь!

В ушах звенели колокола, а в глаза ударила тьма. Голова налилась жгучей болью, кожа напузырилась и покрылась огромными волдырями. Хотелось кричать, но горло не позволяло издать и лёгкого звука.

Мягкие шаги Мартена были не слышны. Гордо воздев спину прямо и с жалостью смотря на сына, глава Церкви Сатаны решительно подходил к лежащему телу. Вырывавшаяся из-под заперти сила Мартена кое-как упорядочилась, словно сладкая конфета оборачиваясь в яркий фантик.

— Если ты не будешь настолько открыто выступать против этого не самого плохого в мире места, то сможешь полюбить и привыкнуть к нему много быстрее. Я не хочу поднимать на тебя руку, ведь ты мне дорог и расставаться ещё и с тобой я не собираюсь... И так жизнь отобрала у меня слишком много и многих... Я не позволю лишать себя последнего ценного человека, последнего родного и... кхм... любимого. — шагая тише кошки, тощий маг подбирался к сыну под неотрывными взглядами миллионов рабов, отошедших куда-то во тьму страшной цитадели.

«Значит... Это я ему обязан жизнью... Это он дал мне тот защитный амулет... Кхе, значит он меня ещё и спас...» — мысли не клеились, оглушаемые ужасающим звоном в ушах. Однако он начинал чувствовать, сквозь все страдания, сквозь всю боль и слабость, он чувствовал злость и неопределённость...

— Я даже дистанционно спас твою жизнь и контролировал её. Это из-за моего письменного гаранта ты стал башенным магом, создал неплохую карьеру и заработал деньги своей любимой матери... Я её любил. Любил эту глупую шлюху. Но она только и могла что изменять, унижать и отказывать в наших с тобой встречах. И ты всего этого не знаешь и никогда бы не узнал, если б я не убил свою любимую, красивую и сексуальную тварь... Она всегда была против нас с тобой, Демьян.

Парень всё слышал, несмотря на непрекращающийся колокольный звон, что к слову наконец-то стал тише и мягче.

«Какие запреты? Мама мне никогда не говорила об этом. Но... его слова не оправдывают её смерть. Мартен — гнусная тварь. Подлая и ужасная...»

Демьян пару раз дёрнулся, но безуспешно. Встать на ноги он сейчас бы и не смог, но пламя в душе ещё теплилось, никак не хотая затухать окончательно.

— Это... Это никогда не оправдает твои действия. Ни одна п-причина... не сможет отбелить все твои преступления против добрых, обычных и безоружных людей... Тьфу, людоед... — плюнул в Эрика юнец, облакачиваясь на руки. Его обожжённая голова смело смотрела вперёд, сверля взглядом легко идущий тёмный силуэт, будто бы плывущий по воздуху.

— Оправдает... Не оправдает... Мне то что на твой людской суд? Мне надобен настоящий наследник, а не глупый судья. Перестань лепетать свою дурь. Я же... Я же твой отец. Родной. И, поверь мне на слово, я как и твоя мать тоже прыгал от счастья, когда ты появлялся на свет. — голос вождя дрогнул, а губа судорожно дёрнулась. — Не дели всё на белое и чёрное. Это в корне не верно. Нет добра, нет зла...

— Есть. Ты — зло. Так говорю не я, так считает весь мир! Ты разрушаешь, изничтожаешь, искривляешь, оскверняешь и убиваешь. И... — Демьян нервно сглотнул,

ощущая как локти больше не выдерживают вес уставшего тела. — ...Ты не можешь говорить такие вещи. Не имеешь никакого морального права. Дьявол, изверг... Убийца, убийца!..

Лицо Эрика тут же искривилось. Так резко и неожиданно, будто видение. Сделав пару резких шагов, Мартен с бешенством опрокинул на сына свой молниеносный удар ногой, потом ещё и ещё, бросая тело осмелевшего Демьяна как мешок с картофелем.

— Заткнись... Правда, тебе лучше помолчать. Ты слишком мало знаешь, чтобы делать выводы.

Несчастный юнец почувствовал горький привкус крови на самом кончике языка. Тело казалось ватным, будто бы жирным дождевым облаком, а руки бесполезно раскинулись в разные стороны.

Но даже сейчас, в такую трудную минуту, наполненную болью душевной, физической, наполненной горем и страданиями, даже в такую длинную сложную минуту Демьян не чувствовал той постыдной боли в животе, того трусливого желания закрыть рот, тех судорожных мечтаний оказаться в тепле и комфорте, подальше от всяческих трудностей и невзгод. Стержень стал гораздо крепче, хоть сам Демьян пока этого и не понял...

Лицо Мартена снова стало бледной, тощей, хладнокровной маской истинного вождя. И он снова, как пару минут назад, приближался к тёмному месту, где раскинулось тело его настоящего родного сына.

Он шёл и шёл, медленно и статно. Уверенный что его сын опять испугается, вернёт себе то страшное состояние, в котором Демьян прожил почти всю свою жизнь. То было испытание для его души и тела, то была борьба защитника семьи, настоящая битва её крепкого железного щита и убийцы, посягнувшим на её членов, на тех людей, кого щит обязался охранять. Во что бы то ни стало. Чего бы то ни стоило. Демьян обещал, а обещание всегда следовало исполнять.

Сквозь маленькое окно было видно россыпь звёзд на тянувшемся вдаль ночном небосводе. Слезы текли по щекам, а руки то и дело старались выдрать твёрдые шершавые рога.

Вокруг было тихо. Весь дом отошёл ко сну, оставив несчастного малыша рассиживать одному на холодном полу тусклого тёмного подъезда. Стук в двери был бесполезен — либо все уже отдыхали, либо и не собирались отвечать «маленькому бесу»

Тело паренька тряслось от горестных рыданий, а лицо давно стало чёрным и мокрым от слёз и грязи.

— Холодно... Что я такого сделал?... Мама... Мать Кассандра, позволь вернуться... — маленькие кулачки громко сотрясали запертые двери его родной квартиры, но ответа не поступало. И поступить не могло. — Открой... Мамочка, я же не монстр... Правда. Они бывают только в мультиках, ты мне сама так говорила.

Рыдания паренёнка слышал каждый житель этого небольшого многоэтажного дома, однако все его ненавидели. Ненавидели и боялись этого маленького рогатого черта, что был способен лишь на порчу и грехи.

Ночь тянулась медленно, словно гусеница. За это время Эрик успел почувствовать и горе, и пустоту, успел испытать ненависть к себе и даже смиловался над матерью. Он почувствовал себя таким уродом — ужасным Сатаной, что может приносить только несчастье, проблемы и смерть.

— Простите меня... Не впускайте такую тварь... Живите спокойно. — его

миниатюрные детские ножки от усталости еле волочились вниз по ступеням. Грудь вздымалась, а грязные слипшиеся волосы убого свисали с головы.

Пара шагов и небольшое тело мальчика выкатилось из подъезда, со слезами осмотрев радостную толпу, ходящую по чистым после утренней уборки дорожкам, выложенным из красно-белой плитки. Такого же цвета в скором будущем по этим улицам будут ходить отборные муравьиные войска...

Никто и не посмотрел в сторону маленького странного рогатого парня. Будто не видя ни его лица, ни его страданий, чётко написанных на нём, они проходили мимо, спеша по своим делам и думая только о своих заботах. Никому не было дело до мелкого рогатого Эрика, испачканного в грязи подъезда, заплаканного и жалкого парня, на жизнь которого было всё равно даже одинокой пьющей матери. Кассандра единственным настоящим сыном считала водку, а на Эрика не хватало ни денег, ни терпения, ни желания быть рядом.

Мартен побрёл вместе с толпой, ступая своими маленькими ножками так быстро, чтобы поспеть за взрослыми ступнями, дабы не раздавило.

Солнце яркой точкой высилось над городом, пробуждая к жизни его обитателей. Каждый был обязан встать в такое замечательное утро. И ведь для кого-то оно было и впрямь замечательным...

Всхлипывания парня и растирание лица будто никто и не замечал. Ни один взгляд не был брошен на маленького плачущего одинокого человечка, трясущегося от ужаса, тоски и одиночества. Люди, словно манекены, будто самые настоящие восковые фигуры проносились по бокам и их глаза были либо пусты, либо глупы, либо и вовсе безумны...

Все куда-то спешили, бежали. Бежали и утром и днём, да и вечером улица была также запружена будто бы немым манекенным народцем. Прохладный ветерок обдувал лёгкую домашнюю одежду Эрика, забирался под неё и тискал молодое, пока ещё нежное тело. Слезы прекратились, ведь плакать отныне было незачем. Всё самое худшее было позади, Мартен верил в это.

«Так холодно... Мне бы немного тепла. Хоть чужого. Крова бы, постель, хоть не свою, но просто... Почувствовать себя человеком... Почувствовать рядом с собой живых настоящих людей... Поужинать тёплым только что испечённым хлебом и испить студёной водицы — разве я прошу так много?...»

Главная улица наконец закончилась. Дорога сошла на нет, уступив своё место обычной протоптанной ногами пыльной тропинке; многоэтажные кирпичные однотипные здания сменились богатыми на первый взгляд коттеджами и садами; поток людей иссяк, превращаясь из необъятного моря в небольшой канальчик.

«А тут красиво — наверняка и люди лучше. Я был бы не прочь пожить тут с мамой...» — горестно подумал парнишка, снова всхлипывая и стирая рукавом показавшуюся из края глаза большущую слезу.

Солнце, напоминая гигантский футбольный шар, закатывалось за горизонт, заставив тени удлиняться на сухой, уставшей от жары, земле.

Кулачки Эрика поспешили ударить в первые попавшиеся двери небольшого домика, но в ответ прозвучало лишь что-то недовольное.

— Опять там всякие гады ползают... Пошли прочь отсюда! — сказал грубый голос откуда-то из глубины дома.

Мартен сглотнул, совершенно не ожидая такую грубость и ярость от совершенно незнакомого человека.

Собравшись с мыслями мальчик всё-таки осмелился попросить:

— Пустите пожалуйста внутрь... Дядя, я совсем один... У меня никого и ничего нет. Я хочу поспать... — Эрик не удержался и начал всхлипывать, всё ещё не веря что всё это происходит с ним и происходит конкретно сейчас. — Я не стану мешать, я не стану...

Дверь грозно отворилась, заставив мальчика припасть на зелёную мягкую траву. Из дома выскочил большегрудый рослый мужчина, обросший щетиной да малость посидевший:

— Ты? Я узнал тебя. Уже и мамка тебя бросила, заметила наши косые взгляды... Уходи отсюда в жопу, глупый чертёнок. Сгинь в канаве, у нас от тебя одни проблемы. — Эрик опешил, широко раскрытыми глазами взирая на свою последнюю надежду. — Кражи, недуги, эпидемии и убийства — рогатая дрянь, это же ты в этом виновата! — мужчина сделал шаг, схватил бедного парня за чёрный выступающий рог и потряс его, как следует плюнув парню в макушку. — Не было б тебя здесь... Твои рога вина всему... Сын дьявола, бесполезный говнюк, отродье Сатаны! Так о тебе думают все! Понимаешь? Все! — тело Эрика было откинута хорошим ударом в грудь. — Уходи отсюда прочь и не смей ухудшать нашу жизнь и дальше. Иначе... следующий мой удар может стать твоим концом. Обещаю!

Вольной походкой мужик вошёл в дом, заперев дверь на засов, напоследок пробурчав ещё что-то недовольное.

Тишина тут же окутала одиноко петляющую тропинку. Люди давно были в своих домах, в окружении любимых, в тепле да в уюте.

— Почему все так думают? — пробормотал уставший плакать и горевать Эрик. — Что я успел такого совершить? Хотя... Им же тоже плохо, как и мне. Видимо я... Видимо я действительно всё порчу, приношу всем бедствия и смерть. Тогда всё верно, в таком случае они правы! — бедный заплаканный мальчишка смотрел на своё ободранное одеяние, не в силах снова не плакать. Тело вздрогнуло от молниеносного порыва холодного пробирающего до самых костей ветра, руки обхватили выпирающие тощие колени, а лицо было так несчастно...

Эрик Мартен был совсем один, на природе, возле такой же как и он одинокой дорожки, и никому он был не нужен. Сын Дьявола, реинкарнация Сатаны и просто сын смерти — так о нём думали абсолютно все вокруг. Глупость и суеверия. Суеверия и глупость. Желание сделать из невинного ребёнка по-настоящему весомый фундамент для прикрытия чужих ошибок, слабостей и грехов.

Ветер проносился вдоль дороги, а два неподвижных рога упрямо смотрели вперёд, на появившуюся будто бы из ниоткуда тень.

— Парнишка, ты не один. Ты далеко не один. — вкрадчивый, в каком-то смысле немного змеиный голос, будто что-то нашёптывал в ухо бедному мальчишке. — Ты не виноват в своей природе и не должен винить себя за чёрствость и изменность других... Каждый из них ужасен и страшен как скрюченный неведомый монстр. — Эрик широко раскрыл глаза, в которых почему-то затеплилась надежда. Надежда и вера. Вера и... трепет перед шепчущим голосом и фигурой перед собственным носом? — Да, у них нет таких чёрных рогов с пугающей рифлёной текстурой, но это не лишает их истинной подлой чёрствой личины. Каждый из них, каждый из этих на первый взгляд беззаботных жителей — сам по себе Дьявол. Лишённый рогов или же пытавшийся их снять — душу никуда не вынешь и не спрячешь. Грехи и тёмные мысли шлейфом тянутся за каждым из них, так что не смей корить себя ни в чём. Ты пока и вправду чист и невинен, как дитя, как все в твоём молодом невинном возрасте!

Эрик пару раз моргнул, проникшись доверием и любовью к говорившему. Фигура же улыбалась от уха и до уха, и эта широкая улыбка несла в себе зрелость, силу и волю!

— Дай мне руку, парень. Дом, настоящий тёплый дом наконец-то ждёт тебя! — крошечная рука сплелась с огромной чужой рукой, шершавой и мазолистой, и сплетаясь они ознаменовывали новую эру!..

В огромном, просторном, вольном муравейнике было почти тихо. Все слуги, прячущиеся на уступах, давно попрятались в темени, не в силах мешать Мартену и его родному сыну.

— Демьян, я не хочу больше причинять тебе вред. Это не в моих интересах, сам же понимаешь. — быстро повёл плечами Эрик. — Дай мне руку. Прошу. Мы должны держаться вместе. Мы же семья!

Дыхание Демьяна спёрло, а руки сжались.

— Никогда и ни за что я не подам тебе руки. Слышишь меня? — завопил Демьян. Тонкое запястье Эрика, в дружелюбном жесте протянутое родной крови, бессильно опустилось. Белые зубы скрипнули. Глава церкви Сатаны точно не рассчитывал на такую смелость, приправленную дерзостью.

— Не подашь? Но у тебя же никого не осталось. Ты глупишь, ты не осознаёшь, не понимаешь...

— Это ты не понимаешь, — парень смог улыбнуться, сквозь кровь, боль и невольно просыпающийся, щекочущий живот, страх. — Твои руки — они в крови. И в крови не просто кого-то, а самых близких мне людей. — на шее Мартена тут же раздулись синие вены, напряглись скулы, а на бледных сдувшихся щеках проступил багровый румянец. Первый румянец с того самого момента, как он пожал руку Демиургу много лет назад, плачущий в том самом памятном горестном районе красивых коттеджей и роскошных садов. Уши Эрика не слушали Демьяна. В том было смысла не больше, чем в салюте в честь поражения. — Родители значили для меня всё, — продолжал его сын. — Они подарили мне частички себя. А всё что ты подарил мне — это банальный огненный амулет! Лишь одна вещь, но ей меня не купить... Я не продамся...

Бледная тонкая ладонь сократила расстояние до кровавой щеки и смачно хлопнула по ней. Хлесткий звук облетел огромную тёмную Цитадель, разбившись где-то в тёмной глухой дали.

На миг наступила тишина, давящая и всеобъемлющая. Не рождалось ни звука, ни шороха. Солдаты попрятались, однако каждый из них всё ещё наблюдал за действиями аристократичного вождя.

«Рука... Он не протянул мне руку. Не дал её, решил, что это всего лишь какой-то жест. Знал бы он, что в моей жизни значит это банальное рукопожатие... Легкомыслие и глупость, он и сам не понимает что делает и говорит. Вся его жизнь и карьера — моих рук дела. Без меня он пустое блёклое пятно, мусор...»

Волна магической силы хлынула во все стороны, несокрушимая и внушающая настоящий ужас. Цитадель качнулась, как будто содрогаясь от немыслимого пинка. Мелкие камни ударились оземь, а лёгкая пыль накрыла шёлковые чёрные волосы.

Взгляд Эрика был суров и гневен. Румянец на щеках спал, уступив место привычной бледности:

— Заприте Демьяна и как следует сторожите его камеру. Чтоб и муха внутрь не

пролетела. Наблюдайте даже за скважиной, пристально и зорко наблюдайте, не смейте и взгляда отводить. В случае чего вы все будете лишены дарованных мной жизнью. Всё, уводите!

Муравьи, прячущиеся и притихшие где-то наверху, повыскакивали со своих мест, миглом окружив обезображенного собственной магией кудрявого смельчака.

— Приказ вы-пол-нять! — насекомые схватили обессилившее тело и понесли куда-то в глубь чёрной залы. Сил сопротивляться не было. Демьяну только и оставалось, что наблюдать да предупреждать своего злейшего врага:

— Расплата за твою жизнь уже идёт. Тебе ещё предстоит познать ту боль, что ты позволил познать остальным. Никто не уйдёт от праведного суда!

— Помолчи лучше. Растяпы, тащите его быстрее!

Отряд затерялся в темноте, оставив вождя сжимать и разжимать так и не принятую его сыном руку.

«Скорый суд? Надо мной? Тогда нужно наказать абсолютно всех, ведь остальные ничуть не лучше меня»

Тишина накрыла обычный, как и у всех жителей этого города чёрный безвкусный муравейник, и то была последняя тишина для ушей вождя Чёрного града. Война приближалась гораздо быстрее личных прогнозов Эрика Мартена... А смерть уже дышала ему в спину...

Грохот множества лап, мерно ступающих по брэнной земле, перенесённой из самого ада невиданной кровавой Пентаграммой; запах гари, скачущий по всему полю и мощным потоком врывающийся в ноздри; громкие лозунги и шелестящий звук дребезжащих на будто бы победном ветру огромных ярких флагов. Их боль была не забыта, их воля подстёгивала каждого из них продолжать марш, зная, что многие так и не увидят плодов грядущего противостояния. Муравьи шли дружным маршем, осознавая, что ведут за своими плечами целое человечество, которого пугала и которому была противна установившаяся в оккупированном городе узурпаторская власть.

— Смерть врагу! Смерть врагу! — скандировало раскинувшееся от края и до края огромное войско. С высоты птичьего полёта оно больше напоминало устилающей чёрную землю гигантский бело-красный ковёр, поразительно быстро сокращающий расстояние до последней живой черты этого города, до последней линии, сложенной из рядком ползущих деревянных башен. Крайние муравьиные отряды бодро отсоединялись от общего ковра, уходя в некие хитро спрятанные подземные укрепления, в которых хранилось всё то, что смогли воины будущего войска нахапать во время тяжёлой рабской трёхлетней службы. Гранаты, огромные бомбы и даже небольшая техника, магические беспилотники и мощная артиллерия, что также работала на сугубо магических импульсах. Коктейли Молотова и ружья, манновые пушки и прочие чудеса современной техники. Муравьи начинали вооружать ползущий вперёд ковёр, что сейчас казался больше не ковром, а пронзающим острым ножом.

Каждый брал в руки то гранаты, то бомбы, то пушки, проверяя в них патроны да радостно поднимая их над головой в победоносном жесте.

— Смерть врагу! Смерть Мартену! — выстрелы дружно пронзали и без того шумное поле, громко воспаряя над ликующим войском. Вытягивая свои длинные шеи, автоматы тянулись ввысь к потихоньку расцветавшему небу и выплёвывали выстрелы, звуком напоминающие диковинный салют.

— Теперь они точно готовы. — поделился мыслями Маврикий, крепко, двумя руками, обхватывая тяжёлый гранатомёт. — Я чувствую — победа будет за нами! Столько лет, трудов, молений и терпения попросту не может пойти насмарку. Верно?

Саркис шагал неподалёку, устремляя взгляд вдаль и интенсивно опираясь на подаренный Авиадом посох:

— Да, победа будет точно за нами. Я не позволю Мартену выйти сухим из воды. Демиург где-то у него... может в плену, а может и мёртвый... Однако я обязан увидеть своего брата! — последние слова маг будто прошипел, отчего никто их так и не услышал.

Края огромной лужи по-прежнему растекались в разные стороны, заходя в потайные подземные здания; в постройки, тщательно замаскированные как магическими печатями, так и обычной чёрной землёй, напоминающей сажу. Муравьи возвращались из тайных укрытий с автоматами, пулемётами, гранатомётами и прочим оружием, которого они вдоволь успели наворовать с недавно построенных военных складов и заводов.

Воздух запах выпущенной сгоревшей манной, порохом, и небольшие столбы дыма гордо воспарили над войском. Солнце давно начало вставать, и даже под барьером стало много светлее. Цитадель виднелась как на ладони, близкая, но одновременно безмерно далёкая.

— Маврикий, каков наш план действий? Цитадель близка, гораздо ближе чем мы думаем. Она уже виднеется у наших ног. — поделился эдемский маг.

— Наша задача ясна и четка — подступить к вражьей Цитадели, окружить в крепком полукольце, уничтожить ближайшие склады с боеприпасами и начать полномасштабную атаку... Увы и ах, но я не могу придумать ничего лучше такого простенького плана. Я ж довольно посредственный главнокомандующий. В маршаллы меня тоже трудно записать. Так что действуем больше по ситуации. Но несмотря на это, я уверен — победа будет за нами! Вперёд! — крикнул Маврикий и всё войско тут же встрепенулось, обуреваемое невиданной охотой вступить в неравный и трудный бой.

Темп ускорился, а гул стал настолько громогласным, что незаметить марширующую армию было попросту невозможно. Мрак окончательно спал на нет, осветив приближающуюся последнюю черту Чёрного града. Дома давно остались позади, мерно охраняющие спрятанных в их стенах жителей. Впереди был рассвет, впереди был конец, но одновременно и начало чего-то нового, другого, более светлого, честного, справедливого и доброго.

— Это солнце, что встало в это утро — оно светит только нам. Оно освещает наш путь, даёт понять, что мы идём сражаться за правое дело! — немного промолчав, мудрый муравьиный вождь поднял на Саркиса свой исполненный сладкими надеждами взгляд. — Скажи мне, ты боишься той силы, что притаилась во вражьей Цитадели?

Эдемский маг чувствовал мощную магическую ауру, что будто волнами исходила из одной точки, одного ядра, такого мелкого и незначительного, что даже и не верилось в его непобедимость и несокрушимость.

— Не думай об этом, друг мой. Мы должны всё преодолеть, должны покончить с этим адом, должны вернуть настоящую землю и мир в сердце каждого жителя. — эдемский маг ничего не чувствовал и мог лишь суровым волчьим взглядом сверлить огромный чернявый муравейник, огромный дворец мерзкого властителя. — Неужели это и есть великий дворец, роскошная Цитадель и царская палата?... Этот убогий дом, что кажется ещё более худшим жилищем, нежели другие дома в городе, действительно не можем принадлежать Эрику, ты со мной согласен? — Саркис не восхитился, но постарался сделать вид. Он всегда был таким. И в Эдеме притворялся, и тут примеряет маски... Что же в нём от человека? Просто оружие...

Края длинющего, тянущегося куда-то далеко смертоносного ковра пришли в усиленное движение, своими действиями начиная масштабное окружение. Склады лежали как на ладони, напару с заводами составляя всю ту военную инфраструктуру, что сейчас была самой главной целью приближающейся атаки. Самый конец закрытого от всего мира Чёрного города невольно становился концом тем, кто его захватил. Ветер подхватывал флаги, заставляя их трещать не хуже трещёток. Все были готовы, готовность читалась в лице каждого из насекомых:

— В бой! — выкрикнул Маврикий, хлопнув своими сетчатыми глазами. — Давайте покажем Эрику и его шайке некромантов кто мы такие, на что способны и почему мы не желаем быть рабами! Мы докажем, что магия есть истинное зло, покажем Мартену, какой ужасной она бывает и как может разрушать жизни. Храбрецы мои — в атаку! — Саркису пришлось прикрыть уши ладонями, не то общий победный крик мог с превеликой радостью разорвать его барабанные перепонки.

Муравьиное войско, состоящее из, по меньшей мере, тысячи насекомых, было готово

совершить бросок, который был обязан войти в историю Нижнего мира, как бросок зарождавшейся свободы.

— Я чувствую эту силу... Она близка, почти у меня под носом. Последний раз я такое ощущал, когда меня приютил мой вечный друг и Наставник — Демиург. Аура Наставника была так же сильна и так же величественна... Эх, рано или поздно всё должно было прекратиться. Но кто ж знал, что всё произойдёт так быстро. — Мартен расслабляюще откинулся на спинку своего трона, наслаждаясь тишиной и покоем внутри чёрных земляных стен. Да, на улице было шумно, огромное количество человек что-то выкрикивало да громко топало. Вместе с сотнями марширующих к Цитадели ног ясно ощущалась чужеродная эдемская магия, что действительно была опасна и неизведанна. — Маврикий, ты всё-таки не подвёл меня. Сильный лидер, способный повести за своими плечами целое войско — я был уверен в твоих лидерских и волевых качествах. У меня всегда был вкус на таких людей... Я же предчувствовал мятеж в твоём сердце.

Тонкие костлявые пальцы барабанили по подлокотникам, волосы аккуратно легли на впалые щёки, а поза ни разу не говорила о страхе или неуверенности вождя Церкви Сатаны.

Внезапно муравейник содрогнулся у самого основания, заходил ходуном, как будто от землетрясения мощной амплитуды. Мелкий камень посыпался на утончённые шёлковые волосы, накрапал на элегантное одеяние и осыпал вьющиеся щербатые рога:

— Мне не могло почудиться... Работала магическая артиллерия... — нарочито медленно подчеркнул самому себе великий маг, принимаясь барабанить пальцами с ещё большим усердием. — Значит они все и вправду собираются покончить со мной, как когда-то давно со мной покончила моя мать и каждый житель в этом чертовом городишке... Только если сейчас причины есть и они весомые, то в то время, когда я был так юн и невинен, когда я не успел и одного плохого слова в жизни сказать, злость других людей на меня была неоправданна и глупа... В те времена люди показали самих себя, раскрыли всю свою уродливость, что пряталась за маской доброты, уважения и счастья, а сейчас... все эти три года я избавлял их от этих ненужных масок, от этих рамок, показывал то, чему сами они меня научили в далёком детстве. Я постарался на славу и теперь каждый из них смог избавиться от людского притворства... Они идут за мной, обнажая своих истинных себя. Обнажая извергов и нелюдей. Всё так, как оно и есть. Без образов и масок, как и должно быть... — вкрадчиво отрапортовал Эрик, искренне улыбнувшись чёрным, трясущимся от взрывов, стенам.

Грохот нарастал. Стены всё также неистово тряслись, норовя задавить великого владыку чёрных земель; где-то вдали рушились здания, уносясь вниз, обращаясь в груды камня, железа и серой пыли. Город погружался в окончательный безвылазный мрак, обращаясь в дымящиеся руины, унося или только готовясь унести с собой жизни целого множества людей.

— Это настало. Они стреляют из некоего магического военного арсенала... Показывают, какие ужасы может творить насланная на нас, как морок, магия. Эти муравьи далеко не из-за подстрекателя Маврикия в бой пошли. Вместе с Демьяном пришёл ещё один, и я даже догадываюсь кто. — Эрик встал с величественно трона, громко прошелестев элегантным одеянием. Плавной медленной походкой маг стал ходить взад-вперёд под неустанным взглядом парочки красно-белых муравьёв... Их усики забавно качались, будто маятники, а глазки неотрывно глядели вниз с уступа, прямо на бродящего Мартена. И в тонких

муравьиных лапах каждого из них покоилась добрая сталь... — Ты был прав, мой Наставник. Он пришёл в наш мир. Наверняка за Тобой, но всё это уже не важно. С собой он заберёт и всех нас. Ему ничего это не стоит. Он же бесчувственный камень, что будет добиваться своей цели, ты сам меня в том заверил. Его не разжалобить, его не сломить, его не убить. И что мне делать с ним в неравной схватке? — бледное лицо Эрика, всё же не обделённое привлекательностью, посмотрело куда-то ввысь, на небольшой уступ, казалось бы, тщательно скрывшийся где-то в тени. — Я приму бой с Эдемским магом, мой Наставник Демидург, я постараюсь сделать всё, чтобы остановить его марш побед в нашем мире! От этого зависит наше общее будущее и Великая миссия, что была возложена на нас, на ваших верных последователей!

Зелёные плети бодро выскочили с руки Эрика, свистя, то сплетаясь, то расплетаясь, летя быстрее самого быстрого ядра. Тоненькие нитки пронзили казалось бы пустующий уступ и свободно прошли сквозь тела муравьёв, продольно разрезая их и позволяя фонтану крови взметнуться над уже мёртвыми, падающими ниц солдатами.

— Демидург, я готов погибнуть за тебя. Ты единственный, кто позволил мне почувствовать себя нужным, родным, настоящим. Первый и последний, кто подарил мне дом, надежду и жизнь! — кулаки Мартена до хруста сжались, в глазах запылал огонь, а на щеках проступил румянец. — Я давно был готов на любой исход. Будь то победа или поражение, я буду драться до конца, чего бы мне это не стоило!

Взрывы ещё долго сотрясали землю, унося с собой всё то военное богатство, что отстраивалось здесь последние три года. Всё вооружение, весь труд муравьёв и обычных людей попросту превращался в пыль под масштабными бомбардировками. Однако Маврикий ошибся, подумав что Эрик сделал ставку на заводы и склады. И именно эта стратегическая ошибка была готова порушить муравьям всю их дальнейшую победу!

В четырёх стенах было тихо. В четырёх стенах было скучно. И больно. Голова раскалывалась от нестерпимой боли, покрытая уже подзасохшей кровавой коркой. Прекрасные кудри её покинули, оставив только лысую кровавую кожу.

Где-то капала вода, а вдали виднелся неясный моргающий свет. Кто-то яро шептался за толстенными стенами, но что именно обсуждали Демьян разобрать бы и не смог, даже при большом желании.

Его тело почти пришло в норму, уже и забыв о страшном потрясении. Человек поразительно быстро мог адаптироваться, приспособливаться к ситуации. И в этом была его некая уникальность...

— Чёрт. Я сижу здесь, за решёткой из старых проржавевших прутьев, просиживая свою жопу, пока Саркис снова один собирается проворачивать опасное и немислимое дельце? Опять постарается меня спасти, вызволить и поддержать, будто я неможное трусливое дитя... Тьфу. — плюнул Демьян, облакачиваясь о сырую позеленевшую стену. Плевок громко шмякнулся на пол, оставив парня без единого ответа...

Юнец сидел здесь без еды, света и воды уже несколько часов. Живот пока ещё не ныл и не урчал, спокойно себе отдыхая в тёмной сырой глухой камере. Пол отчего-то пару раз не хило так трянуло, потому только этого звука Демьян и испугался за всё своё пребывание в сырой камере:

— Всё уже началось, да? Я же слышу как Саркис начал своё вторжение. А я... А я всё ещё здесь, весь такой слабый и беззащитный. — парень долбанул по зелёной от ржавчине

решётке, наблюдая как прутья непоколебимо звенят после удара. Вокруг гордо высились такие же сырые зелёные стены, настолько прочные, что пробить их или найти брешь попросту не предоставлялось возможным. — Думай, думай, думай... Нужно слинять отсюда как можно скорее, нет, нужно слинять отсюда прямо сейчас.

Хоть тело Демьяна приходило в норму, но чтобы встать или, что ещё хуже, пойти куда-то — на это оно пока ещё было не способно. Прямо сейчас парень только и мог, что жаловаться на бесполезного себя да надеяться на какое-нибудь чудо.

Но проходил час, проходил второй, земля дрожала под начинёнными магией бомбами и Демьян чувствовал, что вокруг Цитадели начинался настоящий пылающий ад.

— Навряд ли там один Саркис... Везде себе друзей найдёт, везде победу одержит... Ну вот почему я тоже не могу так, как он?! Просто взять и стать таким же крутым, смелым, уверенным и непобедимым... Вот чёрт! — Демьян схватился за пока ещё небольшие рога и с силой потянул их от злости. Те даже не треснули и парень продолжил агрессию, принимаясь бить толстый пыльный пол, который уже давно не чувствовал на себе настоящего живого человека.

Стук эхом пролетал по коротким и не особо извилистым коридорам Цитадели Церкви Сатаны. И его слышал каждый заключённый здесь живой, будь то муравей или противный склизкий демон. Шёпот за толстой стеной несколько усилился, но даже прислоняя ухо к грязи бетонных камней услышать и понять что-либо было пока ещё нереальным событием.

— Вот чёрт, вот чёрт... Не нужно было кидаться на Мартена, на отца. Я должен был заслужить его доверие, найти подходящий момент... Какой же я однако подверженный эмоциям наивный дурень... — парень с силой потёр виски. — Люди — почему ими так легко манипулировать? Почему они так слабы и глупы? Делают тупые вещи да и думать перед действием вечно забывают... Всё делают больше на эмоциях, как получится... — ноги поскребли потерянный пыльный пол.

Что-то капало в тёмной дали, где-то появлялся очередной проникновенный шёпот. Шептались все без исключения и похоже беседовали не зря... Намечалось нечто долгожданное. Может свобода?

Все чувствовали что мир снаружи окончательно менялся. Несчастные стены тряслись, пол вторил стенам, а всё тело чувствовало как мир неумолимо разрушался и перерождался во что-то новое, невиданное и неизведанное. Для тёмной страшной империи была уготована чёрная беззвёздная ночь.

— Эти взрывы играют ради моих родителей. Слышишь, мама? Это реквием по твоей душе. И по душе моего любимого отца. Настоящего отца, что дал мне много больше этого дурацкого Эрика. И Мартен непременно ответит за все свои преступления и деяния... Егс ждёт справедливый суд и верная смерть. Аминь! — гордо прошептал Демьян, тщательно вслушиваясь в уничтожаемую от разрывов ночь и чувствуя надвигающийся, пока ещё не ясный, но от этого не менее долгожданный рассвет.

Работа шла полным ходом. Отошедшие от ужаса маги носились, как стая клопов. Воздух пропах зноем и духотой, дышать было тяжело и каждый маг обливался потом, снимая свои одежды и оголяя мокрые потные тела.

Камень за камнем устремлялась ввысь новая башенка, ещё более шикарная и грациозная, по сравнению с предыдущей, готовая вновь спокойно возвыситься посреди этой знойной засушливой пустыни. Каждый маг чувствовал ответственность за разрушенную великую твердыню, параллельно осознавая мощь высвободившейся из-под заточения злой силы. Силы, что с лёгкостью расправилась с предыдущим башенным архимагом Доном; силы, что буквально искрила нечеловеческой холодностью, жестокостью и расчётом.

В отдалении от суетящихся магов, на большом деревянном стуле совершенно обычного и непримечательного сруба высиживал, выжидал и отдыхал древний старик, дряхлое тело которого укрывала обычная голубая накидка, мало чем походившая на повседневную одежду обычных людей. Глубокие глаза со старческой печалью наблюдали за медленным поэтапным строительством, боясь заснуть или оказаться в засаде, в окружении огромной армии, что было конечно же ещё хуже и страшнее.

— Все архимаги быстро прознают и о разрушенной башне и об других моих первых подвигах с момента освобождения. — по-старчески медленно, хилым и сиплым голосом пробурчал Авиад, ссохшимися пальцами поглаживающий всклокоченную, так и не вымытую грязную спутавшуюся бороду. — Однако посланное мной письмо просто обязано дать им время подумать, немного отвлечься и пораскинуть мозгами над другими важными вещами. Чёрный град, Мартен и Саркис — всё это должно стать для Ордена много важнее и страшнее, нежели высвобождение одинокого дряхлого старика, я ведь прав?

Гордые бородатые маги, стоявшие по обе стороны от деревянного небольшого «трона» новоиспечённого архимага яростно кивнули головами, продолжая неотступно следить за раскинувшейся пустыней. Войска всего Великого Ордена могли нагрянуть в любой момент. Вера в письмо была настолько же мала, насколько был мал шанс отстроить длинную гордую башню в надлежавшем величии и грации за скудный месяц.

— Зря этот простак Демиург распинаясь о своих истинных замыслах. Так не подобает делать великим умам. Планы всегда обязаны быть надёжно спрятанными внутри головы их придумавшего, а рабам можно сказать всё что угодно заместо истины. Вот тут то наш гений и просчитался, сам попал в паутину и теперь его жизнь в лапах его же союзников. И кто знает, что вздумает каждый из них... — старик противно потёр ладошки. — Война открывает истинные мысли, чувства и сущности людей. Стервятников будет много и каждый захочет занять того же, о чём мечтал Наставник, наш глупый старый Демиург. — Авиад подло рассмеялся, закидывая ногу на ногу. Небрежным жестом старец отправил одного из слуг за расслабительным холодным напитком, а сам откинулся на скрипящую деревянную спинку, принимаясь интенсивно вытирать вспотевавший мелкий лоб.

Авиад всю жизнь был чёрств и ценичен. Также союзник Демиурга и его главный партнёр умел прекрасно играть и притворяться. Даже в глубоком детстве его сердце мечтало быть на сцене в театре в главной роли. Его подлый ум знал План Демиурга, знал амбиции и намерения Великого мага. И навряд ли можно было доверять свои секреты и замыслы такому гнусному человеку, как Авиад. Такому хитрому и мелкому, с противным, как у гиены,

лающим смехом.

Бородатый стражник подоспел со стаканом, злостно обжигающим своим жгучим холодом, и протянул его Авиаду, присаживаясь на одно колено.

— Ниже поклоняйся, падаль. Это твоя работа и ты обязан её выполнять хорошо. — проворчал старик, вырывая стакан из руки дрожащего слуги-богатыря. Авиад действительно наводил ужас на магов и это было неопровержимым доказательством. Легонько пнув бородатого под бок, старик припал к стакану, орошая засохшее горло холодненькой водицей, что будто благодать разливалась по всему уставшему от зноя телу. Слуга же, потеряв уязвлённый бок, поспешил встать рядом со своим другом, опять принимаясь молча смотреть на раскалённую от солнца даль.

Рабочие продолжали тащить булыжники, обрабатывать их, ставить друг на друга, потихоньку отстраивая разрушенное Саркисом. Шпатлёвки до поры до времени хватят, а в случае чего можно было спокойно дойти до пограничного рынка, хоть на том тракте и участились террористические акты. И Авиад даже знал, по какой причине и кто отдавал эти приказы... Он знал всех лично, поимённо и пофамильно...

— Флотлер необходимо воздвигнуть в кратчайшие сроки, не более чем за месяца три. И не смейте мне бубнить что-то о погоде или усталости. Вы стараетесь в первую очередь для себя, дурни! — Авиад пресёк очередную попытку магов отдохнуть и как следует пожаловаться. Каждый тяжело вздохнул и принялся за работу, уже с полуслова полу-жеста понимая друг друга.

Камень за камнем, ступень за ступенью башня росла и росла, пока солнце поглаживало только что отполированные свежее поставленные камни. Маги осознавали, что сами создают себе хорошие условия, выкладывают себе прохладное комфортное место, строят собственный ночлег и Авиад этим пользовался и делал это подло, цинично, смотря с висока на презренных рабов, хоть в сущности и сам был рабом на побегушках Наставника.

— Это точка ключевая в нашей схеме. Я её обязан отстроить как можно скорее да с должным качеством. Магия обязана течь сквозь неё как через гладкий податливый грунт. Это важнее, чем жизнь любой твари. Важнее может быть лишь сам План...

Старик барабанил по подлокотникам, нервно облизывая пересохшие тонкие губы. В пустыне было жарко и тяжело, но сам Авиад сейчас находился в относительной безопасности, нежели его бывший рогатый друг и соратник. А ведь в эту самую секунду Эрику Мартену и его режиму грозила скорая смерть...

Снаряды громко взлетали над головами ликующих муравьёв. Флаги развевались на жарком ветру, что дул с разгорающихся и рушащихся заводов, складов и укрытий муравьёв-предателей, тех, кто так и не присоединился к доблестной армии Маврикия. Ракеты свистели, выжигали огненные дорожки и плавно вонзались в здания, тут же разбрызгивая тонны манны и ярких искр, похожих на вечерний разноцветный салют.

Глаза Маврикия яростно пожирали магическое представление, боясь пропустить хоть один мимолётный всплеск маны:

— Красиво, не так ли? Магия чудовищна, ужасна, это худшее оружие, что дано нам прямо с пелёнок, но несмотря на подобные факты я вынужден признать — эти всплески, эти взрывы и эти реакции — всё это бесценно. Даже магия способна быть завораживающей и прекрасной... Я как глава муравьиной армии тебе это говорю. Я вижу силу и прелесть магии, но признаю её коварность и ужас. То что произошло со всеми нами может служить

даже больше, чем доказательством. Магия ужасна. Она действует не хуже радиации, но одновременно полезна и нужна. В ней и проявляется сила людей... — заключил Маврикий, по-прежнему восхищённо взирая на диковинную свистопляску. Грохот яростно давил на уши, а гул войска позади вытянутой спины эдемского мага норовил оглушить даже до отчаяния глухого.

Никто не успевал драпануть с заводов и множество рабочих, руководивших всей кухней тех мест, погибали под складывающимися стенами, под огромными кусками ещё дымящихся магических снарядов или под падающими наземь потолками. Здания по очереди ложились вниз, пока огромные пушки старательно вливали в длинные искусно сделанные боеприпасы ману, данную им от муравьёв-солдат, пока эти же большущие пушки прицеливались и точно выпускали жужжащие, кричащие и визжащие снаряды, что моментально разрывались на части, обломками крушась вниз под ударный гимн победного взрыва устроенного ликующей муравьиной армией. Никто не успевал выйти из-под непроницаемого общего пылевого облака, заставшего всё то, что непреклонно застыло позади чёрной Цитадели великого врага всего человечества.

— Всё то что строил, то и пошло против. Вышло из повиновения. Вот и вся мораль: не строй того, что легко может обернуться против. — Маврикий коротко откашлялся. — Мартен уже точно готов к битве, но продолжает отсиживаться в берлоге. Небось ногти кусает, думая, как справиться с теми, кто считались в его глазах обычными презренными рабами.

Главнокомандующий распинался, красноречил и счастливо размахивал руками, однако Саркис и не думал слушать наивного обиженного дурачка. Его взор был обращён к приближающейся Цитадели и к тому, чья аура ощущалась всё лучше и лучше, всё ближе и ближе.

— Сколько прошёл, через что прошёл и с кем прошёл, и всё же я здесь. Враг уже передо мной. Наверняка готов к бою, наверняка чувствует меня и давно понял, что за сила находится в моих руках. Мартен — истинно сильный, по-настоящему Великий маг и это будет моя первая значимая победа в этом мире. Эрик обязан выложить мне всё что знает о брате, о тайной магии и о некромантии. Я не уйду отсюда, покуда не свергну этот режим и не вытащу из мага всё то, что мне так необходимо знать. И Авиад... Тот старик был явно не тем, кем стремился казаться. Он врал и врал о всём, теперь это яснее голубого неба! — дым огромной завесой накрывал все заводы, поглощал множество складов и убивал множество предателей. Тех муравьёв, что прогнулись под сатанистским диктаторством и побоялись выползти на вольную, свободную и справедливую борьбу, уничтожал и душил тех муравьёв, чьи умы предательски отринулись от собственного народа и собственной свободы.

Грозные здания уверенно падали вниз, хороня всех причастных к их созданию. Магия оказалась чересчур смертельна, а всё оружие предательски оборачивалось против собственных создателей. Ракеты и снаряды изящно вылетали из длинных кованых стволов, полудугой огибая раскинувшееся от края и до края величественное войско и устремляясь вниз, со свистом и радостной победной песней на устах. После каждого такого прилёта слышался мощный хлопок, сопровождающийся дымным облаком, разрывом сконцентрированной маны и снопом разноцветных искр, разметающихся ветром по всей площади огромных заводских коммуникаций, поджигая всё больше и больше, уничтожая и уничтожая всё построенное за последние три года.

— Как громко хлопают эти магические игрушки, даже слуху приятно. Наши пушки и

артиллерия ещё долго будут громыхать, покуда не разбомбят абсолютно всё, до самой границы Чёрного града. Мы избавим мир от этой страшной угрозы. От рабства, издевательства и ужаса! — провозгласил Маврикий и его усики нервно дёрнулись в разные стороны. Конечно, он всем сердцем ненавидел то чудовище, что разрушило множество жизней и судеб, в первую очередь существенно нанеся урон самим муравьям. Мартен заставлял убивать, принижать, воровать, он делал всё то, за что его и ненавидели. Но кто его сделал таким, в чём было становление вражьей личности? Может всё дело было в тех самых, казалось бы, «хороших безгрешных людях»?

Эмоции же управляли даже этими несчастными людьми, что навсегда превратились в мерзких придорожных муравьишек, с убогими хитиновыми панцирями на спинах и противоестественной красно-белой расцветкой.

Пушки тряслись как любовники в постелях, с неистовой страстью забрасывая склады своими драгоценными подарками. Здания взлетали в воздух, разорванные в клочья, опустошённые и превратившиеся лишь в напоминание былой силы, что была запрятана в казалось бы прочных и несокрушимых стенах. Муравьи, предавшие своих кровных братьев, также гибли под огромными осколками ракет и снарядов, уже совершивших свою работу и под конец своих жизней послужив ещё одну важную финальную службу.

— Никто из предателей нашего народа не убежит от суда! Такие как они заслуживают ещё более жестокой и кровавой смерти! Но мы милостивы и даже та мана, что активно вливается в боеприпасы, настолько мала и ничтожна, что они обязаны ещё молиться на нашу доброту и снисходительность! Вперёд мои братья! Вливайте магию в наши разящие копья и пусть каждый осознает насколько мы грешны и ответственны за то, что стало с некогда прекрасным городом! В бой! — боевой дух так и хлынул в тела муравьёв, начав циркулировать по телу не хуже маны. Каждый крепче перехватил данное ему в руки оружие, проверил свою решимость и готовность ринуться в бой. В последний бой против того Зла, что крутило, вертело и пользовалось каждым из них долгие годы.

— Ура! Ура! Ура! Смерть врагу! — скандировал бесконечно тянущийся вдаль ковёр, в разных частях которого стали поднимать флаги ещё выше и пафоснее. Сердца горели не хуже огня в печи, а все мысли заменились только одним громким гулом:

— Уничтожайте, крушите и низвергайте! Только так мы сможем хоть немного очиститься от той крови, в которой мы заморали не только руки, но и собственные сердца. В бой! — брякнул главнокомандующий, с гордостью принявшийся наблюдать за то и дело пускаемыми снарядами.

Теперь воины по максимуму вливали своей маны в огромные пушки, а пушки в свою очередь напитывали бомбы, ракеты и другие боеприпасы ещё более жирной и дикой силой. Свист и взрывы повсеместно окружили Саркиса и богатырю только и оставалось, что наблюдать за разрываемым от дыма и ракет серым небом. Шлейф и гарь, копоть и остатки маны тянулся прямо до заводских домов, нещадно полосуюя небо. И такие дорожки буквально образовывали огромную и крепкую небесную паутинку, в которую было уготовано попасть всему руководству Церкви Сатаны. Той Церкви, что осталась без единого контроля и пожрала собственные правила и истоки, взяв курс лишь на террор, мучения, лишения жителей и обогащение и без того зажавшихся любителей роскоши и чужих страданий.

— Авиад ещё там, в Флотлере, почти со слезами рассказывал о здешней идеологии. Он говорил, что любая магия здесь под запретом и пресекается самым жёстким методом. Но как я погляжу Мартен напротив устроил здесь целую магическую империю, вдобавок к этому

совершив тайное и неизвестное почти никому в этом мире заклинание Пентаграммы. — снаряд за снарядом изящно попадали в последние высоченные ветки из труб, металлической обшивки, бетона и арматуры. Будто праздничный салют, магическое вооружение безо всяких проблем рушило, крошило и уничтожало, оставляя после себя лишь пустошь, свалку из металла, копоти, грязи, пороха, остатков ракет и маны. — Лживая и бесконтрольная идеология превратила весь город в царство анархии и сатанизма. Всё здесь пропахло грехами и людским горем... Мне действительно всё равно на этих людей, что как трусливые суки укрылись и до сих пор укрываются в своих муравейниках, я их презираю и плюю в их лица, но если эта тварь хоть как-то посягнула на жизнь Демиурга... — гнев подобрался к голове и кулакам, шипя и превращаясь в первые тонкие языки пламени. Костёр начинал разгораться и потушить его не мог ни самый сильный ветер, ни торнадо, ни даже цунами. — Этот убогий чёрный нарост в виде закрытого города мог жить и жить, если бы Мартен не посмел посягать на моего брата... Я обязан увидеть его и увидеть живым, в добром здравии и с ласковой лёгкой улыбкой на лице... Я хочу поговорить с ним как раньше, в старые добрые... Мне это нужно как никогда раньше. Я... Я не знаю что со мной, но мне так грустно когда его нет рядом... Я скучаю по тем вечерам, по тем разговорам... Я обязан увидеться с ним во что бы то ни стало, где бы он ни обитал и где бы ни находился.

О Демьяне Саркис и не вспомнил, полностью уйдя в себя, в свои воспоминания и в свои пробуждающиеся эмоции. Первые и единственные эмоции, что он когда-либо испытывал. Камень треснул, наконец просочив первые языки огня, что назывался человеческой душой. Хоть он относился с теплотой лишь к брату, это всё равно были настоящие эмоции, те самые долгожданные, которых Саркис ждал и которые ненавидел в других людях...

— Господин Саркис, вы что-то говорили, я бы хотел... — Маврикий отпрыгнул назад, едва успев увернуться от рухнувшей во все стороны горячей волны воздуха. Огонь взъярился, напоминая древнего дракона из легенд, расправившего крылья и приготовившегося к нападению. — Куда же вы так рванули... Эм, господин Саркис...!?

Эдемский маг будто приобрёл широченные живые пламенные крылья. Гордо вздохнув и потряхнув головой, богатырь продолжил нестись к Цитадели, летя под взрывами снарядов, сопровождающихся яркими отсветами и ударными волнами, мешавшими даже его огненной стихии. Прокрутив посох, эдемский маг улыбнулся, хоть его глаза и остались каменны:

— Пока мана бурлит в моём теле, я буду сражаться и сражаться. За Отца, за несчастных братьев, за разрушенный Эдем! И Демиург... Я обязан переговорить с ним и чем скорее, тем лучше!

Маг действительно надеялся встретить своего брата в Цитадели, он верил в это и ждал момента. До чёрной неприглядной стены вражьей Цитадели оставалось всего ничего и удары снарядов с каждым приближением становились всё громче, ужаснее и страшнее. И этот ужасный гром становился лишь прелюдией к масштабному музыкальному произведению, имя которому война!..

Шум за спиной только усиливался, заставляя появляться стыдливым мыслям поскорее прикрыть уши и лечь в тёплую кровать, подальше от происходящих событий. Стены тряслись и мелкие камни щедро сыпались на чёрный, пахнувший сыростью и гнилью, земляной пол. Шёлковые волосы Эрика будто небольшие змейки струились по плечам и спине, а кончики некоторых коротких волос неприятно щекотали шею.

Снаружи всё свистело, гремело и гроыхало, на потеху каждому муравью. Что-то рушилось, и рушилось не просто что-то, а целые здания, что массово, друг за дружкой, ложились наземь с разных сторон и с разной скоростью. Тёмная зала неистово шаталась, продолжая не верить в наступление на неё самого настоящего вооружённого войска. Цитадель отныне не могла оставаться в спокойствии, пока вокруг неё падали ракеты, бомбы и снаряды, до отказа начинённые магической силой, что так была чужда и ненавистна каждым муравьём.

— Боже, столько маны заключено в каждом из боеприпасов... Она вихрится, сливается друг с другом, проникает сама в себя и превращается в единое неразрушимое целое... Такого тайфуна я не ощущал ещё никогда. Неужто это начало конца моей истории? — спросил Эрик, проверяя осталось ли его лицо бледным и как обычно безучастным. Да, всё было именно так. Как обычно, как всегда, как надо, как подобает. — У любой истории, насколько бы крутой, интересной и мудрой она не была, всегда есть свой финал. Грустный или же весёлый, справедливый или же подлый, а может бесчестный — всё это не столь важно.

К огромной передней тёмной стене неслась долгожданная и по справедливости невероятно мощная сила, сконцентрированная в одной плотной несокрушимой точке. С каждой секундой Мартен чувствовал её всё лучше и лучше, кожей, ногтями и даже собственными волосами.

— А это, как я полагаю, наш долгожданный и особо любимый герой. Маг, хитрый и изворотливый, прямиком из Эдема, мечтающий подмять под себя всех, всё и вся, в силу собственного внутреннего безумия и неуравновешенности. Герой, что жаждет прикончить меня и выпытать любое знание после моего поражения. Однако... с чего он решил, что моя история кончится именно сегодня? — несколько равнодушно расплылся в улыбке рогатый правитель, потирая белые тонкие костлявые ладони, лишённые как физической силы, так и мяса.

Послышался лёгкий непродолжительный свист, короткий, как спичка. Нечто коснулось внешней стены Цитадели, заставив её разойтись во все стороны змеящимися трещинами да зашататься, как местной пьянице. Эрик приковал туда свой взгляд, наблюдая, как большая часть настоящей, казалось бы, несокрушимой и стойкой преграды разваливается, трескается и норовит в считанные секунды прекратить своё существование.

Стена в последний раз отчаянно пробурчала нечто невнятное, окончательно распадаясь, разламываясь и градом осколков сыпясь прямо на чёрный пол. Свет рухнул на тощую фигуру Эрика, заставив правителя Церкви Сатаны вздеть руку к лицу, прикрываясь от давно им невиданного и оттого крайне чуждого глазам яркого серого света Чёрного града.

Грохот прокатился по сводам муравейника, заставив стены кричать ещё сильнее и постыднее.

— Так ярко у меня в городе. Даже учитывая оборонительный барьер... — удивился

Мартен, предприняв очередную попытку посмотреть в раздроблённый разворошенный новенький проход.

Гордая фигура эдемского мага стояла прям меж острых краёв, воздевших свои чёрные концы прямоком в подобные им пики, ошетиливавшиеся на самом верху громадной дыры. Сила удара была высока и опасна, и остатки маны, проникшие в огромный чёрный зал Цитадели, ясно и чётко говорили об убийственной мощи используемой магии.

— Этот свет чересчур ярк для моих глазах. Неужто ты возьмёшь и нападёшь на меня прямо сейчас? Даже ни о чём не спросишь? — поинтересовался Эрик, по-прежнему шуря зрение.

Саркис держался невозмутимо, безразлично и гордо. Огонь обрамлял его фигуру, тонкими язычками кольшась вокруг богатырского тела. Посох, плотно зажатый в его крепкой руке, незаметно источал лёгкие блестящие снежинки, с лёгкостью подхватываемые танцующим пламенем.

— Я мечтал встретиться с сильным духом и бодрым мужчиной, с величайшим из ныне живущих магов, однако неужели ты и есть Мартен? — каменным строгим голосом спросил Саркис, презренным взглядом окидывая бледного, тощего и светобоязливого червя, мелкой точкой расположившегося в самом центре главного зала Цитадели. — Нападать сразу? А как же выпить тёплый чай, запивая им домашнее сдобное печенье? Заодно я скажу тебе всё, что накопилось во мне за целое огромное путешествие в вашем мире. — ехидно продолжил Саркис, в противовес своим словам лишь сильнее выпуская бушующий огонь.

— От тебя так разит необычайной магической скверной... Ты очень похож на Демиурга. Такой же знатный, мощный, опасный и гордый... Очень жаль что в твои планы входит сокрушить мою империю. — будто с досадой пропел Эрик, но в его голосе были издевательски-насмешливые ноты, что с лёгкостью выдавали игру Великого мага.

— Мы начинаем с самого вкусного? — облизнулся Саркис. — Где Демиург? Где мой брат? Кто он тебе — рассказывай всё.

— Демиург, да? Он сейчас в лучшем для него месте. Я всё предусмотрел, спланировал и подготовил. Его никто не найдёт, никто не убьёт и не сможет и пальцем коснуться...

— Кто он тебе? — прокричал Саркис, внезапно покраснев. Глаза гневно блеснули и где-то в центре них показались глубоко запрятанные слёзы. — Ты обязан немедленно мне всё выдать, рассказать, иначе я уничтожу весь этот гребанный город! — маг раскинул руки в стороны, показывая всё то, что был готов стереть с лица земли в ту же секунду. — Дай мне с ним встретиться, Эрик, я прошу тебя.

Вместо всего Мартен только звонко рассмеялся, запрокидывая голову да трясясь, как больной эпилепсией:

— Вот это ты конечно расклеился так расклеился. Дал всё же слабину, раскрыл себя...

— Нет... Это не так... Я ненавижу тех, кого ослабляют эти сраные чувства... Я же не хочу быть как все. Совершать глупые поступки, говорить дебилские вещи, умирать из-за каких-то непонятных эмоций... Я же другой, ты не прав...

— Да я прав, прав. Ты тоже слабый, как и все остальные люди. Мы все одинаковы и только кажемся разными. Думаешь, я не прав? — Мартен отбросил руку от лица, отныне спокойно смотря на ворвавшийся в Цитадель свет и на помрачневшего от гнева противника, такого же сильного мага, как и он сам. — Каждый может воровать, убивать, смеяться над ближним. Каждый может ненавидеть, желать смерти...

— Нет, нет... Не мерь всех по себе! — позади спины эдемского мага тут же

распустились широченные огненные крылья, аперья на них то и дело шевелились, словно живые.

— Верно, я мерю всех по себе, ибо я такой же обычный человек как и все остальные. — продолжал рассказывать Мартен. — И я прекрасно вижу, что такое люди. Что в них чёрного, а что белого... Я слышал от самых добрых и порядочных в свой адрес такое, что ком в горле так и появляется... Вот скажи мне, Саркис, да? — богатырь медленно кивнул, стараясь хоть немного вернуть себе невозмутимое и каменное состояние, но всё было напрасно. Сердце отчаянно билось, разозлённое и уязвлённое. Настоящее. Живое людское сердце. Даже в таком как он оно имело место быть. — Вот скажи мне, как самые добрые, честные, воспитанные и порядочные люди не могли помочь мне и впустить в свой дом? Погреться, поесть, отдохнуть?... Всем этим хорошим людям по большей части было наплевать на моё одинокое шествие по родным улицам, никто ничего не спрашивал, не интересовался, не предлагал мне руки помощи. А когда я говорил им, что мне нужны были еда, тепло, да хоть самая маленькая кровать, старая и в клопах, что они говорили? И в грязь окунали, и посылали, и открыто ненавидели... Они желали смерти маленькому ребёнку, потому что ему посчастливилось родиться с уродскими наростами на лбу. А ведь я тоже был обычным человеком и также как и все люди хотел жить, иметь семью и чувствовать тепло... И тогда то все эти людишки и показали серость, ненависть и мерзость... Они наглядно показали, что даже самые достойные из них настолько же достойные, насколько можно назвать достойными самых мерзких и отвратительных преступников.

Мартен сплюнул, безразлично окинув взглядом застывшую фигуру врага, трясущуюся от ежесекундного взрыва и ужасного грохота, что будто чума нёсся всё дальше и дальше, от завода к заводу, от склада к складу.

— Теперь они живут как им подобает. Лишились своих добреньких масок и счастливых улыбок... И не смей защищать всех этих тварей, актёры из них было и без того плохие и никчёмные. — скривив лицо, Эрик пару раз дёрнул рога, как бы проверяя на месте ли они. Такие шершавые и тёплые, они давно стали его родными рожками... Он их принял, как и истинную глубоко спрятанную суть людей...

— Ещё раз спрашиваю — кем тебе приходится Демиург? — Саркис был настойчив и упорен в своих словах.

— Тебе было совсем не интересно? Ты же вообще меня не слушал... Демиург для меня спаситель, отец, друг, наставник. Тот, кто тоже хорошо притворялся, но тот, кто делал это достойнее остальных. Понятное дело, что я обычная пешка в его Планае, а сейчас так и вообще не нужен на его шахматной доске, но он первый, кто действительно старался... Первый, кто хоть что-то сделал лично для меня, одинокого и отвергнутого целым городом, целым миром.

Молчание было недолгим. Две огромные по силе магические ауры не могли сдерживать свои силы так долго. Они не могли притворяться друг перед другом и мечтали сделать первый ход. Мечтали вступить в ту битву, что была неотвратимой с самого начала. Мечтали вступить в ту битву, что была обязана изменить весь магический мир до самых корней.

Мартен всё понял с мимолётного вздоха эдемского мага. Зелёная слизь покрыла его тело мощной бронёй за считанные секунды. Зелёная, вся живая и бурлящая, слизь была готова к бою.

Огонь вспыхнул яростнее прежнего, громко крича о своей грядущей победе. Посох заискрился чистым снегом и тоже вопил о готовящейся бойне.

Стены тряслись, земля ходила как подкошенная, и на этом фоне два магических чудовища смотрелись ещё более зрелищно и опасно.

Зелёный и рыжая фигуры присели, словно готовясь к прыжку. И каждый из них уже прекрасно знал финал...

Зелёные стены по-прежнему давили, а глаза слезились и нещадно болели.

— Вот чёрт, эти облепленные говном стены и ржавые прутья в качестве моих соседей смотрятся ужаснее некуда. И как же мне отсюда выбраться? Мои раны давно зажили, я уже готов схлестнуться хоть ещё разок с Мартеном, без разницы. Осталось только понять, как можно отсюда слинять...

Зелёные стены тряслись как заведённые, но ни единая трещинка не могла помочь в их обрушении. Построены они были на славу, вот и весь сказ. Путья абсолютно всех решёток начинали свою звонкую песню, будто сопровождая чудовищным взрывом, развернувшимся вокруг великой Цитадели Эрика.

Неясный шёпот и быстрые гусиные шаги эхом прокатывались под полукруглым каменным потолком. Кто-то смог пробраться в тюремные камеры и Демьяну только и оставалось, что смиренно ждать в окружении холода, голода и сырости.

— Неважно кто ворвался сюда. Враг ли, друг ли, нас обязаны выволить отсюда и позволить присоединиться к войне. Я чувствую этот вихрь маны, это определённо лишь начало конца врагов, что позволили себе лишиться жизни всех моих родных... Я не прощу этого, слышишь Эрик? — парень громко ударил раскрытой ладонью по грязному воняющему полу. — Для них я даже после смерти верный добрый щит и я никогда не прогнусь под таким злом, каким вы безо всяких сомнений и являетесь... Да восторжествует в этом месте справедливость и победа! — громко прокричал Демьян, понимая, что новоприбывшие сюда гости его явственно и отчётливо слышали.

Топот усиливался. Вероятно ворвавшиеся в подземные тюрьмы приближались даже быстрее, чем Демьян предполагал. Где-то в отдалении слышались голоса, а шагов становилось всё больше. Двери скрипели, вероятно долгожданно открываемые новоявленными спасителями. И голоса становились громче, множественнее, ближе.

Морщась от боли, но стараясь не обращать на неё столь пристального внимания, Демьян смог подвинуться ближе к ржавой решётке, наконец заметив ходящие по зелёным коридорам тёмные тени.

Где-то капала вода, шумя и соловьём разливаясь под полукруглым сводом; по краям коридоров бегали мыши, попискивая да юрко бегая друг за дружкой; светильники тускло освещали проход, то и дело злобно моргая, а может и таинственно подмигивая.

— На самом деле жутковатая темница. — буркнул под себя парень, внезапно складывая руки рупором и принимаясь истошно выкрикивать. — Сюда, все сюда! На помощь! Я требую незамедлительного освобождения! Слышите?

Ответа поначалу не было и Демьян даже начал подозревать себя в невиданном на его памяти психозе. Правда вскоре парень выдохнул, ведь смог заметить под тусклым светом дешёвой лампы тонкое красно-белое муравьиное запястье, обладатель которого копошился не так далеко от камеры Демьяна.

Потирая окровавленную практически полностью лишившуюся кудрей голову да потрагивая мелкие шершавые рожки, так сильно напоминающие рога Мартена, Демьян прислонился к вонючим прутьям, смиренно ожидая подмоги, всё ещё тяжело дыша и вина

себя за совершенно неверные действия.

На том самом месте, где предположительно находился один из невысоких тощих муравьёв, что-то громко щёлкнуло и следом послышался скрип давно не смазанных петель. Снова шаги и снова голоса, но теперь Демьян их прекрасно понимал:

— С-спас-сибо что спасли меня!.. Вы же... Вы же о-о-отпустите меня на волю, правда? — заикался какой-то дряхлый немощный старик, вероятно мирный житель, переступивший дорогу Эрику и сейчас крайне пожалевший о своём решении быть сильным, гордым и независимым от сатанистского режима свободным человеком.

— Мы для того и пришли сюда. Уходи, покуда Цитадель ещё стоит. Скоро её не будет, как возможно и всего города. — уйдя в свои мысли, невнятно и размыто пробурчал муравей.

— А что это за грохот? И твои слова... Объясни, я же не понимаю...

— Вот выйдешь на свежий воздух и всё увидишь собственными глазами. У меня мало времени, прости. Ребята ждут... — муравей виновато почесал лысую смешную голову и забавно пошевелил усиками-антеннами, махая старичку в сторону выхода и приближаясь прямо к Демьяну.

Клянясь, подбирая бороду да потрагивая обыденный в Чёрном граде тёмный глазастый демонический наспинный груз, старик поспешил убраться прочь от осточертевших зелёных гнилых стен, сырости и ржавости воняющих прутьев.

Неспешные аккуратные шажки добрались быстро и незаметно:

— Ты же ведь сын Мартена, так? — голос был надрывным, детсковатым и малость тонковатым.

— Сын, сын... К сожалению. — буркнул ещё недавно обильно покрытый кудрями молодой парень, а сейчас покрытый кровью, серьёзный, побитый жизнью мужчина, готовый и давно смирившийся со смертью на поле боя.

Тонкими ручками муравей пытался из целой огромной блестящей связки найти подходящий ключик, но под взрывы действие было сильно затруднено и нужный так и не находился.

— Они совсем оборзели со своими взрывами... Как они смели начинать без Цитадельных муравьиных братьев, а? Ведь прекрасно понимают, каково работать на этого изверга в его же собственном доме... Мы его ненавидим не меньше, ведь каждый день такой ужас и волнение... Уххх... — жаловался муравей и в его голосе слышалось такое презрение, что Демьян улыбнулся. Сквозь боль. Сквозь очередной прилёт, сотрясающий подвальные стены.

— Так, вот и он. — небольшая металлическая вещица нужной формы самым аккуратным образом вошла в отверстие, смело прокрутившись в нём пару раз. Раздались щелчки и дверь с ужасным скрипом отворилась, напоминая музыканта толком не умеющего играть, что долбанул смычком по струнам скрипки.

— Выйти хоть сможешь? А то мне ещё вон, других спасать. — по-доброму произнёс муравей, своими мелкими сетчатыми глазами наблюдая за вполне себе бодрым поднятием на ноги только что освобождённого.

— Спасибо тебе, брат. Успехов в бою! — Демьян искренне обнял насекомое, ощущая внутри него настоящее человеческое тепло.

— Спасибо. Удачи и тебе. Не прогнишь под своим отцом. Он не только худший папка, но и самый отвратительный гнилой человек на свете. Сам же всё знаешь, в чём он повинен, за какие грехи ненавидим... — человек и насекомое отпрянули друг от друга, начиная

расходиться в разные стороны да бодро махать друг другу.

Вскоре муравей сошёл с пути, уйдя куда-то налево, а зелёный коридор так и тянулся вдаль. Уже изрядно разошедшийся трещинами, так и норовивший треснуть окончательно, финал прохода уже был в поле зрения Демьяна.

— Неужели я не боюсь? Это... Это так непохоже на меня. Впереди верная смерть и этот шанс высок как никогда, однако мой щит по-прежнему совершенно не треснутый, а наоборот прочен как никогда... — задумчиво удивился Демьян, как внешне, так и внутренне более не напоминающий того хлюпика, каким он являлся ещё совсем недавно.

Битва продолжалась, стены трещали, а выход был гораздо ближе и ближе. И впервые этот долгожданный выход становился входом — входом в финальную бойню против самого ужасного режима правления в истории Нижнего мира!

Огненные драконы яростно пикировали вниз, громко ревя и виляя длинными чешуйчатыми хвостами. Лавируя меж стремящимися их уничтожить зелёными плотными плётками-лезвиями, еле касаясь их своими широченными огненными крыльями, драконы вырыгивали мелкие шипящие пламенные шарики, бодро несущиеся к врагу.

Эрик радостно улыбнулся и из-за склизкой зелёной жижи показались человеческие зубы:

— Как же весело, именно таким мне тебя и описывал Демиург. — пара неровных зелёных шаров изящно рухнули в огненные и воздух замерцал от яростных взрывов. Драконы же пустили огненные струи в плотные зелёные плети, спустя мгновение полностью их разрушив, превратив в мелкие мягкие прутики, ложившиеся подле главы Церкви Сатаны. А оставшиеся в воздухе склизкие болотные шарики катапультировались в брюха пламенным ящерам, весело наблюдая за окончательным их растворением в воздухе.

Всё стихло. Остался лишь терпкий запах слизи, огня и дыма.

— Ты такой же смешной, как и твоя хваленая Цитадель. Разве в таком убожестве может жить маг, сила которого превосходит любую магическую силу в мире? — насмешливо поинтересовался Саркис, внутри которого разгорался костёр от безумной улыбки врага, тело которого было полностью покрыто зелёной слизью, превращая его в невероятно опасный ком чистой силы.

— Цитадель смешная? Хах, — нервно рассмеялся Мартен. — Она лишь немногим больше обычного муравейника, в котором живут мирные жители... Я же говорил, что люди одинаковы и скучны. Неужто я должен жить как-то иначе, чем те мрази, что показали мне свою истинную природу? Я же такой же, как и все они. Каждый из нас грешен и повинен в одном и том же, различие лишь в том, что ненавидят одного меня за то, что я не похож на всех остальных. Лишь рога выделяют меня от прочих тварей, ты же и сам это понимаешь...

Огонь неожиданно взъярился, словно вставая на дыбы. Эрика следовало ликвидировать прямо сейчас, пока эта безумная больная скверна не выползла за пределы уничтоженного этой страшной идеологией города!

Эдемский маг всё-таки прыгнул, мягко приземлившись на свои богатырские ноги. Огонь горел не столько вокруг его тела, сколько в глазах. Они буквально пылали боевым духом и жадной сражения. Наконец перед Саркисом был по-настоящему достойный враг и этот самый враг был обязан пасть на землю.

Мартен и не собирался ждать. У самой ноги Саркиса, буквально из-под земли вырвалась хлёсткая плеть, сразу же обхватив лодыжку и потянув несчастное тело мага в воздух.

— Предвидел что я прыгну? — нелепо размахивая руками да пытаясь хоть как-то помочь себе пламенем, Саркис прокрутился в воздухе, держась лишь на одной зелёной прочной нити. Пару раз крутанувшись маг всё же направил на плеть яростную струю огня, что спустя время разорвала на части тёмно-зелёную слизь.

Ловко приземлившись на ноги, Саркис даже улыбнулся:

— Неплохо, Эрик, неплохо. Умеешь развлекать. — в пылу только начавшегося сражения маг и не заметил невероятную схожесть той магии, что использовал враг, с магией несчастного узника и щита Демьяна. — Однако игры играми. По силе равные богам должны меньше шутить, согласен? — с намёком подчеркнул Саркис, явно больше не хотя

смешливого несерьёзного боя.

Нога поддалась назад, крепко-крепко напрягшись. Приняв беговую стойку маг проверил крепко ли сидит посох в его руке и хватит ли маны на дальнейшие действия. Под презренные взгляды Мартена эдемский маг сомкнул глаза, глубоко вдохнул и тронулся с места, ногами еле косаясь земной тверди. Почти летя вдоль чёрных трясущихся стен, под гул, грохот и взрывы, маг буквально загорелся ярким пламенем, наблюдая за разбежавшимся, куда более медленно бегущим Эриком.

Глава Церкви Сатаны больше издевался и старался понять и предвидеть резкие повороты и виражи Саркиса. Неожиданно повернувшийся направления и прибавивший в скорости богатырь подхватил лёгкое тощее тело и, повернувшись с ним в воздухе пару ловких кругов, буквально впечатал зелёную тварь в землю, выпустив жидкий огонь прямо в её прижатое к земле тело. Тварь отчаянно закричала, извиваясь под напором горячей стихии и пытаясь вырваться из-под огненного плена, однако всё было бесполезно. Вдобавок слизь начинала сторать, терпя сокрушительное поражение одному из плодов мага Эдема.

Кое-как выдержнув ноги Мартен постарался убежать, то и дело морщась от боли, однако вторая стихия оказалась много быстрее уставших, придавленных и прожжённых ног диктатора. Ледяные змейки зашипели, отыграли пару колец, параллельно обвиваясь вокруг друг друга, а спустя секунду и вокруг сгоревших лодышек Эрика. Хрустя и искря лёд сковал тело Мартена и в его глазах заиграли огромные чёрные пятна. Такие перепады температуры никак не могли быть проигнорированы обычным человеческим телом. Отгибаясь и приливая к рукам всё больше и больше маны Саркис кое-как прицелился, отпуская вперёд целый жирный жидкий столб огня, с головой накрывший рогатого человека.

Запах жареного распространялся быстрее громкости взрывов снаружи, а яростное пламя осветило весь главный зал, вгрызаясь и вгрызаясь в тело Эрика. Лёд тут же растаял и Мартен смог продвинуться дальше, почти падая на землю, чувствуя приближающуюся смерть, чувствуя невероятную боль и чувствуя уходящую из тела магию.

— Аааа, это не честно, аааа, — резко упавший Мартен смог выйти из-под бушующего огня. Струя пламени сама по себе была не столь быстра, что несомненно играло врагу на руку. Пару раз нелепо кувыркнувшись Эрик оказался под пламенем, невольно радуясь потерявшему голову врагу. Две зелёные нити ринулись вперёд, стремительно сокращая дистанцию до забывшегося противника. Нити прошли сквозь тело, тут же впитав в себя всю горячую эдемскую кровь.

Волчьи яркие глаза широко распахнулись, а ладони опустились вниз, перестав как продуцировать стихию, так и начав выпускать серый дым.

— Приятно, да? — окрасившиеся в красный магические нити остановили свой ход, казалось бы незначительно поменяли направление и устремились снова к Саркису, вновь с лёгкостью пройдя сквозь его тело, будто нож через спелое сочное яблоко. Глаза богатыря раскрылись ещё сильнее да и крови хлынуло много больше и обильнее. Наконец гость из Эдема припал на колени, глубоко дыша и держась за окровавленные больные бока.

Мартен же встал на то и дело трясущиеся ноги, снова улыбнувшись, хоть в этот раз и через силу:

— Сильнейший да на коленях — что может быть лучше? — чёрные пятна обильно покрывали тело главы Сатаны и одного взгляда на него хватало, чтобы понять — его тело буквально прожарили в невозможной по силе температуре, превратили в тёмные корки, буквально уничтожили большую часть магической силы Великого мага из Чёрного града.

— Посмотри на себя. Прожарка удалась на славу, как я погляжу. — белозубая улыбка Саркиса, в отличие от ухмылки Мартена, была гораздо искренней, живей и лучше. Несмотря на боль, забыв о ней, о чувствах, забыв вообще обо всём богатырь улыбался.

Посох поднялся в воздух и будто гвоздь водрузился в землю. Ледяная дорожка зазмеилась к Эрику, заставив последнего не хуже кузнечика скакать с одной стороны на другую, уворачиваясь от трескучего и холодного замораживающего всё подряд магического пути.

Прыгая и убегая от корки, попутно юрко уворачиваясь от плотных снежных комков, Мартен послал три зелёных бумеранга, два из которых вернулись назад ни с чем, а третий прилетел к хозяину с новой порцией крови, в которой даже находилось немного вражеской маны.

Сорвавшись с места Мартен начал свой разбег, внимательно наблюдая за каждым действием пытающегося подняться эдемского мага. Зал был достаточно большим для крупной битвы, места должно было вполне себе хватить, и именно поэтому Эрик не боялся раскрыть свой потенциал по полной.

Больше напоминая тиранозавра, чем человека, Эрик бродил вокруг Саркиса, то и дело совершая резкие атаки огромными зелёными сетками. Богатырь пытался уворачиваться, но каждый раз хоть один край задевал мага, снова и снова ставя на его лице всё более ужасающие и кровавые шрамы.

Мартен старался на славу, всеми силами пытаясь сделать всё возможное для более быстрых и маневрированных атак. Шары своим краем, бурно шипя, задевали чёрную обтягивающую куртку, а кнуты и сетки изматывали и без того изрядно уставшего врага. Однако так ли он устал? Да, силы было меньше да и ранений стало много больше. Но тревожное чувство никак не хотело покидать прожжённое сгорбившееся тело магического динозавра.

Ещё два шара яростно покинули зубастую ящерную пасть, мягко приземлившись прямо в казалось бы уставшее вражеское тело. Саркис пару раз шатнулся, дёрнулся, хрустнул шейей и внезапно бодро вскинул голову, возобновляя шлейф огня, из которого тотчас же соткались крылья. Посох вновь заискрился и Эрик опешил:

— Копил ману. Вот идиотина, столько боли получил вразмен на силу. И что он собрался теперь делать? — голос зелёного жидкого динозавра отчего-то слегка задрожал. Враг воистину пугал его своей статью, величиим и решительностью. Ещё ни в ком не было такой божественной силы...

Саркис ловко подмигнул, перехватил посох и буквально взлетел на своих крыльях. Оставляя за спиной шёлковые огненные дорожки и треск пламени, богатырь резко завернул, молниеносно подлетая к незащищённой спине опешившего врага. Подставив крыло, маг как следует врезался в покрытую зелёной бронёй спину врага, восхищённо наблюдая за её разрывом. Слой за слоем она распарывалась, открывая новую свежую рану.

В ответ на эту атаку зелёная плеть ещё раз прошлась по лицу Саркиса, оставив явный кровавый след и магу пришлось отлететь.

На таких широких и гибких крыльях, под свист и шелест Саркис кружил вокруг Эрика, наблюдая за его отчаянными попытками: то пустит привычные уже шары, то плетью хлестнёт несчастный воздух, то постарается предугадать траекторию и молниеносно напасть, что, как мы видим, получалось сложно и в общем-то безрезультатно.

Крутой вираж, ещё один гибкий разворот и три пламенных шарика, обильно плюясь

огнём, с огромной скоростью сократили расстояние до открытой спины Мартена, угостив её чужой маной.

Враг же не сдавался, морщась да отряхиваясь от красных угольев, пытаясь не подать и виду, ведь о контрастном наступлении пока и речи не шло.

Саркис взлетел вверх, прижимая крылья к богатырским бокам. Взлетев, маг сбросил несколько бомб, что громко и звучно разорвались чётко вокруг Эрика. Перемешиваясь в единый стон, превращаясь в один неостановимый гул и грохот, взрывы вскоре уступили место огромному чёрному облаку из дыма и гари.

— Я всё ещё чувствую его магическую ауру. Правда мне немного не повезло. С последнего момента она стала более раскрытой, огромной и стремящейся уничтожить меня по-настоящему... — всё так и было. Мартен решил принять бой грудью о грудь, воин против воина.

Дым моментально развеялся, небольшими струями летая по огромному залу. Зелёное тело выскочило из-под дымовой завесы, ловко допрыгнув почти до земляного потолка просторной залы. Сетка понеслась вперёд, моментально столкнувшись с неистовым огнём, потёкшим прямо с широкого крыла. Мощный взрыв прокатился по сводам и яростно разделил двух врагов.

Громкий свист заставил Саркиса поморщиться. Не менее огромные чем у него самого крылья вспороли воздух, оставляя за собой тонкие зелёные дорожки слизи. Буквально превратившись в птеродактиля Мартен закружил вокруг Саркиса, при любом удобном моменте рубя его одним из своих крыльев. Кровь полосками ложилась на землю, а самому эдемскому магу пришлось кружить по более мелкому кругу, потихоньку подстраиваясь под темп и скорость врага.

Пара огненных шаров пролетели мимо, рухнув где-то под взлетевшими ввысь полубогами. Струя пламени понеслась напрямиком на летающую тварь, но та почуяла и ускорила, оставив огонь без обильной жатвы. Оставив за спиной жидкое варево, Эрик совершил жёсткий вираж и рухнул прямо на спину эдемского мага. Тот даже вздрогнул, ощущая как слизь перекачивается на его тело, прожигая куртку и достигая кожи, норовя оказаться внутри его тела и окончательно уничтожить его. Половина спины оказалась во власти слизи и богатырю пришлось прекратить огонь, тут же крутанувшись в воздухе и вцепившись своими огненными крыльями во вражьи зелёные. Огонь и слизь ступили в противостояние, крылышки нещадно согнулись друг перед другом, чуть ли не с криком пытаясь согнуть своего противника как можно сильнее. Огненные волны яростно отлетали в стороны смешиваясь с мелкими зелёными склизкими каплями. Мана разыгралась ни на шутку, заставив обоих врагов как следует пропотеть.

— Этот бой больше похож на драку детсадовцев, неистово сосущих сосок родной мамки. Хочешь я покажу тебе истинную силу, Мартен? Хочешь чтоб я не сюсюкался с тобой? — спросил Саркис, с явным намёком на своё превосходство.

Зелёные крылья не могли взять вверх. Отчаянно сопротивляясь да пытаясь изгнать ужасные огненные, они прогибались и прогибались, напоминая балерину на сцене театра:

— Раз такой смелый, то попробуй. Только зубы не обломай, ладно? А то твоё превосходство остаётся под очень большими сомнениями, сам же уже понял.

Пламенная пара крыльев отринула от врага, а сам Саркис неплохо так отлетел, заставив главу Церкви Сатаны по инерции пошатнуться. Радостная мина озарила его покрытое слизью лицо, вновь обнажая белёдые зубы.

Саркис тем временем весь вспыхнул, готовясь применить обе стихии разом. Маны бы хватило, богатырь чувствовал это. Хрустнув пальцами и шеей, маг ринулся вперёд, облачая кулаки в жаркие перчатки.

Мартен был готов к атаке. Подставив плеть, больше со смехом наблюдая за приближающейся огненной фигурой, Эрик принялся отражать удар, параллельно готовя гигантский контрприём.

Богатырские руки врезались в зелёную сеть, твёрдую как сталь, прочную как чугун. Они врезались в самую толстенную сеть, созданную из обычной маны, но та никак не поддавалась. Град пламенных ударов посыпался на неё и после каждого такого громыхающего палённого удара в воздухе вырисовывались удивительные магические узоры.

Удар. Удар. Удар. Богатырская рука пробила сеть, а вторая доделала работу, разбивая её в мелкие ободранные частички. Мартен успел соткать немного зелёных шариков, но те лишь с шипением приземлились Саркису в грудь, на что тот отреагировал обыкновенным молчанием.

Рука, объятая бушующим огнём, схватила летающую тварь за горло, наблюдая за ничего непонимающим взглядом противника. Две фигуры стрелой пустились вниз, своим весом и скоростью рассекая несчастный воздух. Стрела гордо вонзилась в землю, словно ставя точку в этом бою. Второй оранжевый кулак как следует прицелился и опустился вниз, а потом ещё, ещё и ещё. Тело Мартена трясли и трясли, словно куль с мукой. Его опрокидывали, швыряли; лицо, покрытое уже довольно почерневшей слизью, познакомили с жарящим и трескучим бутонем розы, а само тело врага всего человечества вбивали как гвоздь в доску.

— Ну что, слабаком ты оказался. И кто тебя бояться то мог, а? — сплюнул Саркис, схватившись за рядом лежавший посох и принявшись вливать в него всё новую и новую ману. Вот посох уже заледенел, облизнулся, приготовился к жатве. — Ты и правда не такой как все. Создал такое ощущение силы и величия... Неплохой актёр, но твоя пьеса уже окончена. — Лёд уже был готов сорваться с деревянного красивого посоха, с аккуратного прекрасного голубого наверхия...

Эрик не сдавался. Это был бой не просто за его будущее, но и за будущее Плана, великого Замысла. Ранее казавшаяся обессилевшей и сдавшейся рука схватила наверхие, прикрыв его своими пальцами и не дав магии сорваться. Второй рукой, не менее бодрой и решительной, Эрик двинул эдемскому магу по скуле, ногой тут же выбивая посох куда подальше. Отныне бесполезная деревяшка отлетела где-то в глубину зала, оставив после себя лишь летающее гулкое эхо.

— Думал я уже сдался? Ха, сдаться можешь ты, а мне терять больше нечего! — обе ноги сплелись вокруг туловища Саркиса и слизь, будто превратившись в одну большую змею, спокойно обвила богатыря. Ноги разомкнулись и в ту же секунду пырнули магу грудь. Богатырь смог лишь ахнуть, а Эрик уже вырвался из-под врага, принимаясь бросаться зелёными дымящимися снарядами.

Обескураженный Саркис не видел выхода. Он недооценил силы противника, не ощутил, не понял, не подумал. Мартен разбежался, как следует впечатав своё тощее колено в нос противнику. Потом он схватил потную голову и принялся бить её этим коленом с таким остервенением, что синяки плодились быстрее насекомых. Раз. Другой. Третий.

Небрежным жестом Мартен отбросил тело мага и в ту же секунду в каждой его руке появилась крепкая плеть. Размахивая ими, рассекая воздух, он бил врага и бил, вслушиваясь в приятный свист и не менее приятные хлёсткие удары. Плетки сливались с воздухом,

отчаянно колотят и колотят Саркиса, и казалось дело осталось за малым...

Неожиданно обе плети оказались в крепких мужских пламенных руках. Искры озарили лицо Саркиса и Эрик с ужасом увидел на нём гримасу такого бешенства...

Слизь распалась в считанные мгновения, а следующего удара глава Церкви Сатаны так и не успел ни придумать, ни тем более сделать, совершенно не ожидая контратаки мага из Эдема. Подхватив врага Саркис полетел вдоль земли, одной рукой удерживая его, а другой размазывая слизь по всему его телу. Удар. Удар. Удар. Огненное дыхание напористо рухнуло на Эрика, ярко освещая тёмную залу. За противниками тянулся общий толстый зелёно-оранжевый шлейф, яркие обжигающие глаза искры и капли практически уничтоженной слизи сплетались в единый луч, в общий след.

Обезображенное дымящееся чёрное тело то взлетало, то пикировало вниз, оказавшись под властью размашистых ударов. Саркис вертелся не хуже юлы, дубася тело чем придётся. Эрик же, как бесполезный мешок, летел с одного угла в другой, нещадно сжигаемый и уничтожаемый невероятной стихией.

Нога, рука, голова — Саркис пинал врага словно мяч, выплёскивая всё то, что долго копилось даже в его, казалось бы, закаменевшей чёрствой душе.

Наконец богатырь подхватил летающее тело и нещадно окатил его пятью огнешарами, наблюдая за последними вдохами сатанистской мрази:

— Именно так ты и должен был издохнуть. — почти всё тело Мартена было окровавлено и лишено зелёного покрова. Сожжённые волосы, несчастные закатывающиеся глаза, дым и остатки горящего на его теле пламени — вот каким был портрет некогда Великого мага. — Никакой пощады, слышишь? Но и смерти ты не получишь! — пригрозил не менее окровавленный и потный Саркис, с удивлением наблюдая за лёгким смешком из уст Мартена.

— Я же говорил, тупой маг из Эдема, мне терять больше нечего! — самая толстая плеть из последней живой маны и слизи, еле сползающей с почти убитого тела, ловко изничтожила расстояние и вонзилась аккуратно в живот Саркиса, словно дрель начав крутиться внутри его плотного мужского тела. — В этой битве победителей не будет. Мы же оба сильны, ты и сам это понимаешь... Давай, добей меня, добей! Швырни хоть ещё пару тысяч раз! Швырни меня, давай! Или я сам прикончу тебя!

Богатырь раскрыл рот, ощущая как по зубам и языку течёт кровь. Кислая, терпкая, его собственная эдемская кровь.

Схватив Эрика за плечи Саркис пустил по всему его телу огонь, наблюдая за тем, как он, будто спичка, ярко и бодро зажётся. В следующую секунду тело пуль полетело вниз, удаляясь и удаляясь от Саркиса, превращаясь в мелкую точку. Вслед за диктатором нёсся пламенный дракон, рычащий и призывающий к себе. Его хвост мягко прошёлся по телу диктатора Эрика, лапы вгрызлись в плоть, а челюсти сомкнулись прямо на шее.

Яркий взрыв, сотрясший стены Цитадели озарил всё вокруг и отбросил несчастный сгоревший мешок куда подальше. Тот навряд ли дышал и навряд ли когда-нибудь мог продолжить бой.

— Неужто это и был Эрик Мартен? Я даже не почувствовал его силу. Обычный выскочка, возомнивший себя полубогом... — выговорил уставший и практически убитый Саркис, в то время как огненный дракон всё ещё пожирал несчастное тело великого диктатора и даже смерть Мартена не могла остановить эту голодную яркую искрящуюся тварь...

Всё стихло и даже на улице не слышалось ни единого звука. Взрывы прекратились, как и великая битва двух полубогов.

Около трона всё ещё дымилось чёрное поджаренное тело Эрика Мартена, уничтоженное злой, яростной и крайне агрессивной стихией. Сизый дымок тонкой струйкой порхал над бездыханным обугленным мешком с костями, а Саркису этот дымок напоминал душу, выходящую из тела поверженной и павшей наземь жертвы. Душу того человека, что боялись долгие годы, на кого не осмеливался пойти даже объединённый Орден магов. Душу того диктатора, что принял на себе роль настоящего разрушителя, повелителя грехов, того мага, на которого бы мог злиться каждый человек в мире, которого бы все поминали лихом и обвиняли в своих тяжёлых сложных жизнях.

Массивный, гордый, роскошный трон молча наблюдал за последними секундами жизни главы Церкви Сатаны. Безмолвно, преданно, как подобает верной собаке он надеялся что хозяин придёт в себя, встанет на ноги и сможет занять заслуженное место на троне повелителя Чёрного града...

Но дым струйкой тянулся ввысь, оставляя и эту Цитадель, и этот мир. Трон был пуст и отныне мог пустовать хоть лет сто, избавившись от сильного, изувеченного самой жизнью бессменного повелителя.

Но что-то было не так. Да, бездыханное, разворошенное чёрное тело, напоминающее угли в мангале, ничком лежало на земле, фактически сливаясь с этим тёмным пейзажем. Тишина окутала главный зал, став полноценной его хозяйкой. Даже снаружи город притих, будто ощущая смерть вождя...

Незаметная на чёрном фоне тень, бегая на четвереньках и по-собачьему сопя себе под ноги, юркнула к бездыханному телу, уткнувшись своим носом прямо в зажарившуюся корочку. Саркис же беспокойно озирался... Ему точно что-то не нравилось. То было предчувствие? Или остро проникающее в мозг знание? Может сигнал, что в зале было ещё одно донельзя сильное и противное Нечто?...

Чёрное чудовище посопело, смотря в раскрытые еле двигающиеся глаза Эрика.

— Моя... в-война... окончится не так... Я обязан увидеть сына... Самое дорогое, что осталось в моей жизни... — прохрипел казалось бы поверженный враг, поглаживая участливую огромную демоническую морду. — Мне стыдно что я с-соврал... Я не могу умереть... Просто не могу... Давай, Адам, эдемский брат Саркиса, сделай свою работу... — глаза чёрного трупа призакрылись, а лёгкие еле вздымались, совершенно отказывающиеся работать.

Демон Адам зевнул, внезапно схватив чёрное тело и принявшись забираться на него, словно всадник на лошадь. И тут маг почувствовал...

— Будто поглаживание... Меня кто-то тронул? Такая мягкая аура... — богатырь повернул голову, широко распахивая глаза и явственно ощущая как ветер ворвался в залу, подхватив его слипшиеся длинные чёрные волосы. — Адам... Брат... — вместо человека из Эдема его взору предстал угольно-чёрный демон, по всему телу которого шли белые витые узоры, глаза которого горели красным адским светом, когти которого напоминали тигриные, такие острые и сверкающие, а пасть буквально светилась ярким белым ослепительным светом. Тварь улыбалась, полностью усевшись на своего хозяина, Эрика Мартена, и накрыв

его отныне бесполезное тело своим мощным и свежим демоническим.

— Как ты сюда попал, брат? И... Неужто все эти демоны, обитающие в горячем огненном подземном мире на самом деле... Чёрт. Все смертные попадают туда, в эти стены ада, и превращаются в омерзительных чудовищ?... Отец, за что... Почему именно так... Разве так должно быть? Разве это честно и справедливо?... Даже если человек был хорошим, мудрым и добрым, ты всё равно превращаешь его вот в такого демона, подобные которым сейчас сидят на плечах каждого жителя этого города?

Адам облизнул и без того белёдые зубы своим розовым ловким длинным языком и слюни обильно закапали с его пасти, орошая чёрную землю.

— Да, ты всё верно понял, маг из Эдема. Это демон и его зовут Адам. Ранее он был сильнейшим из изгнанников с того самого вашего сада, но после смерти он превратился в изящную зверушку, послушно готовую делать абсолютно всё, что нам от неё надо. Неужели ты сможешь убить родного брата? Ведь его истинное подсознание, отнюдь не подконтрольное нашей магии, всё ещё живо и наверняка помнит тебя. — хриплый голос Мартена заставил целый рой мурашек напасть на незащитное тело Саркиса.

— Вот тварь. Где в тебе хоть что-то святое? Пентаграмма, подчинение умерших людей, контроль с помощью них населения и бесконечные грехи, уничтожающие людские судьбы... Какая же ты сволочь, Мартен. Самый гнусный и ужасный человек в мире, только притворяющийся отражением всех людей... Они ведь не все такие плохие и ужасные, ты же сам это прекрасно понимаешь. Многие люди по-настоящему прекрасны и заслуживают уважения. — богатырь сплюнул и с удивлением заметил, как попал в чёрный обезображенный нос бывшего брата и друга, бывшего родного и близкого человека.

«Адам... Прости меня»

Демон улыбнулся и ринулся с места, а откуда-то из глубины чёрного тела слышался смех того человека, которого Саркис считал уже мёртвым и уничтоженным... Того человека, которого ещё предстояло убить!

Многие люди впервые за долгие месяцы повылазили из своих небольших муравейников, наблюдая за раскрасившимися небо яркими взрывами, уничтожающими всё то добро, что люди проклинали годами.

Яркие салюты озаряли тусклый рассвет и на сердце каждого дедушки, молодого человека или старенькой бабушки становилось теплее, радостнее и лучше. Казалось, все беды их покидают, как их покидали заводы и склады, рушившиеся на мелкие части и лежащие на землю как бесполезный и отныне ненужный ковёр.

Однако среди жителей ещё никто не знал, что всё худшее впереди...

— Ты куда вышла? Быстро возвращайся! Нас посчитают врагами! — как баба завопил бородатый мужик, пригибающийся под тяжестью глазастого безинициативного демона.

Средняя лет дама, худая как палка, молчаливо, как и многие другие собравшиеся, смотрела на салют в честь падения режима угнетающего их вождя. Однако она чувствовала и нечто другое, неосязаемое и недоступное пониманию. И не только она это чувствовала. У многих на глазах алмазами застыли слёзы, хоть все были обязаны радоваться возрождению в этих землях хорошей и справедливой для них жизни...

Народ буквально заполнял широкие коридоры меж надоевших убогих муравейников. Все выходили из домов, с радостью смотря на горящий горизонт их родного города.

— Папа, смотри, там праздник? — малыш, на миг забыв о тяготах жизни и о тяжести

демона на спине, искренне добродушно заулыбался, смотря на плачущего осунувшегося отца.

— Малыш, да — это праздник. Самый настоящий праздник.

— Тётя Клара, тётя Клара, бросай дела. Всё... Всё рушится! — восклицала молодая грязная оборванная девушка, подзывая свою старуху, боявшуюся выйти наружу.

Земля тряслась, но впервые в истории человечества это вызывало на лицах людей только тёплые и благодарные улыбки.

— Неужто Мартен погибает? Как... Этого просто не может быть! — рядом стоящие соседи подхватили потерявшего равновесия деда, раскрывшего рот от шока и не верящего в увиденное.

Потихоньку каждый из прогнанных и подчинившихся людей становился сильнее, пересиливая внутренний страх и ужас, выходил из своих муравейников без всякого на то дозволения и каждый чувствовал одно и то же. Каждый видел падение символов узурпатской сатанистской власти, видел разрушение и смерть той мощи, что каждый житель проклинал, ненавидел и мечтал уничтожить своими руками.

— Мы так долго мечтали об этом, в тайне молились, боясь что правительство прознает... Мы сможем жить как раньше? Неужели это... п-правда? — мужчина схватился за лоб, разрывающийся как самая слабая и эмоциональная баба.

Толпа неистово заплодировала своим спасителям, тут же боясь даже вспомнить эти потёмки, эти налёты на свои дома, это воровство и рабство, пришедшее к ним три года тому назад. Каждый видел как завершался самый страшный бесконечный день сурка в их жизни.

— Долой его, долой Эрика Мартена! — закричал кто-то в толпе, полностью отдавшись мысли о прекращении адских мук. Свобода и надежда захлестнули их сердца, заставили поверить, что всё обязательно и непременно будет хорошо, прям как раньше...

— Долой Мартена, долой Мартена! — кричали люди, смотря на яркие взрывы, разрывающие воздух и уничтожающие построенное тем человеком, что превратил их жизни в ад. И никто из этих тысяч людей так и не вспомнил, не признался и не принял свою вину и свою тёмную сторону, какую они показали маленькому рогатому мальшу. Все эти люди тоже превратили его жизнь в настоящий одинокий ад, в его личный котёл, и каждый из них был грешен не меньше того самого злобного диктатора.

Весь город высыпал на улицу и у каждого на сердце было одно и то же. Долгожданное освобождение, вера в будущее и надежда на смерть истинного для них врага, возвращённого действиями Чёрного города. Города, который стал Чёрным далеко не три года назад. Который был таким ужасным и отвратительным всегда, с самого своего основания...

— Мой демон... — прошептал один мужчина, ощущая некие движения на спине, ранее не свойственные помещённому туда багажу. — Эта тварь двигается! — завопил мужик, внезапно ощутив на своей шее острые сверкающие в свете взрывов зазубренные когти. Лапа провела вдоль напрягшейся от ужаса шеи, заставив фонтан крови отчаянно забиться из разорванной сонной артерии. Несчастное тело рухнуло наземь, под истошные крики опарашенной и шокированной толпы.

— Ни одно действие в мире не остаётся безнаказанным. На всё есть своя цена. И ни одно сожаление, извинение или же доброе дело не способны лишить тебя заслуженной расплаты. — длинный язык прошёлся по зубам и Адам на четвереньках побежал в атаку на напрягшегося эдемского мага.

Под радостный победный муравьиный салют люди стали разбегаться, толкая друг друга, пихая, забывая все свои хорошие и добрые качества, забывая о тех масках, что им были положены для ношения.

Демоны по очереди пробуждались, отрывая головы, вгрызаясь челюстями в шеи, кровожадно пуская кровь своих хозяев. Демоны — обычные умершие люди, до Пентаграммы жившие в аду, уничтожали своих же собратьев, показывая истинную тёмную сторону любой, даже самой доброй души.

Жители бежали, кричали, кто-то молился, кто-то забивался в угол, с ужасом ощущая пробуждение своей чёрной тяжёлой твари на спине. Многие спотыкались, игнорировали беды и страдания других, никто и не думал схватиться с демонами и спасти окружающих. Стадо убегало от диких, как собаки, чудовищ, совершенно ни о чём и ни о ком не думая. И чем эта толпа была лучше чёрных сторбленных демонов?

Праздник в мгновение превратился в кровавый рассвет, в час расплаты за всё то, что совершал каждый из жителей. Демоны группировались, грызли, накидывались, убивали детей, дедушек, бабушек, мужчин и женщин, убивали всех подряд, зачищая улицы от стада рабов, которые даже со свободой на плечах всё равно были бы рабами. Жестокими рабами, что делали всё, лишь бы казаться хорошими и добрыми в глазах остальных, таких же улыбающихся и доброжелательных притворщиков.

— Мамочка, я не хочу умирать. Пусть сдохнет Эрик, прошу... — голова мальчика изящно отлетела в сторону, разорванная когтями собственного демона.

— Сыночек... — постаралась поволноваться мать. — Выведите нас отсюда! Я не хочу умирать! Я не хочу... — группа горбатых чёрных красноглазых тварей набросилась на несчастную эгоистку, разорвав и оставив её тело вокруг таких же трупов, буквально заполонивших ещё недавно праздничную улицу, душа эту невероятную долгожданную для всех жителей атмосферу.

— Прочь с дороги, падаль, я же не успею убежать! — пихнул старика мчавшийся сквозь дорогу юнец, что пытался спасти только свою собственную шкуру.

— Я же не успею протиснуться. Гребанные медлительные суки, туда вас всех лучше, к Эрику. Всё равно все поголовно бесполезны и негодны. — кричал другой мужчина, расталкивая таких же старавшихся спастись людей как и он.

Кто не успевал спрятаться, отползти, убежать, тут же разрывали на мелкие кровавые части. И на плечах каждого человека мало-помалу пробуждалась собственная смерть, почти ничем и не отличающаяся от обычных людей. Живущая ради себя хищница, которая презирала и ненавидела больных, немощных и мешающих, вечно злая и голодная ненасытная тварь.

Демоны восставали, уничтожая собственных хозяев. Город платил страшную цену и готовился стать общей могилой всему ужасу, что поселился на его территории...

Задние ряды огромного муравьиного войска беспокойно развернулись, зорко смотря в сторону людских кварталов. Члены небольшого отряда пристально рассматривали некую возню около главной широкой улицы, по обе стороны от которой высились чернявые муравейники.

— Там крики. Может проверить? — неловко поинтересовался муравей, перехватывая данную ему в руки пушку.

— Придётся. Они бы сами никогда не вылезли из своих домиков. Командир! — усатое

важное насекомое, стоявшее неподалёку от забеспокоившихся воинов, обернулось, внимательно слушая донесение. — Разрешите нашему отряду отступить к главной улице.

Командир нахмурился, тут же в чём-то заподозрив своих солдат:

— Без ясной на то причины вы и ногой туда не двинетесь! — прикрикнул красно-белый муравей, смотря в глаза каждому члену своего отряда.

Говоривший солдат же не растерялся и чётко отрапортовал:

— Мы слышим крики и видим возню. Люди сами бы точно не высыпали на улицу. Их явно выкурили оттуда и мы обязаны проверить что их заставило пойти на невозможные для них шаги. Разрешите? — закончил солдат. Командир вопросительно поднял бровь, с недоверием осматривая своего подчинённого. Солдат же продолжил. — Это не дезертирство. Никак нет! Небольшая спецоперация по защите населения. Мы считаем армию нашим долгом и никогда не отступим от своей службы!

Командир заулыбался, аккуратно кивая своей небольшой муравьиной головой:

— Хорошо. Я разрешаю вам отлучиться. Но недолго! Будь там за командира! — с улыбкой сказал он. — Штурм вот-вот начнётся. Нам будут необходимы все силы, вы должны это понимать. А теперь валите! — крикнуло усатое насекомое.

— Так точно, товарищ командир! — отсалютовали новоиспечённый командир отряда и остальные сорок муравьёв, уже отдалявшихся от гигантского тянувшегося вдаль войска.

Вскоре они пересекли черту и оказались на главной улице, полностью залитой густой, как кетчуп, кровью. Тела людей валялись на чёрной дороге в окружении голодных снующих туда-сюда адских демонов. Где-то в отдалении кричал убегающий прочь народ, настезь распахнутые дома впервые совершенно пустые стояли под порывами ветра.

— Это... Это же невозможно, да? — тело муравья задрожало, стряхивая с его лица всю маску невероятно смелого солдата. Руки же еле обхватили пушку, прицеливаясь к единственному демону, красными глазами уставившемуся на подошедший отряд. С его клыков капала прозрачная вонючая слюна, а белый узор на неестественном теле пугал не меньше хитрого огонька в глазах голодной твари.

— Приготовиться к атаке! — провозгласил новоиспечённый командир, тут же трусливо сглотнув. Остальные твари понемногу начали поворачивать свои чёрные головы, искоса поглядывая на насекомых, поднявших пушки и уже готовых стрелять.

— Может нам вернуться...

— Заткнись! Нельзя допустить атаку на тыл. Мы давали долг, забыл? Не отступать и делать всё от нас зависящее для победы.

Отряд паник, прицеливаясь в теперь уже целую группу смотрящих на них демонов. Горы трупов наполняли улицу и жирные мухи уже кружили над свежими пачками тел. Где-то вдалеке восстание продолжалось и мирные люди продолжали умирать друг за другом. Было ясно что от вольного народа Чёрного города останутся единицы, если хоть кто-то переживёт нападение вышедших из повиновения тварей ада, ранее бывших людьми.

— В бой! — скомандовал самый смелый муравей, вышедший в первые ряды уже изрядно испугавшегося тылового отряда.

Пушка спела свою песню, выпуская свистящую орущую пулю. Пролетев быстрее воздуха она попала в пустое место, раздробив землю на мелкие камушки. Демон успел молниеносно отпрыгнуть, тут же попавшись на парочку пуль вылетевших уже с другой стороны.

Тварь завывала, хватаясь за уязвлённый бок, пытаясь отпрыгнуть дальше и побыстрее, но отряд стрелял на опережение, ранил и ранил воющее угольно-чёрное зверское чудовище.

Оно кидалось из стороны в сторону, минуя большинство снарядов, в пустую бьющих по давно мёртвой земле, пыталось убежать или пойти в атаку, но всё равно получало пули в свои чёрные бока.

Группа демонов смотрела на страдающего брата, но никто из них и не собирался ему помогать. Зарычав и облизнувшись твари медленно, с долей осторожности подступали к ведущему огонь отряду, думая как именно и в какое время следует совершить атаку.

Одно чудовище тронулось с места, быстро оказавшись прямо у направленного в лицо ствола. Пуля вылетела из дула разорвав половину головы демона, но тому было всё равно. Придавив солдата своим весом, чудовище впило в него свои когти, в один миг вспоров муравью красно-белый живот.

— Эмиль... Вот чёрт, держись! — череда выстрелов оглушила округу. Демон поник и рухнул наземь, погибнув в поднявшейся пыли. — Нужно проверить как он...

— Не время! — демоны накинулись разом, кто на кого, игнорируя свистящие в воздухе пули. Люди не могли соревноваться в скорости с эдакими чудищами. Большинство солдат тут же оказались в когтистых лапах, роняя оружие, пытаясь хоть как-то отбиться от громоздких чёрных тел. Но всё было напрасно...

— Назад, назад! Их слишком много... Джек, берегись! — несколько пуль проделали хорошие дымящиеся дырки в теле твари, однако ничто не могло остановить голодного демона. Длинные вонючие клыки были последним, что увидела двадцатая жертва адских чудовищ.

Командир отряда с ужасом наблюдал как его товарищей пожирают и раздирают буквально на куски. Глаза разбегались, он уже не знал в кого стрелять и кого спасать. Миссия была определённно невыполнима...

— Я не могу отследить их движения. Они слишком быстры, молниеносны и опасны... Боже, парни, покойтесь с миром. Я и не думал, что навлеку на вас смерть... — раскаялся командир, бессмысленно выстреливая последние патроны.

Практически ни одна пуля не достигала цели, а если и достигала, то максимум сдирала с их кожи незначительный кусочек. Тела бойцов лежали в собственной крови, под рычание и улюлюканье толпы врагов. Оставшиеся вокруг командира солдаты бросали пушки и бежали куда подальше.

— Другого выхода у нас нет... Простите, товарищи. Я не хотел всего этого. Но... но ваша жертва не будет напрасна. Мы заранее обозначили для себя новую угрозу и должны сказать вам огромное спасибо! — последний патрон попал в глаз демона и тот красиво лопнул, как спелая клубника. Тварь остановила ход, принявшись корчиться от боли, и только этот выстрел позволил командиру и остаткам отряда начать отступление. — Уходим, уходим! Мы предупредим наших. Грядёт ещё один неизбежный бой. Так и доложим начальству!

Последние бойцы отряда бежали к общему войску, ни в коем случае не оборачиваясь и не думая о смерти. Они просто не могли умереть. Они должны были доложить о восстании.

Демоны же проводили врагов ненавистными взглядами и продолжили поедать доблестно погибших бойцов. Слабаки их мало интересовали, в отличие от свежего мяса под носом...

«Неужто в этом справедливость и честность?... Мучатся в Нижнем мире, борются с грехами и становится лучше, добрее и честнее. Пытаться не совершать ужасное, помогать обездоленным и беспомощным, любить и ухаживать за другими... Сквозь все муки и лишения не превращаться в животное и пытаться сохранить себя и сделать мир много лучше... Разве это плохо? Неужели и такие люди за свой нечеловеческий труд и старание должны гореть в аду? Вместе с преступниками, вместе с ничтожным, жалкими и чудовищными людьми...

Отец, где же твоя хвалёная справедливость? Разве так должны награждаться лучшие? Разве их можно ставить в один ряд с настоящим стадом и скотом? И Адам... Он должен был мучиться в аду вечно? Отец, где твоя доброта, прощение и милосердие к собственным детям! Или наш общий урок должен длиться вечно?...»

Домик был маленьким, но вполне себе опрятным. Здесь и жил Мартен, питаясь покупной едой из ближайшей деревни да попивая воду из рядом журчащего родника. Демиург обучал его, улыбался рогатому малышу и объяснял, почему рога не делают его ни уродом, ни тем более чудовищем.

— Не слушай этих людей. Ты же видишь... Своего собственного уродства им не понять, а в друг друге его и видеть не хотят. Ты же замечательный, так? — Демиург поглаживал отныне своего мальчика, ласково приговаривая хорошие слова и возвращая заслуженную ненависть ко всем кто обижал его, был готов обидеть, кто делал это с ненавистью или же с хохотом — и Эрик действительно ненавидел. Ненавидел соседей, ненавидел мать, весь город. Для него он всегда был Чёрным...

— Дядя Демиург, спасибо вам. За заботу, за домик... Я мечтал именно об этом. — Мартен искренне улыбался своему спасителю, ещё не зная что дёшево купился на лесть, тепло, дом и уют, ещё не зная, что станет обычной фигурой на большой мировой шахматной доске.

Так проходил день за днём. Демиург появлялся дома всё реже, но с каждым появлением продолжал гладить, обнимать, ласкать малыша, уча его всё большему материалу, даря огромные умные книги и весёлые детские игрушки.

Эрик повзрослел, возмужал, переселился в соседнее село. Даже в его измученном израненном сердце нашлось место для дамы. Их маленький любимый сынок мило посапывал в своей небольшой поскрипывающей кровати.

Они с женой жили в любви и согласии, хоть Эрик и стал всё чаще и чаще удаляться на долгие прогулки, в ходе которых Демиург делал из него своё собственное идеальное оружие.

Именно тогда они прознали о скоплении живой силы, о скоплении людей, тела которых превратились в муравьиные. Именно тогда были начертаны первые планы Демиурга, названные в ходе начертания «Пентаграммой».

Эрик несомненно отдалялся от семьи, но любовь всё ещё крепко сидела в его сердце. Он и сам не понимал, как такое сильное чувство было способно поселиться в его чёрством ненавидящем всех, всё и вся теле.

Дни неслись за днями. Демьян рос. Он уже впервые пошёл в школу, под сельское пение

птиц и мычание фермерских коров.

Его девушка, любящая его и любимая им, сидела рядом на скамеечке и солнце красиво ложилось на её гордую и прекрасную фигуру.

— Как же быстро время то летит. — подал голос Эрик, ощущая как голова любимой перекинулась магу на плечо. — Демьян только в маленькой кроваточке лежал, а сейчас уже такой большой, сильный, играет в футбол, учится... Вот чёрт, я им горжусь и завидую. — рассмеялся Мартен, поглаживая любимую по голове.

Та слушала, спокойно уставившись на безмятежно колышущееся зелёное поле невысокой травы.

— Да. Знаешь, ты большой молодец. — девушка притянулась и поцеловала тощего мага прямо в щёку. — Ты ему подарил то, чего никогда не было у тебя. Семью, тепло, дом... И мне ты подарил самое ценное и желанное — твою любовь.

Их губы сомкнулись и пара забылась в страстном поцелуе.

Жалко, что так не могло продолжаться всегда. Жалко, что так не могло продолжаться вечно...

Демьян хоть и рос в заботе и уюте, но даже он с каждым годом всё сильнее и сильнее ощущал, как отец отстранялся от собственной семьи, уходил куда-то далеко-далеко, в области, далёкие от семейного очага.

Мать Демьяна даже не сразу поняла, что Мартен уходил от них и делал всё для подготовки плана по отмщению.

— Зачем тебе всё это... Забудь, выкинь из головы. Эти люди не достойны твоего гнева, не достойны твоего внимания и мыслей.

Тощий мужчина обнял жену и где-то внутри его глаз показались голубые слезинки.

— Дорогая, я сам всё решу, доверься мне. Я обещал же вернуться, забыла?

Внезапно девушка забилась, как муха в паучьей сетке:

— Не верю! Не верю! Не верю! Остайся с нами, остайся со своей семьёй. Наши же узы дороже...

— Успокойся и... и прости меня. Я обязан одному человеку жизнью, ты же сама знаешь.

Слёзы длились ещё долго. Однако сколько бы всхлипываний в доме не звучало, сколько страшно и мучительно ни дёргалась девушка, Эрик был непоколебим, важен и решителен.

Он всё-таки оставил семью. Бросил всех её членов, оставив после себя лишь разочарование, злость и горе. Демьян не переставая рыдал, мечтая как можно сильнее обнять любимого и дорогого отца, но всё было позади. Даже кудрявенький паренёк это прекрасно понимал.

— Хочешь забыть его, да? — риторически спрашивала женщина, потрагивая оставленный Эриком красный кулон на шее сына. — Неужто это всё, что он оставил после себя? Только один бесполезный красный амулет... Не прощу эту мразь! — одинокая мать закрыла лицо руками, залившись слезами по самому любимому человеку в жизни.

Вскоре в их дом пожаловали маги и навсегда избавили Демьяна от бесконечных слёз. Его мозг, его глаза и всё его тело навсегда забыли кем был и как выглядел его настоящий отец.

И только амулет был напоминанием о сбежавшем родственнике...

Муравьиное войско вторглось на территорию процветающего огромного города,

изобилующего красками и хорошими запахами. В тот страшный день все вооружённые отряды города, все простые граждане, мешающие Эрику, Кассандра и многие другие люди положили свои головы и стали топливом, которое интенсивно влили в составленную из башен и подземных путей сатанистскую Пентаграмму. Со многими Эрик расправлялся особенно зрелищно, убивая их собственными руками, пятная их в крови тех людей, что превратили его жизнь в мучение, страдание и горе.

Толпы рыдающих жителей беспощадно разрубались на части под жуткий притворный хохот многочисленных муравьиных отрядов.

Тогда то власть и перешла в руки Эрику... Чёрный город стал оплотом зла, подверженный страшным экспериментам диктатора, множеством убийств простых людей, а также многочисленным запретам и правилам. И те демоны из ада водрузились на спины народа ещё в те самые времена...

Конечно же до смерти жены Эрика оставались годы, но она прекрасно понимала, что такой человек как Эрик добьётся своего и отомстит всем, кто смел переступить ему дорогу. Особенно вспоминая то, как она яро не давала приходившему ко своему дому Мартену увидеть хоть глазком их уже подросткового сына, не без тайной Эриковской помощи ставшего башенным магом. Бывшие муж с женой вступали в перепалки, бранились, обзывались, однако женщина неуклонно отвечала отказом, заставляя тощего и бледного мага уходить прочь к себе, в свой Чёрный закрытый город. Но что стоит отметить — он, как самый настоящий джентельмен, обычно слушал, но не отвечал, обычно терпел, но не бил. Он действительно уважал и любил свою жену...

А её смерть, устроенная двумя некромантами, далась Мартену даже слишком тяжело. Он бился долгие три года над этим решением и наконец совершил то, что запустило череду всех остальных событий.

Зато Демьян был в Цитадели, Эрик увидел его, потрогал, постарался сделать всё, что сделал бы любящий отец. И это событие было самым радостным и хорошим событием в последние страшные года его непростой жизни...

Снаружи всё стихло и только ветер поглаживал чёрные стены Цитадели. Огненные шары бесполезно пронесли около молниеносно двигавшегося тела врага, взорвавшись мириадами маленьких искр. Уследить за быстро несущимся Адамом было практически невозможно, а маны для увеличения скорости было недостаточно.

Ноги демона смачно чавкали по земле, а язык вывалился из пасти. Пара шагов и лапа с огромными когтями полетела вниз, свистя и рассекая порыв воздуха. Огненный щит, соткавшись буквально из ниоткуда, накрыл тело Саркиса и лапы демона звонко врезались в него, скребя и пытаясь разрушить напористую крепкую преграду.

— Твоя стихия ничего не делает коже Адама. Даже не пробуй, только остатки маны растратишь. — прохрипело тело Мартена откуда-то из-под кожи демона.

Эдемский маг отпрыгнул, а огненный щит взорвался снопом ярких искр, прогнувшись под мощью Эрика Мартена.

Взрыв яростно содрогнул стены Цитадели, заставив Саркиса прикрыть уши.

«Всё плохо... Всё очень плохо... В таких потёмках я посох не найду, а маны на огненные техники осталось меньше зёрнышка. Что же делать? Думай, думай...»

Однако время на подумать уже не оставалось...

Демоническая тварь почти взлетела, быстро-быстро работая своими мощными чёрными

ногами. Пара рывков и чудовище, готовясь прокусить врага мощными челюстями, устремилось вперёд, напоминая несущуюся на огромной скорости стрелу. Огонь же в ответ заплясал свой неистовый диковинный пляс и громко зарычал, обращаясь в быстрого огромного тигра, что на всех порах помчался на Адама.

Зверь столкнулся с другим зверем и было неясно чьи зубы опаснее и острее.

«Нужно подпитывать огненное животное... Это одна из моих последних ставок в этой бойне...»

Тигриные зубы с силой впились в толстую чёрную кожу, а когти демона плавно вошли внутрь огненного зверя, пытаясь разорвать животное, уничтожить, игнорируя его острые зубы на своей коже. Масса тигру также не могла помочь. Адам был массивнее, крепче, непоколебимее. Он являл собой настоящее оружие для убийств.

Лапы тигра громко ложились на толстую кожу врага, зверь рычал, а его огонь шипел не хуже змея. Адам же напрягся и его когти плавно устремились вниз, разрывая единое огненное тело, рассекая пламенные горячие волны, побеждая вражеское страшилище.

Тигр по-животному рычал, принимаясь бить противника как лапами, так и крупным юрким хвостом. Но всё было напрасно. Длинные пламенные клыки вцепились в жирную демоническую шею, надеясь хоть как-то навредить врагу, но все успехи тигра были лишь в ещё большей агрессии демона.

Когти Адама дошли до земли, разорвав живот тигра. Зверь отчаянно зарычал и уже было начал восстанавливать рану...

Лапы демона тут же устремились вверх, вместе со всем чудовищным чёрным туловищем. Тигр полетел вместе с демоном, отчаянно пытаясь вырваться из лап врага. Когти беспомощно раздирали демоническую кожу, но всё было напрасно...

Адам подлетел напрямик к потолку, жадно и со смехом смотря на беспомощного чудозверя. Тигр бился, грыз, дёр, но это приводило только к белоснежной улыбке чудовища. Длинная чёрная лапа отошла в сторону, в боевой готовности.

«А... А... Маны почти не осталось. Вот сука...»

Когти устремились к пламенному лицу тигра, погружаясь в его глаза, лоб, нос, всем весом накидываясь и опрокидывая врага.

Зверь камушком отлетел к полу и его огненное тело растворилось в воздухе, за секунду испарилось, оставив Саркиса наедине с бывшим братом из Эдема.

«Не нравится мне это. Я остался один, без магии и практически без единого шанса как на честную борьбу, так и на побег... Неужели пахнет поражением?»

Адам приземлился рядом с тем местом, где буквально миг назад испарился пламенный зверёк. С радостной ухмылки капала густая слюна, а лапы тёрлись друг о друга в некоем предвкушении.

— Ты готов бороться дальше, маг из Эдема?

Демон на пятках развернулся к врагу, смотря на него своими ярко горящими красными глазками. В них был огонь. Огонь сражения. Огонь победы.

— Эрик, разве я собирался отступить? Давай доведём дело до конца, закончим этот бой. И пусть победит сильнейший!

Демон радостно загорланил, срываясь с места и на всех порах мчась к Саркису. Когтистая лапа схватила несчастное тело эдемского мага и швырнуло его на землю, выбивая из него всё оставшееся дерьмо. Земля дробилась под телом Саркиса, а Адам кусался, швырял его, втаптывал в землю, крутился с ним и безумно рычал, словно титан, сокрушающий своего

врага.

Карусель быстро взлетела ввысь, угрожающе крутясь от одной стены к другой. Тело Саркиса отчаянно билось то об одну, то об другую стену, а огонь еле-еле пытался сползти с его пальцев.

«Магия иссякла, да?...» — понял эдемский маг, кружась в неистовом демоническом вихре. Когти рассекли куртку, полоснули по старым ранам, ноги врезались в грудь и выбили из неё весь воздух, а клыки нещадно хватали врага то за руку, то за ногу, без капли жалости, без человечности и милосердия. Саркис жмурился, терпел, понимая что никакого отпора чудовищу дать уже не сможет.

Тело мага пулей понеслось к далёкой, теряющейся в темени крыше Цитадели, с громким треском проламывая её на мелкие частички и проделывая крупную неровную дырку. Щепки разлетелись в разные стороны, сам Саркис кубарем покатился по чёрной крыше, а тусклое солнце яростно посмотрело в счастливые глаза Адама.

Чудовище облизнулось и оттолкнулось от земли, идеально пролетев неровное отверстие и приземлившись в паре метров от несчастного тела эдемского мага.

— Малыш, я переоценил твои силы, возможности и влияние. Думал, что сегодня наступит мой финал, однако такой мусор на вроде тебя ясно показал и доказал что до моего поражения ещё очень и очень долго. — завопил рогатый правитель.

Короткий, но громкий рык взлетел над одинокой и пустой крышей. Демон прыгнул, яростно пикируя на тело мага. Грохот мог оглушить любого. Когти вцепились Саркису в живот, заставив противника замычать. Он никогда не чувствовал такой боли...

Его опрокидывали, швыряли и кидали как бесполезный мешок. Яростный и быстрый демон с остервенением издевался над таким лёгким и смешным богатырским тельцем.

Пара ударов в воздухе заставили Саркиса рухнуть на крышу, но покатиться по ней ему не дали. Демон, успевший приземлиться на свои массивные мощные ноги, жестоко пнул его, тут же притянув к себе огромными когтями и клыками вгрызшийся магу прямоком в лицо. Оставив на нём шрамы, демон перевернул богатыря через плечо, яростно вдавливая в шаткую напрягшуюся крышу.

Хрипы и тяжёлые вздохи не могли принадлежать тому самому Саркису. На миг легендарный маг стал обычным учеником, получающим нагоняй от нервного и строгого учителя...

Схватив богатыря за руку, Адам прокрутил его вокруг себя, с яростью выкидывая кататься по уставшей от боя крыше. Прыжок и демон приземлился у истерзанного тела, вновь полосую его, уродуя и нещадно вбивая в крышу своими нечеловеческими ногами.

— Ха-ха, да ты же жалкий. Боже, и тебя то мне нужно было бояться, да? — Саркис давно потерял сознание. Его глаза закатились, изо рта потекла терпкая струйка крови, а тело больше и не собиралось сопротивляться.

Демонические лапы вцепились в обездвиженные ноги, подняли ранее гордого сильного мага и подкинули, продолжая наносить и наносить по нему размашистые разящие наповал удары.

Нога подцепила мага и снова вдавила его в крышу. Лапа схватила врага за горло, потешно встряхивая его и намереваясь наконец покончить с ним:

— Что, восстание, да? Война? Справедливость и добро? Да сдохни ты со своей правдой и добром. Это ты пришёл ко мне и получил своё. Получил что хотел, о чём так долго мечтал!

Адам поднял мага, неистово зарычал, как следует размахнулся и высоко подкинул его.

Проигравшее тело описало широкую дугу, перелетело край высокой чёрной крыши и продолжило свой полёт, навсегда срываясь вниз и окончательно ставя точку в Цитадельном противостоянии.

Под разрывы снарядов, под грохот и крики, прямо на глазах неверящих муравьёв эдемский маг летел вниз, навстречу тому войску, что верило в него и благодаря которому обрело новые силы идти в бой.

Тело Саркиса свалилось под ворота огромного Мартеновского муравейника, завершая жестокую битву в Чёрном городе.

— Маг... Ты проиграл... — тихо проговорил Маврикий. — Не сдаваться! Идти в бой! Идти до конца! Идти до победы! — войско постаралось в один голос бодро одобрительно крикнуть, но получилось неубедительно и без былой силы в голосе. Дух победной войны потихоньку начал покидать муравьёв. — Саркис, тебя действительно низвергли? Поразили? Вот сука... — пробурчал Маврикий, спиной ощущая подошедшего с донесением солдата.

— Не смей говорить мне нечто плохое, я тебя умоляю. Просто не смей. Не сейчас. — предостерёг Маврикий.

Подошедший к нему муравей сурово смотрел в землю, стараясь не выдать и грамм своего волнения, однако голос был способен спалить даже самого закалённого в боях вояку:

— Простите, но я боюсь, что это срочно. Я понимаю — мы все, абсолютно каждый в строю, видели поражение мага...

— Он не проиграл! — крикнул Маврикий, с силой сжимая кулаки и стараясь не расплакаться от обиды и горечи. — Он не мог проиграть. Это... Это какое-то недоразумение. Точно, это какая-то... — всплеснул руками главнокомандующий, разворачиваясь, но не успевая договорить.

— На нас движется огромная армия. Армия демонов. И я боюсь, что с атакой на Цитадель придётся несколько помедлить... — муравей всё же сглотнул, не посмев даже посмотреть в глаза Маврикию.

— Демоны, да? — нервный смех звучал особенно остро на фоне взрывов, на фоне жестокого поражения их символа и духа войны, а также на фоне страшных новостей. — Демонов же больше нас... Мы... Ай, поворачивай войско назад. Оповещай командиров. Бьёмся до поражения! Отступать больше некуда!..

Те самые трубы, ранее извещающие о начале великого похода к Цитадели истинного зла, сейчас протяжно и истошно извещали о начале нового сражения, возможно жестокого, кровопролитного и последнего в жизни каждого муравьиного солдата.

Трубы гудели как заведённые и войско повернулось на истошный, полный боли и отчаяния вой.

— Дорогу нашему главнокомандующему! — крикнули собравшиеся в одну кучу капитаны, смотря на расступающихся в стороны ничего не понимающих солдат.

Маврикий гордо шёл сквозь войско, всеми силами стараясь не показать того гнева, что овладел его воинственной душой.

«Я вижу их взгляды и чувствую их непонимание. Они ещё не знают, что изначальный план полностью канул в лету. И ведь не каждый сможет выйти живым из того жаркого боя, что прямо сейчас развернётся по воле Эрика Мартена. Саркис... Ты всех подвёл! Всех! Не надо было верить этому самовлюблённому чужеземцу, нужно было ждать другого человека... По-настоящему сильного и способного помочь не только словами... Все кто погибнет сегодня — вся эта кровь будет только на моих руках и на моей совести. Это я поверил ему, это я всё начал...»

Маврикий подошёл к капитанам и посмотрел в их испуганные глаза. Конечно, они тоже понимали что муравьи никогда не будут ровней демонам, прибывшим из самого жаркого места в мире, придуманного самим Богом.

— Вам слово. Пожалуйста, постарайтесь воодушевить их и... — пот предательски проступил на муравьином красно-белом лбу.

— Тоже слышал, да? — за спинами капитанов поднялось звериное рычание. Тысячи плотов существ готовых рвать и метать рычали прямо на подступах к муравьиному войску. И каждый воин затрясся, внезапно осознавая какую именно речь должен будет толкнуть их главнокомандующий...

— Не смейте трястись! Это удел слабых. Не показывайте слабинку перед собственными солдатами. Вы же не кто-то, а их капитаны. Доверенные лица. — строго произнёс Маврикий, откашлялся в кулачок и наконец взглянул в глаза каждому испуганному вояке. — Нам совершенно нечего бояться! Любой враг падёт пред нашим оружием и я вам это гарантирую. У нас есть всё, чтобы преклонить этот испорченный прогнивший город на колени! Сила духа, терпение, настоящая непоколебимая природная сила, а также огромное желание всей нашей жизни — совершить отомщение, заслужить нашу свободу и счастливую жизнь! И никто никогда более не сможет нами помыкать, никто не сможет контролировать и подчинять наш вольный народ! Слава нашему народу, нашему внутреннему духу и силе! — уверенно крикнул Маврикий и войско, отчасти воспряв духом, гордо вторило словам своего главнокомандующего. — Любая угроза будет лежать бездыханной у наших ног! И ни одна тварь не сломит наши пушки, снаряды, нашу волю и надежду! Мы вступаем в новый бой и обязательно выйдем из него победителями! В бой!

— Смерть врагам! Смерть врагам! — скандировали вновь осмелевшие муравьи, гордо тряся данным им в руки оружием и смело смотря на бегущих перед ними демонов. То была огромная демонская стена, собранная абсолютно со всего города. Она неслась вперёд, поднимая чёрную пыль, гул, истошные визги и дикое звериное рычание.

Артиллерийские орудия совершенно без скрипа и каких-либо проблем развернулись на бодрые сто восемьдесят градусов, оказавшись очень удобно расположенными для боя. Стоя в новом тылу, подпитываясь маной от зарядившихся речью и готовых к бою солдат, орудия весело смотрели на чёрную стену, волной двигавшуюся вперёд. И каждый демон был дьявольски силён, бесстрашен и глуп настолько, чтобы всегда драться до своей скорой гибели.

— К бою, мои самые крутые и бесподобные воины! Давайте покажем Эрику нашу правду, волю и честь!

Гул вновь прокатился по раскинувшемуся на многие километры муравьиному ковру. Капитаны, собирающиеся принять на себя первые и самые главные удары врага, заулыбались, стараясь забыть все свои страхи, опасения и неверия в себя.

— Покажем им, да? — усмехнулся один, до мурашек проникаясь общим гулом великого муравьиного войска.

— Конечно покажем, как же иначе. Не зря же мы готовились столько лет! — почесав бороду ответил другой капитан, прицеливаясь в первые ряды безумных тварей.

— Мы умрём первыми, но сделаем это за правое дело. А кто не будет страшиться нас — обязательно забоится, улепётывая с города быстрее пули. — жирный палец ещё одного капитана коснулся курка и каждый воин резко замолчал, приготовившись начать сражение с непонятными адскими отродьями.

Тишину нарушал только пока ещё далёкий топот вражеской армии, её дикий вопль, в котором не была и грамма чего-то человеческого. Волна была всё ближе, а муравьи притихли: кто-то невольно сглотнул, кто-то вытер невольно проступивший на шее пот, некоторые шатнулись, молясь за свою жизнь. И все ждали, сжимая оружие, пытаясь стать действительно смелыми и волевыми воинами, не боявшимися ни боя, ни тем более какой-то там смерти.

Многие переглянулись и в последний миг посмотрели друг другу в сетчатые глаза. И в них был страх. Каждый видел и чувствовал ужас другого...

— В бой! — со стороны артиллерийских орудий послышался громкий синхронный залп. Сотни снарядов, будто стая кричащих птиц, гордо воспарили над войском, удаляясь всё дальше и дальше, тяжело приземляясь прямо на беснующихся и несущихся демонов. Десятки тварей потонули в дыме, чёрной пыли и ревуем огне. Их тела с чавканьем разрывались, огромными кусками плоти орошая чёрную землю. Твари, спешащие следом, наступали на обгорелые разорванные части своих братьев, на круглые, прогоревшие, воняющие палённым воронки и на дымящиеся части пока ещё горячих снарядов.

— Им всё равно по чему бегать! Им всё равно что в них летит! Им всё равно что их убивает! Так что же, мы должны бояться таких безумных тупых отбросов?! У нас есть ум, сила, гибкость, у нас есть всё, чтобы сломить всю эту демоническую волну! Продолжайте стрелять! — словам Маврикия опять вторил общий муравьиный гул и каждый солдат даже неловко заулыбался, в душе смеясь над ничтожным врагом впереди. Главнокомандующий был действительно не самым плохим оратором...

Снаряды в очередной раз одной несокрушимой волной прошелестели над головами насекомых. Солдаты заворожённо глядели на чёрные неровные дорожки, петляющие следом за ярко пылающими снарядами, скоростнее коршуна несущимися на бегущих тварей. Многочисленные взрывы пошатнули землю, гулом пронеслись по округе, заставив сразу несколько тёмных кучек врагов утонуть в объятьях огня, в объятьях страшнейших ударов,

прилетевших напрямком с небес. Но даже с потерями...

— Мы их так не одолеем. Войско всё ближе, а наши снаряды банально не успевают справиться с такой толпой. Боже, главное чтоб никто не понял, насколько всё плохо... — под нос пробурчал Маврикий, не замечая опечаленных досадных лиц своих капитанов. — Так, продолжаем отдавать приказы, быстро и чётко, но срочно отступаем с передовой. — капитаны молчаливо-досадно кивнули, тут же надевая суровые уверенные маски, с которыми повернулись к своим солдатам и проследовали через них за таким же притворяющимся главнокомандующим. Они отступали, дабы не быть в первых жертвах демонской агрессии...

Артиллерия оглушительно громыхала без единой остановки, без секунды отдыха. Ракеты пропитывались маной и изящно вылетали из пушек, фонтаном выпуская магические брызги, свистя, будто свирепый быстрый соловей.

Демоны без устали бежали вперёд, высунув уродливые розовые языки и безумными красными глазами смотря на муравьёв. Их ноги почти сливались с воздухом, а чёрная земля облачками вихрилась прямо у их чёрных тел.

Ракеты, пропитанные маной и брызгающиеся ею во все стороны, без всякой жалости или милосердия рушились на головы очередных демонов, расплющивая, а затем и разрывая на части их ужасные тела. Остальные твари не оглядывались, будто бы и не чувствуя запаха гари, запаха прожжённого мяса и удушливого дыма.

— Резче! Резче! Резче! — кричал какой-то муравьиный солдат, ускоряя работу уставших выпускать снаряд за снарядом муравьёв. Те вытирали пот со лба и принимались работать старательнее, ещё более смело и усердно.

Снаряд за снарядом шпиговали несчастную землю, подрывая её и раскидывая в разные стороны. Однако сколько бы безумных тварей не умирало в эпицентрах мощных взрывов, сколько бы маны не тратилось и сколько бы усердно артиллеристы не трудились, перебить даже половинную часть демонов было просто невозможно...

Первый ряд муравьёв не поколебался, не задрожал, не отступил. Поудобнее схватив пушки, проверив кинжалы и ножи, проверив магазины и патроны в них — каждый смотрел на надвигающихся врагов.

— Как думаешь, нам уже стрелять? — спросил один из юнцов, вперивший взгляд в приближающиеся цели.

— Этого я не знаю. Но знаю лишь одно — приказа ждать не следует. — тонкий муравьиный палец смелого солдата опустился на курок, выпустив из дула первую пулю.

Та коротко свистнула и приземлилась в чёрную демоническую шерсть, выпуская из тела жертвы алую кровь.

Тварь будто и не заметила рану, бездумно несясь вперёд.

— Ах сволочь. Я не комар, чтобы меня игнорировать. — череда выстрелов оглушила первый муравьиный ряд, заставив каждого солдата посмотреть в глаза другому и поспешно принять решение стрелять на поражение.

Фейерверк из пуль несколькими волнами устремился вперёд, выпуская целый кровавый демонский салют. Многие твари падали наземь, но другие «многие» продолжали нестись вперёд, готовя клыки, когти, готовя всё, чтобы порвать в мелкие клочья весь муравьиный строй.

— Продолжайте стрелять! Сокращайте численность этих тварей! Уже многие убитые лежат на земле! Воюйте, разрывайте, уничтожайте! — капитаны одобрительно кивнули

своему кричащему главнокомандующему.

Снаряды и пули рассекали воздух, буквально прорезали его, в считанные секунды достигая вражеской армии и выкашивая толпы уродливых кособоких чудовищ.

Ракеты, дым, порох, магия, свистящие пули, падение гильз, запах гари, запах поджаренного мяса, чавкающие звуки от разрыва демонов на части, огромные воронки и дикие вопли тех демонических тварей, что наконец достигли рубежа. Последней черты между одной силой — смелой, вольной, муравьиной, и другой силой — нечеловеческой и поистине бессмысленной в своём существовании...

Дверь у подножия чёрной Цитадели, вся незаметная и неприметная с виду, яростно распахнулось, выталкивая из узкого прохода по меньшей мере сотню муравьиных тел, что воинственно и по-боевому присоединились к общему ковру муравьиной армии.

Среди них протиснулся и изуродованный собственным отцом Демьян, поглаживающий пару оставшихся кудрявых волосин и активно защищающийся от хоть и слабого, но всё же давно забытого его глазами солнечного света.

— Так вот о чём говорил тот муравей... Уже сражаются за свою свободу, пока я только вышел из поганой темницы. Непорядок...

Первые ряды было Демьяну не видать, но грозные выстрелы, взрывы и ликующие крики говорили о жаркой схватке. Все муравьи, что засели прямоком у стен вражьей Цитадели, сновали туда-сюда, засовывая в орудия снаряды, тут же по-царски подпитывая их маной. Каждый был занят своей работой, что была обязана стать залогом будущей грандиозной победы.

— Как же их тут много... И ведь они так тянутся и тянутся, даже края не видно... — удивился парень, вытягивая шею. — Такие же смелые и воинственные как Саркис. Я хочу помочь им. Я хочу помочь себе. Я тоже хочу поставить свой кирпич в великое новое сооружение — в победу над настоящим Демоном.

Краем уха Демьян успел послушать про поражение Саркиса. Шептались в основном хмурые насупившиеся муравьи, каких в войске были единицы.

— Проиграл значит? Я должен помочь ему. Даже ценой собственной жалкой трусливой жизни. — сердце юнца отчаянно забилося. Он понимал, что означает поражение эдемского мага, однако... его руки не дрожали, а ноги и не собирались подкашиваться. — Я зашёл чересчур далеко, чтобы жалеть. Теперь путь только один — помочь себе и помочь другим. Помочь всему миру.

Идти в воинственный муравьиный строй было нерезонно. Демьян и так понимал, что за свою свободу и правду те будут сражаться до последней капли силы. Помощь лично им, в их войске, была равносильна банальному неуважению к их народу.

— Этот барьер, окружающий город... Мы с Саркисом подмечали эту инородную магию. Тёмную и непонятную, приближенную к злой некромантской силе. Значит ли это... Да, я чувствую. В этой Цитадели находится не только Эрик. Я чувствую что-то ещё... Магию той девушки и того деда, да? Других вариантов и нет. — внезапно, во взбудораженном мозгу Демьяна чётко высветился путь, такой короткий, но такой извилистый; такой инородный, чужой, но такой верный и отчётливый. — Кажется я знаю что и как мне делать.

Не кидая и взгляда на разворачивающееся жаркое сражение, перестав слушать взрывы, содрогание несчастной земли и громкие муравьиные крики, совершенно забывая о том, что он мог бы помочь прямо здесь и сейчас, Демьян сорвался с места, юркнув в соседнюю дверь. Низенькую и неприметную, такую же, через которую он вышел несколькими мгновениями

назад. Она еле поддалась, отчаянно скрипнув и разворошив чёрную чавкающую землю, что ей так давно мешала.

За ней показался пыльный мелкий коридор:

— Думаю, что время побед настало. Я обязан показать силу не только себе, но и матери! — парень последний раз посмотрел на тусклое серое небо, представив, каким голубым оно будет после Великой победы. — Родители, вы же это видите, да? Я не какая-то тряпка, вы вырастили из меня прекрасного защитника для семьи. Я покажу и докажу, что даже такой трусливый «я» хоть чего-то да стою.

Глаза вернулись к пыльному проходу и ранее такой кудрявый и опрятный парень, сейчас уже побитый и изуродованный самой жизнью, побежал вперёд, ступая по серой застоявшейся и скопившейся пыли.

Ловко повернув налево Демьян продолжил бег, уже концентрируя магию на кончиках своих твёрдых, совершенно не дрожащих пальцев.

Коридор за коридором оставались позади, также как и неуверенность Демьяна.

«Ещё недавно я и представить не мог себя да ещё и сражающегося. Сидел себе в магической башне, как ламповый ягнёнок, читал книги и просто веселился с остальными беззаботными магами. Как же всё там было по-другому... И мир был другим. И я был жалким трусом, любившим отдых, девушек и яства... И то нападение на меня в жаркой пустыне, что стало началом всего. Оно не было подстроено церковью Сатаны. Это сделала моя родная и любимая церковь Господа, которой я так страстно отдавал дни, месяцы и года своей жизни. Неужели в мире нет добра? Ведь даже мой родной дом затевал и до сих пор затевает какую-то безумную игру... Чем же тогда моя церковь отличается от этой? Видимо только внешне они и различаются... Спасибо тебе, Саркис, за то что дал почувствовать и понять настоящую жизнь. Спасибо за это не длинное, но красивое и интересное приключение. Надеюсь ты ещё жив и мы встретимся за благодарственным пиршественным столом, нальём друг другу бокалы и отпразднуем эту победу над злом. А потом пойдём искоренять другое, засевшее в моей собственной Церкви, не менее уродливое и беспощадное, что добрым и справедливым кажется лишь с виду да на словах»

Яркий золотой некромантский зал резал глаза. Столько золота и богатства Демьян видел только в том самом замке-отеле, давным-давно...

— Вот я и здесь. Магия как надо... Чужеродная и странная, неуловимая и опасная, злая, как и весь этот город.

Посреди всей этой притворной роскоши стоял трон, окружённый лёгкими дымными облачками.

— Старый некромант, ссохшийся и озлобившийся на весь мир. Вот мы и встретились! Ждал меня?

Голубые глаза, окружённые сухой старой кожей, остроконечная широкая шляпа, прикрывающая маленькую голову, длинная фиолетовая мантия и старая, уже ставшая обыденной, магия — некромант никак не изменился с того самого дня. Меж его тощих старческих пальцев была крепко зажата сигара, что мягко касалась его разбитых бледных губ.

— Парнишка, сын Эрика, ты уже виделся со своим отцом? Он рассказал тебе про будущее наследие, про империю, которой ты должен будешь управлять после его отхода от дел? Не думаю что ты мог отказаться, всё-таки...

— Лучше молчи, некромант. Ты всё понял неверно. Я пришёл сразиться с тобой. Так

что прости.

Голубые глаза распахнулись и Демьян заметил в них некий ранее невиданный ужас:

— Ты не похож на самого себя... Но люди не могут так быстро меняться. Неужели я ошибся и недоглядел?...

Демьян усмехнулся, сам не веря в свою силу и смелость:

— Твои перстни — они же не просто так сияют на твоих руках, да?

Перстни плотно сидели на старых пальцах и магия от них неровными мощными волнами распространялась по роскошному залу.

— Это мой козырь, оставленный в качестве самой отчаянной меры... — гневно пробурчал некромант и было понятно что использовать припрятанную силу дед не собирался. — Подумай ещё раз. Зачем сражаться, если можно получить в руки город, будущее и возможности. Ну подумай ты своей головой. Эрик отдал приказ убить твою мать только ради тебя. Ради твоего же будущего... Он всегда думал и думает только о тебе. Ты — смысл его жизни, поверь, прошу тебя!

Тишина накрыла золотой зал. Демьян, казалось, о чём-то интенсивно рассуждал. Он немигающим взором наблюдал за полом, полностью погрузившись в унылое молчание.

Прошла минута. Две. Три.

— Парнишка, ты же думаешь над предложением, так ведь? Ну же, давай больше благоразумия и логики. Просто представь что будет, окажись власть в твоих руках. Неужто ты хочешь просто так терять так тяжело добытое твоим отцом? Просто представь, предположи...

Тишина стала для некроманта ответом. Старик курил сигару, уже более нервно выпуская дымные кольца. Первое. Второе. Третье. Они сплетались, расплетались, дрались друг с другом, пока окончательно не сливались в одно целое. В единое огромное облачко.

«Где?... Где?... Откуда?... Ясно. Ждёт моего ответа. Поджидает и готовится»

Голова парня резко повернулась направо и в каждом его глазу играли смешинки.

— Переиграл... — несколько зелёных шаров коротко свистнули и исчезли в тёмном пыльном углу. — Ха-ха, они попали в цель. Как я раньше не догадался? Старик заговаривает зубы, а сообщник готовится к атаке на основании моего ответа. Ну конечно...

Атака попала в цель и в этом Демьян был прав. Чьё-то тело громко шмякнулось о золотой пол и тонкий женский голос пробурчал:

— Все мячики попали... Вот блин. У мальчишки неплохая интуиция.

— Ты?... — с удивлением поинтересовался Демьян, сверля такую знакомую и красивую некромантку.

Фарфоровая кукла, та самая, что перенесла его в Цитадель...

— Почему ты не видишь в Эрике отца? Он может сделать для тебя всё, может подарить любое, что приглянется твоей душе. Вся твоя карьера, вся твоя жизнь построена на стараниях Мартена. Так почему ты хочешь низвергнуть его и всех нас? — спросила широкобёдрая большегрудая девица, неловко хлопающая своими красивыми глазками.

Демьян высвободил плеть, ловко прокрутив ею пару изящных кругов:

— Я не хочу ни от кого зависеть. Именно благодаря Мартену я стал таким изнеженным и трусливым. Если б я всего добивался сам... И моя мать — я обязан доказать ей, что и моя жизнь была великой и тоже стоила свеч.

Зелёная плеть молниеносно запела, зашипела будто змей и полетела прямо на подставленный перед девицей голубой мерцающий щит, по краям которого шевелились

голубые язычки пламени.

Некромант сидел. И он поставил всё на собственную внучку, поставил всё на её победу. Помимо этой ставки старик молился. Молился, дабы никто не прознал о его беспомощности и бесполезности...

Муравьиный ковёр начал редеть. Демоны рвали и метали несчастные тела муравьёв, за спиной оставляя только дорожки из кровавых трупов. Артиллерия отчаянно верещала, вырыгивая снаряд за снарядом. Те падали как на отряды стреляющих муравьёв, так и на бегущих на них рычащих демонов. Земля, словно бушующий фонтан, била вверх обильным ключом. Вся передняя шеренга превратилась в самый настоящий ад. Воронки тянулись за такими же глубокими горящими воронками, воздух пропах смертью, гарью и дымом.

— Продолжайте стрелять! Наши не должны умирать ни за что! Каждый из них вносит свой большущий вклад в победу! Они все самые настоящие герои! — крикнул Маврикий, сложив руки рупором в попытке докричаться до своих солдат сквозь крики, взрывы и свист пуль.

Однако что бы главнокомандующий ни говорил, как бы ни старался поддержать своё войско, многие начинали понимать настоящее положение дел. Они не могли сдержать натиск демонических тварей. Никакое оружие не могло им гарантировать победу...

Пушки кричали, добивая тех демонов, что смогли пережить удар снарядом и сейчас еле-еле шли вперёд, надеясь забрать с собой как можно больше врагов.

Муравьи неожиданно выстояли первую волну. Их орудия со всех сторон яростно и чётко выполняли свою работу, гранатомёты пели победные песни, а некоторые группы демонов даже оказывались в крупных кольцах, где их успешно расстреливали со всех сторон.

— Давайте братья, давите их! — многие насекомые переходили на кинжалы, бодро тыча ими в чавкающие чёрные тела, параллельно скреживая их с острыми когтями бесновавшихся демонов.

Земля полонила телами и огнём. Битва достигала своего неотвратимого, такого близкого, но одновременно далёкого финала.

Гранатомёты, еле сидящие в тощих слабых ручках насекомых, работали и работали, не давая ни одной бегущей с раскрытым ртом собаке добраться до солдат. Братья стояли друг за друга, не позволяли заботиться или быть убитыми.

— Лучше отходи. Мы не сможем так долго их задерживать. — демон за демоном мёртвыми падали наземь, однако на замену им набегало всё больше и больше кричащих чудовищ. Их уже было невозможно держать в отдалении. — Бегите быстрее! Все! Я сделаю что смогу!

Рядом стоящие понимали, что брат пытается отсрочить их гибель, ведь он уже и сам полностью смирился со своей. Не оглядываясь солдаты бежали, а озверевшие собаки, ещё минуту назад боясь скопом напасть и нарваться на горячие пули, тут же устремились вперёд. Гранатомёт пропел последнюю песню, победно отбросил парочку чёрных тварей, а вот остальные вгрызлись в тело толстенького муравьиного воина, почти сразу завершая его жизнь.

— У нас всё получится! Не сдавайтесь! Мы выстоим против напирającego на нас зла! — кричал Маврикий, вытирая запотевший и изрядно болевший лоб.

Чёрные глупые псины бежали от пуль, иногда даже по звуку предсказывая падение очередного мощного снаряда.

— Скотины, умнеть пытаются... А ну, охладите-ка их пыл. — с правого фланга послышался бодрый единый залп и сразу десять демонов попали под обстрел. Они пытались

уворачиваться, ускоряться, как-то искать возможность вырваться из зоны огня, однако эти попытки были бесплодны и заранее обречены на провал. С нескольких сторон последовали дополнительные залпы, что окончательно загоняли огромную группу врагов в огневую ловушку. Уже совсем скоро псины лежали на земле, а муравьи палили другие цели, что также безуспешно пытались достать солдат.

Несмотря на упорство муравьёв тварям всё-таки удавалось прорывать оборону и проноситься по шеренгам, массово выкашивая целые группы насекомых. Когти проносились по шеям, с изяществом срубая головы; клыки вгрызались в оружие; а ноги, оканчивающиеся сверкающими лезвиями, противно вспарывали животы.

Неравный бой гудел как шумный улей. Муравьи пытались держать оборону, стойко стоя на позициях и держа тварей на мушке. Огонь нескончаемой волной проносился по толпам врагов, но несмотря на это каждое насекомое дожидалось своих сверкающих лезвий на шее, своих клыков, своей собственной кончины.

— Как ситуация с твоей точки зрения? — медленно и важно спросил Маврикий, умным взглядом наблюдая за разворачивающимся сражением.

Усатый капитан, к которому главнокомандующий и обратился, печально посмотрел на свои руки, будто бы в попытке хоть как-то перестать нервничать и наконец собраться:

— Вам честно?

— Честно да побыстрее.

— Ситуация плохая. Даже очень... Все солдаты, обороняющие тыл, давно скисли и перестали верить в победу. То же касается огромного количества других воинов. Передние части войска стараются не подпустить врага дальше, но также терпят огромные невосполнимые потери. Такими темпами... Гм, такими темпами наше войско будет уничтожено!

Слова капитана прозвучали как приговор.

— Да, где-то ты прав. Знаешь чего им не хватает? — игриво спросил Маврикий, смотря прямо в погрузневшие обречённые глаза усатого капитана.

— Не хватает оружия, позарез не хватает живой силы... — промямлил капитан, непонимающе посмотрев на хохочущего Маврикия, который схватился за живот, запрокинул голову и смеялся, трясая всем своим телом:

— С такими капитанами их точно ждёт поражение... — главнокомандующий резко прекратил смех, суровым серьёзным взглядом посмотрев вперёд. — Им не хватает воли, не хватает веры в победу. Им не хватает примера самого настоящего героя...

Тем временем демонический натиск продолжался. Почти всё поле было усеяно трупами, кровью, воронками и бушующим пламенем. Пушки отстреливали врага, пули злобно кричали, своими клыками вгрызаясь в противную чёрную шерсть. Многие солдаты выстреливали последний патрон и тут же с ужасом осознавали собственную уязвимость и беспомощность. Демоны, ранее убегающие от каждого громкого хлопка, теперь как хищники злобно облизывались и кидались вперёд.

— Брат, убегай! Я их задержу! — перед лицом несчастного безоружного муравья блеснул кинжал верного брата, соратника и друга, а несущиеся вперёд клыки звонко столкнулись о сталь.

— Спасибо тебе... Я позову п-подмогу...

— Беги давай.

Муравей раскланялся, убегая куда-то вглубь всё ещё держащего оборону войска.

Спаситель тяжело дышал, изящно парируя каждую атаку демонов. Сталь отчаянно пищала, искры взмывали ввысь будто праздничный салют, а сердце громко бухало в груди.

Пули других муравьёв яростно вылетали из орудий, но нечто не могло уже спасти смелого муравья-спасителя. Забыв про кинжал, тварь напоролась на него своим уродливым животом, с безразличным выражением лица накрывая тело насекомого и разрывая его на части.

Артиллерия продолжала косить толпы бездумно несущихся тварей. Они умирали под напором тяжелых горящих ракет и начинённых магией снарядов без какого-либо шанса на выживание.

Насекомые держались как могли и во многом подхватывали боевую инициативу. Даже сталь могла одолевать адских созданий. Мечи, выкованные и зачарованные хорошими кузнецами, проносились по толпам врагов, лишая их рук, ног, разрубая позвоночники и скашивая головы. Пушки рычали как звери, убивая всё больше и больше. Даже тактические окружения прекрасно давали результат, хоть без жертв выйти из боя никогда не удавалось.

— Они слишком быстрые, сила — в нашем совместном огне. Давите их! — автоматы зарычали, как дикие звери. Пули со всех сторон вгрызались в тела уже и так отступающей группы демонов. В лапы, в ноги, а некоторые и в голову — выстрелы настигали их везде и всюду.

Иной раз особо озверевший демон забирал с собой одного муравьиного воина, но при этом и сам умирал под оглашающими выстрелами.

Неравный бой становился всё более равным. Насекомые, что так мечтали об отмщении, что так яро вышли против настоящего вражеского ига, начинали побеждать. При поддержке артиллерии, спасая друг друга и смело стараясь биться ради общего блага, они уничтожали врага и уничтожали, разрубая его, расстреливая, растапывая их обессилевшие тела, а также смотря как снаряды обрушиваются на их глупые безумные головы. Муравьи могли бы действительно одержать крупную победу, пробравшись к ней сквозь боль, страх, сквозь смерти и потери, сквозь самый настоящий ужас. Победа буквально могла попасть к ним в руки, даже забывая о многих насекомых, совершенно сдавшихся и сейчас, опустив руки, ждавших своей смерти в тыловых шеренгах. Они могли бы всем доказать и показать...

— Давайте ещё! Что же вы стоите? Продолжайте работу, продолжайте! — прокричал Маврикий, смотря в растерянные глаза рядом стоявших солдат. Те были обязаны продолжать накачивать артиллерийские пушки снарядами, подпитывать их маной, прицеливаться, выстреливать и так по кругу, однако сейчас солдаты непонимающе разводили руками, оглядываясь с досады и надеясь не получить по башке от командования. — Не отчаивайтесь! У нас получится! Мы ещё и Мартену хребет ломаем! Ну же...

— Простите, верховный главнокомандующий, но наша работа на этом закончена. Мы больше не можем помогать. Разве что там... на поле боя рядом с товарищами.

Маврикий всё ясно понял ещё в самый первый миг, но никак не хотел мириться с простой и верной, как катана, истиной:

— Неужели у вас их не осталось? Совсем?

Солдаты досадно пожали плечами, а их расширенные глаза ясно давали понять, что лично выходить воевать против демонов никто из них не готов.

— Снаряды и ракеты закончились. Нам нечем помогать товарищам. — грустно подтвердил муравей-артиллерист.

Это всё в корне меняло.

«Сука»

Новость распространялась быстрее ветра. Буквально в считанные мгновения всё воюющее войско знало, что помощь артиллерии больше не придёт. Настроение среди солдат ухудшалось с каждой секундой. Автоматы по-прежнему стреляли, но звук уже был не столь интенсивным и быстрым.

— Как так... Банально не хватило. Мне, честно, даже смешно это слышать. Не могли больше наворовать? — прокричал на капитанов главнокомандующий, внезапно ставший особо нервным и грозным. — Боевой дух падает. Они все остались один на один с напирющей голодной дикой силой... А я вынужден как обычно разговаривать... Какой я вождь? Какой я лидер? — корил себя Маврикий, нервно ходя то взад, то вперёд.

Капитаны как всегда молчали. Их советы уже были бесполезны...

Поле жаркой последней битвы гудело как всегда. Крики, смерть, ставшая частью здешнего пропахшего дымом и гарью воздуха, чавкающие звуки, которые издавали чёрные тела демонов, выстрелы и крики тех, кто уже попался в когтистые лапы самых страшных тварей в Нижнем мире...

— Ладно, координируйте и вооружайте освободившиеся боевые части. Я скоро вернусь.

— Куда вы? — спросил бородатый капитан, почувствовавший нечто неладное в словах Маврикия.

— Я иду туда, где мне самое место. Где меня ждут и желают видеть. Я хочу сам почувствовать волнение, упорную борьбу и победу... Только так я стану тем победителем, каким хотел стать и видеть себя в будущем. — Маврикий измученно-грустно улыбнулся, будто бы в последний раз. И его не дрогнувшие тонкие ручки, тощее смелое тело и гордо поднятая голова — никто из всего муравьиного рода не был таким статным, величавым и по-настоящему королевским. И никто не посмел остановить Маврикия, ведь он выглядел и двигался как самый настоящий символ победы...

Муравьи дрались как могли, хоть демоны стали более смелыми, резкими и дикими. Одна тварь ворвалась в группу отстреливающихся насекомых и тогда там начался хаос. По очереди муравьи оказывались в демонических лапах, где их успешно уничтожали, вскрывая им шеи, выдёргивая им руки, ноги, совершенно не обращая внимания на пули, протаранивающие шерстяные чёрные бока.

Солдаты стали отходить, постепенно понимая, что демонов уже не остановить. Чёрные твари стали чересчур быстрыми и непредсказуемыми.

— Сколько наших там полегло? Что происходит? — удивился один муравей, видя что где-то не так далеко солдат за солдатом погибали в слюнявых противных звериных челюстях.

Муравьиное войско вновь было на грани поражения.

— Главнокомандующий Маврикий, вы будете гораздо полезнее здесь, рядом с нами. — жалостливо пропел всё понимающий и осознающий капитан.

— Нет, я так не считаю. Подождите меня тут, я обязательно вернусь. В ближайший час вы все здесь назначаетесь верховными главнокомандующими!

Его тонкая рука схватила у одного из трупов до сих пор горячий автомат и длинный меч, рукоять которого была изукрашена красивыми тощими змеями, чьи тела красиво сплетались в одно целое.

— Хорошая работа. Как раз подходит такому как я. — Маврикий улыбнулся и провёл мечом по своему же усую, с гордостью смотря на тонко отрезанный летящий вниз

кусочек. — Острый, сделанный как надо. Одобрю работу.

Меч был тут же спрятан за пояс, а автомат был взят наизготовку, двумя руками, как держал его каждый муравей в строю.

Главнокомандующего потихоньку начали узнавать. Всем он поначалу казался братом по оружию, верным товарищем и обычным бойцом.

— Уходите отсюда. Мы одержим победу, не надо нам помогать. — пытался остановить Маврикия очередной солдат, однако главнокомандующий и слушать не слушал.

Попав в эпицентр жаркой схватки он осознал, как было страшно находящимся здесь солдатам, знающим, что в любую секунду их могут распотрошить как и всех остальных до него.

«Они стараются. Стараются ради общей победы. Держатся как могут...»

Автомат Маврикия громко заверещал и целая орда демонов, громко рыча и завывая, отбежала подальше, принимаясь зализывать свои раны.

— Главнокомандующий, лучше отойдите в сторонку. Даже мы не знаем чем обернётся сражение с этой огромной ордой.

— Никакой я тебе не главнокомандующий. Я такой же воин как и ты, усёк?

Солдаты переглядывались, многие хотели хоть что-то ответить, но слова так и застывали в горле.

Маврикий широко улыбнулся, оглядывая окружающих его воинов.

«Я мечтал оказаться в шкуре простого солдата, за спиной которого стоят братья по оружию. Я мечтал защищать своих, чувствовать эту братскую ответственность за других... Как хорошо, что моя жизнь удалась. Я знаю, что потратил её далеко не зря»

Автомат отчаянно затрещал, а пули на огромной скорости полетели к чёрным сгорбившимся телам. Демоны дружно разбегались в разные стороны, продолжая злобно оскаливаться и жутко смотреть своими красными глазками.

Некоторые твари падали наземь, глотая поднявшуюся под их телами пыль. Половина целой орды не выдержала напористую огненную атаку, навсегда обнимаясь с родной землёй, с которой они и пришли из ада.

— Братья, продолжаем стрельбу! До последнего патрона, до последнего выстрела не даём этой своре одержать вверх! Слава нашему народу, нашей воле и нашему оружию! — Маврикий, вспотевший и пытающийся сдержать дикое ликование от дрожащего и поющего в его руках оружия, продолжал подбадривать войско, ни на секунду не забывая об этом важном деле. И все за его спиной, целая толпа, целый небольшой коврик, оставшийся от большого и сильного войска, будто нож ранил пытающегося пробиться к ним чужеземного врага. Все муравьи ликовали, все держали огонь, все старались внести свой необходимый вклад в победу...

Автомат Маврикия в последний раз пискнул, падая на землю отныне бесполезным и ненужным мусором:

— Продолжайте, доблестные воины! — однако многие повторяли движения главнокомандующего и бросали пушки на серую противную землю. Патронов почти не оставалось...

«Всё хорошо. Остаток нашей армии никогда нельзя недооценивать. Наш народ — это великий, волевой и самый свободный воинственный народец в мире и никакие чужеземцы не отберут у нас нашу самобытность, правду и желания быть выше, лучше и сильнее. Победа всегда будет за нами. Узы рабства, насильные гонения, принуждения к грехам и

преступлениям, позорные приказы, обесчещивающие нас — этот бой с демонами не самый худший, что нам удавалось пережить!»

Меч вспорхнул над головой гордого муравья. Со свистом опускаясь, он рассёк чью-то демоническую голову, купаясь в обильном кровавом фонтане.

— Господин Маврикий...

Меч прочертил дугу, громко встречаясь с огромными стальными когтями. Тварь улыбалась, ещё не понимая, что проиграла. Меч ловко извернулся и разрубил руки, тут же крутанувшись и перерубая врага на две ровные половинки.

Очередной демон оказался у ног Маврикия, но муравей продолжал. Восьмёрки лихо чертили на телах врагов живописные узоры. Ни клыки, ни тем более когти не могли остановить живую поющую сталь.

— Пятый. Шестой. Седьмой. — демоны в порядке очереди попадали под мимолётные изящные удары меча, почти сразу же падая наземь и ловя несколько горячих пуль от муравьёв сзади в своё почти уже мёртвое тело. — Двадцать. Двадцать один. Двадцать два. — Маврикий маршем проносился по жалким остаткам демонов, рубя сталью то направо, то налево. Клыки обхватывали меч, пытались его смять, погнуть, уничтожить, но тот всегда вырывался из хватки и вновь окроплялся кровью, превращаясь в красное орудие для убийств.

Восьмёрка приземлилась на когти, почти сразу обрубая их и довершая атаку изящной дугой. Кровь струйками летела по воздуху, а за спиной у главнокомандующего оставалась пыль да дорога, выложенная десятками вражеских тел и багровыми вязкими лужами.

— Смотрите!.. Вот что в наших силах!.. — кричал запыхающийся Маврикий, даже не зная с каким восхищением на него смотрело войско, как надеялось и поддерживало своего боевого смелого главнокомандующего. — В наших силах менять ход истории!.. Менять этот мир!.. — меч со звоном сталкивался о клыки, искры ярко озаряли его статную фигуру, его разведённые мужские муравьиные плечи. — Мы можем пройти сквозь огонь, сквозь боль и страдания, сквозь ад, а проходить так через нас и не считаться с нами мы не позволим никому и никогда!

Выстрелы звучали громче, быстрее и бодрее. Каждый солдат стал осознавать, какая всё-таки сила спрятана в его теле, сколько на самом деле он может сделать как для себя, так и для других.

Руки и ноги летели в разные стороны, погибая от молниеносного меняющего направления меча. Головы крошились в капусту и оставались позади муравьиной спины. И даже когда очередной демон пролетел быстрее меча и оказался прямо у незащищённой муравьиной шеи, даже когда клыки сомкнулись на ней, прокусили её, даже когда демон повалил Маврикия и лишил его меча, муравьи продолжали ликовать.

Тварь тут же была расстреляна. Уже убитая она так и осталась лежать на теле храброго и гордого муравьиного вождя, чьи глаза широко распахнулись, но всё равно призывали продолжать борьбу.

Маврикий больше не двигался. Его сердце остановилось, но сердце его народа всё ещё билось, как живой неостановимый мотор.

Это была действительно безбашенная и красивая кончина, положившая начало великой муравьиной победе! Главнокомандующий всегда мечтал пасть в неравном бою. Сокрушив в одиночку свыше шестидесяти тварей он, как и ожидалось, пал рядом с ними. Но даже мёртвым он выглядел более королевским и великим, нежели любые короли, когда-либо правящие в Нижнем мире... Красивая жизнь смелого и верного насекомого наконец

подошла к концу!

Переливающийся небесно-голубой шар взорвался жидким пламенем, обрызгав и зелёный кнут, и самого Демьяна.

Огонь подозрительного цвета щипал и жёгся, а на открытых участках кожи так и вовсе разгорался бурным садовым цветком, сжигая её и добираясь до мяса.

— Необычная магия. Покажи-ка ещё. — дразнил Демьян, пристально вглядываясь в её фигуру. За широкобёдрой грудастой фарфоровой куклой требовался глаз да глаз. Хоть её магия была очень похожа на магию эдемского мага, Демьян всё равно боялся чего-то нового и неестественного, некоего «ноу-хау»

Девушка стояла в отдалении, по-прежнему впустую растрачивая ману на голубенький мерцающий барьер.

«Бойтся атаки, а значит уязвима. За всю магическую карьеру не встречал таких трусих, прикрывающихся магическим щитом»

Небрежным жестом парень скинул голубое пламя и побежал на противницу, вертя широкие огромные петли над своей головой. Некромантка напряглась, пристально вглядываясь в бегущего противника и одновременно готовя ману для будущего заклятья.

Кнут неожиданно удлинился и залетел аккурат над щитом, тут же устремляясь к тонкой девчачьей талии, обвиваясь вокруг и подхватывая её наверх, в воздух. Ничего не подозревающая девушка испуганно-растерянно пыталась понять что происходит, как вдруг голубой щит распался в её руках миллионами острых, как шипы, осколков. Следом огромный зелёный шар рухнул прямо в её красивое тельце, заставив девушку закричать и ещё больше начать раскручиваться на схватившем её талию кнуте.

Демьян умело раскручивал кнут зная, что ответная атака не заставит себя долго ждать. И маг был прав. Мощный голубо-кристальный поток устремился вниз, заставив Демьяна отпрыгнуть и отозвать кнут обратно, попутно попадая под бушующий поток и теряя куклу из виду.

«Жжётся, жжётся... Как же жжётся...»

Огромный будто бы водяной шар рассёк голубой поток и смачно врезался в мага, громко взорвавшись и откидывая тело Демьяна далеко вглубь роскошного зала.

Тело громко хлопнулось о стену, сразу же сползая вниз, в пыльный тёмный угол.

— Так... Так... Не теряем концентрацию. — всё тело Демьяна в считанные мгновения покрылось зелёной живой слизью. Будто щит, она была идеальной защитой и какой-то голубой огонёк не смог бы так просто прорвать эту магическую броню.

Парень бодро вскочил на ноги, тут же ловко уворачиваясь вправо. Голубой шар рухнул в угол и пыль тут же ярко вспыхнула, будто дрова в печи.

«Теперь знаю где она»

Кнут полетел вперёд, разорвав по-прежнему текучий голубой поток и резко заворачивая куда-то влево. На сей раз в круглой плотной петле оказались кукольные волосы девушки. Та жалобно пискнула, но не страшась ни на миг подошла собственные пальцы. Ярко горящие, они схватились за волосы и перекинули огонь на них.

— Какая смелость. Не жалеет собственную красоту. — даже где-то восхитился Демьян, наблюдая за освободившейся жертвой, выбежавшей из-за бурного магического водопада и сейчас строго смотрящей на своего врага. Волосы всё ещё дымились, большие

соблазнительные груди тяжело вздымались.

Зелёный кнут вернулся к хозяину с оставшимися чёрными и отныне твёрдыми частями женских волос. Демьян их небрежно сдул, а те просто рассыпались, сразу же развеиваясь на воздухе и превращаясь в мелкую чёрную пыль.

Зелёный рыцарь коротко посмеялся в ожидании хода противницы. Старый некромант по-прежнему курил сигару, нервно потоптывая ступнями по гладкому полу. Он только сейчас понял, что драться с Демьяном совершенно бесполезно и невыгодно...

— Разве покрывать себя бронёй — это честно? — поинтересовалась девушка, неловко почесав носик.

— Разве прятаться за собственными атаками — это справедливо и правильно? — парень улыбнулся, внезапно напрягшись всем телом и как следует зажав кнут в своей зелёной руке.

Золотой зал не располагал к бою. Он не хотел смертей или жаркой бойни, он просто хотел роскоши, отдыха и умиротворения. Но Демьян решил нарушить установленный в Цитадели порядок. Он уже не был прежним собой, тем трусом, что поджавши хвост мечтал о покое, кресле, кофе и хорошей книге. Теперь он был готов умирать за своих родных...

Четыре будто бы составленных из голубой водицы диких кошки выгнули спины дугами и оскалились, готовясь к нападению. В руках самой девушки некромантки появилось по одному пылающему красивому шарiku, плотность маны которого поразила бы воображение любого мага.

Кнут хлестнул пол, заставив пыль подняться вверх небольшими облачками, а сам Демьян тронулся с места, словно бы скользя по гладкому полу.

Пара кошек пронеслись рядом с ним в попытке ухватиться за него или прокусить зелёную броню, однако хлыст им стал зрелищным ответом, с лёгкостью пройдясь по их неровным мерцающим голубым телам. Дикие коты заревели и ещё больше изогнули спины, стремительно проносясь по всему залу и иногда высоко прыгая, острыми когтями стараясь сорвать магическую броню.

— Милые зверьки. — поделился мнением Демьян, моментально раскрутив кнут и жёстко пройдясь им по спине мяукающей и шипящей твари. Половина тела кошки распалась на горстку ярких искр, а оставшийся кошак продолжил свой бег, ругаясь и шипя на своего врага.

Демьян не мог уследить за всем и, как и ожидалось, голубое пламя, пронёсшееся сквозь просторный зал, мощно опалило бок мага, поджигая и сжигая добрую часть зелёной брони. Та моментально почернела, но боли Демьян не почувствовал. Ещё недавно вся кудрявая голова вовремя отклонилась набок и следующая сфера пролетела над самым ухом, утонув в темени далёкого угла.

Не успел кнут как следует прийти в себя, а ещё одна дикая кошка успела прыгнуть на Демьяна, плотно садясь на его спину и злобно скрипя о броню своими огненно-голубыми переливающимися когтями. Плеть молниеносно поменяла направление и её хлесткой острый конец погрузился в голову кошки, погрузился плотно-плотно внутрь, заставив тварь лопнуть как огромную дыню.

Оставив за спиной голубое облако парень продолжил свой бег. Почерневший бок, порезанная во многих местах броня — из боя маг выйти сухим никак не мог. Враг всё же оказался в силах нанести зелёной слизи хоть небольшой, но значительный урон.

Два потока, сплетаясь и расплетаясь, петляя и стелясь по полу, летели к магу, норвя

снести зелёную броню с его широких плеч. Будто змеи они пронеслись вдоль всего закованного в слизь тела, шипящие, с раздвоенными языками, они атаковали врага с двух сторон, потом вновь сплелись, отлетели и вновь совершили свой налёт. Кнут тем временем хлестнул ещё одну кошку, старающуюся быть умнее, ловчее и быстрее своих предшественниц. Её лапки подкосились от прямого вражьего удара и рассыпались на искры, оставив несчастное тело гореть в одиночестве на полу.

Будто молния, на огромной скорости разворачивающаяся в обратную сторону, Демьян своим оружием поймал оба стремительных потока, сшивая их в единое целое и отбрасывая куда подальше. Голубое пламя полетело к опешившей девушке и та была вынуждена смириться с атакой. Потoki невиданной голубой магии прошли сквозь неё, опалая одежду, волосы, поджигая ладони и заставляя девчонку неистово кричать.

— Внучка, Крис, телепортируйся. Ты не справишься с ним. Покидай Цитадель! — крикнул ссохшийся некромант в огромной шляпе, наконец докуривая сигару и бросая её на пол подле своего же трона.

Большегрудая Крис, не слушая своего деда и не собираясь отступить, родила из ладоней череду магических шаров. Стремительно летя, оставляя за собой дико петляющие шлейфы, шары достигли Демьяна, но тут же были разрублены на ровные кулинарные половинки, которые пролетели мимо врага и праздничным салютом взорвались где-то за спиной Демьяна.

— Уходи, Крис! Не подвергай опасности Его План! Мы же говорили с тобой! — пытался достучаться до Крис некромант, безжалостно напрягая горло и связки. — Я понимаю, ты не такой силы ожидала увидеть. Но пожалуйста — уходи! Не время злиться, поверь!

Фарфоровая кукла пару раз хлопнула большими ресницами, смотря на родного дедушку:

— Но я не могу оставить тебя одного. Дедуля... — её нос смешно хлопнул, а обгоревшие кулачки потянулись к покрасневшим глазам.

Позади её рыдающего тела продолжалось зрелищное представление. Последние магические кошки кружили подле тела Демьяна, а зелёные шары, им подобные плотные плети и ловкий кнут так и мелькали в воздухе, пропитывая его тяжёлыми каплями слизи и живописными голубыми магическими осколками. Сполохи озаряли зал, а росчерки красиво разукрашивали здешний затхлый воздух. Красивые тонкие магические линии самых разных цветов, быстро реагирующая фигура осмелевшего мага, взрывы, вспышки и громкие хлопки, озаряющие округу ярким светом — невиданное световое представление было в самом разгаре.

— Обещай служить Его Плану. Ты ведь обещаешь? — сухо спросил дед, наблюдая за трясущейся от слёз внучкой. Вокруг её тела уже кружили голубые буквы, символы, чёрточки и геометрические фигуры. Её прекрасное тело оказывалось в ослепительно ярком ангельском свете, а сама Крис сложила руки вместе, лишь в последний миг взглянув в глаза своему любимому дедушке.

— Постарайся выжить, дедуля, хорошо? Обещаешь?

Его гнилые пеньки зубов показались из-за пасти, а синеватые губы растянулись в радостной улыбке:

— Ну конечно я выживу. И сын Мартена тоже будет жить. Не волнуйся, всё будет хорошо. — звучало грустно и ни разу не обнадеживающе, но другого пути уже не было.

Плывущие буквы и разные фигуры вокруг Крис ярко вспыхнули и всё тут же пропало,

будто ничего и не было. Белая вспышка прокатилась по сводам огромного золотого зала, заставив всё голубое пламя рассыпаться на мелкие почти незримые частички.

Демьян неуклюже остановился, перестав махать своим кнутом. Вокруг сделалось так тихо и хорошо, что парню захотелось просто стоять и дышать воздухом всей своей широкой грудью. Однако любые проблемы требовали решений...

— Она же сбежала, да? — спросил уставший маг, чувствуя как броня покрывается огромными зелёными пузырями и с жутким шипением и паром растворяется в воздухе. Только прочный кнут остался зажатым в руке сына Эрика Мартена...

— Одумайся, малец. Ты же тоже терял собственную семью... Ну не разлучай нас. Не делай плохо ей, не разрушай её жизнь... — слова старика в этом зале по-видимому слушали только позолоченные стены. Демьян как шёл вперёд так и не останавливался, и навряд ли хоть что-то могло остановить этого мага... — Ну ладно я. Ладно моя семья. Подумай о своей единственной жизни, об отце, об городе...

Всё было бесполезно. Кнут взмыл вверх, прокрутившись два контрольных широких круга. Оскал не покидал обезображенного навсегда потерянного лица Демьяна Мартена, на котором еле-еле можно было различить одну небольшую пару рогов. И ни о чём он больше не думал. Он и так потратил всю свою жизнь на одни мысли да на слова. Теперь всё было по-другому, теперь он пришёл карать...

— Хочешь разрушить мою семью, да? Просто уничтожить здесь всё, как когда-то ворвавшийся в этот город Эрик с муравьиным войском? Ну и чем ты тогда от него отличаешься? За что ненавидишь, раз способен на те же поступки? — старик схватился за горло ощущая, как было трудно и больно говорить. Перстни злобно сверкнули и скопленная в них мана была готова вырваться наружу.

— Я не Эрик, нет... — безумно говорил Демьян.

— Но парнишка, ты сейчас делаешь то же, что он делал тебе. Ты хочешь разрушить семью, сделать прекрасную невинную девушку одинокой и несчастной... Неужели за всё это время ты растерял в себе всё лучшее и доброе?

Оскал почти покинул лицо Демьяна:

— Я и сам уже не знаю... Всё зашло слишком далеко, чтобы думать о таких вещах. Я был немощным трусливым слабаком, который мог только разговаривать да дрожать... Сейчас я лучше, сильнее...

— Ты стал жестоким, чёрствым и наполненным ненавистью. Ты прошёл тем же путём, каким прошёл твой несчастный отец...

«Кем я стал?... Важно ли это сейчас?... Удалась ли моя жизнь?... Всего этого я не знаю. Знаю одно — смотри мамочка, смотри отец. Я стал щитом, стал вашим защитником, кем хотел стать всю свою жизнь. Я отомщу за вас, докажу, что ваши смерти не были напрасными... Эх, неплохая жизнь однако вышла. Друзья, веселье, книги, моя тётя, холодный воздух, такая родная и смешная боязнь, смеющиеся девушки, эти вечера с родными тебе людьми в добром и уютном доме, эти ужины... Я благодарю Бога за этот путь. Он ведь был неплох, не так ли?»

Улыбка дрогнула на его лице, а слеза неловко сползла с горячей щеки. Зелёный кнут устремился вперёд, тонкой ниточкой поймав дрожащие от напряжения и внутренней силы перстни. Такие яркие и сверкающие, по-настоящему королевские и роскошные...

— Ты всё-таки такой же как твой отец. Демьян, теперь то ты его понимаешь?...

Кнут ждал драгоценности сильнее, плотнее обвил их и всё потонуло в белом

ослепительном свете.

И после не осталось ничего... Лишь труха, гарь да пронсящийся окрест грохот от ревушего взрыва...

«Адам... Я вижу ты до сих пор страдаешь. Как когда-то давно в том прекрасном Эдемском саду. Тебя обманули, переманили на чужую сторону и воспользовались, как множеством других моих братьев...

Я ничего не смог сделать. Я пытался, но всё было напрасно. Чёрный змей, ваша новая идеология и ваши новые желания были для вас важнее любых других слов любого другого человека.

Ненависть к собственному отцу затуманила ваш разум. Вы были крепко привязаны и вашими телами нагло управляли...

И теперь, Адам, мой дорогой златовласый брат — после изгнания, после смерти ты вновь оказался на поводке, будто немощный бесполезный раб. И лишь твоя окончательная смерть навсегда избавит тебя от тех страданий, что тебе приходилось переживать много-много лет. Всю жизнь. Все такие одинаковые несколько жизней в нескольких разных мирах...»

Саркис наконец разомкнул засыпанные землёй глаза. В нос ударил затхлый запах гари, а уши улавливали далёкую одинокую пальбу.

Тело не слушалось. Деревянное, всё больное и ноющее, оно почти не двигалось, делая ещё недавно гордого статного эдемского мага самым беспомощным и бесполезным человеком в Чёрном городе.

В воздухе полз тёмный дым, клубящийся и устремляющийся вверх, к серому городскому барьеру. Звуки боя медленно и верно сходили на нет, но повернуть голову и самому узнать что происходит Саркис не мог.

— Мана так и не циркулирует... Ещё не восстановилась, не вернулась... Вот гадство, сифилис и проказа! — грубый голос пронёсся над почти бездыханным телом.

Глаза смотрели на чёрную стену Цитадели, на рядом стоящие ворота, на самую верхушку, откуда мелкой точкой показалась самая страшная и ненавистная Саркисом голова.

— Думал ли я, что умру как крыса подле сраного замка, совсем лишившись сил, маны и желания бороться? И вот где здесь тот Саркис, тот самый Эдемский маг?

Голова, свешивающаяся с далёкой крыши, оскалилась и тварь взмыла в воздух, со скоростью звука, почти неуловимо приземляясь около ворот.

Горстки камней и облака пыли завихрились у чёрных, обвитых жгутами мышц, мощных демонических ног, а красные глаза и вываливающийся длинный язык внезапно напугали Саркиса.

Адам выпрямился, всё ещё скалясь, стоя посреди тёмной гадкой земли и облаков едкой душливой пыли. Когти весело сомкнулись, разомкнулись, поскребли друг о друга, а вращающиеся будто бы крысиные красные глазки смеялись над немощным и поверженным врагом.

— Ну что, победитель, готов получать свой приз? — прорычал Эрик Мартен, смешливо смотря на валяющегося подле его ног врага.

Саркис ничего не мог поделать. Ноги, руки, тело, даже голова — всё окаменело, никак не хотя двигаться. Он будто бы застыл в одном моменте и этот момент был самым опасным и страшным в его длинной жизни.

Когти яростно сверкнули, лапа отлетела в бок и тут же понеслась вперёд, рассекая своими лезвиями несчастный удушливый воздух и вонзая их в обессилившее тело Саркиса.

Эдемский маг широко раскрыл глаза от боли. Невыносимая, ужасная, как зараза быстро распространяющаяся по всему телу. Саркис смог выдать лишь жалкий предсмертный хрип. Такой глухой, низкий, такой ничтожный и слабый...

«Моя история окончится здесь... Забавно, забавно. Я даже не встретился с Демиургом, а мир уже поставил меня на колени. Мир убрал с меня спесь, гордость, это презрительное отношение к другим... Мартен смог меня одолеть!»

Розовый язычок прошёлся по горячей щеке мага, а красные точки глядели прямо на не двигающегося умирающего богатыря:

— Я победил тебя, победил. — шёпотом произнёс Эрик и ехидно рассмеялся тихим писклявым смехом. — Несмотря на твой статус, силу и магию, я — обычный человек — опустил тебя с небес на землю. Я втоптал тебя в эту чёрную почву, это сделал я! И никто не посмеет отнять мою победу! — когти резко вышли из окаменелого тела Саркиса, разбрызгав округу красно-багровыми кровяными каплями.

«Он меня и вправду победил. Охладил мой пыл, заставил понять, что никакой я не бог, никакой я не всесильный, никакой я не самый крутой... Видимо это и есть мой конец?»

Голова лишилась каких-либо мыслей. Тёмная тьма клубами витала в его голове, а всё прочее уже было не важно. Уже всё было позади, где-то далеко-далеко, где-то не в Чёрном городе...

Внезапно голова, только что совершенно пустая и ватная, почти взорвалась от некой вспышки. Два световых пятна заполнили собой всё внутри, некие две сферы чужеродной и невероятно мощной магии.

— Что происходит?... — испуганным тоном спросил вмиг растерявшийся Мартен и Саркис тут же раскрыл свои уже залепленные уставшие очи. — Откуда такая сила? Такая мощь? Неужто... Но как Демьян выбрался?... Сынок, мой любимый ребёночек, как ты там оказался?...

Адам шатнулся, запрокинул уродливую демоническую голову и отчаянно зарычал. Свет его пугающих красных глаз слабел с каждой минутой, а когти покрылись мелкими змеящимися трещинками...

Богатырь даже двинул головой, хоть буквально секунду назад ею было никак не двинуть. Грохот сотряс и без того несчастную землю, взрыв озарил всю округу, заливая всё ярким огненным адским светом.

— Демьян, друг... Ты сделал невозможное. Ты стал достойным щитом... Покойся с миром, мой ученик! — в голосе эдемского мага звучала гордость.

Каменная крошка засыпала лицо Саркиса, грохот заложил уши, а свет померк, оставив после себя лишь затухающий красно-чёрный гриб, мягким облаком взлетающий над самым огромным муравейником в городе.

— Сын... Ты же трус! Я знаю это! Так как ты мог пойти против своего действительно любящего отца? — Мартен всплакнул, пока демон неистово рычал и рассыпался.

— Я чувствую, ты его любил... — заключил Саркис. — И именно поэтому хочу, чтоб ты знал — он был невероятно сильным, смелым и целеустремлённым малым.

В такт бушующему землетрясению по стенам, вместо длинных дождевых червей, поползли не менее огромные трещины, буквально заполонившие собой всю Цитадель великого врага всего мира. Муравейник захрустел, затрещал по швам, загудел и зрелищно

распался на мелкие части, медленно ложась на землю грудой отныне бесполезных обломков. Обваливаясь как хрупкий карточный домик, разрушаясь до самого основания, Цитадель подняла гигантскую серую тучу, что послужила концом эпохи правления Церкви Сатаны. Там где стояла великая Цитадель отныне смешивались серое и чёрное; большие тёмные обломки и лёгкая каменная крошка, птичками порхающая в воздухе; добро и зло; пожар и радостный солнечный свет, наконец пробившийся и осветивший послевоенный многострадальный город.

Оплот зла потонул в клубящемся живом дыме и занялся мощным бодрым огнём, просочившимся откуда-то из низа и теперь вгрызшимся в одну большую грудку всё ещё шумевших и гремящих обломков.

Саркис смотрел ввысь своими безразличными глазами, наблюдая за праздничным салютом в виде капающих с неба серых осколков, добротнo осыпающих уставшую от тирании землю:

— Барьер лопнул, как и ожидалось. Демьян, ты оказался сильнее меня. Ты принёс этот Нижний Мир настоящий мир, ты подарил нам эту победу и этот сказочный салют... Тебя нет с нами, но будь уверен — твоя отвага, добрая душа и спрятанная глубоко внутри тебя храбрость совершили самый большой подвиг. Отдыхай, дорогой братик, отдыхай...

Сквозь праздничный осколочный дождь показалось голубое безоблачное небо, моментальное затопившее чёрную, непривычную для такого яркого доброго света адскую землю. Солнце ярко освещало уничтоженную Цитадель и огромное облако, пламя и грохот под яркими лучами заставили каменного безразличного эдемского мага выдавить широкую улыбку.

— Всё так и должно было закончиться. Я давно твердил себе это в качестве молитвы перед сном. Любая власть не вечна, любая власть будет уничтожена. — рушащийся в пыль и дёргающийся от мук Адам неловко захрипел, поскрёб лапками летний прекрасный свежий воздух, закатил потухшие глаза и рассыпался в лёгкую невесомую и почти невидимую на свету серную дымку. Обгоревшее обезображенное тело правителя Чёрного города мешком повалилось наземь, пропав из пока ещё ограниченного поля зрения Саркиса и грустно захрипел:

— Доволен, маг? За эту победу отдали свои жизни почти все в пределах этого Богом забытого города... Ты доволен?... — кашель одолел уничтоженное тело Эрика Мартена. — Понимаешь, здесь не я самый главный убийца. Убийца здесь ты!

Саркис радостно смотрел на голубое небо, а его улыбка отчего-то могла показаться по-настоящему искренней и живой.

— Сыночек... Я отдал ему всю свою жизнь. Я старался ради него, но... Но это ты его убил, эдемский убийца, эдемская мразь, ты погубил столько людей ради встречи с Ним, которая может никогда и не случится...

— Мартен, ты мне сам напомнил — скажи, где мой брат? Где Он? Где Демиург?

Тишина длилась недолго:

— Это знание уйдёт со мной в могилу. Демиург — великий человек и не менее великий маг, самый сильный и подаривший мне столько хорошего... Он жив... Однако ты никогда не найдёшь его. А План... План будет жить вместе с ним. Всё своё правление я трудился во славу твоего брата, во славу его идеологии и мечты...

Эрик предсмертно захрипел. Два тела, почти касающиеся друг друга, полумёртвыми лежали на земле, своими глазами смотря на открывшееся небо. Чёрное обгоревшее тело,

более напоминающее прогоревший в мангале уголь и всё ещё красивый статный маг, весь израненный, окровавленный, но всё ещё держащийся, как и подобает магу из Эдема.

— Красивое небо... Последний раз я такое видел года три назад... Блин, как же всё-таки жаль что моя жизнь вышла именно такой. Я правда не хотел чтоб всё было именно так ужасно... Как бы я сейчас хотел вернуться в детство и всё поменять... — Эрик сипло рассмеялся и из его рта полетела дымная чёрная струйка. — Представляешь, я — ни в чём не повинный ребёнок, просто ненавидимый и презираемый целым городом, никому не нужный и не интересный сейчас ещё и извиняюсь за это... Думаешь, в том была моя вина? Почему именно меня не полюбил мир? Почему именно я должен был скитаться от дома к дому, посылаемый всеми подряд? Если б не эти горожане... Если б не они, то я бы прожил обычную и не менее интересную жизнь... Позже я стал пешкой в большом Плане и уже не мог не подчиняться твоему брату... Он просто нагло притворялся, использовал меня... Я всегда знал это, но никогда бы не подумал что абсолютно все люди в мире такие ничтожества... Я закрывал глаза на притворство Демиурга, я буквально не замечал его актёрской игры, ибо мечтал о любви, мечтал об обычном домашнем тепле, о подарках... Ну как все нормальные люди, понимаешь?...

Саркис утвердительно моргнул, внезапно тронутый словами умирающего «зла»:

— Водяной поток меняет под собой даже камни, что тут говорить обо мне... Я умираю, так? — тихий-тихий смешок вырвался из его рассыпающегося в прах тела. — Всегда думал о смерти... Наверное для меня это даже спасение. Столько ненависти, злобы, масок, столько всего чёрного — я устал за всем этим наблюдать. Всё зло появляется только из злобы других людей... Все люди — они... Они даже не осознают насколько сильно могут посеять ненависть внутри других, тем более таких малышей как я... Ладно, Саркис, с тобой было интересно драться. Жаль, что мы не смогли покушать за одним столом и просто поговорить по душам... Может я бы и раскрыл местонахождение Демиурга...

Саркис молчал. Свежий летний воздух обдувал две фигуры, проносился по их телам, солнечные лучи освещали их, согревали и давали ту необычную природную силу...

— Моей империи пришёл конец... Да и хорошо. Я наделал много всего, как плохого так и хорошего, и рано или поздно всё бы это закончилось... Все виноваты передо мной, а я виноват перед всеми... Ха, смешно однако получается... Всё что было построено рано или поздно разрушается, будь то добро, будь то зло... Правда я так и не понял — где было добро в моей жизни? Или я с рождения заслужил лишь самое плохое?... — Эрик Мартен последний раз выдохнул и его грудь больше никогда не двигалась.

— Отдыхай, Мартен... Весь мир взрастил в тебе Дьявола, а пожинать плоды своего труда отчего-то не спешил... Так что отдыхай, по-настоящему Великий Маг! Ты бы мог работать во благо этого мира, я верю в это!

Тишина накрыла Чёрный город. Было не слышно ни звука. Всё, что контролировалось старым дедом-некромантом в одночасье пало — серый барьер, демоны, муравейники, вся империя, вся Церковь Сатаны была разрушена за один день.

— Эрик, тебе будет проще и лучше вообще не дышать. Покойся с миром...

Голубое небо смотрело прямо в чёрное разворошенное лицо Мартена. А солнечный свет был последним, что видели его уставшие мокрые глаза...

Эпилог 1

Солнце далёкой пустыни как обычно нещадно палило. Лёгкий ветер подхватывал сыпучий песок, но прохладнее от такого ветра отчего-то не становилось. Маги, все потные, склизкие и противные, трудились, выкладывая булыжник за булыжником. Башня день за днём всё вытягивалась и вытягивалась ввысь, устремляясь к голубому безоблачному небу.

Небольшие палатки из грубой грязной толстой коричневой ткани аккуратными рядами расположились вокруг стройки и днём почти все они стояли пустыми и тихими.

Самая большая и широкая палатка верещала под небольшим ветерком. Ткань отошла в сторону и двое бородатых стражника, по-лёгкому одетых и по-рабски серьёзных, открыли проход, молча смотря на медленно выходящего из него старика в голубой трепещущей накидке, по поверхности которой серебряными ниточками были вышиты звёздочки да планеты.

— Ну что, бездари, выпались хоть? — скрипучим голосом спросил Авиад, поправляя пуговицы на лёгкой курточке недвигающегося смотрящего вдаль раба. — Конечно выпались, такие бодрые и сильные... Пойдёмте.

Рабы закрыли палатку и на некотором отдалении от старика поплелись за ним. Работа вовсю кипела. Молотки, полирующие необтёсанные камни, громко стучали, стараясь не хуже вспотевших грязных трудящихся магов.

— Не прошло и недели, а башня заметно подросла. Отстроена одна треть нашей общей твердыни, думаю ещё месяцок и она станет новой фигурой в Плане. — пробурчал Авиад, потрагивая спутавшуюся колкую бородку и садясь на удобный небольшой деревянный стул. — Как же жарко... И как угораздило Демиурга поставить важную точку именно здесь, в таком пекле? — злобно ворчал старик, потихоньку замечая надвигающуюся издали бодро идущую фигуру, бредущую по сыпучему песку. — Может это весть? — прищурился старик.

Один из рабов подошёл к Авиаду с прохладным стаканом воды и маг быстро опорожнил его, несколько капель нарочно проливая на мелкую невымытую бороду.

— Эх, сейчас бы искупаться... Трудитесь больше, магики! Нам всем нужна эта башня и чем скорее, тем лучше. — маги застучали молотками быстрее, интенсивнее и чаще.

Тем временем фигура всё приближалась и старик наконец узнал в ней своего личного разведчика, которому доверил одно важное и опасное поручение...

— Как спокойно то идёт, надеюсь и новости хорошие. — обрадованно проскрипел Авиад, откидываясь на скрипучую деревянную спинку. Убрав гранённый стакан, бородатый раб, почти лишённый магии, занял своё законное место по правую руку от старого мага.

— Может отдохнём? — недовольно-устало пробубнил почти с ног падающий строитель-маг, тут же словив недовольный грозный взгляд стариковских умных глаз. Плюнув на обрабатываемый камень и с силой ударив по нему, маг продолжил работать, давая остальным магам понять, что трудиться они обязаны без единой секунды отдыха и так до самой смерти.

Фигура пересекла падающую тень отстроенного основания башни и неспешным шагом шла к Авиаду, вальяжно засунув руки в карманы небрежно надетых мешковатых штанов. И чем ближе фигура была, тем шире расплывалась дедовская улыбка на морщинистом немного веснушчатом лице.

— Мой разведчик, мой друг. Вижу ты жив и в хорошем расположении духа. — просипел

новоиспечённый архимаг башни Флотлер, протягивая старую костлявую руку. Разведчик вынул свою руку из кармана и с удовольствием, сильно не сжимая, пожал руку Авиаду. — А вы работайте, а то без обеда останетесь! — рявкнул старик, махнув на уставших спотыкающихся строителей. — Экие бездарные твари. Маги из вас плохие, так вы хоть в чём-то полезными будьте... — пробубнил он.

Фигура отошла на пару шагов. Это был юнец не обделённый магической аурой, весь из себя спокойный и важный. Солнце ласкало его лысую сверкающую голову, а мелкие прищуренные глаза задорно глядели на нового архимага отстраивающейся башни.

— Давай, рассказывай! Даже моей прислуге будет интересно послушать нарытое тобой. — потёр руки старик.

Разведчик лихо кивнул:

— Откопать много не смог. В большинстве своём слухи, сплетни и мнения. Однако настроение народа и политика Великого Ордена магов в принципе ясна и даёт положительную оценку. — подлая нескрываемая улыбка расцвела на хитром лице и разведчик начал, подождав пока архимаг поправит своё смятое голубое одеяние. — Поспрашивал достаточное количество народа, подслушал что говорят, какие речи. У всех вот уже неделю с уст не сходит Чёрный город и некий маг, являющийся как по мнению людей, так и по мнению Ордена чуть ли не самой главной угрозой всему мирозданию. Люди даже перестали бояться Мартена, ведь Орден из-за ранее нами составленного и доставленного письма свято верит в то, что этот человек — угроза планетарного масштаба. Народ делает ставки — выстоит ли Чёрный град мощный удар неизвестного мага, в одиночку обрушившего целую башню, или же этот выскочка будет повержен. А многие даже уверены в том, что этот теперь уже знаменитый маг всего лишь жалкая выдумка, обычный миф или же просто придуманный образ.

Авиад глухо рассмеялся:

— Фигуру Саркиса превратили в центр обсуждения и даже возвели в некий культ. Орден вплотную взялся этой проблемой, как мы и хотели. А я даже построил некий доверительный мост между нами, архимагами... Всё прекраснее некуда, волноваться пока не о чем. Что ещё известно?

Улыбающийся лысый разведчик продолжил, предварительно покашлив в кулачок:

— Последнее собрание вот-вот случится. На нём Орден примет окончательное и бесповоротное решение касательно вопроса Чёрного города. Я уверен, да и народ тоже, что маги выступят в длительный поход и тогда всё пойдёт по нашему плану. Те двое архимагов из Совета... Вы же понимаете, что им придётся наконец пойти против главы Ордена. О Пентаграмме не должна знать ни одна душа в мире и наши тайные разведчики-архимаги сделают всё, лишь бы не скрылись все подробности нашего общего Плана.

Старик взлетел со стула, прощурив заколыхавшимися голубыми одеждами. Его глаза ярко сверкали, а противный смех заставил магов-строителей прикрыть уставшими руками свои несчастные уши:

— Верно. Соратники Демиурга, тайно шпионившие в Ордене, будут защищать План до конца. Они не потерпят военного похода в те земли, где все карты были бы раскрыты... Мир магов погрузится в Мировую Войну и тогда это будет нам лишь на руку. Что может быть лучше раскола среди архимагов Великого Ордена? — Авиад облизнул пересохшие губы и раскинул руки в стороны, под хитрым взглядом разведчика. — Если походу быть — мы одержим победу! Весь многослойный и трудновыполнимый План попадёт в наши руки и

тогда никакой Демиург не сможет нам помешать. Правда, Акбек?

Довольный лысый разведчик низко кивнул, полностью соглашаясь со словами и настроением своего архимага. Пятого архимага Ордена магов.

— Все люди требуют хлеба и зрелищ. Все хотят чего-то нового и интересного. Я уверен, что маги отправятся войной к чёрной язве этого мира и тогда двое архимагов с Совета должны будут раскрыться и повлиять на мировую игру! — рассудил Акбек, с улыбкой смотря на ещё большую радость в миг ставшего счастливым старика Авиада.

— Мы столько ждали, столько верили, столько надеялись и не зря. Демиург такой дурак... Самый огромный болван из всех болванов! Маги! Работайте не покладая рук и не переодевая трусов! Башня Флотлер должна стоять здесь уже совсем скоро! Не подводите ни себя, ни тем более меня! — Авиад снова грохнулся на стул и тот под ним завизжал как девица в кровати.

Бородатые рабы слушали, но как им и подобает смиренно молчали. В политику они не лезли и это было самое правильное, нужное и полезное, что они когда-либо делали в своих жизнях. Акбек довольно почёсывал сверкающую макушку, а старик загоревшимися глазами смотрел в горизонт:

— Осталось совсем немного до заветного Конца и тогда мы посмотрим, чьи амбиции куда и кого приведут!

— Помимо самого первого письма, где товарищ Авиад уверенно говорил о зле в лице Мартена и некого неизвестного сильного мага, говорил о неких преступлениях, тайных заклетьях и прочей навряд ли достоверной ерунде, нам пришло второе письмо, написанное таким же широким и красивым старческим почерком. Мы собрались здесь, в этом тёмном зале, дабы обсудить содержание этого второго письма и принять на этот раз самое точное и окончательное решение. — провозгласил широкий в плечах и высокий как гора глава Ордена, облачённый в длинный коричневатый плащ, изукрашенный заплатками и разными небольшими дырочками.

Архимаги, собравшиеся и сейчас гордо сидящие за круглым зелёным аристократичным столом, накинули капюшоны на свои магические головы и смиренно сидели на стульях, сложив ладони на коленях.

В воздухе царила необычная атмосфера некоего недоверия. Архимаги, не смотря друг на друга, ожидая своей очереди высказаться, молча сидели вокруг стола.

— В письме говорится о той самой угрозе, убившей пятого архимага Дона и разрушившей одну из пяти наших башен. В письме, как вы и сами знаете, прямым текстом написано, мол этот маг уже находится в пределах Чёрного города и его сила настолько велика и опасна, что превосходит нашу силу вместе взятую. Однако несмотря на якобы угрозу, забывая о Чёрном городе и массово собирающимся в нём зле, следует помнить кто такой Авиад. Нельзя верить ни одному его слову. Все его разговоры, все письма и вся информация — всё сказанное им направлено лично против нас. — поделился мнением один из архимагов, сидящий у левого края зелёного стола.

Тишина окутала тёмный, полный магической дымки зал, куда глава не задал всеми ожидаемый вопрос:

— Твои предложения?

Архимаг ни секунды не думая выпалил:

— Войска посылать на точку пока не надо. Не стоит спешить. Лучше пригласить сюда этого самого Авиада и наконец избавиться от его чересчур болтливой языка.

— Хорошо, мы тебя выслушали и твоё мнение учли. Следующий. — громко сказал глава, устремляя свой, невидимый для других из-за огромного капюшона, серьёзный лидерский взгляд на рядом сидящего архимага.

Тот будто только проснулся, немного вздрогнул, прокашлялся и начал:

— Я считаю, что... эмммм... не следует так поспешно направлять войска в Чёрный город. Это... кхм... Это сможет нарушить баланс и всё такое... Ну вдобавок мы ж так не хотели там этого... Бойни всякой... Этих там... смертей. Вот... — как хорошо, что он не видел усмешки главы Ордена под тенью коричневатого тканевого капюшона. — Да и Авиад, ну он же преступник. Если мы и дальше будем доверять таким как он, то... Ну вы и сами понимаете, что ни к чему хорошему маги придти тогда не смогут.

Архимаг закончил, тут же со стыда схватившись ладонями за несчастное покрасневшее лицо. Этот человек не успел придумать своего собственного вранья... Глава Ордена просёк это по поведению и по речи глупого простофили.

«Говорил не искренне, не от себя и совершенно точно повторял за предыдущим, однако всё пытаюсь вставить в речь и свою мимолётно придуманную ложь, своё шаткое мнение...

Эти двое прикрывают Эрика Мартена? Однако зачем?»

Этот статный широкий большой маг уже давно принял решение и конечно оно не нуждалось в одобрении остальных членов этого собрания. Однако что-то точно было не так. Нечто тайное, невиданное и доселе неразгаданное будто лёгкий дымок витало в тёмном-тёмном зале, освещённом лишь поставленными в центр стола дрожащими от воздуха свечками. Пламя легонько подрагивало, как подрагивал и тот последний трусишка-архимаг, будто только проснувшийся и оттого говорящий какую-то несусветицу.

— Не переживай ты так, старина. — огромная мазолистая ладонь приземлилась на миниатюрную коленку архимага и тот задрожал ещё сильнее, что не ушло от внимания умного главы. — Третий архимаг. Тебе слово.

Все члены собрания затаились перед финальным авторитетным мнением и последний маг, расположившийся в правой части круглого зелёного стола, без промедления начал свою речь:

— Безусловно я поддерживаю военное сопротивление Чёрному городу. Этот гнойник обязан быть разворошен, изучен и уничтожен. Никакой Церкви Сатаны в этом мире быть не должно. Мы неоднократно ловили оттуда чужеземную инородную магию и обязаны узнать как её происхождение, так и сам источник. Неизвестная угроза в виде чересчур сильного мага должна быть также устранена. Она магически одарена, сильна и не подчиняется законам нашего кодекса. Да и убийство архимага — это уже само собой всё доказывает — он нам враг! — два ранее говоривших архимага недовольно склонили головы и в воздухе ещё больше запахло недоверием, конфликтом и чем-то неуловимым, но не менее странным и опасным. Тем не менее третий говоривший завершил свою речь. — Вердикт таков — сбор общего магического воинства и долгожданный удар по самому главному оплоту зла и сатанизма. У меня всё.

Тёмный зал вновь притих и только барабанившие толстые пальцы главы Ордена хоть как-то пытались пробудить почти уже мёртвое и с самого начало подозрительно противоречивое собрание.

— Обойдёмся без жарких споров, хоть они сегодня и имеют место быть. Решение давно принято, подписано, а четыре наших армии уже почти готовы к магическому походу. Мне вот что интересно... Почему вы так интенсивно не хотите стараться во благо нашего Ордена? — спросил лидер, тут же услышав несвязный ответ двух противников решения лидера:

— Мы не можем доверять какому-то жалкому узнику, преступнику... Не стоит совершать ошибку и начинать войну. Мировой порядок, и без того хрупкий, шаткий — он не выдержит всего этого... Я уверен что всё магическое общество должно одуматься, подумать и всё взвесить, без этих поспешных наспех сделанных решений...

— Серьёзно однако ж ты стоишь на своём. Но не в твоих силах и не в твоей власти что-либо поменять. Ты подчинишься как и все остальные!

— Но вы же совершаете ошибку! Вы хотите...

— Собрание объявляю закрытым. Архимаги — езжайте готовиться к военным действиям, каждый в лично ему выделенную башню. Всем удачи!

Глава Церкви Господа встал из-за круглого стола и направился прочь, так и оставив магов одних сидеть у дрожащего пламени одинокой свечки...

Покои были пусты и тихи. Просторные и широкие, они являли собой действительно зал

настоящего магического лидера. В центре стояла огромная хрустальная сфера, спокойно проводящая через себя огромные плотные магические потоки.

Именно к ней и подошло богатырское тело, даже не успевшее снять коричневое ободранное одеяние.

— Так, магический поток запущен. — почти шёпотом произнёс глава Ордена, в полной темноте смотря на ярко засиявшую хрустальную сферу. Она заискрилась, запела, завибрировала и приятная дрожь овладела всем мраморным полом. — Сейчас посмотрим, сейчас посмотрим...

Огромный мир распростёрся под руками великого мага, каждый угол был показан на сфере и жил собственной жизнью, буквально каждое здание дышало, высасывая казавшуюся бесконечной силу главы Церкви Господа. Однако вся эта роскошь не имела сейчас никакого значения. Мага интересовала лишь обстановка в Чёрном городе...

Листая огромную карту мира, ища небольшой островок вселенского зла, лидер Ордена всё-таки приблизил к себе эту чёрную точку, эту страшную язву, которая даже дышала по-особенному, не как остальные объекты на карте.

Всё оказалось в точности так, как глава и предполагал. Гнездо было почти полностью разворошено, барьер, отделяющий весь мир от города, был ликвидирован, от града вверх тянулись клубы густого дыма.

— Этот неизвестный маг... Его сила не может не впечатлять. Он за пару дней сделал то, о чём мы балаболили и спорили долгие три года... — город был стёрт с лица земли. Ни одного дома, ни завода, ни даже Цитадели — всё было снесено и сравнено с землёй.

Глава Ордена знал, что всё так и получится. Что Чёрного города на момент крупного магического похода уже не будет. Однако решение уже было подписано и утверждено далеко не зря... Всё сходилось с прогнозами. Орден должен был зайти в разворошенный город и наконец перевернуть ранее закрытые карты. Да и архимаги...

— Парни, больно вы подозрительно себя ведёте. Как бы вы не противились, но войне быть. Раскрою сразу всё что только можно будет раскрыть и не позволю продолжать разваливать наше магическое общество. Похищения людей, хитрые махинации у меня за спиной, коррупция и целый ворох секретов — вам никогда меня не обмануть и не пронять, глупые предатели!

Сфера заискрила ярким светом и тут же погасла, словно лампочка. Огромная зала вновь вернулась в привычную для неё такую родную и добрую тишину. А широкого тела в коричневатом плаще уже и след простыл. Только лёгкий вечерний ветер продолжал поглаживать пока ещё горячую сферу, блестящий мраморный пол и красивые узорчатые обои. Наступала долгая ночь...

Саркис, еле идя, то и дело прихрамывая, прошёл мимо чёрного бездыханного тела ещё недавно сильного легендарного владыки. Где-то недалеко ликовал вольный муравьиный народец.

— Их осталось так мало, сотня, однако это их победа. Они заслуживают праздника. — прохрипел маг, чувствуя как каменные руки еле сгибались в локте.

Дым шёл отовсюду. Вся земля горела бурным огнём и Саркис понимал, что этот огонь ещё долго не потухнет. Повернув голову, маг увидел груды горящих некогда грациозных заводов, складов, видел он и гриб над павшей Цитаделью, но для него всё это было неважно. Он получил что хотел, ведь он добивался своего всегда.

— Может я и убийца, но я боролся за правду. Я боролся за уничтожение этого сатанистского безумия. Может это цена была слишком высокой? — подумал эдемский маг, наступая на очередную чёрную горящую яму, по краям которой россыпью лежали осколки ещё недавно летящего сюда снаряда. — Эти осколки как и эта империя. Она бы всё равно была уничтожена, то был лишь вопрос времени. Даже добродетельные империи низвергаются, так почему этот оплот должен был выжить? — оправдал тысячи жертв беззаботный маг, для которого любая жизнь считалась лишь платой за будущее. Он был уверен, что сделал добро и никакая смерть не могла остановить его на достижении собственных целей.

Почти неходящие ноги двигали мага вперёд. В глазах двоилось, троилось, но ничто не могло остановить его.

— Нужно зайти в какой-нибудь дом и немного отдохнуть. Долго я так не протяну... Славный выдался бой, но победа изначально была в моих руках. У противника не было и шанса.

Оставив врага бездыханным, оставив своего лучшего друга мёртвым где-то в тлеющих развалинах, эдемский маг шёл истинным и неоспоримым победителем.

— Наконец всё закончилось. — сказал не хуже Саркиса валяющийся с ног муравей, обнимающийся вместе с остальными его товарищами. — Мы теперь свободны и можем уйти домой, в свои родные края, подальше от этого адского города. — каждый из них плакал. Искренне. То ли от счастья, то от неверия в победу, то ли плакал по тысячам трупов, тут и там валяющихся на горячей отныне ничейной ненужной земле. Всё это уже было неважно. Никакие слёзы никогда не вернут всех положивших головы на поле брани...

Они даже не обращали внимание на бредущего около них мага. Его смятая куртка, во многих местах порванная и запачканная багровой кровью, его слипшиеся запачканные землёй волосы, его покорёженное рассечённое лицо — всем было наплевать на многострадального мага, якобы вышедшего из этой войны неоспоримым победителем.

— Это все кто выжил? Жалкие остатки? — безразлично-устало спросил Саркис.

— Иди дальше, маг. Мы видели как тебя сбросили с крыши Цитадели. Тоже мне силач. Символ войны... Вот видел как Маврикий в бой шёл? — чуть ли не плача спросил муравей, а остальные лишь кивнули, стирая слёзы с уставшего от бойни лица. — Он — настоящий воин. А ты... А ты иди дальше отсюда... Ты никогда не станешь Маврикием!

Остатки муравьиного войска вновь победно заликовали, совершенно отвернувшись от по-богатырски статного и величавого эдемского мага.

— Значит Маврикий погиб, да? — глаза Саркиса наблюдали за остающимися позади плачущими и радующимися муравьями, постепенно отворачиваясь от ещё недавних союзников.

Голубое небо в считанные часы оказалось затянуто плотным слоем дыма. Запах гари врывался в нос, а уши улавливали треск окружающего со всех сторон яркого пламени. Горели покинутые всеми муравьиные тела, горела земля, горели пушки, артиллерия и взорвавшиеся снаряды. Место тяжёлого боя превратилось в дикое трещащее пекло, превратилось в самую горячую и страшную точку в Нижнем мире.

— Муравьи достойно держались и одолели врага. Они заслужили победу, хоть и потеряли почти всех друзей и братьев. Но всё это не мешает им искренне радоваться и обниматься. Стойкие же они...

Огромные дыры, овраги и горы тел всё никак не хотели заканчиваться. Проносясь то справа то слева, они тянулись неостановимой цепочкой. И хромой еле передвигающийся маг казался небольшой волной в одном огромном трупном океане, называемым «войной»

Саркис посмотрел вперёд и взгляделся вдаль, заметив что-то навроде небольшого домика.

— Совсем скоро я смогу отдохнуть. Главное — пересечь это полыхающее поле, а дальше уже будет видно. — успокаивал себя маг, почти волоча левую ногу за подгибающейся правой. За его спиной оставались как живые, так и мёртвые, оставались осколки, остатки, пожары и воронки — позади не осталось и грамма хорошего. Так какое счастье принёс в этот город гордый победой Саркис?

Языки пламени устремлялись к голубому небу, сейчас почти полностью затянутому едким дымом и копотью. Будто души людей, струйки навсегда улетали вверх, ведь даже они решили поскорее убраться с кровавого побоища...

— Это всё выглядит так грустно, однако плата за свободу и правду может быть какой угодно. Демьян сделал что хотел, великая победа над Эриком это в частности и его победа; Маврикий даровал свободу и жизнь своему племени; я низверг врага и дал жителям заслуженный глоток воздуха... Но почему всё в округе так болит, горит и умирает? Словно всё это... Словно всё это было одной большой ошибкой! — ни одна жизнь человека его нисколько не трогала. Он считал, что раз они пали — значит так должно было быть и это правильно. Но как же ошибался эдемский маг...

— Когда уже ближайший дом? Ай, — левая нога снова окаменела и Саркису пришлось её сгибать и разгибать собственными мозолистыми уставшими руками. Полыхающие воронки и прах всех демонов, что сражались тут, остались за спиной, как и тысячи обклёванных птицами трупов. И Адам, и Демьян, и Мартен, и Маврикий — может ли быть плата настолько огромной и страшной?

Дорога, кое-как утоптанная жителями, наконец привела этого статного победителя, этого эдемского мага в тянущиеся вдаль городские кварталы. И каждый сантиметр этой уродливой тропы, буквально каждый миллиметр был наполнен растерзанным в щепки телом. Руки и ноги, буквально вырванные из тела, лежали где ни попадя. Видимо в этом и заключалась свобода для каждого жителя...

Солнечные лучи гладили остатки жителей Чёрного города, и Саркис пожалел, что не один горожанин лично так и не увидел ни этого светлого неба, ни этого аккуратно гладившего солнечного света, такого мягкого и прекрасного...

— Боже, как муравьи допустили такое? Или может... демоны на их спинах... Точно.

Блин... Да и ладно. Хорошо что все эти жители сдохли. Всё равно б сами не выжили, тупые твари! — сердце Саркиса отчего-то защемило. Внезапно он понял, что одержал победу лишь для себя, убив при этом столько тысяч людей, которые даже в диктаторской Эриковской империи бы спокойно жили и могли жить дальше...

«Но это ты его убил, эдемский убийца, эдемская мразь, ты погубил столько людей...»

— Я? Но... Разве я сделал всё это специально? Разве я мог подумать что всё окончится именно так? — Саркис рухнул на колени почти бездыханным грузом, смотря на тут и там лежащие ничком тела людей. Липкие от крови, изуродованные и выпотрошенные... — Да и пошли вы! Чёртовы слабаки! В том что каждый из вас сдох виноваты только вы сами и больше никто! Вы меня слышите?

Эдемский маг наконец дополз до дома, то и дело морщась от боли в практически недвижимой ноге. Маг всё оставил позади — людей, друзей, союзников, огонь, медленно выжигающий остатки Церкви Сатаны. И не было больше в этом городе ничего, кроме разрухи. И не было в нём людей, что могли бы сказать спасибо их победоносному «освободителю»

Саркис молча смотрел на дом совершенно потухшим скучающим взором. Взором, с которым преступник смотрит на свою жертву, пред которой где-то в глубине души всё же чувствует некую вину:

— Может здесь было лучше без меня? Может я зря пришёл сюда? Ведь они могли продолжать жизни, даже не смотря на диктаторский режим Эрика...

Из глаз эдемского мага всё-таки посыпались слёзы. Горькие слёзы по чему-то невозвратному и оттого грустному... То был дождь. Природа заплакала, внезапно сгустив тучи над самым чёрным местом в мире.

«Они все черны не меньше меня... — говорил Мартен. — Они виноваты передо мной, а я виноват перед ними»

— Смерть, боль, разрушение и конец — наверное вот что я принёс этому и без того убитому Чёрному городу. — пробурчал огорчённый Саркис, купаясь в падающих на него огромных горьких каплях. Руки эдемского мага потрогали ту самую землю, что ранее являлась нерушимыми стенами этого муравейника, что ранее являлась чьим-то добрым и уютным домом. — Как жалко что тут нет даже убогого чёртового муравейника! Я бы всё отдал даже за такой дом, даже за такое укрытие... Говорю прям как те жители... Что же я наделал?

Природа плакала, в попытке затушить полыхающую язву. Оказалось, что не всё можно вот так сжигать, сносить, уничтожать. Оказалось, что есть ещё баланс, есть настоящие живые люди и есть действительно справедливая плата, которую нужно и можно платить. Может ли ставка ва-банк быть в полной мере справедливой, честной и правильной?

— Все дома в городе видать разрушены... Хороший же мне предстоит отдых! — расплылся в улыбке одинокий «победитель», одинокий маг из Эдема, внезапно падающий лицом на чёрную умирающую землю. А огонь всё горел и горел ещё долгие дни, несмотря на стеной стоявший крупный дождь. И никто был не в силах остановить это пламя, этот огонь, что был обязан уничтожить и так разрушенный город до самого конца.

Преданное объятиям огня обычно сжигалось до конца... Преданного объятиям огня обычно больше не существовало...

Больше книг на сайте - Knigoed.net